

М. КОЦЮБИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Под редакцией
П. ТЫЧИНЫ и Н. УШАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА .

М. КОЦЮБИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРЕТИЙ

СТАТЬИ,
ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Перевод с украинского

Составители

А. ДЕЙЧ, С. КРИЖАНИВСКИЙ

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ПИСЬМА**

11.X [1]900. Чернигов.

...Михаил Коцюбинский родился в 1864 году, в г. Виннице, на Подолии. В литературе впервые выступил в 1890 году, во Львове, в журнале для детей «Дзвінок». Его повести и рассказы печатались преимущественно в галицких журналах. Недавно во Львове вышли два сборника произведений этого автора: «В сетях шайтана» и «По-человечески». Третий томик [под] [заглавиєм]. «Дорогой ценою» вскоре увидит свет. Детские рассказы М. Коцюбинского изданы отдельно в Галиции и на Украине.

18.XI [1]902. Чернигов.

Милостивый государь,

простите, что не мог сразу ответить на Ваше любезное письмо. Кроме того, что я теперь нездоров и должен готовиться к земскому собранию, я задержался с ответом еще и по той причине, что долго раздумывал, как мне Вас удовлетворить. О жизни своей я мог бы написать или очень много, или совсем мало. Если привести даты, определяющие внешние моменты моей жизни, должен признаться, довольно однообразной, — Вы, может быть, скажете, что этого мало и это неинтересно. Дать автобиографию, которая нарисовала бы Вам картину иного порядка, показала бы эволюцию мысли, взглядов,

литературных вкусов и т. п., я сейчас не в состоянии, хотя понимаю, что такой материал был бы вообще интересен. Вот потому-то и приходится писать так, что ни Вас да и никого, наверно, не удовлетворишь. Постарайся, однако, дополнить биограф. заметку, напечатанную в сборнике «Вік».

Родился я 5 сентября 1864 года в г. Виннице, Подольской губ., в семье небогатого чиновника. Детские годы мои прошли очень счастливо; первенец, я был любимцем родных, особенно матери, от которой я и унаследовал душевную организацию, чуткую и впечатлительную; мы были большими друзьями, и собственно ей я обязан склонностью ко всему прекрасному и пониманию природы. У нас дома хоть и любили все украинское (я из старого украинского дворянского рода), однако язык был русский, и я, хоть и слышал от прислуги украинский язык, говорил только по-русски. На девятом году, заболев воспалением легких, в бреду я вдруг заговорил по-украински, немало удивив этим родителей. Потом, когда я выздоровел, частые разговоры об этом факте пробудили во мне интерес к украинскому языку, и уже 9—10 лет, помню, я слагал украинские песни по образцу народных. Вообще любовь к литературе у меня развилась довольно рано, уже 12 лет я писал большую повесть из финской жизни (по-русски, правда). 13 лет я случайно достал несколько томов «Основы» и рассказы Марка Вовчка, а потом «Кобзарь» уже бесповоротно направил меня по известному Вам украинскому пути. Как раз в это время семье моей пришлось жить в деревне (в Могилевск. уезде на Подолии), и там я еще больше укрепил свою любовь ко всему украинскому. В силу некоторых причин, в основном не зависящих от меня, я не мог окончить среднюю школу, хотя, имея намерение поступить в университет, систематически пополнял свое образование. Судьба решила иначе, и, прикованный к месту, лишенный права выезда, я вынужден был прожить несколько лет в г. Виннице.

Потом умер отец, и вся семья осталась у меня на руках. Я должен был несколько лет зарабатывать уроками на хлеб. До 1892 года я нигде не служил, хотя принимал (когда уже можно было) участие в винницкой общественной жизни как гласный городской думы.

С 1892 года я поступил на службу в Одесскую филлоксерную комиссию и до 1895 г., пока не перешел на ту же должность в Крым, проживал в Бессарабии, сперва в центральной, около Кишинева и Оргеева, а потом в южных уездах по Пруту и Дунаю. Эти края дали мне очень много впечатлений, и я с удовольствием вспоминаю время своей службы в филлоксерной комиссии, хоть пришлось пережить и немало горького (см. мой рассказ «Для общего блага»). Тяжелый недуг заставил меня покинуть службу в Министерстве земледелия, и в 1897 г. я переехал в Чернигов, но, опять по причинам от меня не зависящим, должен был выехать оттуда в Житомир, где несколько месяцев вел издание газеты «Вольный», работая в редакции, и только в 1898 г. смог вернуться в Чернигов на службу в земстве (губернск.). Теперь занимаю должность статистика в Черниговском губ. земстве.

Хоть я и рано начал пробовать силы на литературном поприще, однако впервые напечатался 15 апреля 1890 г. в журнале «Дзвінок», поместив там стихотворение «Наша хатка». С этого времени, и особенно побывав в Галиции (в том же году), я начал работать в «Дзвінке», «Правде», «Библиотеке для молодежи», «Буковине», «Життя і слова», «Зоре», «Кієвській старшине». В Галиции вышли два томика рассказов, о которых упоминается в «Віке», и печатается 3-й — «Поединок», который рекомендую Вашему вниманию; он выйдет перед Новым годом или, может быть, перед рождеством (там есть новые рассказы)...

На литературном поприще мне сопутствовала удача: все, что я написал (а я пишу, правда, мало и редко), напечатано или печатается, и ничего до сих пор не пошло в корзину, хотя отсутствие литературной критики и мое вечное недовольство тем, что я написал, доставляют мне немало неприятных минут и сомнений.

В работе приятнее всего для меня обдумывание. Тогда у меня все получается необыкновенно ярко, я много переживаю, вижу, чувствую, меня часто трясет лихорадка творчества, но на бумагу попадает десятая часть, все выходит бледным и не удовлетворяет меня. Начинаю писать, когда все обдумаю. Пишу на листах почтовой

бумаги убористо, не более 3-х—4-х страниц в день (вечер), потом выправляю только язык красными чернилами — и труд готов. Сейчас начинаю особенно интересоваться психологическими темами.

Не знаю, что Вам еще сказать. Конечно, я мог бы написать целую повесть о жизни, но этот путь завел бы меня слишком далеко, я боюсь и так, что дал Вам много лишнего и уж наверно неинтересного.

Простите, что эта заметка получилась нескладной, пишу и не имею времени даже перечитать, так как теперь у меня каждая минута дорога, бездна работы перед зем[ским] собранием.

Если Вы интересуетесь чем-либо особо, прошу написать, охотно отвечу, а пока что желаю Вам удачи в Вашей симпатичной работе.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

3

17.XI ст. ст. [1]905 г. Чернигов.

Милостивый государь!

Очень не легко мне исполнить Ваше желание — написать свою биографию. Не считаю себя такой важной особой, чтобы своей жизнью заинтересовать общественность. Поэтому привожу лишь кое-какие голые факты, если они Вам нужны.

Родился я 5 сентября ст. ст. 1864 г. в г. Виннице, на Подолии, в семье чиновника, происходившей из старого дворянского украинского рода. Хотя в нашей семье жили украинские традиции, но национальное сознание пришло ко мне только на 12-м году жизни. Случилось это так. Когда мне исполнилось 11 лет, я сильно влюбился в 16-летнюю девушку. Чтобы быть достойным той, в которую я влюбился, но которая не очень обращала внимание на обожание ребенка, я решил стать великим человеком и набросился на книги. Среди авторов, которых я глотал десятками, наиболее глубокое впечатление произвели на меня Марко Вовчек, а потом Шевченко. Уже тогда я принялся сочинять стихи и писать повести.

Чтение настолько изменило мое мировоззрение, что из необычайно религиозного мальчика, каким я был до 12 лет, я стал на 13-м году жизни атеистом, а на 14-м социалистом. Семейные несчастья (мать ослепла, а отец потерял место и настали стесненные обстоятельства) сделали меня еще более замкнутым и настолько серьезным, что для своего возраста я казался всем слишком солидным и развитым. В 17 лет у меня уже был политический процесс, и с того времени до последних дней жандармы не лишают меня своей любезной опеки. Порой они очень донимали меня, привязывая на долгое время к определенному месту, запрещая всякий труд (кроме физического, на который я не способен). Однако, пренебрегая тяжелыми жизненными условиями (особенно после смерти отца, когда большая семья осталась у меня на руках), я всегда был большим оптимистом и до сих пор не утратил веру в людей, в победу всего светлого над мраком и злом. В минуты разочарования и отчаяния меня всегда спасала моя необыкновенная любовь к природе. Хотя мне и стыдно, но должен признаться, что больше люблю природу, чем людей.

До 1892 года, тайно от жандармов, я занимался частными уроками, а с 1892 г. мне удалось как-то поступить на государственную службу в «научную филлоксерную комиссию», которая вела борьбу с филлоксерой в Бессарабии. Последнее дало мне возможность хорошо узнать этот край, а также обычаи и язык народов, населяющих его. В 1895 году меня перевели на южный берег Крыма, где я и прослужил до 1897 г. Тяжелая болезнь заставила меня переменить службу, и я стал журналистом, издавал и редактировал (неофициально) ежедневную газету, потом поступил в Черниговское земство, где и служу до сих пор. В 1896 г. женился, и у меня четверо детей.

Хоть я пишу с детских лет, но первая моя работа на украинском языке была напечатана лишь 15 апреля 1890 года в «Дзвінке». С этого времени я помещал свои рассказы в различных галицийских журналах («Правда», «Дзвінок», «Зоря», «Життя і слово», «Літературно-науковий вісник») и альманахах на Украине...

Вы можете сами видеть по моим рассказам, какие темы меня интересовали. Скажу только, что в последнее время меня больше интересуют психологические темы.

Пишу я очень мало и никогда не удовлетворен своим трудом. Еще пока обдумываю сюжет, пока рисую в своем представлении людей, события и природу, я чувствую себя счастливым: все такое яркое, свежее, полное и сильное, что я дрожу от возбуждения. Но достаточно мне сесть за стол и взять в руки перо, как из-под него все выходит бледным, анемичным, бесцветным, мне недостает слов, чтобы передать то, что я недавно так сильно переживал. Окончив работу, я чувствую просто отвращение к ней, такой ничтожной она мне кажется. Если бы можно было ограничить свое творчество воображением, я был бы очень счастлив. Однако какая-то сила влечет меня к литературному труду, и я предан литературе всей душой.

Но самая большая драма моей жизни — это невозможность посвятить себя целиком литературе, ибо она, как Вам известно, не только не обеспечивает материально, но требует еще и издержек. Между тем необходимость зарабатывать на кусок хлеба отнимает у меня почти все время и силы. Не имею возможности обновить свои впечатления, собрать необходимые материалы, найти время для большой работы.

Большинство моих рассказов переведено на русский язык (некоторые по 3—4 раза) и помещены в лучших журналах («Русское богатство», «Жизнь», «Русские ведомости», «Наука и жизнь», «Южные записки» и другие). Переводят и на другие языки: польский, немецкий, итальянский, норвежский, испанский, венгерский.

Думаю, что не удовлетворил Вас этими несколькими словами. Но писать о себе мне очень трудно. Лучше было бы, если бы Вы задали мне несколько вопросов, на которые я охотно ответил бы Вам. Если хотите, сделайте это.

Желаю Вам всего наилучшего.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

P. S. У нас бастовала почта, и потому не мог быстрее отослать это письмо.

15 ст. ст. января [1]906 г. Чернигов.

Милостивый государь!

Опять должен просить извинить меня за запоздалый ответ. После продолжительной болезни я сегодня едва поднялся с постели и решил тотчас ответить на заданные мне вопросы, но тут новая беда: ищу и никак не могу найти Ваше письмо. Но оно у меня в памяти, если же что забуду, то, может, обойдется и так.

Кажется, если не ошибаюсь, на первом месте стоял вопрос о духовном облике моих родителей.

Итак, мой отец был сангвиник, с вечно неосуществимыми фантазиями, вспыльчивый, но добрый человек. Мать — более уравновешенная, со сложной, тонкой и глубокой душевной организацией, добрая, любящая, готовая на самопожертвование, особенно ради меня, которого очень любит. У нее хороший вкус, благородные стремления, она любит прогрессивную литературу и искусство. Я рос под влиянием матери, она всегда была мне ближе, чем отец. Все говорят, что мы похожи не только лицом, но и характером и вкусами.

Таким образом, как в детские годы, так и позже, я жил в атмосфере теплых, сердечных отношений. Детская жизнь моя (до 7 лет) прошла в г. Виннице, а потом приходилось жить то в деревне, то снова в городе, все на той же богатой природой, теплом прекрасной Подолии. В одном селе я познакомился с пьяницей-священником, очень умным человеком, и он позволил мне брать книги из своей необычайно богатой библиотеки, где я наткнулся между прочим на произведения Л. Фейербаха (заграничного издания), и его «*Nemo homini deus*» оказало на меня большое влияние и поколебало мои религиозные взгляды, разбитые вконец беседами и бесконечными спорами со старшими товарищами, которых у меня всегда было немало, ибо я любил общество и всегда искал его. Произведения Фурье (из той же библиотеки) зародили во мне симпатии к социализму.

Из современных украинских писателей мне больше нравятся Стефаник, Франко, Мирный, Кобылянская, Леся Украинка, Самийленко, Лепкий.

4 сборника моих новелл, изданные «Видавнич. спілкою», охватывают все мои до сих пор опубликованные новеллы, за исключением трех рассказов для детей («Харитя», «Елочка», «Мал[енький] грешник»), напечатанных в «Дзвінке» и затем отдельно на Украине в Галиции. Не вошли также мелочи («Облака», «Усталость», «Одиночество»), опубликованные в декламаторе «Розвага» и альманахе «З потоку життя». Что переведено на иностранные языки и на какие именно, точных сведений не имею, так как о переводах я читал сообщения то в русских газетах, то в хронике «Літературно-наукового вісника». Некоторые переводы (итальянские, венгерские, немецкие, норвежские, испанские и польские) показывал мне Р. Сембратович. У меня под руками вот какие сведения о переводах на русский язык: «На камне» — 2 раза («Русское богатство» и «Южное обозрение»); «Яблони цветут» — 2 раза («Русское богатство» и «Южные записки»); «Отомстил» — 2 раза («Одесский листок», «По морю и суше»); «Посол черного царя» — 3 раза («Казбек», «Нива», «Юж[ные] записки»); «Для общего блага» — 1 раз («Жизнь»); «Fata Morgana» — 1 раз («Наука и жизнь»); «В сетях шайтана» — 1 раз («Русские ведомости»); «Пятизлотник», «Харитя», «Елочка», «Маленький грешник» — по 1-му разу («Детский отдых») и отдельной книжкой в Москве, которая на протяжении года выдержала два издания (по 2300 экземпляров). О всех переводах не знаю, их гораздо больше, ибо ко мне очень часто обращаются за разрешением переводчики не только из России, но даже из Сибири. «На камне» и «Яблони цветут» переведены в «Ruthen[ische] Revue».

Новеллы, под которыми нет даты, написаны: «На веру» — 1891 г.; «Цеповяз» — 1893 г.; «Дорогой ценою» — 1901 г.; «Fata Morgana» — 1903 г.; «Под минаретами» — 1904 г. Отдельными изданиями вышли на Украине: «Пятизлотник» — 1895 г.; «Харитя», «Елочка», «Маленький грешник» — 1895 г.; «Дорогой ценою» — 1902 г.; Рассказы, т. 1 (13 новелл) — 1903 г.; «Fata Morgana» — 1904 г.; «Для общего блага» — 1904 г. (1500 экземпляров); «Под минаретами» — 1905 г. Книги расходятся, как я слышал, довольно хорошо, некоторые издания

распроданы. Расходятся среди интеллигенции. Статистических данных у меня нет.

Редактировал я газету «Волянь» в Житомире, в конце 1897 и начале 1898 г., и писал там статьи на различные текущие темы. Что ж еще? Ага! Какие писатели меня интересовали раньше? В молодые годы увлекался Шекспиром, В. Гюго, а затем Золя и Мопассаном, хотя вообще читал очень много. Кажется, все.

С глубоким уважением Ваш *М. Коцюбинский*.

5

Чернигов, Северянская, 3.
3.25 ст. ст. [апреля] 1906 г.

Милостивый государь!

Мне просто стыдно, что Вы так занимаетесь моей особой и тратите на меня столько драгоценного времени.

Весьма сожалею, что не могу удовлетворить Ваше желание и описать более подробно свой политический процесс. И вот почему: я еще жив, живу в России и не депутат Государственной думы, то есть не могу считать себя особой неприкосновенной. Может статься, что моя осторожность излишняя, ибо, пока появится Ваша статья — у нас будут большие перемены. Однако, кто знает? Не говори гоп, пока не перескочишь! Следовательно, Вам придется ограничиться общими сведениями, которые я сообщил Вам в предыдущих письмах.

Что касается моего намерения уйти в монастырь, то дело было так: я очень интересовался жизнью монахов (как беллетрист, конечно, а не как богомольный человек) и, выехав с женой в позапрошлом году в Крым, намеревался остаться на продолжительное время в горном Козьмодамианском монастыре, вблизи Алушты. Действительно, у меня было намерение поступить в монастырь на некоторое время для наблюдения, стать послушником, надеть подрясник, ходить в церковь, есть и спать вместе с братией. Но это мне не удалось: как раз в том году Козьмодамианский монастырь превратили в женский, о чем я узнал, приехав туда. Намерение не

осуществилось, погиб и сюжет для повести, и с отчаяния я написал лишь «В грешный мир», небольшую новеллку, на основании материала, собранного за короткое время нашего с женой пребывания в монастыре. Оттуда я поехал искать натуры в Бахчисарай («Под минаретами»).

Посылаю Вам вместе с этим свои безделицы «Из глубины». Сердечно жму Вам руку.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

И В А Н Ф Р А Н К О

Биографическая заметка

Иван Франко, наиболее популярный и талантливый представитель современной малорусской литературы, родился в с. Нагуевичах, в Галиции (Австрия), в семье довольно зажиточного крестьянина кузнеца. Из коротенькой автобиографии Франко, помещенной в сборнике его рассказов «В поті чола», узнаем, что уже в шестилетнем возрасте он начал посещать школу в соседней деревушке Ясенице-Сельной, где пробыл два года, научился читать (в 10 дней) и писать по-малорусски, по-польски и по-немецки. Спустя два года отец Франко поместил его в нормальную школу отц. Василиан, в г. Дрогобыче. Одетый в крестьянскую одежду, робкий, смиренный, часто неумытый, мальчик весь год был посмешищем класса и, натерпевшись досыта от жестоких учителей, неожиданно к концу года, на удивление себе и всему классу, очутился первым учеником. Эту горькую науку, не заглушившую, однако, необыкновенных способностей мальчика, Франко описал потом в своих рассказах «Schönschreiben» [«Урок чистописания»] и «Олівець» («Карандаш»).

Получив на экзамене первую награду за успехи, девятилетний Франко два месяца спустя остается сиротой. Смерть отца неблагоприятно отразилась на благосостоянии семьи. Молодая мать, с четырьмя детьми на руках, не в состоянии поддержать расшатавшегося хозяйства и вынуждена в скором времени вторично выйти замуж. С этого времени семейная атмосфера в обнов-

ленной семье Франко меняется. «Во времена отца, — рассказывает он, — у нас бывало много народа, шло гостеприимство, водились знакомства, чисто бескорыстные и поэтические, кормилось в доме много бедной и не имевшей определенных занятий отцовской родни, которая, после смерти отца, принялась расхищать оставшееся имущество. Отчим постепенно все это прекратил. Это натура насквозь практическая и реальная, без искры поэзии, но со значительной дозой скептицизма и вольнодумства, человек сильной воли и энергии. Я и до настоящего времени очень уважаю его, как обыкновенно уважают человека, отличающегося качествами, каких у нас самих мало». **ОТНАЧЕ НАЧИ**

Благодаря стараниям отчима Франко окончил нормальную школу и в 1868 году поступил в гимназию. В гимназии повторилась уснилата же история, что и у Василяна. На него не обращают внимания, он весь год сидит где-то в углу, на «ослиной скамье», и ковыряет пальцем дырку в стенке. Экзамен опять показывает, чего стоит этот деревенский мальчишка, и опять выдвигает его в первые ряды, откуда уже он не уходит на протяжении всего гимназического курса. Школьного учителя Франко не любил. Зато чтение совершенно поглощает его. Еще в низших классах гимназии, раздобыв «Кобзаря», Шевченко, он выучил его наизусть; в старших классах Франко с жаром набрасывается на Шекспира, Шиллера, Клопштока, Красицкого, Гёте, Сю, Коцебу, Мицкевича и др. (причем наиболее сильное влияние на него имели Гомер, Софокл, Тацит и Библия). Он уже с шестого класса начинает собирать собственную библиотеку, заполнившую за три года целый шкаф произведениями европейских классиков. Из малорусских писателей, кроме Шевченко и Марка Вовчка, наибольшее впечатление произвел на Франко Панас Мирный своим рассказом «Лихий попутав» («Бес попутал», «Св.») — «Св.» Первые пробы писать стихи и прозу относятся к тому времени, когда Франко были еще в низших классах гимназии. Еще тогда начал он собирать народные песни; сначала от своей матери, а потом и от других людей; ремесленников и пр., так что в скором времени обдал двумя мелко-исписанными толстыми тетрадками с восемьюстами песен. Когда Франко, окончив в 1875

году гимназию, отправлялся во Львов с целью вступить в университет; в его литературном багаже имелось все: и любовные стихотворения, и драмы, и поэмы; главным же образом переводы: «Антигона» и «Электра» Софокла; часть «Иова»; несколько глав «Исаи», «Одиссеи»; «Уриэль Акоста» Гуцкова, целая «Краледворская рукопись» и т. п.

Во Львове в университете девятнадцатилетний «академик» (студент) вступает в «академический кружок» и принимает живое участие в редактировании журнала «Друг», в котором еще в 1874 году начали помещать первые стихотворения Франко.

Живая фантазия молодого писателя, под влиянием фантастических рассказов Гофмана, находит широкий простор в сенсационной повести «Петрії і Добушуки», написанной Франко для «Друга». Сотканная из всяких ужасов, заколдованных кладов, разбойников, привидений, убийств и оживающих мертвецов, окрашенная кое-где мистицизмом — повесть эта не нужна, однако, социальных мотивов, сыгравших немаловажную роль в позднейшей литературной и общественной деятельности Франко, искрится блестками истинного таланта, выросшего и окрепшего со временем.

К этому времени (первые годы университетской жизни) относится начало влияния на молодого писателя М. Драгоманова. Письма Драгоманова в редакцию «Друга» открывают Франко более широкие горизонты, заставляют его познакомиться с лучшими из современных писателей; взяться за науку. Он набрасывается на Золя, Флобера, Шпильгагена, Толстого, Тургенева и др., вырабатывает литературный вкус и манеру и уже в половине 1876 года выступает с первым не фантастическим, а реальным произведением из народной жизни: «Лесишина челядь» («Лесихина семья») и «Два приятелі», а в 1877 году печатает картинки из жизни рабочего люда под заглавием «Борислав».

В июне того же года над Франко стряслась беда: его и всю редакцию «Друга» арестовали. «Бестолковый процесс, — пишет он, — свалившийся на меня, как среди улицы кирпич на голову, и окончившийся для меня обвинением, хотя у меня не было за душой и тени того греха, какой приписывали мне: (ни тайных обществ, ни социа-

лизм; я был социалистом по симпатии, как мужик, но я далек был от понимания научного социализма), был для меня тяжелым испытанием. Девять месяцев, проведенных в тюрьме, были для меня мучением. Ко мне относились, как к обыкновенному преступнику, посадили вместе с ворами и бродягами, которых бывало в одной камере со мной по 14—18 человек, переводили из камеры в камеру, производя постоянные обыски и придираясь (это, видите ли, потому, что я «писал» — записывал на случайно раздобытых клочках бумаги случайно раздобытым карандашом — песни и пословицы из уст товарищей заключения или собственные стихотворения), а несколько недель я просидел в камере, имевшей только одно окно и помещавшей 12 человек, из которых 8 спало на нарах, а 4 под нарами, за отсутствием места. По протекции «товарищи» уступили мне «наилучшее» место под окном против двери, а так как окно, вследствие духоты, днем и ночью было открыто, то я каждое утро просыпался, имея на голове покров снега, нанесенного из окна».

Однако не лучше, а может быть, и хуже жилось Франко по выходе из тюрьмы. Лойяльное общество отвернулось от него, как от прокаженного. Его удалили из общества «Просвіта», запретили посещать «Бесіду» (клуб, в котором собираются малорусские патриоты), а те, кто желал иметь с ним сношения, старались делать это тайно и осторожно, чтобы никто не заметил. Только небольшой кружок молодежи не покидал его. Несмотря на это, Франко, переживая тяжелые дни, не опускает рук. Он слушает в университете лекции, совместно с другом своим М. Павликом издает журнал «Громадський друг» [«Друг общества»], пишет рассказы, обдумывает план целого цикла новелл, в которых хочет изобразить все стороны жизни простого люда и интеллигенции: отношения экономические, юридические, политические и др. С неиссякаемой энергией хватается он за сотрудничество в польских журналах и газетах, не оставляя в то же время переводов на малорусский язык поэм Гейне, «Фауста» Гёте, «Каина» Байрона, Шелли и др. Но не прошло и двух лет этой кипучей деятельности на свободе, как Франко опять арестовывают и запирают на три месяца в тюрьму. Выпустив из тюрьмы, его, больного, в

жару, отсылают пешком с полицейским агентом в Нагуевичи, в родное село поэта, причем гонят его по этапу, из тюрьмы в тюрьму. В дороге, захваченный проливным дождем и промокнувший, что называется, до костей, Франко заболел еще серьезнее и, пролежав некоторое время дома в тяжелой обстановке, отправился в Коломыю, чтобы оттуда направиться к своему приятелю, сидевшему с ним в тюрьме. В Коломые прожил он неделю в гостинице, где написал свою повесть «На дні», яркими красками изобразив в ней тюрьму в Дрогобыче, потом прожил три дня на три цента, найденные им на берегу Прута на песке, а когда и их не стало, заперся в номере и полтора дня лежал в жару, голодая и ожидая смерти. Здесь спасает его от смерти один из товарищей и приглашает к себе в деревню, где Франко прожил несколько недель отдыха. Но и там администрация не оставляет его в покое. Староста коломыйский приказал жандармам доставить Франко в Коломыю, а так как у Франко не было средств нанять подводу, то жандармы, несмотря на болезнь Франко, в летнюю жару, погнали его в Коломыю пешком. «Тяжелая это была дорога, — вспоминает Франко в своей автобиографии, — после которой у меня на обеих ногах отвалились ногти на пальцах».

Староста, увидев у Франко паспорт, отпустил его на волю. Франко возвратился во Львов и опять поступил в университет.

С этого времени, борясь беспрестанно с нуждой, живя часто впроголодь, Франко с удивительной энергией проявляет разнородную деятельность во всех родах литературы, не уставая в то же время вести борьбу за лучшее будущее близкого и дорогого ему рабочего люда, не страшась

Проти рожна перти,
Проти хвиль [волн] плисти.
Сміло аж до смерти
Хрест святий нести...

Сторонник социально-демократических теорий, Франко близко сходитя сначала со львовскими рабочими, а потом и с крестьянами, и еще в 1878 году составляет краткий катехизис экономического социализма и читает лекции по политической экономии в рабочих кружках самообразования; издает, начиная с 1881 года, журналы

и газеты: «Світ», «Літературно-наукову бібліотеку», «Народ»; «Життя і слово» и др.; пишет повести, драмы, рассказы, стихотворения и научные статьи; заполняет своими работами чуть не все галицкие малорусские периодические издания; помещает корреспонденции, статьи и переводы с иностранного в польских и русских журналах; читает публичные лекции — вообще проявляет необыкновенную плодовитость, отличаясь разносторонними талантами и большой эрудицией.

Весною 1886 года мы встречаем Франко в Киеве, где он женится на г. Ольге Хоружинской. В следующем году Франко вступает, в качестве соредатора, в состав редакции польской газеты «Kurjer Lwowski». Место это, до недавнего времени, обеспечивало ему существование, но Франко теряет его, поместив характеристику Мицкевича как певца измены.

В довершение ко всем бедам, пережитым Франко в течение его недолголетней жизни — в настоящее время ему всего 44 года, — в 1889 году Франко опять арестуют вместе с приехавшими из России Дегеном, Кистяковским и Моршанским. Франко продержали около трех месяцев и, наконец, освободили. Но за что именно арестовали его, какой факт послужил причиной лишения его свободы, Франко не мог узнать, и до сих пор, как сознаётся, ему это неизвестно. Близкое знакомство с тюрьмой, с ее нравами и обычаями дало ему возможность подарить малорусской литературе несколько прекрасных очерков из жизни арестантов («На дні», «До світла»), а также ряд тюремных сонетов.

Как общественный и политический деятель Франко пользуется широкою известностью среди молодежи и галицких крестьян, для развития самосознания которых он так много потрудился совместно с небольшим кружком необыкновенно активных членов украинской радикальной партии. Выборы 1897 года, на которых Франко ставил свою кандидатуру в парламент, показали значение и силу этой партии. Франко, однако, не был избран благодаря неблагоприятным манипуляциям на выборах противной партии. В настоящее время доктор философии, Франко не оставляет литературной нивы, принимает живое участие своими работами в изданиях «Наукового товариства імені Шевченка» и со-

стоит одним из редакторов «Літературно-наукового вісника».

Точно живой стоит у нас перед глазами Иван Франко, каким видели мы его несколько лет тому назад во Львове! Небольшого роста, всегда скромно одетый, он своим духовным обликом производит сильное впечатление. Глядя на его высокий, благородно очерченный лоб, в его серые, острые и умные глаза, в глубине которых таится грусть, невольно забываешь его неказистую фигуру, рыжие волосы, рыжие, с красноватым оттенком усы, обильно покрывающие лицо веснушки.

Сила, закаленная в боях, несокрушимая вера в победу идеи, его сердечность и в то же время как бы затаенное презрение к людям — плод, быть может, горького опыта — все это очаровывает, располагает к Франко. В 1898 году Украина праздновала юбилей 25-летней литературной и общественной деятельности Франко.

Трудно, конечно, втиснуть в узкие рамки биографической заметки такую крупную литературную фигуру, какую является Франко; да и не настало еще время делать полную и разностороннюю оценку писателя, живущего и работающего среди нас, в то же время — и кто знает — не достигшего, быть может, кульминационного пункта развития творческих сил.

Но пока настанет время, когда на фоне истории литературы отчетливо вырисуетя силуэт борца-поэта и определится его место среди семьи малорусских писателей, бросим беглый взгляд на те произведения Франко, в которых наиболее ярко проявляется его талант со своими особенностями.

Кто не знаком со сборником новелл Франко под заглавием «В поті чола», тот едва ли знает этого писателя.

Здесь, на протяжении двадцати картин из жизни рабочего класса, дефилируют пред читателем живые люди, темные, угнетенные жертвы социального строя, что в поте чела зарабатывают хлеб не только себе, но и другим, более счастливым слоям общества. Здесь, в этих рассказах, весь Франко, с его любовью к народу, с энергическим протестом против всякого рода обид, гнета и несправедливости, с горячим призывом к работе на благо угнетенным и оскорбленным.

Кто из нас, обеспеченных теплым углом и ежедневным обедом, не ощущал глухих упреков совести, читая такие рассказы, как «Муляр» [«Каменщик»], «Сам собі винен» [«Сам виноват»], «Цигани», «Ліси і пасовиська» [«Леса и пастбища»] и пр.

Не встают ли живым упреком перед нами, культурными и просвещенными, люди и события в рассказах «На дні», «Хлопська комісія» [«Мужицкая комиссия»], «До світла», «Олівець» и др.?

Поэтический флер «Лесишиної челяди», психология «Малого Мирона», здоровый юмор в очерке «Грицева шкільна наука» — вместе с прекрасными описаниями природы — приковывают читателя к книжке, вызывают художественные эмоции, будят мысль...

«Такие литературные работы, — говорит Драгоманов по поводу сборника «В поті чола», — пробуждают симпатии к простому люду и зовут просвещенную интеллигенцию во имя самого просвещения относиться к этому люду, как к брату».

Мы умышленно остановились на упомянутых выше рассказах, так как, по нашему мнению, они наиболее характеризуют направление и литературную манеру автора их. С одной стороны, примыкают к ним, поскольку они охватывают те же сферы жизни рабочего класса и отличаются реализмом изображения, такие рассказы и повести, как «Воа constrictor», «Борислав» (картины), «Борислав сміється» (повесть), «Яць Зелепуга», «Полуйка» и пр. С другой стороны, мы имеем позднейшие работы Франко — его большие повести и романы: «Основи суспільності» [«Столпы общества»], «Для домашнього огнища» [«Ради семейного очага»], «Перехресні стежки» [«Пути-дороги»] (печатается в настоящее время в «Літературно-науков. віснику») — талантливо и увлекательно написанные, в которых Франко вводит читателя в буржуазные и аристократические кружки, уже не в такой мере знакомые ему, как простой сельский народ.

В «Воа constrictor» и «Бориславських образках» мы видим широкую картину эксплуатации народа, тут уже показываются когти капитализма, в новейшее время так сильно отрастающие и заостряющиеся. Но, изображая жизнь угнетенных, автор освещает и душу угнетателя,

дает интересную психологическую картину, что делает произведения его еще ценнее.

Беря для своих беллетристических работ сюжеты из современной нам жизни, Франко не отказывается и от исторических тем. Так, его исторический роман «Захар Беркут», награжденный премией на литературном конкурсе, изображает последние дни вечевого строя на Украине, который падает в борьбе с княжеской и боярской властью. Роман этот, не лишенный романтической окраски, принадлежит к первым молодым работам Франко.

Мы не можем, не утомляя читателя, перечислить здесь всех, или по крайней мере большинство беллетристических произведений Ивана Франко, разбросанных в малорусских периодических изданиях и вышедших в свет отдельными изданиями за 27 лет его литературной деятельности.

Заметим только, что произведения эти, написанные рукою истинного художника, почти все отличаются артистическим исполнением, теплотою, правдивостью и колоритностью рисунка, свидетельствуя о крупном таланте этого писателя.

Хороший прозаик, Франко не менее известен как поэт. Первым произведением его было стихотворение, и с того времени, более четверти века, муза не покидает Франко. Ограничиваясь в первое время горячими призывами общества к идейной работе, поэзия Франко из агитационной становится со временем более общей, в ней слышатся иные мотивы, она блещет богатством красок и форм. Некоторые лирические стихотворения Франко — истинные шедевры. Мы имеем в настоящее время 4 сборника его стихотворений: «3 вершин і низин» (большой том, заключающий в себе, между прочим, поэму «Панські жарти [забавы]»; «Зів'яле листя» — представляющую нечто целое — лирическую драму, и сборники «Мій ізмарagd» и «Поеми».

Богатая образами и идеями, колоритная и ароматная, как цветущий луг, поэзия Франко обнимает различные сферы чувства, блещет оригинальностью и силою.

В драматической литературе Франко тоже не новичок. Его драма «Украдене щастя», получившая премию на драматическом конкурсе, создала ему славу драматурга. Написанная на оригинальную тему — деморализую-

щее влияние жандарма в деревне, в семье крестьянина, — она отличается тонкой обсервацией жизни, рельефным изображением характеров, живостью akcji. Остальные драматические произведения Франко — «Сон Святослава»; «Кам'яна душа»; «Учитель» — далеко слабее, хотя последняя и до сих пор не сходит со сцены в Галиции.

Франко известен и в детской литературе. Кто не читал его прекрасной, блестящей переделки из Гёте под заглавием «Лис Микита», тот много потерял. Написанная для детей, она с интересом читается взрослыми; также интересна, хотя и менее, по сравнению с предыдущей, восточная сказка «Абу-Каземові капци», написанная легким, изящным стихом. Нельзя не упомянуть также о стихотворной переделке «Дон-Кихота» и массе мелких рассказов, сказок, стихотворений и т. п.

Отдаваясь творчеству в области изящной литературы, Франко задался целью сделать доступными своему народу богатства европейской классической литературы. Только широкое ознакомление с общечеловеческими идеями, воплощенными в артистическую форму литературными талантами всего цивилизованного света, воспитывает человека, дает возможность лучше узнать то, что творится вокруг нас; с большей пользой отдать силы своему народу. И Франко переводит на малорусский язык «Фауста» Гёте; «Каина» Байрона, Гейне, «Мертвые души» Гоголя и множество произведений других писателей.

Приходится удивляться, если вспомним, что при такой продуктивности во всех отраслях изящной словесности, при его политической и общественной деятельности Франко работает и для науки. Оставляя в стороне целый ряд его статей и исследований фольклористического, публицистического, критического, исторического и политико-экономического характера, отметим хотя бы его литературно-историческую монографию «Иван Вишенський і його твори» и «Варлаам і Йосафат» — старохристианский «духовный роман», свидетельствующий о громадной эрудиции автора и ширине кругозора.

Такая разносторонность литературного творчества объясняется, по сознанию Франко, его темпераментом, его

горячим желанием обнять весь круг человеческих интересов.

Необыкновенно плодотворный, о чем свидетельствует хотя бы указатель его произведений, изданный 2 года тому назад и представляющий 128 печатных страниц, отличаясь разнообразием затронутых им тем, знанием человеческой души, колоритностью языка и умением в дивной гармонии сливать национальное с общечеловеческим, Франко является самым крупным, самым выдающимся из современных малорусских писателей.

В последнее время произведения его усиленно переводятся на немецкий, венгерский, польский, русский и другие языки.

[1900 г.]

Содержание: 1. Указатель произведений Франко. 2. М. Франко. 3. М. Франко. 4. М. Франко. 5. М. Франко. 6. М. Франко. 7. М. Франко. 8. М. Франко. 9. М. Франко. 10. М. Франко. 11. М. Франко. 12. М. Франко. 13. М. Франко. 14. М. Франко. 15. М. Франко. 16. М. Франко. 17. М. Франко. 18. М. Франко. 19. М. Франко. 20. М. Франко. 21. М. Франко. 22. М. Франко. 23. М. Франко. 24. М. Франко. 25. М. Франко. 26. М. Франко. 27. М. Франко. 28. М. Франко. 29. М. Франко. 30. М. Франко. 31. М. Франко. 32. М. Франко. 33. М. Франко. 34. М. Франко. 35. М. Франко. 36. М. Франко. 37. М. Франко. 38. М. Франко. 39. М. Франко. 40. М. Франко. 41. М. Франко. 42. М. Франко. 43. М. Франко. 44. М. Франко. 45. М. Франко. 46. М. Франко. 47. М. Франко. 48. М. Франко. 49. М. Франко. 50. М. Франко. 51. М. Франко. 52. М. Франко. 53. М. Франко. 54. М. Франко. 55. М. Франко. 56. М. Франко. 57. М. Франко. 58. М. Франко. 59. М. Франко. 60. М. Франко. 61. М. Франко. 62. М. Франко. 63. М. Франко. 64. М. Франко. 65. М. Франко. 66. М. Франко. 67. М. Франко. 68. М. Франко. 69. М. Франко. 70. М. Франко. 71. М. Франко. 72. М. Франко. 73. М. Франко. 74. М. Франко. 75. М. Франко. 76. М. Франко. 77. М. Франко. 78. М. Франко. 79. М. Франко. 80. М. Франко. 81. М. Франко. 82. М. Франко. 83. М. Франко. 84. М. Франко. 85. М. Франко. 86. М. Франко. 87. М. Франко. 88. М. Франко. 89. М. Франко. 90. М. Франко. 91. М. Франко. 92. М. Франко. 93. М. Франко. 94. М. Франко. 95. М. Франко. 96. М. Франко. 97. М. Франко. 98. М. Франко. 99. М. Франко. 100. М. Франко. 101. М. Франко. 102. М. Франко. 103. М. Франко. 104. М. Франко. 105. М. Франко. 106. М. Франко. 107. М. Франко. 108. М. Франко. 109. М. Франко. 110. М. Франко. 111. М. Франко. 112. М. Франко. 113. М. Франко. 114. М. Франко. 115. М. Франко. 116. М. Франко. 117. М. Франко. 118. М. Франко. 119. М. Франко. 120. М. Франко. 121. М. Франко. 122. М. Франко. 123. М. Франко. 124. М. Франко. 125. М. Франко. 126. М. Франко. 127. М. Франко. 128. М. Франко.

М. Франко. 129. М. Франко. 130. М. Франко. 131. М. Франко. 132. М. Франко. 133. М. Франко. 134. М. Франко. 135. М. Франко. 136. М. Франко. 137. М. Франко. 138. М. Франко. 139. М. Франко. 140. М. Франко. 141. М. Франко. 142. М. Франко. 143. М. Франко. 144. М. Франко. 145. М. Франко. 146. М. Франко. 147. М. Франко. 148. М. Франко. 149. М. Франко. 150. М. Франко. 151. М. Франко. 152. М. Франко. 153. М. Франко. 154. М. Франко. 155. М. Франко. 156. М. Франко. 157. М. Франко. 158. М. Франко. 159. М. Франко. 160. М. Франко. 161. М. Франко. 162. М. Франко. 163. М. Франко. 164. М. Франко. 165. М. Франко. 166. М. Франко. 167. М. Франко. 168. М. Франко. 169. М. Франко. 170. М. Франко. 171. М. Франко. 172. М. Франко. 173. М. Франко. 174. М. Франко. 175. М. Франко. 176. М. Франко. 177. М. Франко. 178. М. Франко. 179. М. Франко. 180. М. Франко. 181. М. Франко. 182. М. Франко. 183. М. Франко. 184. М. Франко. 185. М. Франко. 186. М. Франко. 187. М. Франко. 188. М. Франко. 189. М. Франко. 190. М. Франко. 191. М. Франко. 192. М. Франко. 193. М. Франко. 194. М. Франко. 195. М. Франко. 196. М. Франко. 197. М. Франко. 198. М. Франко. 199. М. Франко. 200. М. Франко.

М. Франко. 201. М. Франко. 202. М. Франко. 203. М. Франко. 204. М. Франко. 205. М. Франко. 206. М. Франко. 207. М. Франко. 208. М. Франко. 209. М. Франко. 210. М. Франко. 211. М. Франко. 212. М. Франко. 213. М. Франко. 214. М. Франко. 215. М. Франко. 216. М. Франко. 217. М. Франко. 218. М. Франко. 219. М. Франко. 220. М. Франко. 221. М. Франко. 222. М. Франко. 223. М. Франко. 224. М. Франко. 225. М. Франко. 226. М. Франко. 227. М. Франко. 228. М. Франко. 229. М. Франко. 230. М. Франко. 231. М. Франко. 232. М. Франко. 233. М. Франко. 234. М. Франко. 235. М. Франко. 236. М. Франко. 237. М. Франко. 238. М. Франко. 239. М. Франко. 240. М. Франко. 241. М. Франко. 242. М. Франко. 243. М. Франко. 244. М. Франко. 245. М. Франко. 246. М. Франко. 247. М. Франко. 248. М. Франко. 249. М. Франко. 250. М. Франко. 251. М. Франко. 252. М. Франко. 253. М. Франко. 254. М. Франко. 255. М. Франко. 256. М. Франко. 257. М. Франко. 258. М. Франко. 259. М. Франко. 260. М. Франко. 261. М. Франко. 262. М. Франко. 263. М. Франко. 264. М. Франко. 265. М. Франко. 266. М. Франко. 267. М. Франко. 268. М. Франко. 269. М. Франко. 270. М. Франко. 271. М. Франко. 272. М. Франко. 273. М. Франко. 274. М. Франко. 275. М. Франко. 276. М. Франко. 277. М. Франко. 278. М. Франко. 279. М. Франко. 280. М. Франко. 281. М. Франко. 282. М. Франко. 283. М. Франко. 284. М. Франко. 285. М. Франко. 286. М. Франко. 287. М. Франко. 288. М. Франко. 289. М. Франко. 290. М. Франко. 291. М. Франко. 292. М. Франко. 293. М. Франко. 294. М. Франко. 295. М. Франко. 296. М. Франко. 297. М. Франко. 298. М. Франко. 299. М. Франко. 300. М. Франко.

ЛИРИКА ФИЛЯНСКОГО

(Т. 1, 1906 г., СІХ стр., ц. 1 руб. 50 к.)

Мы внимательно просмотрели книжку г. Филянского и должны признаться, что легче перейти большое только что вспаханное поле, постоянно спотыкаясь о комья земли, нежели перебраться через белую пустыню этой книги с песчаными холмами стихов. Автор открывает свой сборник циклом «От Екклезиаста», и кажется, что черная тень Екклезиаста упала на все СІХ римских страниц книги, — так все темно, мутно, хоатично в ней: и когда, возведя очи, автор видит «в обрах неба озій зорь», и когда их опускает на грешную землю, где все «услادي», и «весілля» (радости?), и «серця перебор», — все тлен и суета. Густая мгла нависла так же и над теми 10 страницами (XXXV—XLIV), где он, воспевая хвалу господу богу, начинает к нему «устаами блідлими взивать», причем с этими устаами творится что-то странное. Г. Филянский заявляет, что его «у с т а м и пройде сон півночі и стане серце пеленать». Вообще поэт держит себя довольно неуравновешенно. Вот что он пишет:

Я даль небес Твоїх і славлю й вихваляю,
І мудрість мудрую таємную Твою,
І лоно хвиль земних, де серцем я гадаю (.)
Пишаюсь, радуюсь, ридаю, продаю.

Будем надеяться, что в день страшного суда господь бог простит поэту его грехи и не вспомнит о его стихах.

Но г. Филянский не только философ и набожный человек. Он еще и горячий патриот. В бесконечном стихо-

творении на стр. XLIV—LIII он описывает старые курганы в степях Украины, которые спят и все же слышат, «як рокіт хвиль, на хвилях грає», и грустит, что мы не сберегли эти курганы нетронутыми для своих потомков:

Без дум, без жалю і без муки
Мы сонним варварам науки
Даєм могил за рядом ряд,
І нам — не вернуть їх назад...

Но становится страшно от пророчества г. Филянского, когда он заканчивает стихотворение следующими словами:

І внук, наш дальній внук, чий ясногородий ум
Пролине піснею над лоном сонних дум,
Ланами рідними він пройди в ясный час,
Луни колишньої заче сумний глас
І згадку тяжкую положить він на нари (Sic!),
Синів України безкровную отару...

Столь серьезно настроенный поэт через 20 страниц впадает, однако, в довольно фривольный тон. Здесь он даже становится на диво понятным, как сейчас увидим:

...Жартуй... жартуй, щоб сон дівочий
Весь перемигся в ласках ночі.
Щоб каплі з сонного листа
Молили ж адні і уста
І не вмоливши, зблідли зранку (.)
Відавши чар останки...

Но даже такой прозрачности хватает поэту не надолго. Если читатель не боится за свое здоровье и ясность головы, пусть прочтет стихи на стр. LXXIV, LXXXIII, CVI, CXXVIII, CXLI, CXLV (мы смело, наконец, могли бы указать на стр. I—CLX).

Чтобы познакомить с пластичностью рисунка и мелодией стиха читателей, которые не решились бы послушаться нашего совета, мы приводим одну (не из худших) небольшую вещь:

Meleagrina Margaritifera

На фарчі, фарбах, на малюнках
Я бачу жарти й поці(!)лунки,
І коливання сонних віт (.)
І хвиль високих ясний слід (.)
І темнь ночі й досвіт ранній (.)
Що зве до себе жарт останній (.)

І струн вечірніх тихий ряд,
Що яliche серце сонних лад,
Кого ж під рокіт хвиль зазвала,
Під ким убрання ти скидала,
І де перлин подівся ряд —
Навіщо стану я питать?

Полное незнание языка, убожество мысли и образов, механическое соединение отдельных строк стихотворения, отсутствие свежих рифм! Не приходится уже и говорить о таких выражениях, как «І буде тінь моя між вас луною [эхом] минуть [летать] раз у раз», или когда поэт, обращаясь к вечерней звезде, заявляет: «луною [эхом] рідною в душі менее лунаеш [раздаешься]. От свободного (даже от знаков препинания) поэта не приходится требовать чего-нибудь большего. Но даже в выборе рифм г. Филянский обнаруживает неслыханную небрежность. К слову «ніч» он ни разу не может подобрать другой рифмы — кроме «серця міч» (?) (см. стр. V, XIV, XVI, XLI, LI, LXIX CV, CVIII). А слово «чари» постоянно рифмуется с неуместным «нари», хотя эти нары за сто миль от всяческих чар. От таких выражений, как «оклик дум», «сонний шум» и т. п., прямо в голове мутится.

Мы не можем решить, кто г. Филянский, — еще молодой человек, который в чаду юношеской самоуверенности неустрашимо бросил на литературный рынок первую пробу пера, либо пожилой человек, который под гнетом цензурных условий в письменном столе скрывал до лучших времен плоды своей сумеречной музыки. В первом случае мы бы могли посоветовать г. Филянскому не торопиться с изданием второго тома до тех пор, пока его муза не перебродит, не выбросит за пределы творчества этот «сонний шум». Только серьезная работа над собой может дать право на публичное выступление.

Во втором случае советы излишни.

Книга издана прекрасно, на дорогой, хорошей бумаге, но орфография сборника весьма странная, — это смесь фонетического правописания с «ярыжкой». Корректурa довольно небрежна.

И В А Н Ф Р А Н К О

Милостивые государыни и государи!

Сегодня я хочу познакомить вас с одним из лучших украинских писателей — с Иваном Франко. Перед вами портрет Франко. Я хотел бы немного дополнить то, что вы видите. Невысокий, хотя сильный мужчина. Большой лоб, серые, несколько холодные глаза, в линиях подбородка что-то энергичное, упорное. Рыжеватые волосы непокорно торчат, усы топорщатся. Скромно одетый, он тихий и незаметный, пока молчит. А заговорит — и вас поражает, как эта невысокая фигура растет и растет перед вами, словно в сказке. Вам становится тепло и ясно от света его глаз, а его речь кажется не словом, а сталью, которая бьет о кремень и сыплет искры.

Сильная, стойкая натура, уцелевшая в житейском бою.

Не могу забыть одного образа, который врезался мне в память. Это было два года тому назад, когда я в последний раз виделся с ним. В своей убогой хате сидел он за столом босой и плел рыбацкие сети, как бедный апостол. Плел сети и писал поэму «Моисей». Не знаю, попалась ли рыба в его сети, но душу мою он пленил своей поэмой.

Прошел уже пятьдесят один год с тех пор, как под деревенской кровлей, в хате кузнеца Якова, недалеко от села Нагуевичи, в Галиции, родился Иван Франко. Деревенский мальчик рос среди природы. Ребенок целыми днями бегал по полю, среди высоких лопухов, над горной речкой с высокими берегами, с каменистым дном и с мягкими зелеными водорослями. И все, что он видел,

казалось ему таким прекрасным, чудесным и непонятным. Почему солнце такое маленькое, если говорили, что оно большое? Может быть, в небе такая маленькая дырка, что в нее не видать всего солнца? Чем люди видят? И чем они слышат? Ему кажется, что все это человек делает ртом. Ребенок раскрывает и закрывает рот, жмурится, затыкает уши — до всего дознается, над всем думает. А вечером говорит отцу:

— Папочка, папочка! Я что-то знаю.

— А что именно, сынок?

— Я знаю, что человек глазами видит.

Отец смеется.

— А ушами слышит, как кудахчет курица, а пальцами — шум.

— Как, как?

— Вот так, если не затыкать уши пальцами, то слышно, как кудахчет курица, а если заткнуть, то слышен только шум.

И все его интересует, над всем он думает, по-своему, конечно. Бегает по полю, пасет гусей — и думает.

«Он какой-то не такой, как все», — говорят про ребенка соседи. «Какой-то не такой», — думает отец и решает отдать сына учиться, оторвать от плуга. И вот когда Ивану минуло шесть лет, отец посылает мальчика в школу, в соседнее село. Трудна там была наука. Все там было странным, необычным, какие-то таблички с крючками и закорючками. Учитель не столько учил, сколько драл за уши и бил по спине. Школьники что-то кричат, а Иван ничего не понимает. «А-ба-ба-га-ла-ма-га...» — хором читают дети по складам. «А-ба-ба-га-ла-ма-га...» — кричит вместе с ними маленький Франко, а сам ничего не понимает.

А после уроков отец спрашивает:

— Ну, чему тебя там в школе научили?

— Учили «а баба галамага».

— А ты выучил?

— Ну да, выучил.

Действительно, необычайно способный ребенок научился в сельской школе читать по-украински, по-польски и по-немецки. Через два года отец отдает его в город Дрогобыч, в нормальную немецкую школу при монастыре. Запуганный деревенский мальчик, нечесаный и плохо

одетый, становится жертвой школяров и грубых, невежественных учителей. Его бьют, над ним смеются. В своих рассказах «Schönschreiben» и «Карандаш», имеющих автобиографический характер, Франко описал дикость тогдашних учителей. И еще тогда в детской душе Франко родилась вечная вражда ко всякой неволе и тирании, к насилию человека над человеком. Прошел год, настал экзамен — и маленький Франко удивил всех: он оказался первым учеником. Вскоре после этого у Франко умирает отец, а мать выходит за другого. И хотя семья Франко беднеет, хотя лишается достатков, какие были при отце, мальчика не берут из школы. В городе он живет у своего родственника столяра, слушает разговоры рабочего люда, учится песням, спит на пустых сундуках, приготовленных для ярмарки, или в гробу и помогает в работе. А на каникулы — снова в деревне, снова помогает в поле убирать сено, свозить хлеб. Прошло три года, и Франко отдали в гимназию. И тут с мужичкиным сыном повторяется та же история, что и в нормальной школе. На Франко не обращают внимания, он целый год сидит где-то в углу, на «ослиной скамейке», и ковыряет пальцами дырки в стенах. Но вскоре он снова занимает первое место и уже не теряет его в продолжение всего гимназического курса. Школьной науки Франко не любил. Зато читал. Шевченковского «Кобзаря» выучил наизусть, а когда стал старше, книга целиком захватила его. Он читал все, что попадало под руки, без плана, без системы: Шекспира, Шиллера, Клопштока, Гёте, Гейне, Гомера, Софокла, библию, а из украинских авторов — Стороженко, Марка Вовчка, Кулиша, Руданского, Мирного. Любовь к книге проявляется и в том, что с шестого класса Франко начинает собирать собственную библиотеку и за три года заполняет большой шкаф европейскими классиками. Первые литературные опыты в стихах и прозе относятся к тому времени, когда Франко был в гимназии. Тогда еще он начал собирать народные песни и записал восемьсот номеров. Когда, кончив гимназию в 1875 году, молодой Франко ехал во Львовский университет, в его литературном багаже было все: и любовные стихи, и драмы, рассказы и переводы Софокла, Гомера, «Уриель Акоста» Гуцкова, «Краледворская рукопись» и т. д.

Во Львове девятнадцатилетний студент сближается со студенческой общественностью и принимает живое участие в редакции студенческого журнала «Друг», где еще в 1874 году были напечатаны первые стихи Франко, написанные псевдонимом Джеджалик. Таким образом начало литературной работы Франко относится к 1874 году.

Какой же была литература в Галиции, в то время, когда начал писать Франко? Чтобы лучше определить это, вернемся несколько назад и посмотрим, чем жила и интересовалась галицкая интеллигенция в семидесятых годах прошлого века. Это время в Галиции было самым мертвым, как свидетельствуют историки. Еще с конца шестидесятых годов среди галицкой интеллигенции начались споры, являемся ли мы самостоятельным народом или только частью русского. И наш язык — особый «язык» или «наречие» великорусского. Эти споры делили людей на два враждебных лагеря и затем раскололи галицкую интеллигенцию на москвофилов и народовцев. Были даже такие, которые считали галичан особой «русинской нацией», отличной от украинцев и великороссов. Москвофилы хотели писать языком Пушкина, которого, конечно, не знали, а получалось у них так называемое «язычие» — мешанина украинского, рус[ского] и церковнославянского. Кроме споров о языке, галицкая интеллигенция занималась высокой политикой, а эта политика сводилась к тому, чтобы как-нибудь добиться милости правительства и что-нибудь, хоть мелочь, выпросить у него. Это была политика рабов. Идея абсолютизма, бюрократическое «чинопочитание», затхлость, равнодушие к живым народным интересам, полное бессилие в духовной сфере, схоластичность, теологический и догматический метод мышления — вот чем характеризуется тогдашняя, даже лучшая, часть галицкой интеллигенции. Когда позднее, в 1876 году, русское правительство издало указ, запрещающий украинскую литературу, это вызвало циничную радость среди галицких священников. Молодежь, расхоложенная бесконечными и бесплодными спорами о языке, без светлых традиций старшего поколения, выявляет тот же реакционный дух, ту же инертность и ничем не интересуется. В студенческих кружках ночами напролет играют в карты.

Интересную картину взглядов того времени дает

Драгоманов в своих австро-русских воспоминаниях. В 1873 году он находился во Львове. К нему часто заходил тогда один галицкий литератор. Разговор как-то зашел о клерикализме.

— Я вольнодумец, — сказал литератор, — но религия нужна для поддержания нравственности мужиков и женщин.

Когда же ему сказали на это, что образованная женщина ничем не отличается от мужчины, он обратился к Драгоманову:

— Ну, скажите мне, у вас всегда так бывает, как я однажды увидел? Зашел я к вам в гостиницу, вас не было, а ваша жена разговаривала с NN (молодым человеком). Значит, вы пойдете на лекцию или еще куда-нибудь, а ваша жена может одна принимать мужчину?

— А почему же нет?

— И вы не боитесь?

— Чего? — спросил, смеясь, Драгоманов.

— Ну, я бы боялся, — ответил литератор. — Я бы всегда боялся оставлять свою жену наедине с мужчиной.

Оторванность от народа, от его жизни и интересов вызывает у галицких украинцев стремление создать высшую, утонченную, немужицкую литературу. Считается хорошим тоном писать только о дворянах, князьях, из жизни высших классов. Что бы вы ни взяли в руки из тогдашней литературы — повсюду реакционный дух, мертвечина... Вот вам образец, как писали галичане до Франко:

«Стихъ во честь Его Превосходительству Преосвященнейшему Киръ Михаилу Левицкому Митрополитъ Галицкому, Архиепископови Львовскому Бискупови Каменца Подольского, Его Императорского Величества дѣйствительному тайному Совѣтнику, Докторови С. Богословия и т. д. во день Святого Архистратига Михаила дня 8. Ноемврия 1838, яко во день Его высокого тезоименитства, Юсифом Левицким Парехом Школьским Диецези Перемыской оу подножия Его Престола съ наибольшимъ ушанованьомъ сложены. Въ Перемышли 1838, въ 4».

А вот несколько строк из этого произведения:

Пріятным чувством упоенный,
Вхожу в отечественный градъ:

Се холмъ я вижу возвышенный,
Где церковь — мать Руських чадъ.

Днесь мѣсце горде, гдѣ пред вѣки
Стояль монахов бѣднѣй домъ
Котри, покинувъ человѣки,
Творца превозносили въ нем.

Насупротивъ высокій замокъ,
Который основаль наш Лев:
Се славы Руской уламокъ,
Счо мѣститъ при собѣ Пелтевъ.

Лиха то доля так хотѣла,
Счобъ Галичъ древній градъ пропаль;
Вось где Романа и Данила
Зо злата кутый Тронъ стояль.

Вразъ зъ долею головна мѣста,
Притемнился цвѣтушь Крылось;
Геть запустѣла и Пречиста,
Не буль въ ней пастырскій приносъ.

В литературе всецело царила польская романтика, подслащенная немецким сентиментализмом XVIII века. С новейшей европейской литературой никто не знакомится, демократическое направление тогдашней русской литературы до них тоже не доходит. Вообще у галичан того времени были странные взгляды на литературу. «Одни считали литературу, — пишет Франко в своих воспоминаниях, — забавой и искали в ней прежде всего легкости и развлечения. Для других она должна была служить школой барской жизни и аристократических манер, и поэтому всякое хоть сколько-нибудь острое изображение подлинной жизни, особенно крестьянской, коробило их. А все вместе считали литературу лучшим средством для нравственного воспитания народа. Для этого литература должна, по их мысли, представлять людям высших, идеальных, такими, какими они должны быть все. И язык должен быть тонким, без грубых, мужицких, вульгарных слов». Поэтому не удивительно, что первая повесть, которую пишет Франко для журнала «Друг» (эта повесть называется «Петрїї і Добушуки»), не очень далеко ушла от тогдашней галицийской беллетристики. Буйная фантазия молодого писателя распалена фантастическими

рассказами немецкого писателя Гофмана и находит широкий простор в первой повести Франко. Там много всяческих ужасов, разбойников, заколдованных кладов, привидений, убийств и оживающих мертвецов. Но, несмотря на то, что этой повестью Франко отдал дань тогдашней литературной школе, мы видим в ней уже и социальные мотивы, замечаем зародыш того таланта, который вскоре развился так пышно в других произведениях Франко.

В первые годы студенческой жизни Франко произошло одно важное событие, которое имело значение для всей Галиции и особенно для Франко. Политическая обстановка выбросила из России профессора Киевского университета Михаила Драгоманова, и он эмигрировал за границу. Свой светлый ум, свою огромную эрудицию Драгоманов целиком отдал украинскому делу. Его критические статьи «бросали новый свет на наше прошлое, открывали новые горизонты, учили понимать нашу историю и нашу современность, вникать в интересы живых людей, понимать и любить их. Вся его деятельность была одной проповедью неутомимой работы для добра и развития нашего народа. С ясным, трезвым, немного скептическим умом, враг всякой фразы, всякой фальши и неестественности, Драгоманов в своих статьях, а еще больше в письмах к галичанам, старался приучить их читать, работать, огучал их от пустой фразеологии и траты времени, будил любовь к реальной деятельности. Он обращал внимание на насущные потребности народа, на застой политической жизни, на невежество галичан. Его статьи и письма были для огромного большинства галичан, как удары кнута; они жгли и причиняли боль, порой били невиновных, бывали несправедливы, но всегда заставляли думать, будили совесть».

Под влияние Драгоманова, как я уже сказал, попал и Франко. И уже в половине 1876 года он выступает с первыми не фантастическими, а реальными рассказами «Лесихина семья» и «Два приятеля», а еще через год печатает этюды из жизни рабочих под заголовком «Борислав». Когда мы представим себе то фарисейство, в котором была воспитана тогдашняя интеллигенция, когда вспомним, как узко и произвольно понималось то, что дозволено и не дозволено в литературе, — тогда мы поймем

ту бурю гнева, которую вызвал Франко у галицких читателей своим новаторством. Номера журналов, где были напечатаны рассказы Франко, отсылались обратно в редакцию с непристойными надписями. «С ума он сошел?» — писал один. «Не смейте мне присылать такую гадкую макулатуру», — сердился другой. «Отсылается обратным ходом к умалишенным», — писал третий. Но возврата для Франко уже не было.

Позднее, под влиянием Кулиша и украинской школы «казаколюбства», в галицкой литературе развивается нечто похожее на русский «квасной патриотизм». Казаки, гайдамаки, «славное прошлое», «народные святыни» — вот чем занимается галицкая литература. В галицких журналах и газетах того времени помещался всякий хлам, бесцветные, бездарные повести, тогда как перевод «Мертвых душ» Гоголя не мог там найти себе места, и его пришлось выпустить отдельной книгой.

В 1877 году с Франко произошло несчастье: его и всю редакцию «Друга» арестовывают. «Бестолковый процесс, — пишет он, — свалившийся на меня, как среди улицы кирпич на голову, и окончившийся для меня обвинением, хотя у меня не было за душой и тени того греха, какой приписывали мне (ни тайных обществ, ни социализма; я был социалистом по симпатии, как мужик, но я далек был от понимания научного социализма), был для меня страшным и тяжелым испытанием. Девять месяцев, проведенных в тюрьме, были для меня мучением. Ко мне относились, как к обыкновенному преступнику, посадили вместе с ворами и бродягами, которых бывало в одной камере со мной четырнадцать — восемнадцать человек, переводили из камеры в камеру, производя постоянные обыски и придираясь (это, видите ли, потому, что я «писал» — записывал на случайно раздобытых клочках бумаги случайно раздобытым карандашом — песни и пословицы, слышанные из уст товарищей по заключению, или собственные стихотворения). Несколько недель я просидел в камере, имевшей только одно окно, а помещалось в ней двенадцать человек, из которых восемь спало на нарах, а четыре под нарами за отсутствием места. Из уважения «товарищи» уступили мне «лучшее» место для сна — под окном, против двери, а окно из-за духоты днем и ночью не закрывалось, от двери же

так тянуло, что я просыпался утром, с головой, осыпанной снегом».

Не лучше, а может быть и хуже, жилось Франко, когда он вышел из тюрьмы. Лойяльные галичане, трусливые, запуганные, отвернулись от него, как от прокаженного. Выбросили его из «Просвиты», не позволяли приходить в «Беседу» — украинский клуб, а те, которые хотели иметь с ним какое-нибудь дело, встречались тайно и осторожно, чтобы никто не увидел. Только небольшой кружок молодежи не чуждался его. Но Франко, переживая такое трудное время, не опускает рук. Ходит на лекции в университет, издает вместе с приятелем своим М. Павликом журнал «Громадський друг», пишет рассказы, задумывает целый цикл новелл, в которых хочет изобразить все стороны жизни простого народа и интеллигенции: отношения экономические, культурные, юридические, политические и т. п. Пишет в польских журналах и газетах, переводит поэмы Гейне, «Фауста» Гёте, «Каина» Байрона, Шелли и др. Но не прошло и двух лет этой кипучей деятельности на свободе, как Франко опять арестовывают и запирают на три месяца в тюрьму.

Выпустив из тюрьмы, его, больного, в горячке, посылают пешком с полицейским домой, в деревню, причем гонят его по этапу, из тюрьмы в тюрьму; по дороге промокший под проливным дождем, Франко заболел еще больше, пролежал дома целую неделю в очень плохих условиях, а затем отправился в город Коломыю, чтобы оттуда добраться до своего приятеля, сидевшего с ним в тюрьме. В Коломые прожил он неделю в гостинице, где написал повесть «На дне», в которой нарисовал тюрьму в Дрогобыче. Тяжела была для Франко эта неделя! Последние три дня он прожил на три цента (две копейки на наши деньги), найденные в песке над Прутом, а когда и этих денег не стало, заперся в номере и полтора дня лежал голодный, в жару, ожидая смерти. Здесь спасает его от смерти один из товарищей и приглашает к себе в деревню, где Франко прожил несколько недель отдыхая. Но и там всевидящее око администрации обнаружило опасного преступника. Она приказала жандармам доставить Франко назад в Коломыю, а так как у Франко не было денег на подводу, то жандарм погнал его, еще больного, в летний зной, пешком в Коломыю.

«Тяжелая это была, — пишет Франко в своей автобиографии, — дорога, и после нее у меня на обеих ногах отвалились ногти на пальцах».

Когда увидели, что у Франко есть паспорт, его освободили. Франко вернулся во Львов и снова поступил в университет.

С того времени, борясь с нуждой и часто живя впроголодь, Франко с удивительной энергией проявляет разностороннюю деятельность во всех родах литературы, закаляет свою волю в борьбе за лучшую долю угнетенного, такого близкого ему рабочего люда, научается

Проти рожна перги,
Проти хвиль плисти,
Смілю аж до смерги
Хрест важкий нести...

Начиная с 1881 года, он издает или пишет в периодических изданиях: «Світ», «Літературно-наукова бібліотека», «Народ», «Життя і слово» и др., пишет повести, драмы, рассказы, стихи и статьи научного и публицистического характера и заполняет ими чуть ли не все украинские периодические издания, помещает корреспонденции, статьи и переводы с иностранных языков в польских и русских журналах, поддерживает сношение с «Вольным словом» в Женеве — вообще отличается необычайной плодовитостью, разносторонним талантом и научной эрудицией.

Весною 1886 года Франко приезжает в Киев и там женится, а через год становится одним из редакторов польской газеты «Kurjer Lwowski», где и отбыл, как сам говорит, «десятилетнюю панщину». Зарабатывая столько, чтобы едва не умереть с голоду, Франко в этот период в значительной мере был оторван от украинской литературы, и это для нас большая потеря, тем более, что в то время его талант вырос, окреп, набрался силы. Но, к счастью, его уволили из редакции «Курьера» за статью о Мицкевиче, которого он назвал «поэтом измены». В 1889 году Франко еще раз посадили в тюрьму, где он пробыл два с половиной месяца. Нет худа без добра! Ближе познакомившись с тюрьмой и ее жизнью, Франко мог написать такие чудесные вещи, как рассказ «К свету», «Тюремные сонеты» и т. п.

Кипучая, неугомонная натура Франко не могла вестись только в рамки литературной работы. В 1890 году он вместе с другими основывает радикальную партию, становится во главе ее и издает партийный орган «Народ». Тут он помещает много блестящих публицистических и программных статей, и, стоя на страже «мужицких» интересов, вызывает порой целую бурю среди общественности своим резким, горячим словом, острой критикой тогдашней «неполитичной политики» народовцев.

Приходится просто удивляться, как этот борец, поэт, беллетрист и публицист находит еще время для серьезной научной работы! А вместе с тем это так. Еще заканчивая занятия в Венском университете у известного ученого, профессора Ягича, Франко стал готовиться к профессуре, именно по кафедре украинской литературы. Из-под его пера вышел ряд серьезных научных работ, таких, как «Иван Вышенский и его произведения», докторская диссертация «Варлаам и Иосафат» и много специальных статей в разных журналах: «Записки научного общества им. Шевченко», «Життя і слово», «Літературно-науковий вісник» и в отдельных изданиях. Наконец-то его мечты могли осуществиться. В 1895 году он блестяще прочел во Львовском университете вступительную лекцию на тему «Наймичка» Тараса Шевченко, и профессорская коллегия выбрала его доцентом, но администрация не утвердила Франко. А между тем заслуги Франко на поприще науки были столь значительны, что Петербургская и Пражская академии наук избрали его своим членом, а Харьковский университет дал ему почетный докторский диплом.

Литературная продуктивность Франко так велика, что еще девять лет тому назад, когда праздновали двадцатипятилетний юбилей его литературной деятельности, список его произведений занял целую книгу в 127 страниц.

Теперь Франко, пятидесятилетний крепкий мужчина, все силы отдает украинской литературе и науке и еще немало может сделать для родной культуры. На его произведениях, на его идеях воспиталось уже целое поколение, и хотя теперь, благодаря деятельности Франко, стало несколько светлее, все же мрак еще до сих пор густой и не раз причиняет раны благородному сердцу.

«Не люблю Руси-Украины!» — вырвалось некогда из

уст Франко, и этому не удивляешься, читая его отповедь всем тем, кто подхватил этот крик наболевшего сердца и кинул его в лицо Украине. Вот эта отповедь:

Ти, брате, любиш Русь,
Як хліб і кусень сала, —
Я ж гавкаю раз в раз,
Шоби вона не спала.

Ти, брате, любиш Русь,
Як любиш добре пиво, —
Я ж не люблю, як жнець
Не любити спеки в жниво.

Бо твій патріотизм —
Празднична одежина.
А мій — то труд важкий,
Гарячка невдержима.

Ти любиш в ній князів.
Гетьмання, панування, —
Мене ж болить її
Відвічне страждання.

Ти любиш Русь, за те
Тобі і честь і шана, —
У мене ж тая Русь
Кривава в серці рана.

Ти, брате, любиш Русь,
Як дім, воли, корови, —
Я ж не люблю її
З надмірної любови...

Я еще раньше сказал, что Франко был новатором в галицкой литературе. Не только по форме, по литературной манере, а в своем отношении к фактам жизни, в том, как он их изображает. Деревня интересует его не с этнографической стороны, как прежних писателей, он не идеализирует деревенской жизни. Его интересуют социальные и экономические стороны этой жизни, гнет, страдания и всякая неправда. Насквозь гуманный, человеческий, Франко отдает свое сердце и все свои симпатии тем,

кто «в поте лица» добывает хлеб не только себе, но и другим, тем, кто сами не работают. Еще в поэме «Панские забавы», написанной в молодые годы, Франко рисует нам картину экономической зависимости крестьян от пана; в рассказе «Лесихина семья» и др. — тяжелый непосильный труд землепашца ради куска хлеба. Но в то время на глазах Франко происходит крупный социальный процесс. Процесс роста капитализма, победы капитала над трудом. Если раньше, при панщине, эксплуатация крестьянина находилась в стадии, так сказать, «натурального» хищничества, то при росте капитализма она принимает формы острой, смертельной борьбы. Капитализм уже показывает свои когти, они растут и становятся острее. На деревню идут походом новые эксплуататоры, опутывают крестьянина долгами, отбирают у него хату, землю. Они захватывают в свои руки промыслы, строят фабрики, повсюду расставляют свои сети, как паук паутину. Вчера землепашец, хозяин, а сегодня пролетарий — крестьянин неминуемо попадает в эти сети и гибнет в неравной борьбе. Разве может быть иначе! Всюду темнота, нужда, «бедные, серые деревни, с придорожными голыми вербами, с чахлыми садами, болотистыми выгонами, ободранными серыми крышами, обвалившимися там и тут плетнями». И в хате не лучше:

На стіні розвішані довокола
Дерев'яні давні богомази:
Страшний суд, Варвара і Микола,
Чорні вже від диму, як від мази.
Тільки й всього християнства в хаті.
Але є й письменства в ній познаки:

Там, під сволоком, завитий в шматті
Лист небесний, писаний бог зна ким.
Йосифьянський наказ панщизняний,
Прадідівський квит на тридцять буків,
Діда скарга за ґрунтець забраний,
Батьків акт ліцитаційний драний.

Остается одно — или в сети к пауку, или эмиграция в Бразилию.

В целом ряде рассказов: «Борислав», «Boa constrictor», «Яць Зелепуга», «Полуйка», «Овчар» и др. Франко рисует нам широкие и страшные картины, которые

напоминают порой Дантов ад. Особенно интересны его «Бориславские рассказы». Борислав — это село в Галиции, где добывают нефть. Там, под землею в шахтах, в глубоких ямах, в духоте и смраде, от которых кружится голова, работают во мраке тысячи рабочих; льют пот, стонут и гибнут. Весь Борислав — одна зловонная яма. Там тяжкий труд, ничтожный заработок, грязь, пьянство, разврат, плохая еда и плохая водка, всякие болезни; там человек хуже скотины, там брат на брата поднимает нож, там чад и вечное пекло. А от этого всего текут золотые реки и попадают в карманы тем, кто сам не работает, ко всяким хищникам-эксплоататорам. Франко выводит перед читателем целую галерею таких хищников — с железной волей, со звериными, кровожадными инстинктами, сухих, упрямых и бессердечных. Гава, Вовкун, Гершко, Гольдмахер, Шмила, Шварц и т. д. — целая стая хищных птиц, которые, как образно говорит Франко, «полощут кровью рот». Ничто не останавливает их: они грабят, поджигают хаты и губят людей, лишь бы им была от этого выгода. Всю свою ненависть к хищничеству Франко сконцентрировал в образе орла-беркута:

Я не люблю тебе, ненавиджу, беркуте!
За те, що в грудях ти ховаєш серце люте,
За те, що кров ти п'єш, на низьких і слабих
З погордою глядиш, хоч сам живеш із них,
За те, що так тебе боїться слабша тварь.

Рисуя во всем цикле «Бориславских рассказов» войну между капиталом и трудом, Франко не может оставаться только холодным, объективным наблюдателем. В этих рассказах вы видите самого Франко — Франко-борца, который не скрывает своих симпатий и антипатий, борца, который иногда побеждает в нем художника. Ибо «бороться — значит жить!» Но вместе с тем в этих рассказах открываются, как и в природе, великолепные картины, ясные, полные солнца, воздуха и красок пейзажи, проходят живые люди, ярко, с тонким психологическим анализом нарисованные.

В рассказах «На дне» и др., в своих «Тюремных сонетах» Франко дает нам страшную и захватывающую по своей реальности картину «дна» — тюрьмы. Но и тут

гуманное, чуткое сердце поэта умеет найти проблески человечности даже в таком тупом и диком представителе социальных низов, как Бовдур, которые «на дно общественного гнета не принесли с собой ничего, ничего; ни ясной мысли, ни счастливых воспоминаний, ни блестящей, хотя бы обманчивой, надежды». Болея душой о темноте и горестях своего украинского народа, Франко в рассказах из еврейской и цыганской жизни — «К свету», «Сурка», «Цыгане» — проповедует любовь.

До всіх, що ллють свій піт і кров,
До всіх, котрих гнетуть окови.

У него нет шовинизма; люди делятся на два лагеря: на угнетателей, против которых он точит, как меч, свое слово, и угнетенных, которым он отдает свое сердце.

Казалось бы, что автору грозной, мрачной картины жизни работающих в «поте лица» недоступны ясные и нежные образы. А посмотрите, с каким теплым, сердечным чувством, с какой любовью рисует он детей. Достаточно припомнить рассказы «Маленький Мирон», «Гриць в школе», «Мое преступление» и др., достаточно вспомнить написанные для детей сказки и стихи — и станет ясно, что борец умеет быть голубем: Франко словно отдыхает на детях от моря слез и горя, певцом которого он стал.

Любимая форма, в которую Франко облакает свои прозаические произведения, — это короткие рассказы, больше всего ему удающиеся. Но он пишет и большие повести. В исторической повести «Захар Беркут», из времен нашествия монголов на Карпатскую Русь в 1241 году, его интересует борьба двух элементов: надменной, эгоистичной знати, которая живет только для себя, для своих узких классовых интересов, — с нищим, беднейшим классом народа, который отстаивает и защищает общественные интересы, не останавливаясь перед жертвой для общего блага. Тут мы имеем картины широкой исторической перспективы, большое изображение тогдашней культуры и обычаев, но победа альтруизма над классовым эгоизмом, которой кончается повесть, кажется нам утопичной и не совсем естественной. Более удачны повести Франко из современной жизни — «Столпы общест-

ва», «Пути-дороги», «Ради семейного очага». Тогда как в мелких рассказах мы чаще видим крестьян, рабочих, ремесленников, ряд людей, добывающих хлеб себе и другим, в этих своих повестях Франко знакомит нас с теми, на кого работают люди, — с буржуазными кругами и с интеллигенцией. Польская аристократия со своей узкой моралью и голым цинизмом в «Столпах общества» и в повести «Ради семейного очага», работа интеллигента среди темной народной массы в «Путиях-дорогах» — его психика, успехи, сомнения и разочарования, — вот что служит темой больших повестей Франко. Хорошо задуманные, написанные с большим размахом, с прекрасными деталями, они часто не удовлетворяют читателя; рядом с высокоталантливыми страницами попадаются бледные, неинтересные, словно это делалось наспех, лишь бы кончить.

Реалист в лучшем смысле этого слова, Франко в своих прозаических произведениях любит останавливаться на двух темах: 1) борьба капитала с трудом и обстановка этой борьбы; 2) пробуждение человеческого чувства у людей, которые кажутся совсем погибшими.

Интерес к этой последней теме говорит нам о том, что у Франко есть великая вера в людей. В одном из своих стихотворений поэт говорит:

Хоч порох чоловік, та вірю я в той порох:
Я твердо вірю в труд його могучий,
В ті мільйони невсипущих рук,
І твердо вірю в людський ум робучий
І в ясний день по ночі горя й мук.

Потому что не люди виноваты. Они такие, какими их сделали исторические и социальные условия жизни.

Не в людях зло, а путах тих,
Котрі незримими вузлами
Скрутили сильних і слабих
З їх мукою і їх ділами.

Вместе с верой в человека в душе Франко живет вера в светлую будущность нашей земли. Она придет, эта новая жизнь, придет в мир новое добро, надо только разбить твердую скалу неправды и пробиться к свету,

хотя бы пришлось устлать костями путь к новой жизни. Могучим аккордом звучит эта святая вера в стихотворении Франко «Каменоломы».

Чтобы пришло на землю желанное счастье, нужна большая работа. Счастье не дается даром. Надо забыть свои выгоды, свои мелкие интересы, надо закалять свою волю — сделать руки сильными, голову светлой, сердце горячим. А это нелегко. Даже такие сильные натуры, как Франко, чувствуют это и в одной из своих поэтических молитв обращаются с кличем к матери-земле:

Земле, моя всеплодущая мати,
Сили, що в твоїй живе глибині,
Краплю, щоб в бої сильніше стояти,
Дай і мені!

Дай теплоти, що розширює груди,
Чистить чуття і відновлює кров,
Що до людей безграничну будить
Чисту любов.

Дай і вогню, щоб ним слово налити,
Душі стрясаць громовую дай власть,
Правді служити, неправду палити
Вічну дай страсть.

Силу рукам дай, щоб пута ламати,
Ясність думкам — в серце кривди влучать,
Дай працювать, працювать, працювати,
В праці сконати!

Потому-то Франко так ценит, так дорожит этой святой тревогой, которая живет в душе благородных натур и не дает им заснуть.

Не покидай мене, лекучий болю,
Не покидай, важкая думо-муко
Над людським горем, людською журбою! —

призывает Франко в других стихах.

Но каким бы сильным ни был человек, он не может жить только борьбой, только общественными интересами. Трагизм личной жизни часто вплетается в терновый венок жизни народной. У Франко есть прекрасная

вещь — лирическая драма «Увядшие листья». Это такие легкие, нежные стихи, с такой широкой гаммой чувства, пониманием души человеческой, что, читая их, не знаешь, кому отдать предпочтение: поэту борьбы или поэту-лирику, певцу любви и настроений.

Вот одно из этих стихотворений:

Чого являєшся мені
У сні?
Чого звертаєш ти до мене
Чудові очі ті ясні,
Сумні,
Немов криниці дно студене?
Чому уста твої німі?
Який докір, яке страждання,
Яке несповнене бажання
На них мов зарево червоне
Займається і знову тоне
У тьмі?
Чого являєшся мені
У сні?
В життю ти мною згордувала,
Мое ти серце надірвала,
Із нього визвала одні
Оті ридання голосні —
Пісні.
В життю мене ти й знать не знаєш,
Ідеш по вулиці — минаєш,
Вклонюся — навіть не зирнеш
І головою не кивнеш,
Хоч знаєш, знаєш, добре знаєш,
Як я люблю тебе без тям,
Як мучусь довгими ночами,
І як літа вже за літами
Свій біль, свій жаль, свої пісні
У серці здавлюю на дні.
О ні!
Являйся, зіронько, мені!
Хоч в сні!
В життю мені весь вік тужити,
Не жити.
Так най те серце, що в турботі
Неначе перла у болоті,
Марніє, в'яне, засихає,
Хоч в сні на вид твій оживає,
Хоч в жалошах живіше грає,
По-людськи вільно віддихає,
І того дива золотого
Зазнає щастя молодого —
Бажаного, страшного того
Гріха!

Вообще Франко лирик высокого качества, и его лирические стихи просятся часто на музыку. Некоторые из них действительно переложены для пения Лысенко и другими.

Я хотел бы окончить свой реферат, но мне трудно расстаться с Франко, потому что я так мало сказал о нем. Такая колоссальная фигура заслуживает большего внимания, требует большей работы. Но я был бы очень рад, если бы несколько этих слов могли вызвать у вас интерес к Франко, и те, кто его не читал еще, сами бы познакомились с борцом-поэтом. Тогда для них заговорил бы могучим голосом сам Франко, заговорил бы не моими бледными словами, а своим звонким, словно кованым, словом. Тогда он развернул бы перед ними все богатство своей души, всю красу своего таланта и согрел бы их огнем своего мятущегося великого духа!

**РАЗНЫЕ СТАТЬИ
И ОЧЕРКИ**

К биографии Тараса Шевченко

Почти ежегодно материал к биографии Шевченко разрастается благодаря воспоминаниям о жизни нашего поэта. Живы еще люди, лично знавшие Шевченко, и в памяти всплывает не одна любопытная черточка восприимчивой природы старого Тараса.

Мне довелось как-то познакомиться с г. З. Н-ским. В 60-х годах г. З. Н-ский служил в Петербурге. Как украинец-интеллигент он вращался среди лучших наших писателей и патриотов своего времени; Костомаров, Шевченко, В. Белозерский, М. Симонов (Номис), Кухаренко, артист Семен Артемовский и другие настоящие украинцы составляли общество, в котором г. Н-ский был своим человеком. Он переписывался с Кухаренко (эти интересные письма я сам читал), произнес над могилой Кухаренко речь, напечатанную в «Основе» за 1862 год. Кроме того, в памяти его сохранилось немало любопытных воспоминаний о Костомарове и вообще о тогдашнем украинском движении в Петербурге и на Черноморье. Услышав, что г. Н-ский знал Шевченко, я попросил его рассказать мне все, что он помнит о нем.

«Немного воспоминаний сохранилось у меня о Шевченко, — рассказывал г. З. Н-ский. — Познакомился я с ним уже после его возвращения из Новопетровского у Костомарова. Первое впечатление он произвел на меня как человек неразговорчивый, недоверчивый. Беседа с новым человеком, Шевченко только изредка отвечал коротким словечком, например «егеж!», «оттаке-то

наше» и т. п. Зато, выпив, Шевченко любил говорить, и, бывало, как начнет, так выдумкам и конца нет. Пьяным я его никогда не видел, хотя и знал, что он — особенно в хорошей компании — любил рюмочку.

Но если кто-нибудь из приятелей, шутя, намекал ему порой на его печальную склонность к вину, Шевченко умолкал, становился хмурым, и требовалось немало усилий, чтобы лицо его снова прояснилось.

Помню, однажды в 1860 году собрались на крестины моего сына несколько украинцев. Были Костомаров, С. Артемовский и др. Был и Шевченко. До приезда папа гости беседовали, разбившись на группы. У купели стояли Костомаров, Артемовский и Шевченко. Артемовский взглянул на купель и, повернувшись к Шевченко, сказал: «А что, Тарас, если налить полную купель горилки да взять тебя за усы и трижды окунуть в горилку? Ты, наверно, охотно согласился бы на такое крещение!» Шевченко умолк, нахмурился, и уже до самого ужина никто не слышал от него ни слова. За ужином, выпив, Тарас разговорился. Он много рассказывал о своей жизни в Новопетровском, о киргизах, их быте и обычае. Зашла речь и о лошадях.

«Верите ли, — говорил Шевченко, — киргизские лошади, неказистые и мелкорослые, страшно быстро бегают, и не в диковинку, что такая лошадь пробегает в день двести верст». — «Слушай, Тарас, — отозвался Артемовский, — расскажу тебе один случай. Как-то два пана играли в карты и один из них проигрался впух и прах... — Ну, говорит он, должен отыгаться. Есть у меня двадцать аршин хорошего сукна. Сыграем на сукно? — Сыграем, — согласился другой. Но неудачник-пан проиграл и сукно. Стали мерять это сукно, а там всего два аршина. — Ты меня обманул, — вопит выигравший, — ты же сказал, что у тебя двадцать аршин. — А разве нет? — отвечает неудачник. — Это у меня такие аршины!.. — Так и у тебя, Тарас, должно быть, такие версты, как у того пана аршины». На сей раз Шевченко не рассердился. Во-первых, это было после ужина, а во-вторых, потому, что очень любил Артемовского.

В другой раз Шевченко зашел ко мне вечером посидеть и побеседовать. Он принес моим детям в подарок свой «Букварь». Тарас Григорьевич очень любил детей,

и дети тотчас угадывали его доброе, любящее сердце, хотя, взглянув на Шевченко, нельзя было сказать, что у этого человека мягкий, деликатный характер.

После смерти Шевченко я входил в комиссию, составляющую опись оставшихся после него вещей. В его комнате не было той запущенности, о какой потом шли толки. Правда, мы не нашли там и образцового порядка, по всем углам были разбросаны книги, рисунки, папки с бумагами, на стенах и дверях — везде были рисунки карандашом, стихи и т. п. На столе мы нашли большую папку с бумагами. Полицейский чиновник Г. К., увидев, что мы рассматриваем бумаги, умышленно отвернулся к стене. Тем временем я спрятал эту пачку под полу и потом отдал ее М. Лазаревскому. Лазаревский взял и остальные бумаги и все рисунки, оказавшиеся в комнате Шевченко. Взял также и списанные нами со стен стихи».

Может быть, и этот небольшой материал к биографии Тараса Шевченко не будет излишним и вместе с другими бросит луч света на дорогой облик нашего великого кобзаря.

Могила Шевченко

Между широкой синей лентой Днепра и толпой зеленых гор побежала из Канева, к могиле Шевченко, трехверстная песчаная дорога. Иногда дорога вьется вдоль самого Днепра, и тогда очарованный взгляд устремляется вдаль по голубым просторам старого Славуты, легкие волны которого ласкаются к белому песочку противоположного, полтавского, берега. Иногда встречается залив, отделенный от реки косой. Коса покрыта невысокими зарослями осокоря. Круглые светлозеленые листья его заглядывают в тихую воду, будто в зеркало. Кое-где вдоль берега развешаны на кольях невода.

А направо от дороги, по крутым остроконечным горам, лепятся беленькие хатки деревеньки, нависли над кручами и оврагами кудрявые сады. Глянешь наверх, и кажется, что эти хатки стояли когда-то на горе, но наскучило им стоять там, захотелось поближе взглянуть на днепровские воды, и они, побежав с горы, со страхом остановились над самой кругизной, боясь упасть, покатиться вниз и погрузиться в таинственные воды Днепра. Так и смотрят они испуганными глазами-оконцами на обрыв, даже присев, чтобы шалун случайно не сдул их вниз...

Вот на ясном горизонте возникла Княжья гора, а ближе, на Чернечьей горе, где погребен Шевченко, на самой вершине виднеется решетка огады. Между Шевченковой горой и Лысой, которая внезапно встает с правой стороны, — улочка. Здесь живут гончары. Повсю-

ду — на завалинках и во дворе стоят ряды горшков, мисок, всяческой глиняной посуды. Левее улочки овражек. Там, между высокими вербами, журчит ручеек. За ручейком, среди кустарника, змеей вьется на Шевченкову гору тропинка. Пройдешь несколько шагов, и словно какая-то сила остановит тебя. Невольно взглянешь, и живописная картина прикует тебя к месту. Бог знает откуда, будто из моря голубизны, которое сливается с горизонтом за Чернечьей горой, неожиданно появились веселые днепроовские горы, покрытые то синим кудрявым лесом, то золотым жнивьем, то светлозеленой травой. Золотое солнышко осыпает их лучами, горячий воздух обнимает их, небо нежно склоняется над ними. Звонкая девичья песня, задушевная и печальная, раздается где-то в зеленых горах. Выше кругозор становится шире, красивей.

Наверху, пройдя сарай и хату сторожа, попадаешь на небольшую площадку, обнесенную решеткой. Посреди этой площадки, засаженной молодыми фруктовыми деревьями, зеленеет покрытый травой высокий холм. Позади на холм ведет деревянная лестница, а на холме в чугунной посеребренной ограде возвышается выкрашенный в белый цвет красивый чугунный крест. Концы креста соединены широким ободом. Со стороны лестницы на кресте блестит позолоченными буквами надпись: «Шевченко», а ниже на табличке: «Родився 25 лютого р. б. 1814. Почив 25 [26] лютого р. б. 1861». На другой стороне креста (со стороны могилы) — такая же позолоченная надпись: «Шевченко», а ниже, на цоколе в медальоне, голова Шевченко (в профиль, без шапки) — позолоченный горельеф. На ограде написаны фамилии тех, кто посещал могилу.

Тоска тяжелым камнем ложится на сердце, слезы тихо катятся из глаз, когда подумаешь, кто здесь похоронен... Перед глазами встает вся жизнь поэта, его судьбина горькая, его желание хотя б последние дни прожить на родной поэтической земле, над любимым Днепром:

А я так мало, небогато
Благов у бога — тільки хату,
Одну хатиночку в гаю...

Не привелось!..

Зато похоронили, как хотел:

Щоб лани широкополі
І Дніпро, і кручи
Було видно...

И в самом деле. Роскошная картина — с холма. Сколько взглядом охватишь — сверкает Днепр, вьется между горами и тихо омывает песчаные косы... С одной стороны поднимаются над ним остроконечные горы с зелеными садами, темными балками, полями золотого и красного жнивья. С другой пологий берег красуется на солнце зеленым нарядом и сливается вдалеке с голубым небом. Вправо от холма на горизонте вырисовывается Княжья гора, покрытая густым, прекрасным лесом. Чудесное место!

На нагретой солнцем площадке вокруг могилы зеленеет молодой сад. Здесь и сливы, и яблони, и абрикосы, и даже виноград. Дорожки обсажены цветами. По грядкам арбузы стелют свои побеги.

Небольшая хата сторожа построена старанием В. Г. Шевченко, нареченного брата поэта. Хата делится сенями на две половины: в одной, направо от входной двери, живет сторож, а налево — комната для туристов. В комнате этой, не очень большой, вдоль стен стоят широкие скамьи, покрытые разноцветными, очень красивыми ковриками местного изделия (собственно говоря, плахтами, которые употребляются женщинами вместо юбок). Напротив входной двери стоит стол простой работы, покрытый белой скатертью, а на столе — «Кобзарь» в хорошем переплете. На стене, против стола, висит большой портрет Шевченко прекрасной работы масляными красками, в хорошей раме. По обеим сторонам портрета свешиваются концы красиво вышитого полотенца — подарок какой-то усердной украинки. На одном конце полотенца вышито: «Думи мої, думи, лихо [горе] мені з вами!», а на другом: «Любіться, брати мої, Україну любіте». В левом углу комнаты — образ св. Тарасия, тоже в полотенцах. Перед образом висит лампада. Из окна боковой стены открывается вид на горы, а из двух других окон — на могилу. Если еще прибавить, что между этими двумя окнами висит зеркало, украшенное вышитым полотенцем, то описание

этой простой, но милой обстановки будет окончено. В этой комнате можно переночевать, попросив свежего сена у сторожа. У него можно раздобыть и что-нибудь поесть.

С истинным сожалением покидаешь этот милый, поэтический уголок Украины!..

[23 сентября 1890 г.]

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ВОЛЫНЬ»

Свет и тени русской жизни

I

Скучно живется обывателям «медвежьих уголков»!

Нет ни общественных, ни умственных интересов, нет здоровых, облагораживающих развлечений...

Мертвое, сонное царство!..

Но и в этом «царстве сна» живут люди, жаждущие отвлечься от давно прискучившей обыденщины, потешить себя развлечениями, созданными домашними средствами.

И какие иногда уродливые, дикие формы принимают эти развлечения!

Вот вам картина подобной «забавы», воспроизведенная корреспондентом из села Павлово (Нижегород. губ.).

Полюбуйтесь: «К числу зимних развлечений, особенно практикующихся у нас, относятся, повествует корреспондент, травля петухов и гусей и особенно собак. Петухов для травли любители приносят даже из села Тумботина, отстоящего от Павлова в 5 верстах. Особенное же внимание павловцев привлекает травля собак. Травли по большей части происходят на льду, на речке Тарке. Обыкновенно собирается большая толпа, образует из себя круг; между тем владельцы собак выпускают их в круг из-под тулупов. Собаки моменталь-

но впиваются друг в друга. Приятнее этого зрелища для павловцев и нет. Они с замиранием сердца наблюдают, как собаки рвут одна другую. Павловской интеллигенции необходимо позаботиться о более культурных развлечениях для народа. Иногда приходится разнимать водю. На собак, так же и на петухов и гусей, ставят деньги.

Непрочь иногда павловцы позабавиться и таким образом: пойманную крысу приносят к берегу реки Оки, обливают ее керосином, зажигают ее и пускают по льду и любят, как страдает бедное животное».

Да, следует интеллигенции позаботиться о более культурных развлечениях для народа.

Но далеко ли ушла наша деревенская интеллигенция (об исключениях не говорим) от диких вкусов темного, неразвитого народа? Чему может научить, что может сделать для поднятия уровня села такой, напр., интеллигент, о котором корреспондент «Харьков[ских] губ[ернских] вед[омостей]» сообщает следующую историю: «Один из помещиков Харьковской губернии отлучился на-днях в Харьков, а оставшийся в имении управляющий решил «с треском» отпраздновать свои именины и задал в барской усадьбе пир. Часу во втором ночи разгоряченной фантазии управляющего вспомнилось описание «боя быков в Испании», и он пожелал потешить себя этим зрелищем. С этой целью он приказал псарю привести в сарай молодого бугая и устроить с последним бой по примеру испанского. Выпивший псарь согласился, и зрелище началось. Привели бугая, и псарь, по примеру тореадора, вместо красного платка стал размахивать перед бугаем рядом, а выступивший на сцену конюх, вооружившись за неимением копыя — шилом, дразнил бугая. Минут пять бугай стоял, опустив голову, и не двигался. Наконец «пикадор»-конюх сильно уколол бугая шилом, и последний стремглав бросился на импровизированного тореадора и основательно помял ему бока, а затем, лягнув удачно задними ногами в нос «пикадора», хватил рогами по животу управляющего так сильно, что его пришлось отправить в земскую больницу. Волостной писарь, не удостоившийся приглашения «на бал» и «бой быков», из мести возбудил дело о «неблагодарности деяний» и закончил свой донос словами: «По

российским законам бой быков в России не должен быть прививаем».

Поневоле воскликнешь: «O tempora, o mores!»

К отрадным, светлым явлениям нашего времени следует отнести устройство доступных спектаклей для народа. Народный театр, правильно и умело организованный, является тем ремедиумом, который как раз пригоден для больных дикостью и некультурностью масс. Будучи еще недавно, на-днях, явлением спорадическим, он в последнее время заметно разрастается, привлекает к себе, с одной стороны, лучшие силы интеллигенции, с другой — симпатии простого народа. Но для того, чтобы народный театр принес ту сумму пользы, какую он может и должен принести, необходимо, чтобы пьесы, входящие в репертуар народного театра, были написаны понятным, родным для народа языком...

В заключение поделюсь с читателем следующей картиной из деревенской жизни в Саратовской губ.: «Недавно в с. Сестренках, Камышинского уезда, сельский сход отказал в жалованье причту. В октябре в это село приезжали по этому поводу, по просьбе причта, из Камышина о. благочинный и земский начальник с целью убедить крестьян платить попрежнему жалованье причту. Был собран полный сход. Земский начальник обратился к «миру» с следующим вопросом: желают ли крестьяне попрежнему платить жалованье причту? на что сход, по словам «С[аратовского] д[ня]», единогласно ответил отрицательно. Земский начальник и о. благочинный старались повлиять на крестьян в обратном смысле, но безуспешно. Тогда земский начальник, не удовлетворившись «голословным отказом», распорядился, чтобы желающие платить отошли направо, а не желающие налево. Почти все крестьяне, за исключением двух-трех, перешли на левую сторону. Тогда зем. начальник заявил, что церковь «запечатается», что духовенства у них не будет и что они будут причислены к другой церкви. Впрочем, угроза эта не приведена в исполнение: церковь не запечатана и до сего времени».

Где здесь свет и где тени, предоставляем судить самому читателю.

II

Невероятную, но в высшей степени интересную историю из адвокатской жизни передает какой-то случайный корреспондент «Приазовского края». Рассказ ведется от имени известного адвоката Плевако, ездившего на защиту в наш край из Москвы. Все переданное газетой трудно поддается вероятию, но предоставим слово самому Плевако.

«Возвращаясь из Киева в Москву, рассказывал г. Плевако, я по дороге познакомился с одним присяжным поверенным, который уговорил меня заехать в городок, где он проживал, чтобы выступить защитником по делу крестьян, обвинявшихся в бунте против соседнего помещика, местного магната. При этом коллега предупредил меня, что дело это совсем безнадежно, так как весь состав присяжных заседателей состоит из помещиков, безусловно враждебно настроенных против крестьян, и что в числе этих помещиков есть только один — из присяжных поверенных, на которого можно надеяться. Коллега поместил меня в квартире того самого присяжного поверенного, который попал в список присяжных заседателей. Я заявил, что вычеркну его из списка уже по тому одному, что стою у него на квартире. Посыпались горячие возражения, но я все-таки настоял на своем. Утром в день разбора дела прихожу в суд. Потерпевший помещик и другие свидетели, тоже помещики, сидят в одной комнате с судьями; все знакомы и, повидимому, даже приятели между собой. Ну, дело, вижу, плохо. Тем не менее представляюсь и, вступив в общий разговор, вытрушиваю перед ними весь свой запас всевозможных анекдотов. Пред началом заседания я с председателем и членами суда чувствую себя уже приятелем; вижу, что и они ко мне относятся симпатично.

Начался разбор дела. Присяжные заседатели оказались все решительно помещиками; свидетели тоже помещики. Дело прямо безнадежно; только чудом и можно спасти. И стал я «чудить». Я повел вопрос свидетелей так, что и свидетели-помещики, и присяжные заседатели-помещики начали на меня злиться, и злиться до потери самообладания. Один из этих свидетелей, чван-

ный такой господин, рассказывает, что подсудимые оскорбили его честь: один из них ударил даже по щеке... лошадь, на которой он сидел верхом.

— Вы говорите, свидетель, — спрашиваю я, — что вас подсудимый ударил по щеке?

— Не меня, — с негодованием говорит свидетель, — а мою лошадь.

— У вашей лошади, значит, щеки есть? Хорошо. Вы лично себя считаете оскорбленным или вашу лошадь? Я не могу понять, какое отношение имеет ваша честь к чести вашей лошади?

Присяжные заседатели вышли из себя. Встает старшина и, обращаясь к председательствующему, говорит, что защитник непозволительно себя держит, что он оскорбляет свидетелей и их присяжных, так как они также дворяне и помещики и не желают, чтобы издевательство продолжалось дальше. Прежде чем председательствующий успел мне что-нибудь сказать, я встал и сделал вид, что хочу о чем-то спросить его.

— Что вам угодно? — спрашивает он меня.

— Я хотел бы только знать, — отвечаю я, — к вам, как к председателю, должен я относиться здесь или же к старшине присяжных заседателей, которому вы, повидимому, уступили на время власть председателя?

Председатель вспылил и обрушился на старшину: «Здесь я председатель, и я сам слежу за тем, кто как должен себя вести. Потрудитесь сесть и не позволять себе больше ничего подобного».

При дальнейших расспросах свидетеля я успел вернуть замечание, что бывает иногда так: хочет человек оборвать кого-нибудь, а глядь, его же самого оборвали. Понятно, что все мое поведение восстановило против меня присяжных заседателей до невозможности.

Начались прения. Прокурор произнес обвинительную речь. Дошла очередь мне говорить. Встаю и говорю, что я вполне присоединяюсь к мнению г. прокурора: «Подсудимые, безусловно, достойны быть обвиненными и наказанными. Не имея никаких контрактов и условий в кармане, они вздумали бунтовать и требовать то, что им было обещано на честное слово. Они, безусловно, глупы, они еще верят в честное слово помещика, когда его давно уже не существует. Их надо обвинить, хотя

бы для того, чтобы не нашлось в будущем других глупцов, верящих в честное слово. Надеюсь, гг. присяжные заседатели, что вы вынесете им обвинительный вердикт без всякого снисхождения».

Присяжные заседатели «послушались» меня и... оправдали всех подсудимых. Этого мало. Так как помещики были заранее уверены в том, что подсудимых обвинят, то заказали роскошный обед для всех собравшихся в городе помещиков. На этот обед после окончания процесса попал и я».

Не правда ли, как все это интересно и характерно?..

Если читатель посмеется над только что приведенной картинкой, то, может быть, ему взгрустнется по поводу посмертной исповеди многострадальной провинциальной газеты.

Одна из провинциальных газет, «Волжско-донской листок», выходящий в Царицыне, покончила свое существование. Заявляя об этом, редакция выражает уверенность, что «Волжско-донской листок» может умереть со спокойной совестью, так как исполнил свой долг настолько добросовестно, насколько позволяли ему окружающие его условия. Появившись назад тому 13 лет, он встретил почву, совсем не подготовленную для печатного слова. Царицын представлял тогда собой город со слабо развитою интеллигентною жизнью, с весьма ограниченным кругом читателей. Редакция «Волжско-дон. листка» во многом напоминала собой редакцию американской газеты, появившейся в малонаселенных прериях: редактор газеты в то время был и главным сотрудником, исполняя нередко обязанности репортера и экспедитора. Сотрудников не было, а если являлись, то приходилось от них отмахиваться. Местное общество относилось к органу печати скорее с любопытством, чем с сочувствием, и как бы говорило: «Посмотрим, голубчик, как ты провалишься с треском». Далее, первый по времени цензор, не жалея красного карандаша, предрекал «Волжско-донскому листку» скорую гибель. Столичная печать и в особенности некоторые провинциальные публицисты постоянно попрекали газету убожеством и т. д. Безотрадная, но характерная картина почти всей провинциальной печати.

Да, невеселая картинка!..

Помнится, один из педагогов в своем учебнике, одобренном кем следует для употребления в школах, поучает молодое поколение, что инородцы навсегда останутся пасынками России.

Как это ни дико звучит в наш век, век гуманизма и толерантности, однако приходится сознаться, что инородцы, живущие на наших окраинах, представляют из себя пасынков если не России, то по крайней мере судьбы.

Стоит лишь вспомнить картину современного быта северных инородцев, рисуемую газетой «Сибирь»: голод, обеднение, эксплуатация, водка, сифилис и, наконец, вымирание целого народа, вызванное не физиологическими причинами, а экономической руиной...

Но, может быть, нуждаясь в поднятии экономического благосостояния, в медицинской помощи и других благах цивилизации, инородцы удовлетворены в своих просветительных стремлениях?

На это красноречиво ответит нам г. И. К., корреспондент журнала «Образование».

«Систематическое обучение якутов русскому языку началось, пишет г. И. К., только с 70-х годов, когда министерством народного просвещения было основано несколько улусных школ».

(Раньше заводили школы для якутов священники, но попытки их не увенчались успехом вследствие разбросанности поселков прихожан в радиусе 15—400 верст.)

«Казалось бы, что министерские школы должны принести больше пользы, чем прежние церковные, но в действительности школьное дело в улусах и в настоящее время является чем-то чужим, навязанным. Объяснить это легко: стоит лишь познакомиться с историей возникновения и существования улусных школ. Эта история прекрасно иллюстрирует многочисленные попытки нашей администрации привить культуру диким инородцам, а также и те приемы, которые для этого употреблялись».

Задавшись целью научить грамоте якутов, администрация не ассигновала для этого необходимых средств,

а сделала лишь для этого соответствующее распоряжение. Получив предписание, местные чины полиции немедленно приступили к воздействию на инородцев, между которыми неожиданно оказались поборники просвещения, строившие школьные дома и дававшие деньги на школьные нужды. Такими жертвователями обыкновенно являлись богатые инородцы, нуждавшиеся в покровительстве начальства или желавшие получить какой-либо знак отличия.

Содержание же открытой школы относилось всецело на средства улусных якутов, которые с этой целью облагались определенным налогом как деньгами, так и натурой. Обложение это, конечно, совершалось помимо желания якутов, относившихся к школе как к бесполезной затее и крайне тяготившихся возложенными на них обязанностями. Дело в том, что инородцы должны были также доставлять для школы учеников, так как иначе большая часть школ оставалась бы пустыми. Не видя никакой пользы от грамоты, якуты редко отдавали своих детей в русские школы, и последних приходилось брать почти силой. Обыкновенно набирались дети бедняков, и последние, чтобы избежать этой повинности, прибегали даже к уродованию своих детей.

Так, один из них отрубил своему сыну палец; другой научил своего сына притворяться глухим и так его вышколил, что даже врач не мог открыть симуляции, хотя и знал о ней. Но когда попечитель училища призвал его к себе и сказал как бы про себя: надо его взять к себе да полечить, буравчиком провертеть отверстие в ухе, то мальчик расплакался и стал кланяться в ноги.

Обязанные доставить определенное число учеников, якуты выбирали самых бедных... Вот как описывает их очевидец: «Тонкие, как соломинка, руки и ноги; огромный живот, которой буквально «с коры распучило»; какой-то мутный, не то задумчивый, не то мрачный взгляд; никакой улыбки, никаких признаков игривости, присущих детскому возрасту. Дети эти никогда не играют, никогда не говорят — все молчат, все будто о чем-то думают. Все они хорошо знают счет до десяти, но представления их чрезвычайно ограничены».

Отрицательному отношению инородцев к грамоте немало способствовала и самая постановка школьного

дела. Во многих училищах не было учебников, и в одном из них, например, буквы заучивались «по печатным листкам, хранящимся в конторке и когда-то составлявшим какие-то книги». В Сундарской школе, как и в большинстве других, никакой методы преподавания не было, и учитель «по неимению программы ничем не руководствовался». В отчете директора училищ встречается следующая интересная характеристика: «Хотя в каждом училище ревизующий находит все три отделения (так как ученики распределяются не по своим знаниям, а по числу лет, проведенных в школе, то после тщательной проверки он бывает вынужден большинство мальчиков записать в младшее отделение, лишь одного-двух отнести к среднему, а некоторых даже вовсе поставить вне отделения, образовав из них przygotowительную группу, долженствующую еще сколько-нибудь научиться пониманию, если не употреблению, русской речи. Но вот проходит год, и опять отделения обращаются в номинальные, по познаниям учеников и по степени выполнения программы отнюдь не соответствующие своим названиям». Подобные условия обучения вели обыкновенно к тому, что ученики едва выучивались читать, но далеко не всегда понимали прочитанное и могли передать его, хотя некоторые из них учились от 3 до 5 лет. Подобные результаты обучения в дорого стоящих школах могли лишь усилить нерасположение инородцев к школе, что действительно и замечается по числу обучавшихся учеников. В 1879 году обучалось 293 ученика инородца, в 1885 году — 277 чел., с этого года число учеников постепенно уменьшается, доходя до 180 в 1890 г. и 216 в 1892 году. Число окончивших курс также повышалось до 1885 г., а затем начало понижаться и дошло в 1891 г. до 7 человек.

При том составе учителей, каким обладали инородческие училища, и нельзя было достичь других результатов. Большинство их получили образование в уездных и духовных училищах или вышли из 2—3 класса прогимназии и далеко не всегда были подготовлены к своему делу. Некоторые из них даже не умели грамотно писать. Неумелость учителей особенно сильно проявлялась благодаря отсутствию хорошо составленных учебников. Бюрократия, заботившаяся о заведении школы, совер-

шенно упустила из виду то обстоятельство, что учение должно быть прежде всего понятным. Якутские дети, совершенно не знакомые с русским языком, до сих пор обучаются по тем же учебникам, по которым обучаются дети русских крестьян. Между тем подобные учебники совершенно не пригодны для якутов, живущих в других условиях, и создают для учащихся массу затруднений. Самым подходящим учебником был бы учебник, составленный по-якутски, но хотя вопрос о нем поднимался уже несколько раз, однако до сих пор обучение производится по старым русским пособиям. В этом вопросе вполне проявилось бюрократическое отношение нашей администрации, подгоняющей все под один шаблон и мало сообразующей свои мероприятия с местными особенностями. Зато мы видели выше и результаты подобных попечений начальства о просвещении якутов. С одной стороны, заботливое начальство, насаждающее просвещение и облагающее для этого бедное инородческое население, с другой — инородцы, всякими способами старающиеся избавиться от попечителей и тяжелых налогов,— такова история «просвещения» якутов. История эта невольно заставляет задуматься над вопросом о том, что дало якутам двухсотпятидесятилетнее владычество русских?»

Бесспорно, только поднятием туземной культуры, а не навязыванием своей, хотя бы и высшей, можно добиться желаемых результатов, т. е. такой степени развития инородцев, чтобы они, как губка влагу, могли воспринять плоды цивилизации.

IV

Просматривая ежедневно, по обязанности газетного сотрудника, десятки провинциальных газет, я часто с досадой отодвигаю от себя кучу печатной бумаги: как это все скучно, бледно, неинтересно... Неужели, если верно, что пресса зеркало общественной жизни, — неужели сама жизнь провинции так бесцветна, анемична, что не в состоянии дать ничего живого, захватывающего, ничего такого, от чего у читателя живее забилась бы пульс, окрепла энергия и вера в лучшее, явилось

желание все силы отдать для скорейшего достижения этого лучшего?

Жизнь ли сама придает серенький колорит провинциальной печати, или причину этого явления следует искать в тех особенных, специфических условиях, в какие поставлена у нас нестоличная пресса?

Ведь то обстоятельство, что количество провинциальных газет с каждым годом увеличивается, свидетельствует о росте культурных потребностей провинции, об оживлении ее общественных интересов.

Место выбывших из строя газет занимает тотчас же новыми, только что родившимися. Рождаемость газет интенсивнее смертности.

Но с какой иногда старческой опытностью появляются на свет газетные младенцы!..

Грустно становится, когда читаешь такую, например, программу «Царицынского вестника», заступившего место «Волжско-донского листка»:

«Приступая к изданию ежедневной газеты, мы не обольщаемся розовыми мечтами,— говорит «Царицынский вестник». — Мы помним, что в окружающей среде таится много нежелательных элементов, много темных сторон, бороться с которыми долг и призвание всякого порядочного литературного органа. Бороться — это долг, но победить и искоренить их — это совсем другой вопрос. Можно бороться со злом, не трубя в победный рог о том, что «идем на вы». Но осторожно, шаг за шагом, без шума отвоевывать у неприятеля занятые им позиции. И это лучшая тактика, которая может дать хорошие результаты. Быстрый натиск в газетном деле вреден для издания и даст врагам гласности лишний шанс к победе над нею.

Спросит читатель: «Значит, умеренность и осторожность — ваши принципы в дальнейшей газетной деятельности?» — «Да, умеренность и осторожность. Если бы мы не держались этих принципов 13 лет издания «Волжско-донского листка», то давным-давно он был бы похоронен и канул в Лету забвения, да вряд ли был бы мыслим наследник его в лице выступающего теперь «Царицынского вестника». Такой метаморфозы можно найти много примеров в истории периодической печати».

Каким горьким опытом добывается такая мудрая ос-

торожность, расскажет нам «Самарская газета» в своей заметке об «обрезанных газетах».

«Положение провинциальной печати поистине очень плачевно. Масса опеки, которой подлежат провинциальные газеты, кладет на них яркое клеймо.

Каждый район обширной России уже нуждается в органе, который представительствовал бы о нуждах, стремлениях, упованиях и горе населения.

Однако с каким трудом достигается провинциальной печатью ее главная задача. Сцилла и Харибда подцензурного номера треплют его и ломают ежедневно.

Иногда пороги цензуры до того неожиданны, что положительно невозможно их предвидеть. Строгость и заботливость цензуры иногда бывает поразительна.

Газета «Сибирь» отмечает один характерный факт, касающийся провинциальной прессы.

В Тюмени издается «Сибирская торгово-промышленная газета». Так вот номер 91 этой газеты вышел с обрезанным наполовину листом.

На видном месте изуродованного номера дано этому и объяснение редакции. Там кратко, но выразительно значится: «По независимым от редакции обстоятельствам настоящий номер выходит в таком виде».

«Степной край» дает этому более точное объяснение: «По содержанию видно, что вырезаны: конец некролога М. А. Барановой, сообщение из Шадринска и коммерческая телеграмма, поясняет названная газета. Так как от некролога обрезан самый хвост с обозначением лишь места и времени отпевания, а с другой стороны, едва ли в коммерческой телеграмме можно предполагать злостное намерение поколебать существующий порядок, то необычную меру «тюменской администрации, очевидно, нужно отнести к злополучному сообщению из Шадринска».

Но это еще не все, что делает провинциальную газету серенькой, бесцветной. Кроме газетной цензуры, у нас есть еще цензура обывательская, носящая печать провинциальной заскорузлости, боязнь света, недружелюбия к гласности. Нельзя не согласиться с газетой «Волгарь», когда она говорит, что «наш обыватель, особенно житель провинции, плохо разбирается во всех явлениях современной жизни, которые вытекают из раз-

вития общественности, из проникновения гласности в деятельность общественных учреждений и отдельных лиц по отношению к их обязанностям, с которыми связаны интересы общества. Провинциальный обыватель не привык к свету, не любит гласности, которая мешает дремоте общественной мысли, суживает простор для всякой неправды и вносит подчас такие взгляды в общество, которые мешают местным хищникам эксплуатировать общественное достояние, творить произвол, угнетать общественную волю и обдѣлывать всякие темные делишки. Провинциальный обыватель, безмятежно почивающий среди окутавшей его паутины, из-за которой уездные пауки поедают общественные крохи, до такой степени свыкся с своим положением, что жизнь без этих пауков представляется ему как будто непонятной».

Но, кроме поедания «общественных крох», уездные пауки усердно ткут паутину и на тех, кто во имя правды и общественных интересов решается чуть не на героический подвиг путем печати оградить эти «крохи». Беру наудачу первый попавшийся случай. «Конотопскому исправнику, пишет корреспондент «Сына отечества», не понравилась корреспонденция, помещенная в одной из киевских газет, и так как открыть имя автора «домашними средствами» не удавалось, то был сделан запрос в редакцию, которая, как водится, не замедлила «сообщить» точный адрес корреспондента. Оказалось, что он живет в уезде, и вот местный пристав получает от исправника предписание, в котором предлагается «объявить такому-то, чтобы он пожаловал в Конотоп, в полицейское управление, для объяснений по делам службы». Какой таинственный смысл заключало в себе это приглашение «пожаловать по делам службы», обращенное к лицу, нигде не служащему,— сказать трудно, так как корреспондент считал для себя более удобным не «пожаловать», а пожаловаться на незаконное предписание исправника губернатору».

Так поступил человек независимый, нигде не служащий и потому обладающий большей дозой гражданского мужества.

Какая же участь ожидает корреспондента из «служащих», решившегося писать в газете хотя бы «об урожае хлебов и о явлениях природы», как это сделал ав-

тор нижеприведенного письма к редактору газеты «Енисей»? Но пусть этот злополучный корреспондент сам говорит за себя:

«Уважаемый г. редактор!

Жаловаться не знаю кому и ограничусь лишь покорнейшей просьбой поместить в уважаемой газете «Енисей» следующее обстоятельство. В одном из номеров газеты «Сибирь» помещена статья под названием «Собачий чорт», которая, судя по содержанию, относится бог весть до какого-то исправника нашей Сибири. Я никогда не имел поползновения третировать действия начальства и, главное, писать в газете вроде фельетона о «собачьем чорте»; если я писал в сибирские газеты, то больше об урожае хлебов, явлениях природы и житействе крестьян, ничуть при этом не задевая никого. Между тем, нашлись доброжелатели и на каком-то основании заподозрили и... мало этого, но и обвинили меня в сочинении помянутого фельетона. Само собою, после такого несправедливого обвинения, мне пришлось получить фиаско, пострадавши нравственно и материально, а обвинители, умывая руки, остались очень, очень довольны, что сумели «вызвониться» и оказать преданнейшую услугу начальству, представив мнимого автора.

Примите уверение в истинном почтении и преданности вашего покорного слуги Мирона Степановича Казанцева (мещ. гор. Минусы).

Село Рыбинское, Канского округа».

Не удивительно, если при таких исключительных условиях развития провинциальной прессы она принимает серенький облик, если в ней чувствуется что-то затаенное от читателя, какой-то если не фальшивый, то и не вполне искренний тон...

¶

В pendant к тому, что говорилось по поводу провинциальной печати в предыдущем номере нашей газеты, не лишним будет привести интересную заметку г. Абрамова, помещенную в газете «Бессарабец».

Читателю, раскрывшему свежий номер провинциальной газеты, и в голову, пожалуй, не придет, какого труда, скольких неприятностей, забот, а подчас и жертв стоит этот номер тому немногочисленному персоналу редакции, на плечах которого лежат все заботы по выпуску номера.

«Обыкновенно провинциальная газета ведется, пишет г. Абрамов, исключительно трудами нескольких человек, а случается — даже исключительно одним человеком. Эти люди, или этот человек, до такой степени поглощены газетной работой, что у них, или у него, уже не остается времени для принятия активного участия в местной жизни. К этому присоединяется еще опасное отношение провинциального общества к представителям печати, в силу которого они занимают место среднее между разбойником с большой дороги и затравленным зайцем. С одной стороны, их серьезно побаиваются, а с другой — по возможности теснят на каждом шагу. В результате кружок лиц, работающих в газете, обыкновенно стоит вне местной жизни, от него вежливо сторонятся. Сведения о местной жизни попадают в газету, таким образом, уже не непосредственно от самых деятелей этой жизни, а через третьи руки, часто в рафинированном виде или даже из разного рода отчетов, в которых явления жизни приведены в прикрашенный и шаблонный вид. Таким образом, жизнь отражается в местной печати уже не в натуральном свете, а в виде почищенном, приглаженном и обезличенном. К тому же и самые работники местной печати, почти не выходящие из-за письменного стола и типографии, начинают относиться к изображаемым ими явлениям не как к фактам, которые должны взволновать их, задевать за живое, а как к вещам безразличным, интересным лишь постольку, поскольку они представляют «материал» для заполнения газетных столбцов.

В конце концов и получается то обезличение, та шаблонность провинциальных газет, которыми эти газеты так страдают.

Я около года нахожусь в отлучке из родного города. Само собою разумеется, что я отношусь с особым интересом к местной жизни своего родного уголка. Вот почему я всегда с волнением раскрываю газету, выхо-

дящую в моем родном городе, и всякий раз оставляю ее совершенно разочарованным. Я много там нахожу интересного, что, однако, я уже давно узнал из столичных газет, о местной же жизни я не узнаю ровно ничего. Известия из местной жизни, которые появляются в этой газете, такого рода, что я их мог всегда предположить и не читая газеты, и они совершенно одинаковы как в газете моего родного города, так и в газете любого соседнего. Того же, что составляет особенности местной жизни и что особенно и представляет наибольший интерес, я напрасно ищу в своей газете: его нет и не может быть при теперешнем положении этой газеты. А в таком же положении находится большинство провинциальных газет.

Не странно ли, что провинциальная интеллигенция не поймет, наконец, что газета, печать представляют собою оружие, средство для движения общественной жизни вперед и притом оружие, средство могучее, с которым никакое другое сравниться не может. Неужели так трудно оценить это оружие и понять, что всякое общественное дело, какое бы ни делалось данным лицом, будет итти несравненно успешнее, когда к нему на помощь придет печать, когда работники данного дела прибегнут к помощи печати, воспользуются для движения дела вперед местною газетою? Только тогда, когда эти простые истины будут поняты и усвоены местною интеллигенциею, только тогда, когда установится самая тесная связь между местною газетою и местною интеллигенциею, когда деятели провинции в каждом своем начинании будут обращаться к помощи печати, когда каждое местное общественное дело будет предварительно обсуждено участвующими в нем на страницах местной печати,— последняя получит должное развитие и свое настоящее значение. Рано или поздно, конечно, то, на что мы указываем теперь, лишь как на желательное, наступит, и провинциальная печать будет играть ту роль, которая ей вполне приличествует и которую она вполне может выполнить. И от такой постановки провинциальной печати, конечно, местная жизнь только выиграет во всех отношениях».

А вот и иллюстрация, выхваченная сотрудниками «Одесских новостей» г. Долиным из недр провинци-

альной жизни; она так интересна, так ярко живописует отношение общества к печати, что не можем отказать себе в удовольствии поместить ее целиком. Вот она: «Сотрудник газеты написал горькую правду, а редактор эту самую горькую правду напечатал. В результате... пожалуйте оба на скамью подсудимых. На каком основании? О, да все на том же самом, на каком уже сотни раз сидели на этой скамье корреспонденты и редакторы... на основании «не смей писать горькой правды, а пиши только сладкую».

Такая обыкновенная история только что закончилась в г. Таганроге. И закончилась она опять-таки точно так же, как обыкновенно заканчиваются такие истории на суде гласном: торжеством отнюдь не преследователей горькой правды, но обвинителей негодующих.

Но имеется в этой таганрогской истории и нечто особенное...

К Таганрогскому окружному суду с требованием тюрьмы для газетного работника, поведавшего горькую правду общественного значения, обратилось не то или другое задетое этой правдой отдельное лицо, а целое учреждение. Да еще и учреждение-то какое: состоящее исключительно из университетских людей и представителей гуманнейшей и благороднейшей из всех человеческих профессий;— словом, общество врачей таганрогских. Кстати сказать, для меня несколько непонятно, почему эти почтенные люди не обратились с таким же требованием и по отношению к пишущему эти строки. Та горькая правда, которая их так возмутила, была и мною печатно поведена, и, кажется, только после моих-то строк они и воспылали особенным гневом, всецело обрушившимся на сотрудника местного «Вестника», г. Тараховского.

Итак, повторяю: с требованием тюрьмы для газетного работника к суду обратилось целое общество просвещенных людей. Оно, видите ли, обижено им, опозорено, нравственно заклеяно и только в тюрьме для него, в обвинительном для него приговоре видит единственное средство в очищении себя от всего этого.

А случилось, читатель, вот что:

В субсидируемую городом Таганрогом лечебницу

местного общества врачей, заменяющую городскую больницу, был доставлен больной. Это было в приемные часы, но принимать было некому. Больной же еле держался на ногах.

— Положить бы его тут где-нибудь, пока, может быть, доктор заглянет, — взмолился доставивший больного.

— Что ж, можно и положить...

И положили... в хлев, в навоз, рядом с коровкой.

Ну, а затем лечебница оказалась вскоре окруженной негодующей толпой. Раздалась брань всякая, и много, много недобрых слов было произнесено не только по адресу лечебницы без врачей, но и городской управы без людей.

И все это имело место в Таганроге «по обыкновению»: и это отсутствие приема во время приема, и это коровье помещение вместо больничной койки для еле держащегося на ногах больного человека, и этот ропот обывателей, и этот «нуль внимания» со стороны городского управления.

Спрашивается: имел ли право местный орган печати умолчать об этой вопиющей горькой правде? Конечно, такое молчание было бы для него только позорно, явилось бы в свою очередь ничем иным, как вопиющим же пренебрежением к своим обязанностям. А между тем только за это неумолчание — «под суд редактора, под суд сотрудника». Они, видите ли, опозорили целое общество врачей. Вот уж поистине «с больной головы да на здоровую». Точно они, а не само общество повинно в своем позоре, точно они виноваты в том, что правда об этом обществе оказалась в данном случае такой горькой.

А что это действительно была правда, то оправдательный приговор суда, конечно, уже лучше всего свидетельствует об этом. Суд, несмотря на патетическую речь поверенного общества, не нашел возможным исполнить его просьбу о снятии с общества «наложенного на него клейма». Вместо обвинительного приговора над газетным работником суд преподнес добрый урок его обвинителю. Он сказал ему своим приговором, во-первых, что нельзя требовать тюрьмы для человека, исполнившего только свой долг, и, во-вторых, что дей-

ствительно позорным является самый факт, а не воспроизведение его в интересах общественного блага».

Все здесь тени и тени. Когда же, наконец, дождемся света?..

VI

О роли, какую играет периодическая печать в общественной жизни, так много писалось и говорилось, что было бы и длинно, и скучно, хотя бы в общих чертах, воспроизводить сказанное.

Я хочу отметить лишь ту поистине страшную силу, какую обладает печать.

Сила эта — внушение.

Располагая в своем арсенале таким богатым и разнообразным оружием, как блестящая форма, остроумие, логика, софизмы и парадоксы, искренняя или поддельная убежденность, всезнайство и авторитетность, печать совершает свой победоносный поход на среднего, сырого (у нас — типичного) читателя, обрабатывает его, убеждает, с назойливостью мухи изо дня в день жужжит ему свою песню, заставляет смотреть на все своими глазами, вербует достойное предводителя войско...

Сколько же зла, сколько теней вносит в жизнь, пользуясь этой силой, наша реакционная печать, раздувающая под покровом охраны общегосударственных интересов национальную рознь, религиозную нетерпимость, все худшие, бестиарные инстинкты, создающая пугала, чтобы, если не остановить, то по крайней мере затормозить, спутать и затемнить самые лучшие, самые благие начинания...

С какой, например, ехидной осторожностью относится реакционная печать к предполагаемому введению земства в юго-западном крае: «Земские учреждения (на окраинах) откроют широкое поле для активной деятельности местных инородческих элементов и объединят все местные, враждебные русской культуре, силы», — восклицают наши земствофобы.

«Это, — отвечает с полной основательностью «Вестник Европы» («Внутр. обозр.», декабрь), — пророчество без пророческого дара, пророчество, вдохновляемое ис-

ключительно недоверием и ненавистью. С таким же, по меньшей мере, правом можно утверждать, наоборот, что «инородческие элементы», получив хоть какой-нибудь простор для «активной деятельности» на пользу родного края, посвятят ей часть тех сил, которые теперь пропадают бесплодно в вынужденном бездействии или пассивной оппозиции.

«Поставив себе задачей создать как можно больше помех на пути развития земских учреждений, реакционная печать переходит от общих нападений к детальным; за «страшными словами» следует некоторое подобие фактической аргументации.

Сюда относятся статьи г. Кусторубова: «Земство и юго-западный край» («Московские ведомости», №№ 304, 305 и 306). Автор рекомендует себя уроженцем, жителем и деятелем юго-западного края, но не дает ничего, кроме общих мест, которые можно было бы, не выезжая из Москвы, заимствовать из старых газетных коллекций. Несколько слов о Шейлоках-евреях, паразитах-немцах, неисправимо коварных и лицемерных поляках (между которыми лояльны, и то лишь из-за материальных интересов, одни крупные заводчики и землевладельцы), бедных серых мужичках-малороссах — и вывод готов, — невозможность введения земских учреждений в юго-западном крае считается доказанною. Как образец этого наезднического способа решения вопроса приведем буквально сказанное г. Кусторубовым о малороссах: «Крестьяне (малороссы) слишком еще темны, слишком еще забиты ужасным польским игом, чтобы понимать и нести свою миссию во всей ее полноте и важности. Это прекрасный материал, но ожидающий еще искусных зодчих, чтобы быть использованным вширь и вглубь. Не забудем также мучительной еврейской кабалы, в которой поголовно томится здешнее крестьянство и которая куда горше крепостной зависимости...» «Сплошь и рядом, — читаем мы дальше, — малоросс, пройдя высшую школу, становится хохломаном. Пока хохломанство ограничивается предпочтением Старицкого Шекспиру и культом дида Тараса, то оно только смешно; но с ним нужно считаться, когда под ним разумеется целая федералистическая программа, насчитывающая немало последователей. Такие

хохломы — еще более ярые враги Руси, чем поляки. Их идеал «исторический герой — Мазепа, первый активный хохломан-федералист». Ну, разве это не повторение избитых клише, всем успевших надоеть до тошноты? Проникающая их фальшь особенно заметна именно в применении к земскому вопросу. Если малорусская крестьянская масса темна, то тем нужнее призвание ее к свету, достигаемое, между прочим, именно путем участия в земских учреждениях. Именно в земстве она может привыкнуть к открытому заявлению своих нужд, к открытой мирной борьбе с силами, ее угнетающими, все равно, коренятся ли они в старых помещичьих традициях или в новой еврейской эксплуатации; именно в земстве она может проникнуться сознанием своей равноправности с другими сословиями и национальностями; именно в земстве она может найти, в своей собственной среде или в среде других народолюбивых элементов, тех «искусных зодчих», о которых говорит г. Кусторубов (искусных, конечно, не в его направлении и духе). Ожидать появления таких «зодчих» помимо и вне земства представляется тем менее основания, что в юго-западном крае, по собственному признанию г. Кусторубова, чрезвычайно сильно развит абсентеизм крупных землевладельцев русского происхождения и почти совершенно отсутствуют русские арендаторы и мелкие землевладельцы... Заняв место в земстве, крестьяне-малороссы могли бы позаботиться, между прочим, и о более широком распространении в их среде начального обучения. Пускай г. Кусторубов утверждает, что «на родине церковно-приходской школы (школа Ярослава Мудрого) только и должна существовать церковно-приходская школа»: для всех тех, кого не убаюкивает шумиха фраз, совершенно ясно, что в юго-западном крае, как и везде, рядом с церковно-приходской школой и министерской, о существовании которой г. Кусторубов почему-то забывает, есть место и для земской... Если оставить в стороне евреев, за которыми ныне действующее земское положение не признает никаких избирательных прав, и немцев, составляющих ничтожное меньшинство населения, то программа г. Кусторубова может быть выражена в следующих немногих словах: поляков не нужно пускать в земство потому, что они поляки, малороссов

потому, что они малороссы. (В примечании: так называемое «хохломанство» в основании своем — не что иное, как совершенно естественное желание сохранить и оградить лингвистические, этнографические и культурные особенности малорусского племени.) Как одна из бесчисленных вариаций на тему не пущать эта программа не имеет даже достоинства оригинальности».

Так говорит «Вестник Европы».

Другой журнал («Русское богатство»), рассматривая национальные отношения в России, с другой стороны освещает затронутый земствофобами вопрос о местных инородческих элементах в юго-западном и западном крае: «Разумно ли, справедливо ли с нашей стороны допустить денационализацию жмудинов, литовцев, белоруссов и малороссов? И, отказываясь от обрусения поляков, не должны ли мы воспрепятствовать и полонизации не польского населения западного края? Кажется, это логично. Однако ведь речь идет не об обрусении, а только об обрусении, что совершенно не одно и то же. Если те и другие населения обрусят сами собой, в силу культурного процесса, этому одни порадуются, другие попечалуются, но это никакого отношения к политике не имеет. Другое дело, если населения обрусатся, т. е. будут прибегать к искусственным, частью даже понудительным, мерам. Против этой-то политики обрусения (от глагола обрусить) уже давно возражает значительная часть русской печати, а не против процесса обрусения (от глагола обрусеть), совершающегося без понудительных мероприятий. То же самое должно иметь в виду и относительно полонизации. Должны быть поставлены преграды всякому систематическому искусственному ополячению западного края, это несомненно. Борьба же с естественной полонизацией, в силу роста польской культуры и распространения ее влияния, возможна только культурная же, общественная, но не государственная. Надо еще помнить, что обрусение западного края, т. е. программа его денационализации, ослабляя местные народности, облегчает не только обрусение, но и полонизацию.

«Один литовец рассказывал мне о плодах обрусительной политики на Жмуди. Сельское население этой

страны сохраняло до самого последнего времени овой язык и свою племенную самобытность в течение полутысячелетия, не поддаваясь полонизации. Но вот началось обрусение (прошу помнить читателей, что это не обрусѣние, далеко не обрусѣние). Начали жмудинов обязательно обучать русскому языку и давать, в виде грамотности и первых начатков образования, некоторое орудие для приобретения культуры. Какую же культуру будет приобретать жмудин, как не польскую, которая вокруг него и над ним, а всякая другая далече? Прежде непреодолимым препятствием был язык. Между жмудским и польским целая пропасть, но между русским и польским этой пропасти уже нет, и научившись одному, славянскому языку, жмудин скоро усваивает и другой, славянский же. Таким образом обрусение Жмуди повлекло за собою не столько ее обрусение, сколько ее полонизацию. К тому же пробудившееся жмудско-национальное движение, которое могло явить сопротивление полонизации, было остановлено виленскою администрацией все в тех же обрусительных видах. Оно теперь ютится в прусской Жмуди, в Гумбинене и Тильзите. Я не думаю, чтобы жмудское национальное возрождение имело будущность. Вместе с литовцами, говорящими уже на другом наречии, и латышами, еще сильнее отличающимися наречием, жмудинов не наберется и трех миллионов. Предоставим, однако, истории решить, чем быть литовским племенам, образовать ли скромную самобытную литовскую народность или слиться с соседними культурными нациями: польской, русской или немецкой. Будем только помнить, что, проводя политику их денационализации, мы ускоряем их полонизацию и германизацию, потому что, при отсутствии русского культурного класса в жмудско-литовском крае, денационализация жмудинов и литвинов не может вести их к обрусѣнию и заставит принимать всякую другую соседнюю культуру, а с нею и народность. Что до очевидности справедливо относительно Жмуди и Литвы, то будет верно, *toutes proportions gardées*, и относительно остальных частей западного края. Я мало знаком с белорусскими отношениями. Относительно же моих земляков Правобережной Украины могу заверить всех, опасющихся ее ополяче-

ния, что украинское население само отобьется от полонизации, лишь бы ему не мешала обрусительная администрация, так подавляющая народную самостоятельность, именно необходимую в этом случае. Запаса этой самостоятельности в украинском населении вполне достаточно, и если галичане успешно отстаивают свою народность при условиях, гораздо менее благоприятных, то украинцы справятся и подавно с этою немудрою задачею. Лишь бы им не мешало обрусение, которое, по моему глубокому убеждению, ведет в западном крае не к обрусению, а к полонизации».

Право, отрадno становится, когда после мрака и человеконенавистничества реакционеров тебя осветит и согреет братолюбивое слово честного органа печати!..

VII

Искание правды, идеала, к счастью, вечно присуще людям, на какой бы ступени развития они ни стояли.

Человечество никогда не может примириться с существующим строем жизни, потому что этот строй, со всеми его отрицательными сторонами, неминуемо отстает от идеалов и надежд, характеризующих эпоху...

Речь идет здесь о рационалистических сектах.

«Утихшая было в конце 80-х годов, пишет «Миссионерское обозрение», пропаганда штунды снова оживилась, вожаки штундо-пашковцы развили свой прозелитизм, энергию и смелость до страстности. Сектантское брожение усилилось не только в старых пунктах, но коснулось и новых мест, где о штундизме до сих пор не было и понятия. Так, в истекшем году, по имеющимся у нас сведениям, штунда проникла в Калужскую и Нижегородскую губернии. В истекшем году, между прочим, штунда получила значительное развитие в Привислянском крае, среди населения католического исповедания главным образом. В юго-западном, где пропаганда штундизма за последние годы совсем было притихла и брожение было ослаблено и успокоено, в последнее время в некоторых районах (Каневский) оно вновь вспыхнуло и выразилось в значительном количестве отпаде-

ний от православия. В поволжских губерниях и на Северном Кавказе штундо-баптизм проявлял также усиленный прозелитизм и сделал значительные завоевания в молоканской и хлыстовско-шалопутских сектах».

Проповедники штундизма, с евангелием в руках, вдоль и поперек пересекают Украину, проповедуя свое учение.

«У нас появились, сообщает корреспондент «Нов[оросского] телеграфа» из Херсона, полуграмотные миссионеры, публично выступившие с поучениями против верования православных. Запасшись библией, но мало в ней разумея, они силились доказать заблуждения православных, рекомендуя им переменить свою веру. Для распространения своего учения избрали Рыбную площадь, рассчитывая, как видно, на Рыбном базаре найти доверчивых слушателей. И действительно, вокруг них стали собираться любопытные послушать «слово». В числе любопытных оказались и базарные полицейские, десятские, которые пригласили проповедников в участок. Оказалось, что главные из этих проповедников — крестьянин Киевской губернии, Черниговского (sic!) уезда, с. Боровиц, Мина Федченко, торгующий вразнос народной галантереею. Занимаясь торговлей, Федченко, как видно, духовной жаждой томился и, являясь, надо полагать, среди штундистов Киевской губернии, заимствовал их религиозные воззрения, а затем задумал распространять их в нашей губернии. Насколько успешно проповедничал Федченко, проходя Херсонскую губернию, неизвестно. Но, добравшись до г. Херсона и поселившись в предместьях его, «Мельницах», Федченко успел здесь совратить в штундизм жившего с ним под одной кровлей березнеговатского мещанина Филиппа Горицына и вместе с ним начал проповедовать учение штундистов на Рыбном базаре. Как Федченко, так и Горицын не признают себя штундистами и называют себя баптистами, но о самом баптизме не имеют ни малейшего понятия. На обращенные к ним увещания оставить свое заблуждение они отвечают, что им сам господь внушил, как надо верить, и потому они кроме господа и его апостолов никаких других учителей не признают. На вопрос же, каким образом

они получают внушение от господ, они поясняют, что получают его не непосредственно от господ, но через священные книги».

Штундизм растет, развивается, вызывает все большие и большие опасения у православного духовенства, решившегося, наконец, созвать в Казани миссионерский съезд для изыскания приемов борьбы с сектантством. Как отнесся этот съезд к сектантству, лучше всего покажет речь чиновника особых поручений при г. обер-прокуроре св. Синода В. М. Скворцова. «Дело миссии, говорит он в заключение своей речи, снять маску с нашего сектантства и правдиво доказать обществу и государственной власти, что нет и быть не может света во тьме заблуждений сектантства... Наш долг — предостеречь стражей отечества, что отделившееся от единства церкви, укоренившееся в свободомыслии сектантство представляет собою и в государственном отношении горючий материал, который при анархической искре подобной духоборческой, способен с течением времени в любом месте разразиться страшным политическим пожарищем и заражать свежую атмосферу духовно-политического мирозерцания нашего православного населения и играть в руку врагов церкви и отечества. Долг миссии стойко и мужественно выяснить всем и каждому, «что семя свято стояние града», а не политико-экономические утопии, что только под сенью православно-национальных, истинно русских идеалов прочно развитие благосостояния и силы русского государства, а не в сепаратизме сектантства» («Моск. вед.», № 241).

Вот меры, принятые миссионерским съездом для борьбы с сектантством: воспретить раскольникам открывать школы для обучения своих детей и закрыть имеющиеся у них в настоящее время школы, объявить принадлежность к «особенно вредным» сектам «порочающим обстоятельством», чтобы дать этим право крестьянским обществам подвергать исключению из своей среды и ссылатъ в Сибирь тех из своих членов, которые будут замечены в принадлежности к вредной секте, признать издание лютеранских богослужебных книг на русском языке «опасным», воспретить сектантам принимать в работники или в услужение лиц православного веро-

исповедания, не достигших совершеннолетия, а за совершеннолетними, поступающими в работники или в услужение к сектантам, учредить надзор через приходских священников. Ввиду того что штундисты, лишенные с 1894 года права собираться на моления, стали в последнее время посещать с этой целью лютеранские церкви, имеющиеся вблизи мест их оседлости, причем пасторы совершают для них богослужение на русском языке, съезд постановил просить через св. Синод правительство о запрещении отправления богослужения на русском языке в лютеранских церквях, находящихся в тех местностях, где живут штундисты. Наконец, ввиду того, что в действующем ныне уложении о наказаниях, в статье, воспрещающей проповедование раскола и сектантских учений, говорится, что ответственности за это подлежат лишь лица, распространяющие упомянутые учения «публично», съезд постановил просить св. Синод обратиться в комиссию, занятую в настоящее время составлением нового уложения о наказаниях, с предложением исключить это слово «публично» из указанной выше статьи или заменить его каким-нибудь другим словом, так как оно дает судебным установлениям повод толковать эту статью в том смысле, что воспрещаются проповеди раскола и сектантских учений только на площадях и улицах. Таковы главнейшие постановления съезда, принятые единогласно всеми, принимавшими в нем участие, почти без прений. Как полезные для дела борьбы с расколом и сектантством предлагались и обсуждались в съезде, между прочим, еще и такие меры: исходатайствование издания закона, на основании которого можно было бы отбирать от раскольников и сектантов их детей, причем для воспитания их в православной вере устроить в каждой епархии особые приюты» («Рус. вед.», № 221).

Даже князь Мещерский возмутился постановлением съезда. «Ведь, очевидно, пишет он, что на этом съезде созваны были самые лучшие представители церковной иерархии, самые усердные и самые просвещенные ревнители православия, и тогда говоришь себе: если в этом лучшем и отборном наличном составе миссионерского съезда он мог беспрепятственно и с легким сердцем целый день посвятить на обсуждение таких мер, как отби-

рание детей и конфискование имуществ раскольников и сектантов, то что же должно происходить во имя интересов православия и в деле борьбы его с расколом и ересью в тех многих темных уголках русской земли, где живут и действуют не лучшие и не отборные, а обыкновенные церковные люди?»

Опасения князя Мещерского не замедлили оправдаться. Вот что пишет корреспондент «Ниж[егородско-го] листка» из с. Юрино, Васильск. уезда:

«На-днях членом Васильского уездного училищного совета было передано преподавателям местной земской школы устное приказание председателя училищного совета, чтобы все дети раскольников, не желающие выполнять обрядов церкви, были исключены из училища, каковое приказание и должно быть приведено в исполнение к великому прискорбию молокан, сетующих на то, что их хотят лишить элементарного образования и тем самым гонят их в болото невежества, разного рода суеверий и предрассудков».

На съезде было констатировано сходство между всеми новейшими сектами в том, что последователи их всячески стараются избегать бесед с православными пастырями или учителями. Приводимая корреспонденция, быть может, хотя отчасти объяснит такое поведение сектантов.

«Русский труд» рассказывает об одном прискорбном инциденте, происшедшем 27 ноября в Петербурге, в Михайловском манеже, на собеседовании синодального миссионера о. Арсения.

«Собеседование, говорит газета, было посвящено английскому церковному писателю Фаррару, уважаемому повсюду, сочинения которого, переведенные в большинстве нашим проф. духовной академии А. Лопухиным, составляют украшение церковно-исторической литературы. О. миссионер, духовное образование коего далеко не достигает его ревности о вере, выступил в качестве грозного обличителя Фаррара. По мнению о. Арсения, Фаррар колеблет догматы, утверждая, что «Адамова голова» под крестом есть лишь легенда, вносит зловредную критику в писание, расшатывает веру и, наконец, кощунствует, озаглавливая свою книгу «Жизнь Иисуса Христа». Из уст о. миссионера исходили такие

эпитеты: «безбожник», «невер», даже «осел, прости господи».

Смущенный всем услышанным и не замечая, какое впечатление произведено на толпу пламенным обличением о. Арсения, священник Б—й решился возразить о. миссионеру в оправдание Фаррара, указывая, что обвинения не доказаны и не справедливы. Тогда о. миссионер обозвал своего оппонента пашковцем и просил его задержать. Возбужденная толпа имела достаточно воинственный вид, и если бы не вмешательство полковника Н., защитившего о. Б—го и указавшего добровольцам-ревнителям, что это православный священник, исход мог бы быть самый нежелательный. Однако собеседование все-таки расстроилось.

Наши церковные сферы глубоко возмущены этим инцидентом, тем более, что на собеседовании было много интеллигентных лиц, пришедших послушать беседу о Фарраре и отнюдь не ожидавших подобного к нему отношения.

В данном случае больше всего прискорбно не отношение к Фаррару, так как каждый может иметь свои мнения, но отношение к священнику о. Б—му, которого миссионер о. Арсений рекомендовал «задержать», вместо того чтобы с ним спорить. Такие аргументы, к сожалению, у нас довольно обычны».

История преследуемых людей всем известна.

Не в отношении ли духовенства к сектантству следует искать объяснения той страстности прозелитизма, на которую указывало «Миссионерское обозрение»?

VIII

Времена не те

Под таким заглавием в «Бирж. вед.» появилась интересная корреспонденция, в которой передается обычная, полная грусти, картина фабричной жизни. Заслуживают внимания финальные штрихи этой картины.

На стеклянном заводе миллионера Ивана Воронина испортилась машина; работы были приостановлены. Пользуясь удобным случаем, мастеровые начали кутить и безобразничать; а когда машина была исправ-

лена, они не соглашались работать до тех пор, пока не будет получена ими поденная плата полностью за все нерабочие дни. Но так как владелец завода не соглашался, то они наотрез отказались работать, продолжая пьянствовать и шуметь.

— Нет, шалишь! Завод стоял не по нашей вине, а не хочешь платить — так тебя заставят судом!

Приказчик Воронина, Барыкин, начал уговаривать хозяина, чтобы он удовлетворил рабочих.

— А не то ведь завод будет стоять без дела и придется терпеть убытки, — говорил он.

— Погоди, — сказал Воронин, — я заставлю их работать... Да еще и прощения будут просить.

И донес уездному исправнику, что рабочие забастовали.

Пьяные мастеровые бушевали в хмеле вокруг дома и завода, горляня песни, произнося угрозы.

— Мы, ребята, упрячем его еще в острог, а уж наши-то трудовые денежки получим.

Приказчик попробовал было урезонить их, чтобы они принялись за дело, и тоже пригрозил:

— Ребятушки, принимайтесь с богом за работу, а то как бы не было греха — ведь хозяин-то послал в город жалобу начальству.

Но это только подлило масла в огонь.

— Что-о-о? Нас усмирять? Да мы пьем на свои денежки! Дело наше правое!

— Верно, верно, — загалдели все.

— Подай расчет! А не то мы и сами знаем дорогу в город; мы просим не лишнего, а то, что заработано и следует по уговору... Подай деньги!.. Вали, ребята, в контору! Требуй!

И вся ватага мастеровых направилась в контору.

— Выламывай, ребята, дверь!

Некоторые из более благоразумных начали уговаривать толпу.

— Ребята, не дури! Брось! В ответе будем. Брось, говорят: худо будет нам всем, — право!

— Брось, брось!.. Что же, они нас долго ли так будут манежить-то понапрасну. Пушай отдадут деньги, тогда и бросим, что же дарить, что ли, скареду этакому; у него шея-то потолще нашей — миллионов с два-

дцать поди, а то и больше есть, а тут полтораста рублей отдать жалко.

— Так ты требуй законом, судом, а не эдак.

— По закону?.. Тут степь, до города-то сколько верст — ходи туда, скоро ли потребуешь?

— Ребята, не смей, потому в ответе будем да и своего не добьемся. Подождем лучше начальства.

Толпа разом отхлынула. Мастеровые разбрелись, продолжая пьянствовать. Жены с детишками плакали.

— С горя пьем, потому обижают нас — деньги не отдают, заработанные, наши кровные деньги. Он всех вез сюда из-под Москвы-то, ведь уговаривал да улещал: задержки, мол, в плате никакой не будет, доставка туда и обратно на мой счет. А теперь, скупичая его душа, вона что поет: не заплачу, говорит — это прогульные дни, мы не работали. Дураки мы. Бить бы его, кашея бессмертного... Трясется над каждым грошем. Ложка деревянная ломается, так и то вычет. Кто, говорит, сломал? Морит голодом или кормит какой-нибудь дохлятиной, которую у него же в лавочке покупаем.

— Так не нанимался бы.

— А ты зачем нанимался?

— Я не жалуюсь.

— Доволен, значит, что свинья меньше твоего дряни жрет? Ступай благодари хозяина.

К вечеру к заводу подъехали три тройки с колокольчиками и бубенчиками. Урядник скакал за ними верхом.

Мастеровые выбежали из мазанок. Приказчик грозно прошел мимо толпы, говоря:

— Ну, вот, погодите, голубчики родимые. теперь мы с вами расправимся.

— Бабушка-то надвое сказала!

— Дело наше правое.

— Главное, ребята, действуй! Ничего не угаивай. Всю подноготную наружу вали... Справимся!

Подъехал исправник, жандармский следователь, доктор...

Рабочие обнажили головы. Начались расспросы: слышались объяснения по поводу неуплаты денег, хотя они, рабочие, ничем не виноваты, что машина испортилась, и т. д.

— А еще, ваше благородие, — раздался голос, — сын его держит здесь при заводе мелочную лавочку, откуда мы берем все по двойной да по тройной цене, потому деваться некуда, купить больше негде, тут степь. За селедку, что стоит в городе три—пять копеек, с нас дерут десять копеек, да и товар-то самый гнилой и лядущий. Извольте взглянуть... и т. д.

Распросивши рабочих, начальство отправилось в контору; вскоре из конторы выбежал трепещущий и бледный сын Ивана Воронина, Егор.

— Убирай гнилую муку, — шепнул он приказчику, который опрометью бросился в лавочку.

Пока начальство было в конторе, приказчик, при помощи своей жены, успел перетаскать всю муку к себе на квартиру.

Однако начальство не было просто и потребовало осмотра квартиры приказчика. Тут представилось отвратительное зрелище: в мешках муки ползали черви. Был немедленно составлен протокол, начальство удалилось на тех же тройках, на которых и приехали. Колокольчики и бубенчики весело зазвенели. На заводе между тем поселился страшный призрак суда, законного возмездия и острога.

— И чорт меня дернул соваться с доносом, — говорил Воронин, — выгнать бы по шее всех рабочих, нанять вместо них других, и конец делу. Так нет же, напросился... Тюрьма...

Воронин впал в мрачное настроение, заперся у себя в кабинете, думал, думал и покончил с собой выстрелом из револьвера.

Через месяц пришлось фигурировать в камере земского начальника сыну Воронина, Егору, вместе с приказчиком, за продажу и хранение в лавке испорченных и негодных продуктов — и оба были признаны виновными. Молодого человека, с миллионами и университетским образованием, Егора Ивановича Воронина, земский начальник приговорил к заключению в арестном доме на 3 месяца, а приказчика Барыкина, как действовавшего под давлением хозяина, на 2 месяца.

Ужасный конец — что и говорить. Но поучительный конец.

Да, очевидно, времена действительно не те.

Почти одновременно в газетах появились сообщения о двух фактах, которые вновь и с большою убедительностью говорят за то, что воспитательная часть в наших учебных заведениях далеко не всегда поставлена удовлетворительно. Так, директор народных училищ Кубанской области в своем циркуляре, опубликованном в местных «Областных ведомостях», заявляет, что в последнее время к нему начали поступать «жалобы на грубое с детьми обращение учителей некоторых училищ». Непозволительные воспитательные приемы вызвали решительный протест со стороны директора народных училищ, который заявил, что «учителя, не знающие самых элементарных правил воспитания, не умеющие владеть собою и позволяющие себе грубое с детьми обращение, не только будут устранены от службы, но, смотря по вине, будут представлены к лишению их учительского звания, с воспрещением педагогической деятельности». К столь же строгой ответственности привлекаются и заведывающие училищами, которые допустят в своих школах грубое обращение с детьми. Надо думать, что настоящее распоряжение окажет в известной мере благотворное влияние на постановку воспитательной части в училищах Кубанской области. Но было бы большою ошибкой ограничиться одной только этой мерой. Воспрещение грубого обращения учителей с детьми, как это, между прочим, видно из того же циркуляра, существовало и раньше в Кубанской области. Однако, как это мы видим на фактах, грубость педагогических приемов не была устранена из школ. Отсюда ясно, что одни циркулярные распоряжения не достигают цели. Директор народных училищ Кубанской области вполне справедливо говорит, что учителя, допускающие грубое обращение с детьми, «не знают самых элементарных правил воспитания». Но позволительно спросить, замечают по этому поводу «Русские] вед[омости]», одни ли учителя виноваты в том, что они оказываются такими необразованными людьми? Не правильнее ли будет данное явление рассматривать как неизбежный результат тех условий, в которые поставлены у нас учи-

теля, относительно приобретения знаний, как общих, так и специально педагогических?

Возьмем для примера хотя бы книжный состав учительских библиотек начальных народных училищ. Каталог, изданный для этих училищ в истекшем году, по распоряжению Министерства народного просвещения допускает в учительские библиотеки по отделу педагогики, методики и училищеведения только 40 названий. Правда, в учительские библиотеки допущены также книги,шедшие в каталог для бесплатных народных библиотечитален, но это в интересующем нас отношении не имеет почти никакого значения. С ничтожным количеством книг можно бы еще примириться, если бы подбор их был сделан сколько-нибудь удовлетворительно. К сожалению, с этой стороны учительские библиотеки не выдерживают критики. Достаточно сказать, что в них отсутствуют такие авторы, как Пирогов, Ушинский, Стоюнин. По необъяснимым причинам, этим писателям, которым наша педагогическая литература обязана лучшим своим достоянием, предпочтены большей частью бездарные компиляции мало кому известных авторов. Если мы припомним при этом, что начинать школьную работу учителям приходится очень нередко без всякой предварительной педагогической подготовки, а на устраиваемых педагогических курсах занятия главным образом сводятся к выработке технической ловкости в деле преподавания, то окажется, что отсутствие у учителей «самых элементарных правил воспитания» находит себе достаточное объяснение уже в тех ненормальных условиях, в которые поставлены у нас учителя относительно своего образования. Сюда, следовательно, должно быть направлено внимание тех учреждений, которым приходится бороться с печальными, но в то же время неизбежными, последствиями педагогической несостоятельности преподавательского персонала. В тех же целях искоренения из школ прискорбных случаев кулачной расправы необходимо также обеспечить правильное расследование каждого подобного случая. Директор народных училищ Кубанской области производство дознания по поступившим к нему жалобам на учителей поручил инспекторам народных училищ. Такой порядок нельзя признать правильным: инспекторы народных училищ яв-

ляются ответственными лицами за все, что происходит во вверенных им школах, а потому в данном случае им придется производить дознание по делу, за которое часть ответственности падает на них самих. Какие результаты может дать дознание, производимое при подобных условиях, показывает известное дело тамбовских учителей с А. Н. Слетовой. Наиболее правильным был бы такой порядок, когда дознание по подобным делам будет производиться инспектором учебного округа или другим лицом, уполномоченным от округа. Только при этом условии можно быть уверенным, что дознание раскроет истинное положение дела и тем даст возможность предпринять целесообразные меры к устранению из школьной практики возмутительной кулачной расправы, грубости и насилия.

Необходимость этих мер является в настоящее время тем более настоятельной, что в средней школе воспитательная часть оказывается также далеко не всегда поставленной нормально. Это видно, между прочим, из судебного дела, разбиравшегося недавно в Петроковском окружном суде. В качестве обвиняемого явился перед судом 17-летний юноша, ученик 5-го класса Ченстоховской гимназии, Ст. Дуни-Вонсонович, обвиняемый в оскорблении действием инспектора гимназии Г. Редько. Предварительное следствие установило следующее. В течение своего кратковременного пребывания в Ченстоховской гимназии (около полугода) Вонсонович был двенадцать раз наказан за различные нарушения гимназических правил, как-то: за курение папирос в гимназии, за дерзкие ответы учителям, за неприличные разговоры в классе и т. п. Эти исправительные меры, однако, не имели успеха. Вонсонович продолжал курить, говорить дерзости старшим и т. п. За один из таких дерзких ответов инспектор назвал его «ослом». Это произошло в присутствии целого класса и, видимо, сильно оскорбило Вонсоновича. Вскоре за этим он ударил инспектора кулаком по голове. Закончилась эта прискорбная история тем, что Вонсонович был привлечен к суду за оскорбление действием инспектора при исполнении служебных обязанностей и приговорен к 2-месячному тюремному заключению. Как бы ни смотреть на поведение Вонсоновича, во всяком случае надо сказать, что в его печаль-

ной судьбе школа едва ли может умыть руки. Одно то, что 17-летнего юношу в присутствии класса инспектор оскорбляет бранным словом, дает уже основание сомневаться в том, что в гимназии воспитательный режим был поставлен правильно. Эпизод, происшедший в Ченстоховской гимназии, достоин серьезного внимания не только потому, что характеризует уровень педагогической среды, но и потому, что наглядно показывает, какой опасностью угрожает и чести учебного заведения, и интересам учащихся нетактичный поступок воспитателя. Вопрос об оздоровлении педагогической среды, таким образом, представляется делом первостепенной важности. О нем громко заявляет как низшая, так и средняя школа.

Х

Несмотря на то, что XX век у нас, как говорится, на носу, несмотря на завоевания науки, осветившей мрачные области невежества и суеверия, средневековый чорт все еще не считает себя побежденным и из мрака отдаленного прошлого, окруженный свитой леших, водяных, домовых, ведьм, знахарей *et tutti quanti*, показывает многомиллионному обществу верующих «свои рожки».

Вера в нечистую силу, колдовство, знахарство и т. п. так сильно развита среди крестьянского населения, а также среди псевдоинтеллигенции, отличающейся от крестьянской массы лишь ношением сюртука, что школе и настоящей интеллигенции много еще придется поработать, пока эта вера по крайней мере значительно ослабнет.

Корреспондент «Бессарабца» дает любопытную в бытовом отношении картинку, ярко рисующую наивную веру крестьянина в сверхъестественную силу «ворожбита»:

«На-днях я встретил одного крестьянина здешнего села, переходившего из хаты в хату для сбора каких-то денег, — пишет корреспондент из села Лезнево, Проскуровского уезда. — Так как мне было известно, что собиравший крестьянин не состоит в какой-либо должности, то я полюбопытствовал узнать, какого рода этот сбор. Оказалось, что собирает он деньги по 10 копеек с хаты на «ворожбита». Как потом выяснилось, сборы

эти практикуются не только в одном Лезневе. Наше крестьянство невыносимо страдает от воров, в особенности от конокрадов, и хватается за всякое средство, чтобы как-нибудь парализовать это зло. Этим обстоятельством и воспользовался крестьянин с. Борбух, Прокурковского уезда, Иван Червинский, объявивший, что он в каждом селе может выяснить воров. За приезд Червинский требует 10 рублей, угощение, подводу и непременно составление приговора общества, желающего воспользоваться его ясновидением. Первым пригласило к себе «знахаря» подгородное общество крестьян д. Гречаной, страдающее часто от поджогов и воров. Ч. назвал несколько лиц, действительно подозрительных. Немедленно оговоренные были закованы в железные путы, и начался допрос с пристрастием, результатом чего было сознание двух воров в покражах. Известие о таком благоприятном исходе ворожбы с быстротой молнии облетело всю окрестность, и началось поголовное составление приговоров. Воров охватила паника. И вот какой курьез произошел в селе Грузевце накануне приезда ворожбита. К крестьянину Г. К. вечером является сосед его В. И. со штофом водки и бух ему в ноги. «Прости, кум», — начинает хныкать И. «В чем?» — спрашивает удивленный К. «Два роки [года] назад я вкрав у вас старе колесо, нате вам два новых, но не позывайте мене до ворожбита...» Колеса были приняты, несколько «ок» (штофов) водки выпито, и могоарыч возымел свое действие: соседи помирились. С приездом ворожбита повторилась обычная история оговора и истязания оговоренных. Отсюда Ч. направился в соседнее село Малошовцы, где разыгралась следующая сцена. Местный волостной судья Матвей Гриньшев обратился к сидельцу местной казенной лавки, которого попросил как-нибудь избавить его от оговора знахаря. Под предлогом ворожбы сиделец зазвал к себе Ч., предложил ему 5 р. и просил не оговаривать Матвея. Ч. согласился и посоветовал спрятать его в коморку, где хранятся пустые шкалики. Собрался сход. На вопрос, кто в селе воры, Ч. без запинки сказал: «Вор спрятался в коморку сидельца казенной лавки, между пустыми шкаликами». Народ повалил в казенную лавку. Злополучного Матвея извлекли из коморки и потащили на сход. «Ну, благослови, боже!» —

закричал ворожбит и нанес Матвею два удара в лицо. Толпа набросилась на Матвея и избила его до полусмерти. Червинский на самом деле оказался большим знатоком воровских дел: он, напр., указал, что в доме того же Матвея скрыт товар, украденный в гор. Проскурове у еврея Гофштейна, в чем Матвей и сознался. Из Лезнева 2 конокрада сбежали и уже 2 недели не показываются в село... Так вот какое средство у нас найдено от воров и конокрадов. Не мудрено — на 160 сел и 2 местечка (участок мирового посредника) у нас имеется всего 1 министерская школа в с. Бубновке. И это за 30 лет, в одном из богатейших и густо населенных участков».

Так обстоит в селах. Лучше ли в городах? Ответ на это дает «Волгарь» в корреспонденции из г. Арзамаса.

«Не удивительно, пишет корреспондент, если где-нибудь вддали от городов, в глухих селениях, где не проник еще луч света, живут народные поверья, но если то же самое наблюдается в городах, то приходится только удивляться. Между тем арзамасцы недалеко ушли в своих воззрениях от медвежьих углов. Они разделяют народное поверье, что в рождественский сочельник сонмы нечистых духов, изгнанных из водных недр, уныло блуждают по земле, отыскивая место пристанища, потому арзамасцы испещряют косяки и двери своих домов мелом, чтобы предотвратить вторжение нежеланных гостей.

В день богоявления, во время водосвятия, на реке Теше происходит купанье. Арзамасцы уверены, что тот, кто маскировался или, по местному выражению, «рядился» на святках, согрешил и может смыть свой святочный грех только погружением в реку после водосвятия. Раздевшись донага и лишь завернувшись в верхнее платье, несмотря на ощутительный крещенский мороз, «грешники» дожидаются того момента, когда раздастся пение праздничного тропаря, и, лишь погрузят крест в водах реки Тешы, они бросаются в проруби, погружаются в них несколько раз и, накинув кое-как одежду, бегут или едут на извозчиках до ближайшего дома, где соответственно и исправляют день своего очищения от грехов».

Можно привести десять подобных извещений, целый ряд смешных и грустных случаев, возникших на почве грубого суеверия.

Нечего, впрочем, удивляться темному крестьянину, если даже лица, на обязанности коих лежит «блюсти», «искоренять», «насаждать» и т. п., не чужды предрассудков и воззрений темной массы. В одном из сел Нижегородского уезда, читаем в «Ниж[егородском] лист[ке]», недавно имел место следующий казус. Было устроено народное чтение. Читалось, между прочим, о славянах и их вере. «После окончания чтения брошюры лицо, наблюдающее за народным чтением, заявило лектору, что он напрасно отвергает существование леших, домовых и ведьм, что они существуют и на самом деле и что его обязанность, как наблюдающего за чтением, разубедить слушателей. Мы не знаем, состоялось ли второе чтение, посвященное доказательствам существования леших и домовых. Мы будем очень рады, если автор такой защиты пришлет к нам свою диссертацию о ведьмах. Мы охотно поместим ее на наших страницах».

Как много еще нам нужно работы, дружной работы, чтобы внести свет в темные области невежества и прогнать всякую «нечисть» туда, откуда она пришла.

XI

Времена рабства прошли, крепостничество отошло в область преданий, а между тем рабы существуют и до сих пор.

Приглядитесь к жизни бездомного рабочего пролетариата, вечно живущего в атмосфере всяких «урезок», «вычетов», «недоплат», «штрафов», «тридцатичасовых рабочих дней» и т. под. прелестей, — и вам жутко станет за человека, за свободного гражданина страны, в которой рабство отошло в область преданий...

В последнее время закон старается взять под свою защиту эксплуатируемых фабричных и заводских рабочих, но что значат эти старания в сравнении с непомерно быстро растущим аппетитом капиталистов на счет крох рабочего класса?

Корреспондент «Сев[ерного] Кавк[аза]» рассказывает обыкновенную, но грустную историю об отношениях железнодорожного начальства (в г. Новороссийске) к своим служащим и рабочим. Вот эта история:

«В декабре прошлого года в железнодорожных вагонных мастерских произошла самая обыкновенная история с дядей Макаровым. Он подавал на площадку, в рост человека от земли, куски чугуна, весом от одного до двух пудов каждый. Один кусок чугуна, второпях нехорошо положенный на площадку, сорвался и упал на ногу Макарова. Удар двухпудовым куском был так силен, что бедный Макаров и через месяц еще не ступал свободно на больную ногу. «Начальник» в этом «случае» увидел коварство Макарова и «циркулярно» объявил во всеуслышание, что Макаров «за непредусмотрительность при опасной работе штрафуется однодневным окладом жалованья в 65 коп.». Рабочие по этому поводу иронизировали, говоря: хорошо, что двухпудовый кусок чугуна по «шивороту» не задел Макарова, тогда непременно начальник оштрафовал бы двухдневным окладом жалованья.

В 1895 году служащие в качестве смазчиков, сортировщиков и подавальных при элеваторе подали докладную записку своему «начальнику», в коей просили дать им квартиру или квартирные деньги. Оснований для просьбы у них было три. Во-первых, что другие служащие при элеваторе пользовались железнодорожной квартирой, во-вторых, что их оклад жалованья состоял, и теперь состоит, из 23 рубл. в месяц — такой суммы, которая не может удовлетворить насущные потребности. Правда, им выдавалась за напряженный двадцатичасовой, почти ежедневный, труд какая-то математическая дробь, выражающаяся рублям в 3—5 в месяц на каждого. Но зато этот труд загнал многих в гроб, как, например, Щербину, Галдина и пр., предварительно получивших чахотку. И, наконец, в-третьих, квартиру им обещали. Проходит два с лишком года, а квартир им не дали. В конце прошлого года они вторично подали коллективную докладную записку, прося квартир или квартирных денег, но вместо удовлетворения просьбы главный дипломированный «начальник» назначил для расследования этого дела двух своих «адъютантов». Под новый год назначено было строгое и решительное следствие. Подписавших докладную записку призывали поодиночке. «Допрос» начинался с того, кто давал призванному лицу подписать эту докладную, а затем начиналось запугивание. «Как ты смел подписать? — кричит с пеною во рту

адъютант, обращаясь к каждому призванному для следствия. — Ты знаешь, что за это тебя могут в тюрьму заточить, в Сибирь и каторжные работы отправить!! Да ты знаешь, такой-сякой...» И пошел, и пошел все на эту тему. Некоторые из стоявших перед грозным «судилищем» как лист дрожали и готовы были плакать; другие молчали и про себя стонали и скрежетали зубами. Запугивание возымело на некоторые забитые натуры свое действие: они называли тех своих товарищей, кои предлагали подать и подписать докладную записку... На столе судилища лежали табель, деньги и готово написанные листы об отречении от квартир и всяких претензий за свою прошлую службу. Это немногое, что лежало на столе, должно было иметь решительное отношение к судьбе злополучных тружеников, пожелавших иметь железнодорожные квартиры. «Адъютанты» в конце концов каждому из них предлагали подписать отречение или сию же минуту получить расчет. Думать в данном случае или что-нибудь выбирать, конечно, некогда. Завтра годовая праздник, а в кармане ни копейки денег и оставить свою семью на новый год без какого бы то ни было хлеба совсем будет безрассудно. Другого исхода для 18 человек, подписавших докладную, не было, как подписать отречение и с проклятием выйти из камеры «адъютантов».

А вот и продолжение из этого же Новороссийска.

«В железнодорожных вагонных мастерских, повестует корреспондент, в ночь на 7 ноября прошлого года два человека рабочих несли рельсу длиною около десяти футов и весом пудов шести. Шедший впереди споткнулся и упал, вследствие чего рельса одним, передним, концом ударилась о землю, а другим, задним, о плечо рабочего, несшего рельсу, и пополам перебила его ключицу. Больного отправили в лазарет, и на основании того, что причиною перелома ключицы был виновником сам несчастный, ему «начальство» выдавало плату только за четверть рабочего дня. В мастерских существует «устав», по которому окалечившихся разделяют на две категории: на лиц, получивших увечье по собственной вине, и лиц, свернувших себе шею по вине несчастного случая. Первым, если они живы, платят за половину рабочего дня, но если они лежат в жел.-дорожном лаза-

рете, то платят за четверть рабочего дня, а другую четверть удерживают за пользование услугами лазарета... О второй категории, свернувших себе шею по несчастному случаю, и говорить нечего, так как, по всей вероятности, их совсем не бывает. Перебивший себе ключицу в железнодорожном лазарете долго не вылежал, «потому что там толку не особенно много, и притом нужно платить четвертью рабочего дня». Потерпевший теперь лечится дома, так как правая рука у него еще не действует, и получает пока плату за половину рабочего дня. Будет ли рабочий попрежнему свободно действовать своею правою рукою — сомневаюсь. Но если останется на всю жизнь калекой, то обеспечит ли его управление чем-нибудь? В противном случае возбудит ли калека против управления гражданский иск? Вопросы, конечно, остаются открытыми, но при этом «случае» произошло нечто до того страшное, что умолчать о нем равносильно преступлению. Другому рабочему, споткнувшемуся с рельсой, но уцелевшему, «начальство» предложило подписать условие, по которому он обязуется, не то перед перебившим ключицу, не то перед «начальством», платить по пять коп. в день в продолжение всей своей жизни!.. Рабочий отказался подписать условие на всю жизнь, почему «начальство» приказало ему взять расчет. Дипломированное начальство слишком подозрительно и осмотрительно. Оно подумало, что шедший с рельсой впереди нарочно споткнулся, а потому должен быть ответствен... Но рабочий не счел себя виновным и отказался от дипломированной удочки — условия на всю жизнь. Тогда начальство нашло виновным самого пострадавшего, почему и выдает ему плату только за полдня. Хорошо еще, что так, а то могло быть, что и совсем не платит.

Знакомые виды, знакомые картины!

ХII

Начнем с теней (их больше) и окончим светом — его меньше, а иногда и вовсе нет. Факты из старины часто напоминают современные дни, но от того, что передает «Русский архив» в мартовской книжке, теперь бог милует.

В январе 1817 года на высочайшее имя было подано прошение женою чиновника Вязниковского духовного правления Олимпиадою Тибелляровой, в котором просительница описывает бедствия, претерпенные ею... за обучение детей грамоте. Вот это любопытное прошение:

«Тогда, когда муж мой находился сего генваря 26-го дня при должности, пришел ко мне в дом вязниковской градской полиции квартальный надзиратель Максим Сурков с учителем приуготовительного училища Михайлом Рязанцовым, начали буйственным образом допрашивать меня, не обучаю ли я грамоте детей. И как я в доме своем обучающихся, кроме сына оного же правления копииста Якова Набрекова (мною обучаемого словесности) и моего родственника 7-летнего Михайла, не имела, то в то же самое время помянутый квартальный с учителем Рязанцовым повелительным образом велели меня, яко человека, впадшего в какое-либо преступление, тащить бывшему при них десятскому наглым и бесчеловечным образом в полицию. Я сколько ни старалась, бывши в доме одна, оправдать себя в моей против законных прав невинности, особенно нащот беспорочной жизни моей, но они, приступая ко мне, не могущей иметь возможности отдалить их злонамеренный для меня поступок, схватили меня и начали бить несносными для человека побоями и, изодрав на мне платье, сделали меня почти обнаженной. Против сего несносного поступка их я, вырвавшись, тотчас побегши в правление, объявила мужу моему, приказно-служителям и бывшему там секретарю Луке Сокольскому, который, видя меня в сем злосчастном положении, нисколько не медля, за небытием в городе г-на городничего, пошел и объявил первенствующему правления присутствующему протоиерею Александру Никологорскому. Но между тем квартальный и Рязанцов забрали у меня в доме рублей на 15 книг и в том числе святцы, в коих хранились мужа моего 50 рублей ассигнациями деньги, унесли их к себе; малолетнего же помянутого родственника моего повели с собою и заключили его под стражу полиции, о чем объявляя, всеподданнейше прошу...» и т. д.

По делу Тибелляровой было произведено следствие, из которого выяснилось, что она обучала «малолетних мальчиков и дочерей (sic!) азбуке и часослову, а также

и заповедям господним, поелику родители сих малолетних детей ни под каким видом не соглашались вручать, а особенно дочерей своих, для обучения приуготовительного училища учителю Рязанцову для того, дабы они у Рязанцова, явно человека холостого, с обучающимися у него учениками, а притом еще и с возрастными, как в поведении, так и самых нравах расстроены не были. У градских же обывателей детей мужского пола никого она, Тибеллярова, не обучает и подпискою никогда и никем в необучении детей обязываема не была; а притом и с упорством против законных прав и своего правительствия ничего не чинила».

Несмотря на это, дело Тибелляровой в конце концов решилось не в ее пользу.

Владимирская консистория указом от 11 ноября 1820 года предписала духовному правлению подтвердить Тибелляровой с подпискою, чтобы она впредь детей не обучала. В пояснение этой истории нужно заметить, что полиция и училищное начальство в своих действиях основывались на вышедшем около того времени указе, воспрещавшем частным лицам заниматься преподавательской деятельностью в ущерб интересам патентованных педагогов. Пользуясь этим указом, патентованные педагоги, опираясь на содействие полиции, подняли поход против непатентованных, причем последние, конечно, не могли устоять в неравном споре, как не могла устоять и Тибеллярова.

От мрачной картины столь мрачного прошлого перейдем к светлым явлениям, с которыми связано и имя Н. В. Гоголя. Как известно, в Миргороде существует в память Гоголя училище, цель которого заключается в приготовлении хороших мастеров и рабочих. М. Н. Уска передает в «Н[овом] в[ремени]» интересные сведения об этом училище:

«Главные занятия училища следующие: живопись, ваение, скульптура, гончарное искусство, в особенности резьба на дереве и т. п. Тем из учеников или учениц, которые не имеют аттестатов об окончании курса по программе уездных училищ, преподают и общеобразовательные предметы по программе уездных училищ... Сколько мы уже видели прекрасных и положительных художественных вещей, вышедших из рук простого

мальчика или девочки. С какой любовью погонщик волков показывает свое первое произведение преподавателям и с какой гордостью он любит свою удачно сделанную вещь. Однажды мне пришлось видеть у простого казака гипсовую группу: волы, запряженные в плуг, отдыхают, а подле них важно развалился мальчишка-погонщик. «Откуда у вас эта вещичка и не сможете ли ее мне уступить?» — обратился я к казаку. «Бики, пане, — отвечал он, — ці не продажні та вони для мене дуже дорогі». — «А почему?» — «Та, бачите, це змайстрував мій хлопець. Він в школі у Гоголя».

Временами администрация училища устраивает выставку ученических работ и за лучшее из произведений выдает денежную награду. Этим она еще более поощряет учеников к безукоризненной работе. Прекрасное 2-этажное здание, в нише которого красуется отлично исполненный бюст Гоголя, служит самым лучшим украшением забытого, к стыду сказать грязного и не особенно благоухоающего города. Классы и мастерские светлые, высокие, с большим достатком воздуха и вообще со всеми правилами гигиены.

Автор выражает, однако, сожаление, что Миргород остался тем же грязным и патриархальным городишком, каким был и во времена Гоголя.

«Та же грязь, те же лужи, в которых вы рискуете потонуть и не быть замеченными. От нечистот и отбросов, выливаемых бесцеремонными обывателями, нужно затыкать себе нос или носить особенную повязку, чтобы не задохнуться от этого благовония. Мелкий скот и свиньи целыми стадами ходят по улицам, наводя на некоторых, а в особенности на детей, даже страх. Конечно, они не съедают в судах более прошений, так как вход туда им строго воспрещен, но все же лучше, если бы полиция отвела бы им более подходящее место для их прогулок. Года два назад одно из этих вкусных животных откусило у 5-летней девочки ухо. Наряжено было следствие; составлен протокол; искали всюду преступницу для привлечения к законной ответственности, но где же возможно было ее узнать между сотнями подруг?»

В заключение автор высказывает совершенно справедливое предположение, что о существовании Гоголев-

ского училища еще немногие знают у нас на Руси. Каждый принесший посильную лепту этому хорошему начинающему (sic!) делу тем воздаст должное имени покойного великого писателя и тем более увековечит его бессмертное имя. Немногим также известно, что у Гоголя есть еще в живых старушка-сестра, которая проживает в Полтавской губернии.

По сведениям «Днепр[овской] молвы» в этой школе состояло к 1 января 1898 года 105 человек учащихся (56 принято в 1897 году); из них в 1-м классе 46 мальчиков и 12 девочек; во 2-м классе 39 мальчиков и 8 девочек. Стипендиатов — 3 человека: 1 на средства Усманского уездного земства и 2 еврея на средства временного Комитета ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России; все же остальные на собственные средства. По сословиям ученики распределяются следующим образом: детей дворян — 12, духовного звания — 4, граждан — 2, мещан — 16, казаков и крестьян — 52, евреев — 19. По образованию только 8 человек окончило уездное училище; все остальные окончили сельские и церковно-приходские школы.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

ПИСЬМА к В. Г. КОРОЛЕНКО

1

Многоуважаемый Владимир Галактионович!

По приезде в Чернигов я сейчас же постарался разузнать, могу ли я, с согласия Архивной комиссии, сообщить Вам в копии весь материал, собранный ею для биографии Гл. Ив. Успенского.

Комиссия, конечно, ничего против этого не имеет, но ввиду того, что одним из членов Комиссии материал этот почти целиком использован для статьи в «Русских ведом.», часть которой уже напечатана, а часть в непродолжительном времени появится на страницах той же газеты, я не знаю, присылать ли Вам копию с имеющихся у нас документов.

В настоящее время Комиссия располагает материалом из архива Черниговской гимназии и воспоминаниями сестры Гл. Ив., живущей в Чернигове. Ожидаются еще воспоминания двух товарищей Глеба Ивановича по Черниговской гимназии и родного брата его, живущего в Чернигов. губернии.

Напечатать весь этот материал предполагается в одном из ближайших выпусков «Трудов» Комиссии, но так как последняя не располагает денежными средствами, то следующего выпуска «Трудов» ее можно ожидать не раньше будущего года.

Я просил бы Вас, глубокоуважаемый Владимир Галактионович, сообщить мне, что именно представляет для Вас интерес и чем я могу быть Вам полезным. Я с пол-

ной готовностью и с удовольствием исполню Ваше желание.

Очень сожалею, что не мог еще раз повидать Вас в Полтаве. Но даже это краткое знакомство с Вами, моим любимым автором, доставило мне громадное удовольствие и останется одним из приятнейших воспоминаний жизни.

Прошу передать высокоуважаемъ семье Вашей мое почтение.

Глубоко уважающий Вас и сердечно желающий Вам всего лучшего

М. Коцюбинский.

Чернигов. 28.IX [1]903.
Северянская, 3, соб. д
Михаилу Михайловичу Коцюбинскому.

2

30 октября 1903. Чернигов.

Многоуважаемая Евдокия Семеновна!

Прошу извинения, что только теперь отвечаю на Ваше письмо. До сих пор я не мог, по обстоятельствам, которые от меня не зависели, выслать Вам книг для отделения Обществ. библиотеки. Вместе с этим письмом посылаю Вам несколько книг. Сожалею, что их немного, так как мне искренно хотелось возможно больше подействовать Вам в таком хорошем деле.

Многоуважаемого Владимира Галактионовича еще раз благодарю за дорогой для меня подарок. Я так люблю эти книги жизни, удивительно понятой и удивительно верно отраженной великим художником.

Еще раз прошу извинить за поздний ответ и за незначительную помощь библиотеке.

Мой искренний привет и глубокий поклон Владимиру Галактионовичу.

С совершенным почтением преданный Вам

М. Коцюбинский.

26.XII [1]903. Чернигов.

Многоуважаемый Владимир Галактионович!

Спешу с ответом. Рассказ «На камне» был напечатан в «Южном обозрении» — мало распространенной среди интеллигентных читателей одесской газете, причем перевод сделан не совсем удовлетворительно, с пропуском трудных для переводчика мест.

В «Рус. вед.» Вы видели другой мой рассказ — «В цепях шайтана».

Имеющийся у Вас перевод я действительно видел и нахожу его удачным.

Прошу принять от меня искренние пожелания всего хорошего в новом году, а главным образом сил для продолжения дорогой Вам и согревающей нас всех деятельности.

Многоуважаемой Евдокии Семеновне прошу передать новогодние поздравления и пожелание всего наилучшего.

Уважающий Вас и преданный

М. Коцюбинский.

P. S. Я, конечно, очень был рад видеть свой рассказ на страницах «Рус. богатства».

9.IV [1]909. Чернигов.
(Северянская, соб. д., № 3)

Многоуважаемый и дорогой Владимир Галактионович!

Не знаю, помните ли Вы меня, мои воспоминания о встрече с Вами в Полтаве — одни из самых ярких и незабываемых.

Во всяком случае решаюсь напомнить Вам о себе и сразу же обращаюсь с просьбой.

Здоровье мое настолько плохо, что врачи посылают меня отдохнуть в Италию. Думаю поселиться на о. Капри. Тяжело было бы чувствовать себя там совершенно одиноким. Между тем на Капри живет М. Горький, значит в некотором роде земляк как славянин.

Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы на-

шли возможным прислать мне несколько рекомендательных строк к Горькому. Думаю выехать за границу в конце апреля или в начале мая, не позже.

Как здоровье Николая Федоровича? Надеюсь, ему лучше. Мой привет ему и пожелание скорее оправиться.

Супруге Вашей прошу передать мое почтение.

Всего хорошего.

Простите, что беспокою Вас своею просьбою.

С совершенным почтением

Ваш *М. Коцюбинский.*

В непродолжительном времени выйдет новая книга моих рассказов; не откажу себе в удовольствии прислать ее Вам, своему любимому писателю и maestro.

5

Многоуважаемый Владимир Галактионович!

Я так всецело отдался отдыху на Капри после страшного переутомления, что не решался взять перо в руки, хотя мне все время хотелось поблагодарить Вас за письмо к А. М. Пешкову, благодаря которому он так сердечно принял меня. Спасибо.

Алексей Максимович чувствует себя сейчас недурно, поскольку, конечно, могут чувствовать себя хорошо подобные люди вне родной обстановки. Он просил меня передать Вам большой поклон.

На меня Капри подействовал очень хорошо: я окреп и научился ходить (до поездки я едва ползал), сделал запас сил на целый трудовой год.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам книжку моих рассказов «3 глубины», только что вышедшую из печати.

Еще раз благодарю Вас. Прошу передать мое почтение и привет Вашей супруге.

Преданный Вам *М. Коцюбинский.*

P. S. Илья Яковлевич Гинцбург, который прожил на Капри несколько дней, кланяется Вам.

ПИСЬМА ИВАНУ ФРАНКО

1

...Вы, надеюсь, не очень будете сердиться на меня, узнав, что я некоторое время болел и никаким образом не мог добыть эти [«Епархиальные»] ведом[ости] у наших попов, ибо попадьи, не дождавшись конца года, использовали их, когда пекли на пасху куличи и т. п.

Сегодня я отобрал Ваши новеллы и коротко благодарю Вас за них. Если бы знали, как охотно читают Ваши рассказы все мои знакомые, как радуются...

...Сегодня еду в Киев. Хотелось бы застать г. Антоновича и еще кое-кого из наших. Из Киева заеду на могилу Шевченко, а оттуда, если не махну на пороги (так как еще не видел их), то поеду в деревню, поселюсь там на некоторое время — и за работу! А там, как сделаю что-нибудь, так и пошлю Вам, помня Ваше обещание указать мои промахи и помочь советом.

С искренним уважением *Мих. Коцюбинский.*

Адрес: Россия, г. Винница,

Под[ольская] губ., такому-то.

2

Винница. 16 октября [18]90 г.

Милостивый государь!

Письмо Ваше я получил очень недавно, так как некоторое время меня не было в Виннице — гостил у знакомых.

Примите от меня сердечное спасибо за обещанную помощь словом и делом с такой же искренностью, с какой я Вам его посылаю. Я очень рад, что не совсем опоздал с пересылкой нужной Вам книги и что она Вам пригодилась. Если только когда-либо и чем-либо я смогу быть Вам полезен, покорнейше прошу рассчитывать на мои услуги.

В Киев я выбрался «не в добрый час». Никого из моих знакомых не застал. Антонович выехал в Одессу, Левицкий в Стеблев и т. д. и т. д. Так-таки ничего нового и не узнал я в Киеве. Оттуда поехал в Канев, на могилу Шевченко, и уже окольным путем вернулся домой.

Конец новеллы ожидаю с нетерпением. Надеюсь прочесть Вашу автобиографию, которая, как я узнал из «Зори», пойдет в сборнике вместе с предисловием Драгоманова. Очень мне хочется познакомиться с Вашими произведениями «Захар Беркут», «3 вершин и низин» и др. Не откажите в любезности написать мне, пропустит ли их рус[ская] цензура; а если нет, то дорого ли будет стоять пересылка в конвертах?

Еще, когда мы виделись во Львове, я намекнул Вам о готовом переводе рассказа Потапенко «Задля хазяйства». Вы позволили мне прислать его Вам, и вот я пользуюсь Вашим разрешением.

Коль скоро перевод пригодится Вам, прошу напечатать его в «Народе». Если же он Вам не нужен, то будьте любезны, передайте его редакции «Зори», — может быть, она напечатает. Буду весьма признателен.

Еще одна покорная просьба к Вам. Я в самом деле боюсь, как бы Вы не рассердились на меня за мое желание отнять у Вас на минуту дорогое время. Заранее прошу прощения. Еще в июле месяце послал я г. Белею перевод рассказа «Люди и собаки» и просил, как только напечатает, прислать мне или хотя бы сообщить номера, где этот перевод будет напечатан. Перевод напечатали в №№ 162—164 «Діла» (знаю из «Зори»). А от г. Белея ни перевода, ни словечка, несмотря на мои письма. Не буду осуждать его — может, занят или еще что-нибудь — бог его знает! Но мне хочется иметь этот рассказ. Потому-то я осмеливаюсь обратиться к Вам с большой просьбой — купить номера «Діла», где

помещены «Люди и собаки», и выслать мне заказными письмами. Для этого посылаю 1 руб. Еще раз прошу — не сердитесь за мою смелость.

Ц. Т. Нейман передает поклон.

Поклон многоуважаемому г. Павлику.

С искренним уважением *Мих. Коцюбинский.*

Р. С. Жду благосклонного ответа.

3

С. Лопатинцы. 23 февраля 1891 г.
Ямпольский уезд.

Милостивый государь!

Знаю, очень опоздал поблагодарить Вас за посылку мне «Діла». Печальная причина этой невежливости. Два месяца моя мать пролежала в тяжелом недуге, и за это время чернила высохли, а перья заржавели. Примите же хоть теперь мою сердечную признательность за Ваш труд.

Очень сожалею, что у меня нет конца Вашей книги «В поті чола» (собственно, нет новелл «Среди добрых людей», словаря и оглавления). Припоминаю, что, выезжая из Львова, я оставил Вам только 1 кр[ону], а книга, вероятно, стоит дороже, особенно с пересылкой. Покорнейше прошу известить меня, сколько я Вам должен, и прислать мне конец книги.

Буду весьма благодарен.

«Епархиальные ведомости», коль скоро они Вам не нужны, прошу прислать: поп, ссудивший мне их, требует возвращения книги.

Что поделяете? Что интересное пишете? Я, как видите, оставил Винницу и поселился на некоторое время в Лопатинцах. Может быть, здесь усердней возьмусь за работу.

Будьте здоровы.

С совершенным почтением, искренне Ваш

Мих. Коцюбинский.

Адрес: Россия, Ст. Рахны-Лесовые.

Ю.-З. ж. д. Лопатинский сахарный завод.

Михаилу Коцюбинскому.

Милостивый государь!

В последнее время литературное движение на Украине заметно оживляется. Об этом свидетельствуют и рост литературной продукции, и расширение издательской деятельности, и распространение украинской книги не только среди народных масс, но и в интеллигентных кругах.

Как русская, так и европейская критика все чаще обращает свои взоры на нашу литературу и предъявляет ей свои требования.

За сто лет существования новейшая литература наша (по причинам, объяснить которые надлежит истории) питалась преимущественно деревней, деревенским бытом, этнографией. Крестьянин, условия его жизни, его несложная в большинстве случаев психология — вот почти и все, над чем работала фантазия, чем оперировал до сих пор талант украинского писателя. Об исключениях, очевидно, не говорится.

Такое ограничение сферы творчества неоднократно подчеркивалось не только критикой, но и интеллигентным читателем, который, кстати говоря, последнее время значительно вырос... Наш интеллигентный читатель имеет право ждать и от родной литературы более широкого поля наблюдения, верного изображения разных сторон жизни всех, а не только одного какого-нибудь слоя общества, он хотел бы встретиться в беллетристике нашей с обработкой тем философских, психологических, исторических и т. п.

Относясь с полным уважением к изучению жизни простонародья и даже полагая, что литература наша далеко не исчерпала для своих целей этой жизни, нижеподписавшиеся, однако, берут на себя смелость скромным начинанием удовлетворить, с одной стороны, потребность современного интеллигентного читателя, а с другой — вызвать среди украинских писателей больший интерес к вышенамеченным темам.

Говоря точнее, наша цель издать литературный сборник (стихи, новеллы, повести, драматические произведения), в котором хотелось бы поместить новые, ни-

где еще не печатавшиеся произведения, главным образом из жизни современной интеллигенции, а также на темы социальные, психологические и исторические.

Чистый доход от издания мы намереваемся употребить на премии за выдающиеся произведения украинской беллетристики, объявив в свое время конкурс.

Если Вы, милостивый государь, сочувствуете нашей цели, то не откажите в любезности принять участие в сборнике и присылайте материал не позднее 1 мая 1903 г. ст. ст. по адресу: г. Чернигов, Северянская ул., соб. д., Михаилу Михайловичу Коцюбинскому.

Надеемся, что дело украинской литературы дорого и Вам и потому просьба наша не останется без ответа.

С совершенным почтением

*М. Коцюбинский.
М. Чернявский.*

Чернигов.
1903.11.3.

5

25 ст. ст. V [1903.
Северянская, 3, соб. д.

Милостивый государь!

Позволяю себе еще раз напомнить Вам нашу покорную просьбу прислать что-нибудь новое для нашего альманаха. Хотя бы небольшое, хотя бы безделицу, но пришлите, — не представляю, как мы выпустим сборник без Вас, которого так любят и уважают читатели на Украине. Будьте же столь любезны, не забудьте нас.

Искренне Ваш *М. Коцюбинский.*

6

Милостивый государь!

Большое и сердечное спасибо Вам за присланные стихи!

Не менее благодарен за обещанную песню. Разумеется, я с удовольствием подожду до тех пор, пока не кончите ее.

Вашей прозой я тоже очень интересуюсь: так хотелось, чтобы сборник получился хорошим. Вы пишете, что посылаете томик своих рассказов. Пока я его не получил. Будьте добры, известите меня, каким путем Вы послали книгу. Соответственно с Вашим уведомлением я постараюсь принять все меры, чтобы разыскать ее.

Признаюсь, мне очень приятны и Ваше сочувствие к моим планам и желание помогать им. Еще раз от всего сердца благодарю Вас за это!

Желаю Вам здоровья.

Прошу не забывать искренне уважающего Вас

М. Коцюбинского.

21 ст. ст. VI [1]903.

Р. S. Посылаю Вам этнографическую программу нашей Архивной комиссии.

7

Милостивый государь!

Радуюсь удобному случаю сердечно приветствовать Вас через г. Василия Скалона, земского деятеля и известного автора ценных трудов по народному образованию в России. Буду Вам очень благодарен, если можете ему ориентироваться среди чужой обстановки при изучении литературного и просветительного движения в Галиции.

Как и всегда, искренне Ваш *М. Коцюбинский.*

8

Милостивый] гос[ударь], гл[убокоуважаемый]
д-р Иван Франко!

Мой хороший знакомый г. Дмитро Яворский едет во Львов и передаст Вам мой искренний привет. Буду очень и очень благодарен Вам, милостивый государь, если можете г. Яворскому своим советом ориентиро-

ваться в местных условиях львовской жизни, так как он впервые окажется в незнакомом ему крае. Желая Вам всего наилучшего. С глубоким уважением

М. Коцюбинский.

31.V [1]904.
Чернигов.

9

Рим. 28 мая 1905.

Милостивый государь!

Все собирался поблагодарить Вас за те приятные и незабываемые дни, которые мы провели вместе во Львове и в деревне. Пишу это сегодня, осмотрев «Моисея» Микель-Анджело, напомнившего мне Вашу чудесную поэму. Когда я стоял перед «Моисеем», мне слышались сильные [полные] огня речи, раздававшиеся в Вашем доме.

В Берлине я был у врача. Всё нервы. Вся моя болезнь от этих нервов. Не пришлось даже лежать в санатории, как я ожидал. Врач прописал определенный режим и посоветовал поскорей отправиться путешествовать, чтобы новыми впечатлениями укрепить нервы. Поэтому побывал я в Дрездене, Вене, Венеции, Флоренции, а теперь из Рима еду в Неаполь, а оттуда на юг Франции, в Швейцарию и через Вену возвращусь во Львов. Во Львове буду в двадцатых числах июня. Очень был бы рад повидаться с Вами еще раз, ибо, по правде сказать, это для меня самое большое удовольствие.

До свиданья! Еще раз искренне благодарю Вас и сердечно целую.

С глубоким уважением

Ваш *М. Коцюбинский.*

10

29 ст. ст. XI 1905 г. Чернигов.

Милостивый государь!

Не так давно я получил... Вашу поэму «Моисей», а теперь узнал у г. Гнатюка, что это Вы прислали мне книгу. Трудно выразить, с каким удовольствием, с каким наслаждением прочел я ее. Еще слушая поэму в Вашем чтении, я был увлечен ею, а теперь — она

произвела на меня еще большее впечатление. Сердечно благодарю Вас не только за память, но и за это прекрасное, высокопоэтическое и глубокое произведение. Теперь, когда граница фактически открыта, «Моисей» увидит и украинский мир, и это меня радует несказанно.

Сегодня мы получили, наконец, закон о свободе печати. Хотя он плохонький и куций (относится только к периодическим изданиям), а все же для нас он имеет большое значение. Украинские газеты и журналы начнут расти вскоре, как грибы после дождя, и этот факт, по-моему, будет иметь влияние и на галицкую прессу, которая ведется так невозможно, что попросту противно взять в руки периодическое издание, особенно ежедневное.

А впрочем, кто его знает, что еще у нас будет. В воздухе пахнет реакцией, а значит, и порохом. Мы все совершенно изверились в искренности и добросовестности мошеннического правительства; после манифеста 17-го оно все больше уклоняется вправо. Все у нас надеются лишь на смертельную схватку, в которой либо погибнем, либо победим. Близорукому оптимизму нет места. Теперь невозможна никакая спокойная творческая работа. Мы живем, как на вулкане, или, лучше, мы сами тот вулкан, жерло которого слепое правительство хочет засыпать щепками и таким образом остановить извержение.

Что там у Вас слышно? Сейчас представляю себе Вас, как, сидя за столом, Вы плетете сеть — веревочную для рыбы, словесную — для человеческих душ. Если бы эта сеть плелась подольше, может быть мы имели бы еще не одну такую прекрасную вещь, как «Моисей».

Боюсь просить Вас написать когда-нибудь мне несколько слов, так как знаю, что времени на это у Вас мало. Между тем хотелось бы услышать что-нибудь о Вас и о Вашей работе.

Искренне целую и обнимаю Вас, мой дорогой.

С глубоким уважением

М. Коцюбинский.

ПИСЬМА М. Ф. КОМАРОВУ

1

С. Лопатинцы. 3 марта 1892 г.

Милостивый государь!

Вот уже третий день, как я поднялся с постели и едва-едва волочу по комнате ноги, до того замучила меня болезнь.

Мне очень хотелось откликнуться на Ваше любезное приглашение — прислать что-нибудь в сборник, и, еще не оправившись как следует, я взялся за работу и кончил рассказ, который специально писал для «Запомоги». Боюсь только, что опоздал и что все мои старания ни к чему не приведут. Шлю Вам (посылкой) «На веру» и рассказ «Пятизлотник». Не знаю, понравится ли Вам, но я очень был бы Вам благодарен, если бы Вы любезно согласились исправить, что можно, и сообщить свое мнение о моих работах. «Киевская старина» просит меня перевести «На веру» на русский язык. Как вы думаете, стоит ли это делать, или отказаться?

Сердечное спасибо, дорогой мой, за Ваше обещание порекомендовать мне географический материал, необходимый для описания путешествий. С нетерпением жду Вашего совета в этом деле.

Не менее благодарен Вам и за то, что Вы обнадежили П. Боржковского. Он кое-что послал Вам, но не знает, дошло ли, так как посылка была отправлена не на Ваш адрес.

Посылки (одесские книги) я не получил; может быть, она затерялась на почте, или с ней приключилось что иное, однако я не знаю, как и благодарить Вас, что Вы не забываете меня. Еще раз сердечное, большое спасибо!

Будьте любезны, напишите, как обстоит дело с «Запомогой», когда она должна выйти и много ли Вам прислали материалов. Меня это очень интересует и поэтому нетерпеливо жду Вашего письма.

Будьте здоровы!

С глубоким уважением искренне Ваш *Мих. Коцюб.*

Уважаемой семье Вашей мой сердечный привет.

Ст. Рахны-Лесовые
Лопат. сах. зав.

2

24.XI [18]93 г. Винница.

Многоуважаемый Михайло Федорович!

Не найду слов, чтобы выразить Вам свою признательность, которая навеки останется в сердце моем, за Ваше расположение ко мне, расположение, мной не заслуженное.

Ваше письмо обрадовало меня уже тем, что г. Симиренко, которого Вы побеспокоили, обещает при удобном случае что-то сделать для меня.

Прошу ответить г. Симиренко, что бухгалтерию я знаю настолько, что могу самостоятельно вести счетоводство. Кроме того, должен поделиться с Вами некоторыми своими соображениями. Я думаю, что г. Симиренко безразлично, на какое место рекомендовать меня, — на место ли помощника бухгалтера, или на место бухгалтера. Для меня же это имеет большое значение. По правде сказать, мне уже так надоело бедствовать, что я хотел бы, как только явится возможность, улучшить свою жизнь. Так вот, не могли бы ли Вы, уважаемый Михайло Федорович, в письме к Симиренко политично намекнуть, что он может рекомендовать меня и на место с большим жалованьем, чем получаемое мною (я зарабатываю 50 руб. в месяц). Ему это безразлично,

а для меня, отмечу еще раз, имеет огромное значение.

Полагаю, что мои надежды не развеются, как дым, и что за это я снова буду благодарить Вас.

Будьте здоровы!

С глубоким уважением искренне Ваш *М. Коцюбинский*.

Глубокоуважаемой семье Вашей вместе с низким поклоном шлю сердечный привет.

3

17 января [18]94 г. Винница.

Многоуважаемый Михайло Федорович!

Отвечая на Ваше последнее письмо от 29 декабря, я просил уведомить меня, согласно ли «Дитят[ковское] товар. писчб. фабр.» предоставить мне место помощника бухгалтера в Одесской конторе, и, в случае согласия, когда мне приехать в Одессу.

Между тем с таким нетерпением ожидаемый ответ не приходит, и я не знаю, могу ли я надеяться на обещанное место, или должен искать другое.

Я уже совсем выздоровел и вынужден что-либо предпринять, вынужден искать себе какое-нибудь место, так как до смерти не хочется ехать на филлоксеру. Нежелание заниматься филлоксерой появилось у меня не потому, что там много тяжелой работы. Я не боюсь и самой тяжелой работы, наоборот, я ищу настоящей работы. Но у меня свои особые причины, которые я не могу Вам открыть в письме. Однако принужден буду ехать в Бессарабию, если до весны не найдется другого места.

Через несколько дней думаю поехать в Киев, может быть там, при помощи добрых людей, удастся что-нибудь сделать. Однако подожду ответа Вашего, может быть мне и не нужно будет ездить в Киев.

Будьте же добры, уважаемый Михайло Федорович, напишите мне, как обстоит дело с местом в Дитят. тов., чтобы я знал, как собою располагать в дальнейшем.

С глубоким уважением

искренне Ваш *М. Коцюбинский*.

28 мая [18]95 г. Симеиз

Многоуважаемый Михайло Федорович!

Крым произвел на меня такое сильное впечатление (красота природы не только поразила меня, но и подавила), что я ходил здесь, как во сне, и только теперь, через 3 недели, немного освоюсь и привыкнув, мог взяться за перо, чтобы написать Вам несколько слов и отослать обещанные г. Волошину колядки.

Благодаря Вам г. Имшенецкий принял меня очень тепло. Мне тоже очень понравился этот добрый, деликатный и симпатичный человек.

Назначили меня в Симеиз, в 18 верстах от Ялты, где я и работаю с солдатами меннонитами. Я неожиданно встретил в Симеизе Немцовича, который служит здесь виноделом, и поселился у него. Немцович шлет Вам поклон.

Работа здесь — особенно если ее сравнивать с лихорадочной деятельностью в Бессарабии — показалась мне очень легкой. У меня много свободного времени, и я думаю воспользоваться досугом.

Простите, уважаемый Михайло Федорович, что не возвращаю Вам долга: в этом месяце было так много расходов, что совершенно не из чего было урвать, в июне уж с благодарностью возвращу этот долг.

Переписываю для г. Волошина те колядки, которые нашел у себя; не знаю только, пригодятся ли они ему.

Будьте здоровы и не забывайте искренне уважающего Вас

М. Коцюбинского.

Глубокоуважаемой семье Вашей шлю поклон.

Адрес: Алушка, Таврич. губ.

Старшему расследователю Крымского филлоксерн. комитета.

30 августа [18]96. Алушта.

Глубокоуважаемый Михайло Федорович!

Посылаю вместе с этим комедию г. Еремеева п[од] з[аглавием] «Шляхта»; должен Вам оказать несколько

слов о самом авторе этой комедии, а потом обратиться с большой просьбой. «Шляхта» — первое произведение молодого автора, еще не уверенного в собственных силах, поставленного в тяжелые для творчества условия: г. Еремеев — офицер, находящийся на службе где-то во Владимирской губернии.

От судьбы его литературного первенца «Шляхты» зависит, наверно, вся его будущая писательская деятельность.

Поэтому-то, желая подбодрить автора, я и посылая его комедию на суд кружка писателей наших, которые и признали у г. Еремеева талант, но не решились сказать, не будучи специалистами, насколько пьеса годна для сцены. Без уверенности, что пьеса пойдет на сцене, не стоит посылать ее в драматическую цензуру.

Теперь же я приступаю к изложению своей покорной просьбы к Вам, уважаемый Михайло Федорович!

Как раз нынче я услышал, что г. Кропивницкий собирается в начале сентября в Одессу и, наверно, Вы увидите с ним.

Не будете ли Вы столь добры попросить г. Кропивницкого просмотреть «Шляхту» и сказать, годна ли она для сцены и стоит ли ее посылать в драматическую цензуру. Я уверен, что г. Кропивницкий сделает это для Вас, и таким образом Вы окажете начинающему автору одолжение.

Если бы г. Кропивницкий не приехал в Одессу или почему-либо не смог прочесть «Шляхту», то нельзя ли ее послать на просмотр г. Карпенко-Карому?

Будьте добры, сделайте, что возможно, для г. Еремеева, а то вопрос о его комедии так затянулся (по разным причинам), что у автора уже руки опустились, и он думает, что этому делу и конца не будет.

До 1 ноября (значит, еще 2 месяца) пробуду в Крыму, покорнейше прошу Вас писать мне в Алушту (филлоксерный отряд).

С нетерпением буду ждать ответа, чтобы подать г. Еремееву какую-нибудь весточку о его работе.

Живется нам в Алуште хорошо. Нанимаем отдельную дачку, купаемся в море. Людей только маловато, так и рвешься в свой край.

Недавно я Вам послал свой рассказ «Для общего

блага». Не знаю, получили ли Вы его. Что у Вас нового? Как «Словарь»?

Жена моя шлет поклон гл[убокоуважаемой] супруге Вашей и Вам. От меня тоже сердечный привет всей Вашей семье.

С глубоким уважением

М. Коцюбинский.

6

13 октября [18]96 г. Куру-Узень.
(Почта: Алушта, Тавр. губ.)

Многоуважаемый Михайло Федорович!

Так давно не получаю от Вас ответа на мое последнее письмо, что уж думаю, не затерялась ли посылка («Шляхта», комедия), а вместе с ней и письмо. А между тем я, а еще больше автор комедии — Еремеев, нетерпеливо ждем Вашего благосклонного ответа и поддержки в известном Вам деле.

Не откажите в любезности безотлагательно известить меня о судьбе «Шляхты», есть ли надежда, что она попадет на сцену, и стоит ли ее посылать в цензуру. Мне хотелось бы так или иначе удовлетворить понятный интерес автора.

Очень и очень приятно мне было увидеть Ваш портрет в «Зоре» и прочесть хоть коротенькую биографию, написанную Крымским. Знакомые с предыдущими Вашими трудами читатели «Зори» (вместе с ними и я) давно уже хотели видеть Ваш портрет среди портретов лучших и наиболее заслуженных деятелей украинской литературы. Итак, дай Вам боже еще долгих и счастливых, полезных для Украины лет жизни!

Из новостей — может, для Вас уже и не новых, — у меня, между прочим, вот какие: Лукич сообщил мне, что с начала 97 г. бесповоротно отказывается от редактирования «Зори». Намечая нового редактора, надо действовать в том направлении, чтобы он (редактор) был человеком, близко стоящим к нам, украинцам, а то как выберут какого-нибудь «ярого» галичанина, а он как захочет «чистить» язык украинских писателей, то мало кто отсюда и станет писать в «Зорю» и она от этого много потеряет.

Цензура разрешила Тимченко выпустить «Словарь»,

и первый том (А — О) уже печатается. В Киеве вышла повесть Левицкого «Переменился», которая как раз теперь печатается в «Зоре».

Читаете ли «Життя і слово»? Я получил уже три книги; интересные.

Живу теперь в 25 верстах от Алушты, в глухом татарском селении, и бедствую. Жена — вот уже месяц кончается — уехала домой. 1 или 2 ноября двинусь и я домой через Одессу, тогда увидимся, а пока все же прошу Вас написать мне относительно комедии Еремеева.

Что у Вас нового и любопытного слышно? Как Ваше здоровье?

Семье Вашей посылаю сердечный привет.

С глубоким уважением искренне Ваш

М. Коцюбинский.

7

24 января [18]97. Винница.

Многоуважаемый пан Михайло!

Пишу Вам, лежа в постели: простуда уже третий месяц не дает мне встать. Так пропали и мое свободное время и мое желание что-нибудь сделать за зиму. Еще как на беду отнялась была правая рука — и хоть плачь, ни строчки не нацарапать! Но вот уже недели три рука немного поправилась, и за это время я написал рассказ для «Життя і слова» — «Посол черного царя». Но какое там писание, лежа в постели!..

Вспомнил, что Вы обещали сообщить мне о судьбе комедии Еремеева «Шляхта». Очень меня интересует, а еще больше автора, что сказал о комедии Карпенко, а Вы, помню, обещали дать на его суд произведение Еремеева.

Будьте любезны, известите меня о результатах критики Карпенко, так как автор наседает на меня.

Посылаю Вам заказной бандеролью свой рассказ «Пе-коптьор». Выправьте только опечатки, там их бесчисленное множество.

Жена и ребенок, слава богу, здоровы и веселы.

Вместе с женой посылаем Вам и всей семье Вашей самые сердечные приветствия.

Искренне Ваш *Михайло Коцюбинский.*

28.X [18]99.

Глубокоуважаемый Михайло Федорович!

Года три или четыре прошло, как я передал Вам комедию г. Еремеева [под] [названием] «Шляхта». Затем несколько раз я просил Вас вернуть ее мне, но Вы, очевидно, были заняты и не имели времени прислать мне комедию.

Теперь г. Еремеев настойчиво просит, чтобы я вернул ему рукопись, и, конечно, немедленно.

Надеюсь, Вы примете во внимание неловкое мое положение перед автором «Шляхты» и не медля вышлете мне рукопись г. Еремеева.

Жду посылки.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

Мой адрес: г. Чернигов, Северянская, № 3, соб. дом.

Михаилу Михайловичу Коцюбинскому.

14.III [1]900. Чернигов.
Северянская, № 3, соб. д.

Глубокоуважаемый Михайло Федорович!

Письмо Ваше и посылку, спасибо Вам, получил. Я очень обрадовался, что комедия Еремеева нашлась, ибо мне было очень неудобно перед автором «Шляхты», да и Вам мне пришлось докучать письмами. Но все хорошо, что хорошо кончается, и теперь все мы удовлетворены.

Приятно было узнать, что IV и последний том Вашего очень ценного словаря уже вышел. У меня только три тома, и, конечно, выпишу себе четвертый, но только не знаю, благосклонна ли к нему наша цензура. Как бы было хорошо, если бы вслед за этим словарем Вы выпустили другой — украинско-русский! Это, может быть, не был бы такой большой и тяжелый труд, но не менее полезный и необходимый.

Вы вспоминаете о моих произведениях. Я всецело разделяю Вашу мысль, что нам следовало бы подумать о более солидных украинских изданиях, чем те тонень-

кие брошюрки, какие сейчас большей частью выходят на Украине. Итак, я готовлю и вскоре дам в цензуру сборник рассказов. Должен выйти порядочный томик, если цензура не съест.

Именно теперь выпускаю отдельным изданием свой рас[сказ] «Для общего блага» как оттиск из альманаха «Хвиля за хвилею», разрешенного цензурой в конце 1899 года. Этот альманах печатается у нас в Чернигове и состоит из произведений украинских и галицких авторов. Книга выйдет изрядная, около 400 страниц, и между тем дешевая, не дороже 75 коп. экземпляра. Выйдет, может быть, к пасхе.

Что нового у Вас? Вы ничего, к сожалению, не пишете ни о себе и своей работе, ни об одесских новостях, хотя бы литературных, а между тем Одесса занимает не последнее место среди украинских городов.

Не могли бы Вы мне дать адрес Чикаленко?

Посылая Вам и глубокоуважаемой супруге Вашей от себя и от жены сердечный привет, прошу не забывать уважающего Вас

М. Коцюбинского.

10

17.III 1902. Чернигов.

Глубокоуважаемый Михайло Федорович!

Посылаю Вам одновременно с этим бандеролью свой рассказ «Дорогой ценою». Примите его как знак моего искреннего уважения и признательности.

Этот рассказ себе на беду я издал на собственный счет — 500 экземпляров, а теперь не знаю, как бы их сбыть. Часть взял книжный магазин «Киевской старины», а остальное лежит у меня.

Если бы Вам было нетрудно помочь мне пристроить хоть небольшую часть издания в Одессе, я был бы Вам весьма благодарен. Цена книжки 40 коп. При наличном расчете я готов сделать уступку до 40%, а при сдаче на комиссию только 25%.

Если выяснится, что в Одессе книги можно пристроить, напишите, пожалуйста, когда, кому и сколько экземпляров выслать. Очень благодарен буду.

В последнее время я что-то расписался, за полгода написал целый томик..

Вчера послал в цензуру большой том своих рассказов (14), выбрав, какие понравятся цензуре. В томе будет больше четырехсот страниц.

Как Ваше здоровье и над чем теперь работаете? Мы так редко видимся, что я не знаю почти ничего о Вас.

Привет от меня и моей жены Вашей семье.

Жду благосклонного ответа.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

ПИСЬМА ПАНАСУ МИРНОМУ

1

Милостивый государь,
многоуважаемый Панас Яковлевич!

Написав мне, Вы, наверно, и не думали, какую большую радость, какое удовольствие доставите мне этим письмом! Вы, наиболее почитаемый мною украинский писатель, сила и краса нашей литературы, Вы откликнулись так тепло, так доброжелательно, согрели, обнадежили и тронули меня до слез.

Чтобы Вы представили себе, какие счастливые минуты принесло мне Ваше письмо, я признаюсь, что собиравшись в прошлом году в Полтаву специально к Вам — умолять, чтобы Вы не оставляли украинского пера и на своих могучих плечах вознесли славу украинской литературы.

Мой пиетет к Вам разделяют и земляки, вот почему не удивительно, что мы до такой степени обрадовались, прочитав Вашу новую работу «Морозенко».

Вы столь благосклонно отнеслись, милостивый государь, к моим безделицам, что мне даже стыдно. Я так недавно начал писать (хотя мне 33 года) и так немного написал (поскольку я занимаюсь литературой как дилетант), что мне нетрудно будет перечислить все мои труды. В Ваши руки попали первые мои работы, проба пера. Кроме известных Вам рассказов, напечатаны: «На веру», повесть, в «Правде», в 92 году; потом в «Зоре» и отдельными изданиями: «Цеповяз», рассказ «Отомстил», «Хо», сказка; «Песня», листок из дневника, «Для общего блага», рассказ, «Пе-коптьор», набросок из мол-

давской жизни; «Посол черного царя», рассказ в «Житти і слове» — вот, кажется, и все, если не считать мелочей, разбросанных по всяким заграничным периодическим изданиям. Все упомянутые работы печатались между 1893—1897 годами. Кое-что — «Харитя», «Елочка», «Пятизлотник», «Отомстил» и «Посол черного царя» — переведено на русский язык, но все переводы невероятно плохи. Теперь рассчитываю издать в России томик — страниц 300—350 — моих рассказов из молдавской жизни, так как, прожив несколько лет в Бессарабии, присмотрелся немного к местной жизни. Откровенно признаюсь, литературный червь хоть и точит меня, но очень часто передо мною встает вопрос: для чего? Будет ли толк из моей работы? Тяжело работать без критики, не подбадривает, не поддерживает эта тишина кругом; трудно пробираться в темноте ощупью, не зная, что даешь: зерно или мякину? Благоклонное же слово, подобно Вашему, имеет еще и то значение, что придает силу и смелость, пробуждает надежду и энергию. К большому сожалению, у меня нет сейчас ни одного экземпляра сборника рассказов, чтобы послать Вам. Вскоре добуду и пришлю. Мне хочется, даже очень хочется испробовать свои силы на большой вещи, на романе, но страшно. Ну, да об этом в другой раз, если позволите еще написать Вам. Посылаю Вам свой снимок в знак моего глубокого уважения. Прошу Вас — и очень прошу — прислать мне свой. Буду счастлив, если напишете мне о своих работах, которые меня, без всякого сравнения, больше интересуют, чем собственные. А пока что приветствую Вас сердечно.

Глубоко уважающий Вас *Михайло Коцюбинский*.

9 мая 1898. Чернигов.
(Губернская земская управа.)

2

Милостивый государь!

Вы доставили мне огромное удовольствие, прислав свою фотографию и рассказы; от всего сердца выражаю Вам за это искреннюю благодарность.

Досадно, что так долго не имел возможности исполнить Ваше желание, то есть прислать кое-какие свои

рассказы, вышедшие отдельными книжками. Только сегодня мне их прислали, тороплюсь присоединить их к этому письму и одновременно выслать.

Пожалуйста, прочитайте и, хотя бы коротко, выскажите мне свое мнение о них. Ваше мнение, Ваше слово, благосклонное или горькое, имеет для меня большое значение.

Ваши произведения очень влияли на меня: помимо очаровавшего меня громадного литературного дарования, я видел в них широкий и свободный размах мысли — собственно то, чего недостает почти всем нашим беллетристам.

Я читал и перечитывал Ваши романы, упивался ими, и живая печаль охватывает меня, когда подумаю, что «Гулящая» не окончена.

Как был бы я счастлив, если б услышал от Вас, что третья часть «Гулящей» все-таки увидит свет, а за ней появятся еще хотя бы два, хоть один роман, подписанный Панасом Мирным.

Вы, наверно, читали уже в газетах известие о том, что министерство внутренних дел утвердило статут нового благотворительного общества имени Шевченко, которое имеет в виду помогать недостаточным ученикам-украинцам. Может быть, у Вас более широкие сведения об этом, поделитесь, пожалуйста, со мной, так как я не связан с Петербургом и не могу как следует разузнать, в чем дело.

Я теперь готовлю к цензуре томик (страниц в 300—350) рассказов из молдавского быта. Хочу, чтобы издание было европейским, с хорошими иллюстрациями, но, на беду, не могу найти толкового, знающего Бессарабию, иллюстратора. Может быть, у Вас в Полтаве найдется такой? Простите, что пишу на этот раз немного: мне хотелось бы поскорее сдать посылку на почту и поэтому за недосугом пишу эти несколько слов.

Приветствую Вас самым сердечным образом и надеюсь, что наше, такое милое для меня, знакомство не кончится на этом письме.

С глубоким уважением, неизменно преданный Вам

М. Коцюбинский.

10 июля [18]98 г.
Чернигов.

Милостивый государь!

Пишу Вам несколько слов по делу: мы, то есть Самийленко, Гринченко, Коваленко и я, собираемся издавать альманах, в который будут включены произведения лучших наших писателей, отчасти изданные за границей, отчасти новые, еще не издававшиеся. Конечно, материал для альманаха тоже должен удовлетворять требованиям цензуры.

Все мы уверены, что Ваше имя украсит наш альманах и обеспечит его распространение, поэтому-то я от имени нашего «литературного комитета» обращаюсь к Вам с огромной просьбой прислать в этот альманах какой-нибудь рассказ свой, хотя бы в 1 печ. лист. Весьма желательно, чтобы рассказ мы получили не позднее 25—30 августа сего года. Гонорар платить не можем, так как начинаем дело на деньги, взятые в долг, можем лишь дать несколько экземпляров альманаха (1 экземпляр за каждые 2 печатные страницы рассказа). Правда, это очень мало, но что же делать, если мы не богаты? Надеюсь, что Вы отзоветесь на нашу огромную просьбу и пришлете в альманах что-нибудь, хотя бы безделицу.

Получили ли Вы посылку, которую я выслал Вам недавно?

Примите самые сердечные и искренние приветствия от всегда

Вашего *М. Коцюбинского.*

22 июля [18]98 г. Чернигов.

Милостивый государь!

Только что возвратившись в Чернигов, прочитал Ваше письмо и отвечаю.

Ваши благосклонные замечания имеют для меня большое значение, и хотя не со всеми замечаниями я могу согласиться, однако сердечно благодарю Вас за советы и критику.

Пишу на скорую руку, в Чернигове, занятый всякими делами, поэтому не имею возможности остановиться на

пунктах, по поводу которых не могу согласиться с Вами; в другой раз поделюсь своими мыслями, а теперь несколько слов о делах альманаха.

Сказка Ваша нам всем известна, у меня даже есть отдельный оттиск, беда только в том, что такую прекрасную вещь наши альманашники не решаются поместить оттого, что она написана для детей, а мы намеревались печатать для взрослых, для интеллигенции.

От себя и от всех причастных к альманаху прошу Вас, многоуважаемый Панас Яковлевич, пришлите нам что-нибудь из своего портфеля; не утруждайте себя перепиской, я все это беру на себя, присылайте измаранный черновик, все равно, лишь бы прислали, лишь бы украсили наш альманах. Разрешите надеяться, что наша просьба не будет напрасна и что вскоре мы получим от Вас хотя бы небольшой подарочек для нашего сборника.

Искренне приветствую Вас!

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

18 августа [18]98 г.

5

Глубокоуважаемый Опанас Яковлевич!

Прошу меня извинить, что только сейчас посылаю оригинал Вашего рассказа «Среди степей». Копия снята так, как Вы хотели, и сверена с Вашей рукописью. Рассказ пойдет во 2-м томе нашего альманаха (первый, «Хвиля за хвилею», на этих днях выходит из печати, и я вскоре пришлю Вам его).

Теперь обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Опанас Яковлевич, вот по какому делу: во Львове, как Вам известно, еще в прошлом году начала свою деятельность «Видавнича спілка». Товарищество издало до настоящего времени больше двадцати книг, большей частью дельных, и, как пишет мне директор общества г. Володимир Гнатюк, очень хотело бы издать Ваши произведения в четырех-пяти томах.

Г-н Гнатюк, не зная Вашего адреса, просил меня договориться с Вами по этому делу. Он пишет, что Товарищество, если бы Вы дали на это согласие, наметило такой порядок издания Ваших произведений:

- т. I — «Лиходеи» (я читал, что уже вышел);
т. II — «Гулящая» (есть радостный слух, что Вы ее кончили);
т. III — мелкие рассказы;
т. IV — «Пропавшая сила» (Разве ревут волы, если ясли полны).

Кроме того, Товарищество очень просит Вас, если Вы согласитесь с его проектом, прислать и свою фотографию, а также спрашивает, не согласились ли бы Вы открыть свой псевдоним?

Я как ревнитель украинской литературы и горячий поклонник Вашего таланта позволю и себе присоединиться к просьбе Товарищества, чтобы Вы разрешили издать в Галиции Ваши произведения.

Надеемся, что цензура пропустит (хоть некоторые) издания Товарищества на Украину. По моему совету издательское Товарищество обратилось к кн. Шаховскому, начальнику Главного управления по делам печати, с просьбой пропустить в Россию издания Товарищества. Кн. Шаховский весьма расположен к П. О. Кулишу, а среди изданий Товарищества есть произведения Шекспира в переводе Кулиша. Одновременно и госпожа Кулиш, которая знакома с Шаховским, обратилась к нему с письмом. Может, что-нибудь из этого и получится.

Не откажите же в любезности, милостивый государь, написать мне, разрешаете ли Вы Товариществу издавать Ваши произведения и на каких условиях.

Если Вы захотели бы сговориться непосредственно с г. Гнатюком, то известите, и я тотчас сообщу его адрес.

Жду Вашего любезного ответа на это письмо.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

31.V [1]900. Чернигов.
Северянская, № 3, соб. д.

Милостивый государь,
Глубокоуважаемый Опанас Яковлевич!

Спешу поделиться с Вами новостью: цензура пропустила, наконец, посвященный памяти Кулиша альманах, и его начали печатать в Киеве.

Правда, не обошлось без потерь — цензура выбросила письма Кулиша, окорнали его биографию (на украинском языке) и покалечили немного «Среди степей», стихи Крымского, а особенно мой рассказ «Куколка». Во всех упомянутых вещах выброшено мало, а вот мою исказили так, что не знаю, можно ли будет печатать.

Вы, наверно, сердитесь на меня, так как давно уже не писал. Сердитесь, что я ничего не дал в альманах памяти Гоголя. Поверьте, что в последнее время я ничего не мог делать, все болел, да и теперь тоже плохо себя чувствую.

Прошу простить мне мою вину, если это можно назвать виной.

На этих днях писал мне из Львова г. В. Гнатюк, редактор «Вісника». Он поручил просить Вас дать на 1903 год «Віснику» Вашу «Гулящую». Если бы Вы согласились, «Вісник» перепечатал бы то, что уже вышло в «Раде», прибавив новые части (окончание), которые Вы прислали бы в редакцию. Г-н Гнатюк умоляет Вас не отказать в его просьбе, ибо то, что повесть напечатает за границей, нисколько не помешает изданию в России, заграничные издания не доходят к нам, а наши — к ним.

Я просил бы Вас написать мне, что Вы об этом думаете.

Как-то Вы писали, уважаемый Опанас Яковлевич; что полтавцы думают приобрести у меня мой рассказ «Дорогой ценою». Я уже снизил цену книжки с 40 до 25 коп., и если бы у меня взяли за наличные деньги экземпляров 100; я уступил бы процентов 40, то есть отдал 100 экземпляров за 15 рублей. Делаю такую большую скидку потому, что я человек не коммерческий, заниматься продажей книг не умею и хочу сбыть издание, лишь бы вернуть свои деньги. Я очень и очень был бы Вам благодарен за помощь в этом деле и прежде всего прошу простить, что беспокою Вас своими просьбами.

Надеюсь вскоре получить от Вас ответ и убедиться, что Вы на меня не сердитесь уже.

Сердечно желаю Вам здоровья.

С глубоким уважением Ваш М. Коцюбинский.

2.X [1902.
Чернигов.

З. VII [1]903. Чернигов.
Северянская, 3, соб. д.

Глубокоуважаемый Панас Яковлевич!

Не мог до сих пор ответить на Ваше последнее письмо по многим причинам, между прочим и потому, что был тяжело болен.

Спасибо большое за присланный материал, хотя, по правде сказать, надеялся от Вас получить рассказ.

К сожалению, не могу согласиться с высказанными Вами мыслями о задачах нашей литературы. Прежде всего должен заметить, что мы совсем не имели в виду вообще отказываться от произведений из жизни деревни, как Вы поняли из нашего письма. Боже сохрани! Ограничивать источники творчества совсем не наша программа, мы, как раз наоборот, хотим расширить и углубить их. Об этом говорилось и в письме, где мы писали, что жизнь деревни еще не исчерпана целиком нашей литературой. Задумав издать сборник, в котором почти не было бы произведений из жизни крестьян, мы только хотели произвести опыт, хотели обратить внимание наших литературных сил на другие слои общества, на интеллигенцию, фабричных рабочих, армию, высший свет и т. п. Я никак не могу согласиться, что нам не следует брать темы из жизни нашей интеллигенции на том основании, что ее будто бы у нас нет... Выработка культурного типа, как известно, зависит не только от национального или политического сознания. Культурный тип слагается в зависимости от историко-культурных, географических, климатических и других условий. По психологическому и культурному складу украинский интеллигент, Вы сами это признаёте, отличается от интеллигента великорусского, немецкого, английского и т. д.

То, что наш интеллигент будет пользоваться украинским языком или разделять те или иные политические взгляды, мало изменит дело. «Каждая литература, пишете Вы, если она не хочет быть мертвой, а живой, сможет передать только то, что дает сама жизнь». Сущая правда! Но именно потому, а также потому, что она зеркало каждого мгновения жизни, она не обязана ограничиваться крестьянским бытом, а должна

давать правдивый образ жизни всех слоев общества. Ведь если бы литература ждала каких-то условий соответственно каким-либо планам или программе, то ничего бы не дождалась (ведь и планы и программы находятся в движении), она погибла бы навсегда и перестала бы быть литературой. Тредьяковщина вырабатывается не оттого, что литература стремится охватить более широкий круг наблюдения и занимается «высокими материями» (как Вы пишете), а оттого, что она отдаляется от живых источников жизни. Согласитесь, что последнее зависит больше от автора, так как можно писать только о деревенской жизни и все-таки быть Тредьяковским.

Потому-то мы и не страшимся выйти из тесных границ современного литературного направления и хотим произвести опыт. Может быть, этот опыт не удастся, но намерения у нас хорошие.

У нас уже есть значительный материал для сборника, особенно много стихов. Принимая во внимание последнее, я просил бы Вашего разрешения печатать не все Ваши стихи, а часть. Если разрешите, благоволите уведомить. Когда сборник будет готов, я сообщу Вам его содержание. Как же Ваше здоровье, дорогой и уважаемый Опанас Яковлевич, пишете ли что-нибудь новое? Меня это очень интересует.

Будьте же здоровы. Сердечно желаю Вам всего наилучшего.

С совершенным почтением, искренне преданный Вам

М. Коцюбинский.

8

Многоуважаемый Панас Яковлевич!

Г-н В. Гнатюк обратился ко мне по делу, с которым хотел обратиться к Вам, но не знает Вашего адреса и поэтому просит меня выручить его. Лучше всего перепису часть его письма: «Американские русины празднуют в конце этого года 10-летний юбилей основания своей газеты «Свобода». По этому случаю они хотят издать, значительно расширенный, юбилейный номер, в котором желают дать статьи, стихотворения, лучшие вы-

сказывания и т. п. различных наших людей (не только писателей) с их портретами и автографами. Они хотят, чтобы в их празднике приняли участие и галичане, и буковинцы, и украинцы для подтверждения национального единства и для возможно большей моральной поддержки наших заморских переселенцев».

Итак, г. Гнатюк очень Вас просит дать что-нибудь небольшое для этого номера «Свободы» вместе с фотографией и автографом.

Если Вы согласны исполнить его желание, то благоволите прислать на мой адрес все это до 1/XI н. ст., так чтобы 19-го сего месяца я мог уже отослать ему. По моему мнению, следовало бы помочь «американцам».

А я все вспоминаю Полтаву и давно желанную встречу с Вами. Мне, видите, так мало было всего этого, что не перестаю сожалеть. Надеюсь, что Вы когда-либо к нам заглянете; мы все будем страшно рады и благодарны Вам, а я-то, наверно, больше всех.

Прошу засвидетельствовать глубокоуважаемой супруге Вашей мое почтение, а мальчиков прошу поцеловать, они мне очень понравились.

Моя жена посылает Вам и Вашей супруге привет.

С глубоким уважением, как и всегда, искренне Ваш

М. Коцюбинский.

1.X [1]903. Чернигов.

ПИСЬМА к Б. Д. ГРИНЧЕНКО

1

6 ст. ст. июня [18]94 г., с. Джурджулешты.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 17 мая сего года не застало меня в Виннице; странствуя по Бессарабии, я получил его только на этих днях, поэтому не удивляйтесь, что отвечаю так поздно.

Не останавливаюсь долго на том, нравится ли мне Ваше намерение напечатать серию народных и детских книг; выражаю только свою радость по поводу того, что Вы взяли это дело в свои руки, ибо давно уже чувствуется настоятельная необходимость в упорядочении изданий для народа.

С величайшей охотой соглашаюсь дать свою «Харитю» и «Елочку» в Вашу серию. Пожалуйста, перепишите эти рассказы из «Дзвінка», выправьте все погрешности, какие найдете в языке, и дайте в цензуру. Гононар мне безразличен, что касается 50 авторских экземпляров, то очень просил бы Вас, милостивый государь, по напечатанью высылать книги мне.

«Пятизлотник» сейчас переписывается из «Зори»; вскоре его дадут в цензуру, хотя, по правде сказать, и у меня мало надежд на то, чтобы цензура разрешила его. Как только разрешит, тотчас пришлю на Ваш адрес рукопись.

В «Дзвінке» за 1892 год напечатана моя сказка «Завистливый брат», а за 1893 год — рассказ «Малень-

кий грешник». Негодились ли бы Вам эти бездельицы? Прошу просмотреть их.

Новых произведений пока еще нет, да и не надеюсь, что они будут до зимы, ибо, поставленный в невозможные для литературной работы условия, принужден забросить перо на все лето.

Надеюсь, Ваше первое письмо не будет последним, и в случае надобности вспомните искренне уважающего Вас

М. Коцюбинского.

Адрес: г. Рени, Измаильск. уезда, Бессарабск. губ. Старшему расследователю Одесской филлоксерной комиссии Михаилу Коцюбинскому.

2

21.VIII [18]94, с. Джурджулешты.

Милостивый государы!

Вернувшись из странствий и получив Ваше письмо, тутчас отвечаю и заранее благодарю за Ваши высылаемые книжки мне в подарок. Не менее благодарен за все Ваши хлопоты по изданию моих рассказиков. Хотел бы отслужить чем могу, но беда в том, что литературных работ у меня кот наплакал. Особенно для народной литературы. Такие рассказы, как «На веру», «Цеповяз», «Хо», цензура не пропустит («На веру» запрещали дважды), да и не все они годны для народного чтения. Вот разве набросок «Отомстил», помещенный во втором номере «Зори» за этот год? Может быть, его куда-нибудь удастся пристроить? Полагаюсь в этом на Ваше мнение.

Что касается стихов, пригодных для детей, то, право, не знаю, наберется ли их на 28 печатных страниц. Об этом сообщу разве только осенью, когда пересмотрю дома свои бумаги и увижу, что там есть.

Очень охотно соглашусь на переводы книг для детей, но опять-таки не раньше осени, ибо теперь мне подчас некогда даже написать письмо. Советовать Вам, какие именно книги переводить, не смогу, так как это очень

важный вопрос, а я мало знаком с современной детской литературой. Из старых книг хотелось бы видеть в переводе Жюль Верна, где в занимательной форме сообщаются сведения о завоеваниях науки, Бичер-Стоу «Хижину дяди Тома», которая, помню, оказала на меня весьма благотворное влияние... В конце концов Вы, наверно, обсудите общими силами и, решив, что переводить, известите меня, тогда и я не поленюсь помочь Вам своей работой.

С Василием Трофимовичем виделся только в мае. Он далековато от меня, верст 300, а то и больше. Мне тоже обидно за него, но помочь нечем. Постоянных мест у нас в комиссии мало, и надеяться на свободное очень трудно.

Да, еще: в моей партии работают полтавские крестьяне. Они охотно читают украинские книги. Вот мы вместе с ними и надумали, как организовать у них в селе (скоро они вернутся домой) хотя бы небольшую библиотеку. С этим мы и обращаемся к Вам, милостивый государь, не поможете ли Вы нам какими-нибудь своими книгами и изданиями создать эту библиотеку. Может, кто-нибудь из Ваших знакомых примет участие в этом добром деле, пожертвовав сельской библиотеке какую-нибудь подходящую украинскую книгу. За все будем благодарны. Книги можно высылать на мой адрес.

А пока будьте здоровы и не забывайте искренно уважающего Вас

М. Коцюбинского.

Адрес: Рени, Изм. уезда.

3

14.X [18]94, с. Вальни.

Милостивый государь!

Письмо, «Робинзона» и посылку, спасибо, получил. Полтавцы, которые давно знают Вас по Вашим произведениям, просят меня передать сердечную благодарность за подарок. Любо было поглядеть на них, так они обрадовались, получив книги, и я совершенно убежден, что книги попали в хорошие руки.

Я очень рад, что цензура пропустила мои детские рассказы. Мне давно уже хотелось увидеть их на Украине отдельной книгой, и только теперь, благодаря стараниям добрых людей, они вынырнут на свет божий. Авторские экземпляры, пожалуйста, пришлите мне по известному Вам адресу до 10/XI; позднее — в Винницу, Подольской] губ.

Следую всегда ценному для меня Вашему совету, исправляю «Отомстил» и вместе с другим рассказиком, который думаю прибавить к нему, пришлю Вам, но только перед рождеством. К этому времени, надеюсь, привести в порядок и тетрадь стихов для Ваших изданий.

Что касается языков, с которых могу переводить, то мне даже стыдно признаться, но их немного, скорее вовсе мало. Кроме русского, знаю прилично польский, а с французского и болгарского мог бы отважиться переводить, если не найдется никого, кто бы мог взяться переводить с этих языков. Прошу все же дать мне список книг, намеченных к переводу.

Еще к Вам просьба, милостивый государь! Дело, видите ли, вот в чем: один мой приятель, настоящий украинец (военный), написал комедию «Шляхта», где обрисовал (мне кажется, удачно) быт мелкопоместного дворянства на Украине. Между тем он не может решиться выпустить ее в свет, не выслушав мнения понимающих людей о качестве произведения. Я знаю, что у Вас мало свободного времени, что это время для Вас дорого, однако осмеливаюсь просить разрешения прислать Вам эту комедию на просмотр и оценку.

Указав ошибки и недостатки, вы сделаете доброе дело и поможете не только молодому автору, но, возможно, и нашей литературе.

Надеясь на скорый ответ, шлю Вам сердечный привет и пожелания всего наилучшего.

Не забывайте как всегда искренне Вашего

М. Коцюбинского.

Р. S. А что с «Пятизлотником»? Напечатали ли его? Если он вышел из типографии, не откажите прислать мне несколько экземпляров.

Ваш М. Коцюбинский.

Милостивый государь!

Не писал Вам, потому что был болен. Вот уже два дня как встал с постели и берусь за перо, чтобы сердечно поблагодарить Вас за просмотр и рецензию на комедию моего приятеля, а также и за Вашу фотографию, которая доставила мне большое удовольствие. Жалею, что не могу сейчас же послать Вам свой снимок, но не успел сфотографироваться. Как только будет — тотчас вышлю.

Хочу просить Вашего совета и надеюсь, что Вы не откажете в нем, тем более что этот вопрос не совсем личного характера. Буду говорить о той же «Шляхте», но, чтобы быть понятным, позволю себе коротенькую прелюдию.

Г-н Еремеев (автор комедии) — человек больной, нервный. Эта болезнь временная и, надеюсь, через год, а может, и скорее, пройдет. Пока что он в таком состоянии, что один вряд ли сможет переработать комедию; с величайшим трудом я заставил его окончить ее; он, видите ли, так изверился в собственных силах (само собой разумеется, больной человек), что ни за что не хотел за нее браться. А жаль молодого человека, который, как Вы справедливо заметили, не без способностей. Я думаю, если б кто-нибудь поощрил его, издав его произведение, то это очень подбодрило бы его, дало бы силы для дальнейшей работы и таким образом — кто знает? — может, он и в самом деле принес бы пользу, трудясь на пока не очень-то богатой нашей ниве литературной. Дело обстоит так, что нужно спасти человека. Я взялся бы сам переделать и выправить «Шляхту», если б у меня были хоть малейшие к этому способности. Я никогда комедий не писал, и сочинение комедий мне кажется невероятно трудным.

Поэтому у меня к Вам большая просьба, посоветовать, к кому обратиться, кто бы согласился взять на себя переделку комедии и ее издание, если возможно, в России.

Я боюсь просить у Вас активной помощи, ибо знаю, что у Вас мало свободного времени, но думаю, что Вы

Не откажете мне в совете, который тоже имеет для меня большое значение.

Что касается обещанных мною стихов, то на сей раз простите, принужден нарушить обещание. Просмотрев внимательно эти стихи, я убедился, что это такое убожество, из-за которого не стоит вторично себя компрометировать. Рассказов пока нет, в чем виновата моя болезнь, разрушившая многие мои планы. За несколько дней, оставшихся у меня до начала филлоксерных работ (выезжаю на работу в первых числах марта), должен написать что-нибудь для «Зори», ибо и в самом деле стыдно бесплатно получать журнал. Этнографические материалы пришлю (их немного) — дайте только хоть немного оправиться от болезни.

Обещанные экземпляры моих книг буду ждать. Если сможете прислать их до 1 марта, шлите в Винницу; если же позднее, подождите, пока не дам нового адреса.

Гл[убокоуважаемая] жена Ваша писала мне о своем дяде, который хотел бы получить место в нашей комиссии. Я сообщил об условиях, но ответа не получил, хотя мне и нужно было бы знать, сохранить ли место для дяди Вашей жены, или нет. Прошу ответить.

Посылаю Вам экземпляр своей сказки в знак глубокого уважения от всегда искренне Вашего

М. Коцюбинского.

Гл[убокоуважаемой] супруге Вашей мой привет.

5

14 ст. ст. V [18]95 г. Ялта.

Милостивый государь!

Мне стыдно, что до сих пор не собрался ответить на Ваше последнее письмо и поблагодарить за хлопоты по изданию моих книжек. Сказать по правде, свободного времени было маловато, но все же можно было урвать минутку на письмо, хотя бы короткое. Вот поэтому и говорю: мне стыдно, простите, что так получилось.

Примите же от меня хоть запоздавшую, но искреннюю благодарность за сделанное Вами!

Издание мне понравилось; пустяки, что бумага не-

важная, лишь бы можно было читать. Зато дешево и тщательная корректура.

За «Живі струни» тоже спасибо! Этой прекрасной и полезной книгой Вы сделали значительный вклад в народную библиотеку.

Как видите, судьба забросила меня в Крым: меня перевели в Крымский филлоксерный комитет. Работать все лето буду недалеко от Ялты, в Симеизе (рядом с Алупкой), Кастрополе и пр. Сейчас еду в Симеиз. Не стану описывать, какое впечатление произвел на меня южный берег Тавриды. Вы, кажется, сами хорошо знаете здешние места, по крайней мере я так предполагаю, вспоминая «Солнечный луч». Жалею только, что Боровик далеко от меня: в Феодосии.

Чтобы не забыть. В конце марта я писал г. Дружинину, но ответа до сих пор нет. Так вот прошу Вас, напишите сейчас же или телеграфируйте ему, пусть, если хочет, едет в Рени на работу. Условия такие: первую неделю работать бесплатно (практика), а потом 40 руб. в месяц, квартира с освещением и отоплением. Надо ехать в Рени через Раздельную — Бендеры и обратиться к эксперту Антону Петровичу Эйсмонду, сославшись на мою рекомендацию.

Господин Дружинин числится кандидатом в расследователи, и, чтобы получить место, ему стоит только приехать. Я написал бы сам, но не знаю адреса.

С «Шляхтой» вопрос кончился так: автор сам взялся переработать ее. Так действительно лучше всего.

За зиму я написал только два рассказа, но и то недоволен ими. Из-за болезни писалось наспех, ибо уже мало оставалось свободного времени, — вот последствия такой лихорадочной работы и отразились на этих рассказах.

Что Вы теперь, сударь, пишете? Я с большим удовольствием читаю в «Зоре» Ваш перевод «Вильгельма Телля». Какой чистый язык, какой звучный стих! Другого такого прекрасного перевода в украинской переводной литературе я не знаю.

Посылаю Вам в подарок Вами же изданные две мои книжки.

Что касается моих стихотворений, то, если уж так хотите, поместите их где-нибудь в сборнике, среди дру-

гих. Отдельной книжкой их действительно не стоит печатать.

Гл[убокоуважаемой] супруге Вашей мой поклон.

Всем знакомым тоже кланяюсь.

Будьте здоровы и не забывайте как всегда искренне
Вашего

М. Коцюбинского.

Адрес: Алупка, Таврической губ. Старшему расследователю филлоксерного комитета.

6

12 мая [18]96. Ст. Биюк-Ламбат.

Спасибо за письмо. Я так радуюсь каждому письму здесь на безлюдье, что если бы мои знакомые могли почувствовать эту радость, я уверен, что каждая почта мне что-нибудь приносила бы.

Я всецело присоединяюсь к Вашему предложению представить в цензуру Думы и пожаловаться, коль скоро это будет необходимо. Прошу только немного подождать и вот почему.

Хочу дать в цензуру сборник собственных рассказов из молдавской жизни, томик в 300 печатных страниц. Раздраженная моей «жалобой» министру либо царю, цензура, наверное, не пропустила бы моих рассказов, а я этого не хотел бы.

Еще одно. Я был трижды скомпрометирован, не повредит ли это жалобе на запрещение Дум цензурой? Каково Ваше мнение?

Не лучше ли Вам обратиться к Боровику (Феодосия, Таврич. губ., эксперту филлоксерного комитета), который, думаю, охотно согласится на Ваше предложение, — и то сейчас же, ибо никаких других дел у него с цензурой не было и нет, к тому же человек он не скомпрометированный.

Как хотите. Прошу только помнить, что, буде никого подходящего для того дела не найдется, я беру его на себя и обещаю довести до конца.

«Добрый совет», к великому сожалению, не получил, хотя очень интересуюсь каждой новой Вами изданной книгой.

Рассказ из жизни молдаван кончил и уже послал в «Зорю».

На конкурс ничего не послал, не успел. Воспользоваться же отсрочкой не хотел, ибо продление срока (по просьбе некоторых писателей) считаю несправедливым.

Вскоре вышлю Вам свой рассказ «Для общего блага», который вышел отдельной книжкой. С пересылкой столько хлопот, и она идет так вяло, что теперь у меня нет свободного экземпляра и должен немного подождать, пока Панькинский опять вышлет.

Что касается службы в Чернигове, то я охотно согласился бы на нее при условии 800—900 руб. жалования в год.

Моя жена и я посылаем сердечный привет всей Вашей семье.

Не забывайте нас.

Как всегда, искренне Ваш *М. Коцюбинский*.

Адрес (на 1 месяц): Биюк-Ламбат, Тав. губ., а затем в Алушту.

Просим передать привет г. Сивенькому.

7

31 марта [18]97. Киев.
Назарьевская, 15, кв. 1.

Дорогой земляк!

Я был очень тронут, когда жена, вернувшись из Чернигова, рассказала мне, как Вы заинтересовались и прониклись мыслью пристроить меня при Вашей управе.

Безмерно Вам благодарен за заботливое ко мне отношение, дающее мне надежду на Вашу помощь.

После долгого-долгого колебания я решил, наконец, поступить на место секретаря губернской управы.

По ходу дел, вероятно, все сложится так, что это место будет предложено Вам.

Если бы Вы приняли его, — это обрадовало бы меня, ибо Вы бесспорно имеете больше прав на него.

Но я слышал, что Вы по определенным причинам отказываетесь от этой должности, и поэтому обращаюсь с просьбой замолвить благосклонное слово г. Уманцу, —

это увеличит мои шансы, должен Вам признаться, весьма небольшие.

Если бы случилось так, что Вы согласились быть секретарем, то не мог ли я попасть на Ваше место, то есть стать делопроизводителем?

Я давно уже рвусь на Украину, и если бы мне довелось поселиться в Чернигове, я был бы очень счастлив.

Советуйте и помогайте: благодарность моя за это бесконечная. Спасибо сердечное и Вам и уважаемой Марии Николаевне за книги, которыми мне, больному, доставили огромное удовольствие.

Здоровье мое поправляется. Наверно, недели через две уже хоть понемногу, а буду ходить.

Наш искренний привет всей Вашей семье.

Не забывайте как всегда искренне Вашего

М. Коцюбинского.

8

Уважаемый Борис Дмитриевич!

Спасибо Вам большое от нас обоих за книжку, благодарю также за выписки из «Куколки», которые, к превеликому сожалению, не дают мне ясного представления о том, насколько исковеркала меня цензура, хотя, кажется, исковеркала сильно, так как вырвала звено психологического процесса. Ну, да Вы говорите, что печатать можно, Вам по крайней мере так кажется.

Моя рукопись «Куколки», наверно, пропала, так как я дал ее одному знакомому, а тот не может ее теперь разыскать. Может, найдется, а может, и нет; без рукописи я не могу разобраться в этом, так как не помню своего рассказа. Будьте добры, коли будете присылать мне корректуру (а я просил непременно присылать мне и первую и вторую), присоедините к первой оригинал, он уже тогда не будет Вам нужен. Ни корректуру, ни рукопись рассказа задерживать не буду, на следующий день, если не в тот же, отошлю Вам заказным.

Видите ли, без рукописи я ничего сделать не могу. Мне совершенно необходимо иметь перед глазами полную картину, чтобы кое-как залечить нанесенные цен-

зурой раны. Просил бы также у Вас совета, как у опытного в подобных делах человека, насколько можно залечивать такие раны, можно ли фразой-другой связать разорванное, что вообще можно делать, а что нельзя. Мне никогда не приходилось иметь дело с цензурой. За совет буду благодарен.

Я и Вера Иустиновна посылаем Вам и Марии Николаевне приветы.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

1.X.[1]902. Чернигов.

9

Общество «Просвіта» в Чернигове.
21 января 1908 года.

Милостивый государь,

Глубокоуважаемый Борис Дмитриевич!

Я подал на рассмотрение совета нашего О-ва Ваше предложение обратиться от черниговской «Просвіты» с заявлением в Государственную думу о необходимости украинской народной школы, но совет не счел возможным подать такое заявление, мотивируя это тем, что при нынешнем составе Государственной думы нет никакой надежды на удовлетворение демократических требований украинского народа и что таким прогрессивным учреждениям, как «Просвіта», даже не следует обращаться с какими-нибудь заявлениями в 3-ю Государственную думу.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

ПИСЬМА В. М. ГНАТЮКУ

1

Милостивый государь!

Оба Ваши письма получил, но некоторое время меня не было в Чернигове, а затем начались всевозможные хлопоты, и потому до сих пор не ответил на Ваше первое письмо, тем более что, как Вы писали, первый томик моих произведений должен пойти в печать только осенью.

Скорее всего я дам согласие на все предложения «Спілки», за исключением того, чтобы первый томик состоял только из самых новых новелл, так как к осени у меня не наберется столько нового, чтобы составилась целый томик. Поэтому я просил бы, чтобы и в первом томике поместить вместе с новыми и напечатанные уже работы.

Прислать рукопись не могу, ибо кое-что не кончено, а другое надо переписать и исправить. Не раньше чем через два месяца я смогу кое-что прислать Вам. Постараюсь сделать это быстрее, во всяком случае не позже, чем через два месяца.

Я был бы весьма признателен, если бы Вы сообразовали выслать мне список книг, изданных «Спілкою»: и я, и некоторые мои знакомые хотят выписать Ваши издания, но не знаем, что именно вышло.

С совершенным почтением *М. Коцюбинский.*

Чернигов, 15/27 августа, 1899.
Северянская, № 3.

Милостивый государь!

Письмо Ваше получил, а книги — нет. Наверно, Вы уже их получили обратно с надписью «refusé». Что касается этих последних, то я очень просил бы Вас выслать их мне на следующий адрес: Киев, Ун...; больше никаких надписей не нужно. Там уже будут знать, что книги мои. Итак, надеюсь получить вскоре издания «Спілки» и заранее благодарю за них.

Самое позднее через месяц я вышлю Вам рукописи и желательный мне порядок рассказов. Что же касается того, чтобы точно получилось 8 или 10 листов, признаюсь, мне это трудно будет сделать, не зная ни шрифта, ни формата Ваших изданий. Разве уж Вы будете столь любезны и поможете мне, либо убрав лишнее, либо добавив какой-нибудь мой рассказ, чтобы получилось 10 листов.

У меня к Вам еще огромная просьба. Поскольку мои старые рассказы Вы будете перепечатывать из «Правды», «Зори» и «Життя і слова», мне незачем переписывать их и присылать Вам, если у Вас есть под рукой готовое, напечатанное; но мне очень хотелось бы кое-что изменить, кое-что выбросить или исправить, и потому не смогли ли бы Вы присылать мне по листам корректуру, которую я, разумеется, обязуюсь возможно скорей отсылать Вам выправленной. Вы оказали бы мне этим большое одолжение, и, возможно, это пошло бы на пользу изданию.

Надеюсь, что Вы мне, может быть, напишете еще несколько слов по этому делу, когда будете сообщать о высылке книг.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский*.

Чернигов, 12 ст. ст. сентября 1899 г.
Северянская, № 3.

Милостивый государь!

Прежде всего прошу извинить за поздний ответ на Ваше письмо. Это случилось, главным образом, потому, что я никак не мог получить изданий «Спілки», хоть Вы

и писали, что высылаете их. Наконец вчера получил (кроме «Покорности» Кобылянской) и очень, очень благодарен Вам за то, что дали мне возможность познакомиться с Вашими изданиями. За два дня я даже успел прочесть три книги, и они мне очень понравились. Надеюсь, что Ваши издания, прекрасные по содержанию и по внешнему виду, обратят на себя общее внимание и будут расходиться. В другой раз я позволю себе подробней высказать свое мнение о книгах «Спілки».

Пока посылаю Вам небольшой очерк «В сетях шайтана». Пишу большую вещь, но у меня очень мало свободного времени и много хлопот по службе, а потому дай боже, чтобы в этом месяце — что я говорю! в половине ноября — я окончил ее. Поэтому, думаю, не смогли бы Вы обойтись для первого томика в дополнение к старым только одной новой новеллой; другой рассказ, «Дорогой ценою», который как раз пытаюсь кончить, мог бы войти во вторую книгу. Как Вы полагаете?

Что касается объема томиков, то с открытой душой предоставляю это дело Вам. Пойду даже дальше: даю Вам полное право поместить в первом томике те мои произведения (старые), которые Вы найдете нужным поместить, только прошу прислать мне отски или вырезки в конвертах (самый быстрый путь), а я обещаю Вам через три, максимум четыре дня возвратить всё с исправлениями таким же образом.

Чтобы облегчить Вам розыски моих произведений, напечатанных в периодических изданиях, сообщаю следующее:

«На веру», повесть, напечатана в «Правде», 1892 г., август, сентябрь, октябрь.

«Пятизлотник», рассказ, «Зоря», 1892 г., № 23.

«Цеповяз», рассказ, «Зоря», 1893 г., №№ 17—18.

«Отомстил», очерк, «Зоря», 1894 г., № 2.

«Хо» — сказка, «Зоря», [18]94 г., № 24 и отдельный отиск.

«Песня», набросок, «Зоря», 1895 г., № 22.

«Для общего блага», «Зоря», 1896 г., №№ 1—6 и отдельно.

«Пе-коптьор», «Зоря», 1896 г., №№ 23—24 и отдельно.

«Посол черного царя», «Життя і слово», 1897 г., февраль.

Выбирайте, что Вам понравится, и, прибавив то, что посылаю, печатайте первый томик.

Еще раз простите, что так задержался с этим делом.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский*.

27 ст. ст. X 1899.

4

Милостивый государь!

Хорошо, пусть будет заглавие «В сетях шайтана». С содержанием первого томика тоже согласен. Что касается корректуры, то я просил бы Вас выслать мне те части, в которых напечатаны мои рассказы, или уже сверстанные листы первого томика.

Само собой разумеется, я понимаю значение незамедлительной отсылки Вам исправленного материала. Особенно интересуюсь своими старыми вещами — «На веру», «Цеповяз» — так как хотел бы кое-что исправить или изменить.

Повторяю, постараюсь как можно скорей отсылать Вам корректуры. «Гамлет» Шекспира и «Народность» Каутского очень просил бы Вас выслать на известный Вам адрес. «Покорность» не высылайте, я уже получил.

Издания «Спілки» весьма нравятся не только мне, но и всем, кто с ними познакомился. К прекрасным качествам Ваших изданий следует отнести: отличное оформление книг, прекрасное содержание и низкую цену. К дефектам — не очень тщательную корректуру, неприятно поражающую при чтении.

Больше всего мне понравились те книги, за которые на Вас нападают клерикалы.

Самые слабые издания «Спілки», на мой взгляд, «Общественные промышленники». Кроме того, что рассказы написаны не очень удачно, их язык поражает каким-то своим местным характером, и даже я, считающий галицкий язык родным, не могу порой понять, о чем пишет в своих рассказах г. Ковалев.

Вообще же, если бы удалось экспортировать Ваши

издания к нам, они раскупались бы охотно, и книги, наверно, расходились скорее, чем у Вас.

Будьте здоровы!

С глубоким и искренним уважением *М. Коцюбинский*.

10 ст. ст. XI [18]99.

Чернигов.

5

Милостивый государь!

5 книг изд[ания] «Спілки», а среди них «В сетях шайтана», благодарю Вас, получил. Книга издана так хорошо, так опрятно, что мне остается принести большую благодарность «Спілке» в Вашем лице как ее директору.

Мне стыдно, что я до сих пор не прислал Вам сказа, предназначенного мной для второго томика. Как назло, как будто из мешка на меня посыпались различные несчастья — и тяжелые болезни членов семьи, и неожиданные канцелярские работы, которые не давали мне вздохнуть, а не то, что писать. Все же чувство вины тяготит меня, и я прошу прощения.

Вместе с тем я просил бы назначить мне какой-нибудь срок для присылки рукописи, тогда мне было бы легче регулировать свою работу. Я попросил бы также сообщить, какие именно новеллы Вы предполагаете поместить во втором томике, включая новый рассказ страниц на 80—100 печатного текста, и когда Вы можете начать печатание. Я был бы весьма признателен за эти сведения.

Помня Ваше любезное обещание — переслать мне авторские экземпляры «В сетях шайтана», — обращаюсь к Вам с просьбой выслать их по тому же адресу, на Ун..., не более, чем по 2 экзем. одновременно и не чаще раза в неделю.

Сообщите, пожалуйста, на какое количество книг я могу рассчитывать?

Что теперь издаете? Издана ли какая-нибудь книга после моей? Как расходятся Ваши издания? Все это

меня очень интересует как одного из самых искренних доброжелателей хорошо начатого Вами дела.

Жду ответа.

С глубоким уважением искренне Ваш *М. Коцюбинский*.

15 ст. ст. III [1]900.
Чернигов.

6

Обстоятельства изменились. Будьте любезны, не высылайте мне ничего по указанному в последнем письме адресу. Вскоре напишу, а пока желаю Вам всего хорошего.

Искренне расположенный к Вам *М. Коцюбинский*.

17 ст. ст. III [1]900.

7

Милостивый государь!

Вскоре вышлю Вам свой рассказ для второго томика. Тогда Вы сами определите, что войдет туда из печатавшихся новелл, — мне все равно, что будет издано раньше, а что позднее. За предназначенные мне 50 экземпляров «В сетях шайтана» очень благодарю, просил бы только, если это возможно, 20 из них выслать в переплетах, а 30 сброшированных. Пока не знаю, каким образом получить их. Как только найду путь, уведомя Вас. Ваша мысль обратиться к нашей цензуре за разрешением пропускать в Россию издания «Спілки» мне очень понравилась. Посоветовавшись кое с кем, как это дело лучше наладить, рекомендую Вам подать прошение на имя начальника Главного управления по делам печати князя Николая Владимировича Шаховского (в Петербурге).

Пришлите ему вместе с прошением свои беллетристические издания, просите, чтобы он обратил внимание на их невинное содержание и позволил продавать в России. Одновременно с этим госпожа Кулиш (которая с ним лично знакома) обратится к кн. Шаховскому, помня о том пиетете, с каким он относился к ее покой-

ному мужу, и попросит его разрешить распространение в России изданные «Спілкою» переводы Шекспира, выполненные Кулишем. Есть твердая уверенность, что таким путем удастся кое-чего добиться. Если бы пропустили сюда Ваши издания, я уверен — они нашли бы покупателей. Книжный магазин «Киевской старины» давал бы Вам значительные заказы.

Итак, если вы согласитесь обратиться к кн. Шаховскому и подадите прошение, тотчас сообщите мне, чтобы вслед за Вашей просьбой пошло и письмо г[оспожи] Кулиш.

Не могли бы Вы прислать мне в конвертах повесть Мирного «Лиходеи»?

Я был бы Вам очень благодарен, другой возможности получить книгу у меня нет, а мне очень хочется познакомиться с повестью Мирного. Мой адрес Вы знаете.

Было бы очень хорошо, если бы «Спілка» издала и другую повесть этого же автора — «Разве ревут волы, если ясли полны».

Жду от Вас известий, а пока будьте здоровы. С глубоким уважением искренне расположенный к Вам

М. Коцюбинский.

12 ст. ст. апреля [1]900.

8

2 ст. ст. V [1]900. Чернигов.

Милостивый государь!

Простите, что вместо обещанного длинного рассказа посылаю Вам для второго томика моих рассказов эту безделицу. Произошло это потому, что мне не понравился мой рассказ «Дорогой ценою», и я хочу его переделать. Разумеется, я не успел бы это сделать для второго томика, который Вы намереваетесь издать к июлю. Переделав, вышлю Вам обещанный рассказ, он попадет уже в III выпуск.

Содержание и название второго томика будет зависеть от Вас, только просил бы написать мне, что должно туда войти и как думаете его окрестить. Корректуру прошу высылать, обещаю не задерживать ее.

Получили ли мое письмо от 13 ст. ст. IV? В этом письме я советовал обратиться к кн. Шаховскому за раз-

решением насчет изданий «Спілки», а также просил выслать мне (в конвертах) повесть Мирного «Лиходей».

Возвращаюсь к вопросу о моем II томике. Если возможно, буду просить, чтобы объем книги был не меньше, чем «В сетях шайтана». Было бы лучше, если бы книга была немного толще.

Надеюсь на скорый ответ, а пока что сердечно Вас приветствую.

Уважающий Вас *М. Коцюбинский*.

9

Чернигов. 12 ст. ст. мая [1]900.

Милостивый государь!

Ваше письмо и последние 2 листа повести Мирного, спасибо Вам, получил. Буду ждать дальнейших посылок.

С заглавием книжки и с содержанием ее согласен, прошу только, если томик будет меньше, чем «В сетях», добавить один мой небольшой рассказ — «Отомстил» (напечатанный в «Зоре», 94 г., № 2). Этот набросок всецело подойдет для второго томика. Когда начнете высылать корректуру? Нельзя ли поспешить с ее присылкой?

Очень хорошо, что Вы уже послали прошение кн. Шаховскому. Госпожа Кулиш уже написала ему по известному Вам вопросу, может быть удастся что-либо сделать?

Я как-то не понял того места, где Вы пишете, что не можете договориться с Мирным об издании его повести: автор ли с Вами в чем-нибудь не соглашается, или у Вас нет с ним связи? В последнем случае я мог бы Вам помочь, так как переписываюсь с г. Мирным.

Пока что будьте здоровы!

Жду корректуры и две обещанные посылки.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский*.

10

Чернигов. 6 июля ст. ст. [1]900.

Милостивый государь!

Два первых листа «По-человечески», выправив корректуру, еще в прошлом месяце отослал на адрес г. К. Бед-

нарского. Не уверен, правилен ли адрес и хорошо ли я выправил корректуру, но другого адреса не знаю. Вы забыли написать мне, куда и кому посылать. Беспокоит меня, что до сих пор не присылают мне дальнейшего, быть может типография не получила моей посылки. Может быть, Вы были бы столь любезны и запросили типографию, что сей сон значит.

Переписывался с г. Мирным по поводу издания его произведений. Он не очень сочувствует намерению «Спілки» издать его произведения. Он надеется, что в Одессе издадут все его вещи, а пока что думает поместить в «Киевской старине» «Гулящую», которая еще вся не написана. Готова только III часть, а IV и V он должен еще кончить. Не хочет Мирный послать Вам и «Гулящую». «Они там, — пишет он, — если захотят, так и сами издадут, что им понравится».

Недоволен он тем, что «Спілка» первым томиком пустила «Лиходеев». Он было перекрестил их в «Товарищей» и дал в цензуру, но там подняли шум, как, мол, можно давать такое произведение в цензуру. С большим трудом одному знакомому Мирного удалось взять из цензуры рукопись и уговорить, чтобы автору не чинили неприятностей. «Вот уже по одному этому, — пишет Мирный, — галичане бестолково поступили, что прежде всего напечатали «Лиходеев» — как обухом по голове дали! Если они обратятся в Главн. управ. по делам печати, то там не только запретят «Лиходеев», но и к другим изданиям моих произведений будут весьма присматриваться». Просит, чтобы по этому вопросу не обращались в петербургскую цензуру.

Фотографию свою и биографию давать не хочет, считает это ненужным.

А все-таки, думаю, было бы очень хорошо, если бы «Спілка» издала хотя бы «Разве ревут волы» — это лучшее и самое большое произведение Мирного, ставшее теперь редкостью.

Мне очень досадно, что не удалось убедить Мирного договориться со «Спілкой» относительно издания «Гулящей» и других новых, не напечатанных его произведений, да что же подделаете?

Надеюсь вскоре получить от Вас известие, а пока желаю хорошо провести каникулы и отдохнуть в деревне!

С глубоким уважением *М. Коцюбинский*.

11

Милостивый государь!

Посылаю Вам 65—80 стран[ицы?] корректуры. Первые листы я отослал на адрес Беднарского, наверно они уже печатаются.

Вы пишете, что, получив эту посылку, вышлете конец. Если в типографии кончили набор книги, я просил бы все остальное выслать мне сразу, в одном конверте.

«Сам[остійну] Укр[аїну]», спасибо, получил. Она не столько мне понравилась, сколько заинтересовала. Очень буду благодарен, если пришлете второй выпуск. Тогда напишу обстоятельную.

У нас стоит такая жара, что писать невозможно, поэтому сейчас ничего не делаю, хотя надеюсь в срок приготовить обещанную новеллу для третьего томка.

Очень мне досадно, что никак не могу получить авторские экземпляры «В сетях шайтана», они мне необходимы. Попробуйте выслать мне один экземпляр бандеролью, авось цензура пропустит!

Что с Вашим прошением кн. Шаховскому? Ничего не слышно? Сообщите, пожалуйста, поместит ли «Лит.-наук. вісник» корреспонденцию о плачевном состоянии могилы Шевченко? Я недавно там был, и мне хотелось бы поделиться с читателями «Вісника» своими впечатлениями.

Простите, что я так часто беспокою Вас всякого рода просьбами. Буду рад отслужить, чем могу.

Искренне желаю Вам всего наилучшего!

С глубоким уважением *М. Коцюбинский*.

1 ст. ст. VIII [1]900.
Чернигов.

12

27 ст. ст. VIII [1]900.

Милостивый государь!

Отвечаю на Ваше любезное письмо от 18/VIII. Прежде всего благодарю за «Д. Дм.» и сожалею, что

11*

163

не могу получить «В сетях шайтана», ибо хотя у нас и порядочно «превосходительных», — но все такие, что побоятся даже такой невинной книги. Все же, может, и подвернется удобный случай.

Во Львов мне очень хочется. За то время, что я там пробыл (10 лет назад), я не мог как следует узнать Вашу жизнь и ближе познакомиться с молодежью. Вообще я встречался с немногими, да и они были преимущественно одного круга.

Выбраться теперь мне во Львов не так-то легко, служебные обязанности приковывают меня к месту да и недешево такое путешествие за границу, так как из Львова потянуло бы дальше. Однако не теряю надежды, что когда-нибудь, может быть даже в следующем году, все-таки выберемся с женой в Галицию.

Намерение «Спілки» издавать популярные брошюры для молодежи очень мне нравится. Охотно возьмусь составить 2—3 таких брошюрки, моя жена тоже будет с удовольствием участвовать в этом деле, постараюсь популяризировать Ваше намерение. Очень был бы благодарен, если бы Вы сообщили, что у Вас есть уже для этого издания, чтобы не пришлось писать на использованную тему.

Что касается состояния могилы Шевченко, то писать о ней я уже не буду: беспорядок, царивший там, удалось устранить частным образом, и мне не хотелось бы стыдить публично согрешивших в этом деле, так как они обещали все исправить.

Моя жена очень благодарит г. Франко за обещание и ждет предисловие.

Посылаю Вам выправленную корректуру. Вчера получил ее, а сегодня уже сдаю на почту. Когда книга будет готова, не сможете ли Вы прислать мне в конвертах хоть один экземпляр, чтобы я по крайней мере знал, как она выглядит.

Будьте любезны, как только получите это письмо, вышлите 4 экземпляра в переплетках «В сетях шайтана» по адресу: Англия, m-r Hans Jessen (для Ю. А.), Wickford, Essex, Angletterre, оттуда уже мне привезут.

С искренним уважением *М. Коцюбинский*.

18 ст. ст. сентября 1900.
Чернигов.

Милостивый государь!

«По-человечески», спасибо Вам, получил. Я исполнен благодарности за прекрасное издание и за все хлопоты и работу, которую Вы любезно взяли на себя, издавая мои рассказы. Примите от меня еще раз сердечную признательность.

Для Вашей серии изданий, рассчитанной на молодежь, я пока что наметил только биографию Джузеппе Гарибальди. Если такая тема не подходит, сообщите. У моей жены есть намерение что-либо перевести, но пока не решила, что именно взять для перевода.

После того как пришлю рукопись и она Вам понравится, можно будет еще что-нибудь выбрать, но лучше было б, если б. Вы сами наметили какой-нибудь план, систему и соответственно этому темы. Тогда такого рода издания не носили бы случайный характер, не объединенных одной идеей.

Моя жена приготовила 10 моих рассказов (рукопись) для цензуры, ждет только, чтобы г. Франко прислал обещанное предисловие. Ей не хочется беспокоить письмом г. Франко, всегда очень занятого, и поэтому она решается обратиться к Вам с просьбой как-нибудь политично разузнать, есть ли надежда скоро получить предисловие. Этим оказали бы нам обоим большую услугу.

Еще одна просьба: благоволите выслать по адресу: Киев. Б... 1 экз. «В сетях шайтана» и 1 экз. «По-человечески», оба в переплетах. Мне обещали переслать оттуда. Просил бы выслать на указанный адрес, как только получите это письмо.

Английский адрес мог служить только один раз, и утратил значение.

Через десять дней после отправки в Киев можно послать еще по одному экземпляру, и довольно.

Не сердитесь ли на меня, милостивый государь, что я так докучаю Вам?

Был бы очень рад чем-нибудь услужить Вам, пока же примите глубокое уважение и благодарность от

М. Коцюбинского.

Милостивый государь!

Меня не было в Чернигове около месяца, поэтому не писал так долго. Вернувшись из Петербурга, я застал Ваше любезное письмо моей жене и тотчас пишу Вам эти несколько слов, прилагая свою фотографию, чтобы Вы могли заранее изготовить клише.

Вы как-то писали, что было бы хорошо к 3-й книге дать биографическую справку, и я было согласился с этим. Но, поразмыслив, теперь полагаю, что это было бы лишним, трудным для меня и неинтересным для читателей. Лучше, по-моему, ограничиться предисловием д-ра Франко, которое, надеюсь, он все-таки напишет, так как для него, как я вижу из письма к моей жене, это только вопрос времени, и жена написала ему, что согласна ждать еще месяц предисловия.

Тем временем я постараюсь прислать Вам небольшую повесть, которая пойдет первой в 3-й книжке; она называется «Дорогой ценою». Потом в книге пойдут: «Хо», «Пятизлотник» (напечат. в «Зоре» за 1892 г., № 23) и «Песня» (напечат. в «Зоре» за 1895 г., № 22). Этот последний рассказ просил бы теперь назвать «На крыльях песни».

Кажется, что в таком объеме книжка будет не больше и не меньше предыдущих.

У меня к Вам, милостивый государь, большая просьба: мне очень хотелось бы иметь Вашу фотографию и хоть взглянуть на человека, которого я так уважаю, которому столь обязан и благодарен. Вы доставили бы мне большое удовольствие и одолжение, если бы прислали свой портрет.

Как идут издания и что нового выпустили в свет? От Вас только и узнаю новости.

Прошу не сердиться на меня, что опоздал с присылкой рукописи. Постараюсь наверстать потерянное время.

Будьте здоровы.

С совершенным почтением искренне Ваш

М. Коцюбинский.

Милостивый государы!

Только что получил Ваше приветствие. И я и моя супруга приносим Вам и всем подписавшимся на открытке сердечную благодарность за память. Верьте, мы помним и уважаем наших зарубежных братьев по идее и работе. Еще раз сердечно благодарим за привет!

Я чувствую себя перед Вами виноватым — до сих пор не прислал для третьей книги обещанного рассказа. Не буду много распространяться о причинах, скажу только, что это было для меня трудно, почти невозможно. Зато теперь могу с уверенностью сказать, что через месяц у Вас будет мой рассказ «Дорогой ценою».

В последнее время я был очень занят, к тому же должен был приготовить новеллу для альманаха памяти Кулиша, который должен выйти в Чернигове.

Такая жалость — мы здесь на Украине даже не знаем, что нового теперь выходит в Галиции, не имеем возможности читать даже «Вісник». Меня, например, очень интересует статья г. Франко «Последние десятилетия XIX века», которая там печатается. Не обзор ли это новейшей украинской литературы?

Как там Ваша «Видавнича спілка»? Что издано нового?

У меня интересные для Вас книги, изданные редакцией «Земского сборника Черниг. губ.», редактором которого я был. Это «Литература украинского фольклора за 100 лет» Б. Гринченко и Василенко — «Генеральное следствие о маетностих Нежинского полка». Если у Вас нет этих книг и хотите их иметь, напишите, я с удовольствием вышлю.

Пока же будьте здоровы.

С глубоким уважением искренне

Ваш М. Коцюбинский.

Чернигов. 26.V ст. ст. [1]902.

Милостивый государь!

Давно уже не было от Вас известий. Может, Вы в последнее время мне не писали, — не хочется думать, что Ваши письма затерялись. Не знаю, получили ли Вы экземпляр моего рассказа «Дорогой ценою», а также «Этнографические материалы» Малынки, который я Вам выслал весной еще.

Я очень интересуюсь, как обстоят дела с изданием книг в «Видавничей спілке». Мне хотелось, чтобы «Спілка» издала последние два томика моих рассказов. Кроме рассказа «Дорогой ценою», в Галиции почти неизвестного, у меня есть еще три новых, нигде не печатавшихся, рассказа: «Куколка» — этюд, «На камне» — акварель и «Поединок» — набросок. Считая и те рассказы, которые не вошли в изданные «Спілкой» томики («Хо», На крыльях песни», «Пятизолтник»), как раз хватило бы на два томика, подобно изданным.

Если можно это сделать и Вы взяли бы на себя труд поговорить об этом с дирекцией «Спілки», я был бы очень благодарен Вам. Вообще мне хотелось, чтобы все мои рассказы были собраны вместе и изданы во Львове.

Недавно мне рассказывали, что в «Віснике» напечатана заметка о моем творчестве, — не знаю, правда ли это, ибо последние книги «Вісника» видеть не довелось.

Еще одна просьба: не могли бы Вы дать мне справку, сколько у Вас во Львове будет стоить напечатать петитом, в два столбца лист такого формата, каким издается «Л.-Н. Вісник»?

Мне это необходимо знать для дела, о котором напишу Вам позднее.

Что у Вас нового? Мы почти ничего не знаем о заграничных делах, так как узнаем о них только из писем.

Очень просил бы, если будете так добры, поскорее мне ответить.

С глубоким уважением Ваш *Коцюбинский*.

Милостивый государь!

Очень опоздал с ответом на Ваше письмо от 12/6, ибо все время меня не было дома, и только вернувшись, я нашел это письмо:

Благодарю Вас за присланные сведения. Хорошо сделали, что послали письмо заказным. В самом деле, письма пропадают в дороге, на это у нас часто жалуются. Возможно, пересматривают даже заказные, так как в Вашем я не нашел каталога, о котором Вы упоминаете. А может, Вы забыли его вложить.

За подарок, для меня весьма ценный — Ваши «Этнографические записки», — большое Вам спасибо. Вы можете выслать их в Киев проф. В. Б. Антоновичу, он будет знать, что это для меня. А он их получит, шлите только заказной бандеролью.

Не менее благодарен за Ваши хлопоты с моими новеллами. Спасибо, что посоветовали «Спілке» издать мой 3-й томик еще этой осенью.

Против предлагаемого плана издания ничего не имею, пусть в 3-й томик войдут мелкие рассказы, преимущественно новые, такие, как «На камне», «Куколка», «На крыльях песни», «Пятизлотник», «Хо». Остальные войдут в 4-й.

С большим удовольствием дам в «Вісник» один из новых рассказов. Как только перепишу, вышлю Вам лично. Для отдельного издания тоже вскоре вышлю рукопись.

Мирному написал, хоть и не надеюсь, что он Вам даст «Гулящую». Я уже по Вашему поручению обращался к нему и просил дать эту повесть для «Спілки», но он не согласился, о чем я уведомил Вас в свое время.

Удачно ли Вы съездили, много ли собрали этнографического материала? Вы любезно обещали написать с дороги и, не получив моего письма, наверно думали, что Ваше пропало. Очень буду благодарен, если напишете.

Будьте здоровы!

С искренним уважением Ваш *М. Коцюбинский*.

4 ст. ст. августа 1902. Чернигов.

23 ст. ст. сентябрь [1]902.
Чернигов.

Милостивый государь!

Как раз собирался писать Вам и получил Ваше письмо. За этнографические материалы спасибо. Я их еще не получил, а получив, сейчас же извещу.

Вместе с этим письмом посылаю Вам бандеролью (заказн.) рукописи трех своих новелл: «Куколка», «На камне» и «Поединок», так как и я хочу, чтобы третий томик вышел еще в этом году. Один из этих рассказов, какой сами пожелаете, напечатайте в «Віснике», одновременно рассказ можно набирать и для третьего томика. Я хотел бы, чтобы в него вошли, кроме этих трех новелл, еще «Хо», «Пятизлотник» и «Песня». Было бы нехорошо, если б III т. был меньше двух предыдущих, я этого боюсь и даю в него целых шесть новелл. В конце концов Вам виднее будет. «Пятизлотник» печатался в «Зоре», 1892 г., а «Песня» тоже в «Зоре» — кажется, в 1895 г. Я просил бы этот последний рассказ назвать «На крыльях песни», это больше отвечает содержанию. Корректуру (вторую), будьте любезны, присылайте мне, задерживать не буду.

Мирный мне ничего не ответил, может, снова напомню ему и тогда извещу и Вас.

У меня к Вам просьба. В Чернигове есть государственная «Ученая Архивная комиссия». Думаем от ее имени собирать в Черниговской губ. этнографические материалы (в широком понимании этого слова). Положили в основу программу Науч. о-ва им. Шевченко, но, может, у Вас появилось что-либо более новое и полное, может, у Вас есть инструкции и указания для собирателей этнографичес[еского] материала. Был бы Вам очень признателен за любую помощь и совет, тем более ценный, что Вы занимаетесь этнографией. Просил бы как можно скорей ответить мне на это письмо, так как мы приступаем к делу.

Не смею просить Вас поделиться со мной новостями Вашей жизни, но, если найдется время и охота, я был бы особенно благодарен, ибо мы по известным для Вас

причинам почти совсем отрезаны от очень интересной для нас жизни Галиции.

Сердечно желаю Вам всего наилучшего. С глубоким уважением искренне

Ваш *М. Коцюбинский.*

19

Милостивый государь!

Вы, наверно, уже получили мое заказное письмо и три новеллы. Теперь пишу Вам, чтобы подтвердить получение и еще раз поблагодарить за этнографические сборники (3), которые пр. Ан — ч уже получил. Раз Вы уж так любезны, вышлите по тому же адресу и остальные три сборника.

Хочу просить у Вас совета и помощи. Один мой черниговский знакомый, инженер, намерен исследовать влияние украинского стиля в древней архитектуре, преимущественно церковной. Нет ли у Вас в Галиции каких-либо материалов — рисунков, специальных трудов? Может быть, есть что-нибудь в Ставропигии? Будьте добры, не откажите помочь в этом деле своими советами и указаниями. Если было бы нужно, мой знакомый поехал бы во Львов. Его работа может быть очень интересной, и ему стоит помочь. Я был бы Вам особенно благодарен за такую помощь.

Слышали ли Вы, что умер Рыльский — друг и приятель Антоновича. Стоило бы поместить в «Віснике» его портрет и хотя бы короткую биографию. Это был чрезвычайно талантливый человек.

Говорят, цензура пропускает «Вісник» в Москву. Правда ли это, ибо тогда можно было воспользоваться этим.

Прошу простить за хлопоты, которые Вам столь часто доставляю.

Буду с нетерпением ждать ответа и корректуры.

С глубоким уважением Ваш *Коцюбинский.*

Милостивый государь!

Что с Вами? Здоровы ли Вы, не случилось ли что-нибудь, почему перестали высылать мне корректуру? Последнюю посылку (кончается 96 стр.) я в свое время отослал Вам, и вот уже около месяца нет от Вас ни слова, ни листочка корректуры. По этому поводу отправил Вам открытку, но и на нее не получил ответа.

Будьте любезны, уведомьте, что случилось. Мне непременно нужно самому просмотреть корректуру, особенно «Пятизлотника» и «На крыльях песни».

У меня уже готов материал для 4-й книжки: «Яблони цветут» — этюд, «Гата погана» — из деревенских настроений, «Дорогой ценою» — рассказ.

Буду Вам благодарен, если поторопитесь с присылкой корректуры и напишете хоть несколько слов.

Желаю Вам веселых праздников и всего наилучшего в новом году.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский*.

Милостивый государь!

Очень Вы опечалили меня известием о своей болезни, ведь хотя и не имею чести знать Вас лично, однако питаю к Вам живейшую симпатию и искреннее уважение как к человеку, отдающему свое время, свои силы и здоровье общему и дорогому нам делу. Хочется думать, что ничего опасного у Вас нет и что золотой Корфу, который я тоже немного знаю, поправит Вас окончательно.

Кажется, теперь живет там один земляк — г. Доманицкий. Если Вы встречаетесь с ним, прошу передать от меня привет.

Не хочу Вас беспокоить различными делами, ибо, наверно, Вам больше всего нужен покой? Корректуру еще не получил, но это пустое, когда-нибудь получу.

О себе ничего хорошего сказать не могу — болею тоже.

Желаю Вам в новом году набраться сил и здоровья!
Сердечно желаю всего лучшего.

Искренне расположенный к Вам М. Коцюбинский.

26 ст. ст. XII [1]902.
Чернигов.

22

5 ст. ст. X [1]903. Чернигов.

Милостивый государь!

Ваше письмо не застало меня в Чернигове. Я только недавно вернулся из путешествия, так как из Полтавы отправился в Николаев, Херсон, Одессу и Киев. Поэтому так долго и не отвечал Вам. Очень Вам признателен за приглашение принять участие в юбилейном номере «Свободы». В указанный срок постараюсь выслать, что смогу.

Г-ну Мирному уже написал; если он пришлет мне что-нибудь, тотчас вышлю Вам. Г-н Коваленко пришлет свое непосредственно Вам. Мой альманах не печатается, я еще не давал его в цензуру. Задержали меня некоторые авторы, обещавшие прислать к сроку и не приславшие, пишут еще. Ну, а я предпочитаю немного подождать, может больше материала соберется. Во всяком случае через месяц, не позднее, дам в цензуру. Собралось много материала. Есть у меня и Франко, и Кобылянская, Мирный, Левицкий (один и другой), Григоренко, Крымский, Старицкий и др.

В последнее время я до того обременен различной служебной работой, что нет времени писать. Написал еще в начале года рассказ для «Киевской старины» «Fata morgana», и нет времени просмотреть его и отослать, хотя редакция все уши мне прожужжала, что не присылаю. С одной стороны, расстроенное здоровье, а с другой — различная обязательная работа угнетает.

Как теперь Ваше здоровье, дорогой мой? Вы ничего о нем не пишете, а оно меня интересует. Сообщите, лучше ли себя чувствуете после путешествия на Корфу? Где думаете провести зиму?

Я так жалею, что вы не приехали в Полтаву. Я надеялся увидеть Вас там. Жаль, что не приехали, торже-

ства прошли в наших условиях очень удачно. Интересно прочесть, как это изображено в галицкой прессе, но, к сожалению, не имею возможности читать Ваши газеты.

Если Вам нетрудно прислать мне в письме несколько вырезок из газет, где описаны торжества, посвященные Котляревскому, я был бы очень Вам благодарен.

На этих днях пошлю Вам I том своих рассказов, которые только что вышли в Киеве.

Спасибо, что не забываете меня и хотя иногда откликаетесь несколькими словами. Очень Вам благодарен и желаю Вам всего хорошего.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

23

Милостивый государь!

Исполняю обещание и посылаю Вам для юбилейного номера «Свободы» свои «Облака» и фотографию с автографом. Не знаю только, понравится ли моя безделица. Если она будет печататься, я хотел бы, чтобы ее набрали по фонетической транскрипции. Посылаю также стихотворение, присланное мне Мирным. Оно может быть и автографом. Фотографии Мирный давать не хочет. Коваленко, наверно, уже давно послал Вам, что у него было, я передал ему Вашу просьбу тотчас же, получив Ваше письмо.

Что-то давно нет от Вас известий. Как Ваше здоровье? Я спрашивал об этом в письме, но ответа не получил. Если будете писать, не вкладывайте в письма печатного, ибо черниговская почта устраивает мне всякие истории. Кто-то прислал мне вырезки из львовских газет о торжествах в честь Котляревского. Вещь невинная, очевидно. Но какая-то собака нанюхала, что в письме что-то печатное, и меня позвали на почту, чтобы вскрыть письма при мне. Я протестую, так как по закону почта не имеет права вскрывать письма. Однако почтмейстер разорвал конверт и конфисковал эти несчастные вырезки как нечто ужасное. Конечно, я потребовал составить протокол и буду жаловаться в самые высокие инстанции, конечно если потребуется, да что толку: вырезки пропали.

Все же юбилейный номер «Свободы» я хотел бы иметь. Нельзя ли придумать, как его переслать.

Получили ли Вы мою книгу (I т. рассказов)?

Я очень просил бы Вас хоть открыткой известить, дошло ли это письмо и не опоздал ли я.

Желаю Вам как можно больше здоровья. Будьте бодры и крепки.

Ваш душой *М. Коцюбинский.*

18 ст. ст. X 1903.
Чернигов.

24

Глубокоуважаемый и дорогой пан Володимир!

Только недавно я получил Вашу открытку из Alland'a, так как меня не было дома.

Несколько дней собирался ответить Вам, да все что-нибудь мешало, и это просто мучило меня, так как мне очень хотелось написать Вам, сердечно пожелать в новом году здоровья и всякого благополучия. Но вот сам заболел, и поэтому есть свободное время. Как же Вы теперь себя чувствуете? Помогло ли Вам пребывание в санатории, стало ли Вам хоть немного лучше? Я очень хотел бы получить от Вас известие об этом.

Вас интересуют последние литературные новости у нас на Украине. К сожалению, я немного знаю, но о чем мне известно, тем поделюсь с удовольствием. Так вот, последняя новость, приятная для нас, — это разрешение цензуры печатать полный текст сборника Л. Глибова. В сборник входят, кроме басен, уже печатавшихся у нас, не печатавшиеся еще в России басни, лирические произведения и детские стихи-загадки, некогда появлявшиеся в «Дзвінке». Сборник должны издать в Киеве в количестве 10 000 экземпляров.

Вы, наверно, слышали, что еще в прошлом году я начал составлять литературный альманах из еще не печатавшихся произведений. Так вот, этот альманах уже составлен, и на этих днях посылаю его в петербургскую цензуру. Материала много, частично хорошего, частично среднего. А именно: старшие и известные писатели прислали произведения, я сказал бы, не слишком высо-

кого качества. И. Левицкий, например, дал большой рассказ — «Гастроли», но слабый. Мирный прислал стихи — пусть ему господь в день страшного суда не zapomнит их...

Альманах думаю назвать «3 потоку життя». Если цензура не искалечит, будет большой том. Не успел довести до конца один альманах, а уже берусь за второй. Этот думаю составить не из новых, непечатавшихся произведений, а наоборот — исключительно из печатавшихся в Галиции и, значит, нашей широкой публике незнакомых. Галичанам в нем, конечно, первое место.

Теперь у Вас в Галиции такие таланты появились, что куда нашим — украинцам! Просто радуешься, когда читаешь Стефаника, Қобылянскую, Мартовича.

Может, Вы были бы любезны и посоветовали мне, что взять в этот сборник из новейших произведений галицких писателей, ибо я в последнее время не читал многого, что у Вас вышло из печати.

Я пишу теперь что-то маловато. Моя служба отнимает у меня все время. Да еще здоровье хромает, настроения нет. Через несколько дней посылаю в «Киев. старину» последний свой рассказ — «Fata morgana». Не знаю, напечатают ли, ибо тема, с точки зрения цензуры, очень скользкая. Расс[каз] небольшой, около 2-х листов.

Мне давно уже хочется попробовать свои силы на чем-нибудь большом. Хочется написать роман, да нет времени и силы. Вот если б отдохнуть несколько месяцев, оставить где-то далеко свои ежедневные хлопоты и заботы — может, что-нибудь и удалось бы сделать. Но об этом нечего и думать. Жестокая жизнь требует жертв. И даже те безделицы, которые делаешь, — делаешь торопливо, и поэтому они не удовлетворяют. Все получается бледным, анемичным, неотделанным и только раздражает. А между тем читаешь и видишь великие образцы великих мастеров слова, видишь, что можно создать этим словом. Знаете, дорогой мой, когда я читаю хорошего автора (а у меня есть любимые), мне не хочется писать, ибо я знаю, что никогда не достигну этого, чего достигли, что создали эти таланты.

Да что это я так о себе расписался? Я уже давно хочу спросить, позволяет ли Вам состояние здоровья работать над чем-нибудь и что Вы сейчас пишете?

Мне очень хотелось бы знать о Вас, и это не простое любопытство, а свидетельство того глубокого уважения, с которым я всегда отношусь к Вам и Вашей деятельности.

Надеюсь, если у Вас будет желание и время, Вы напишете мне несколько слов, а сейчас простите мне это нескладное письмо, написанное рукой больного, и не сердитесь за запоздалый ответ на Вашу милую открытку.

Сердечно желаю поправить на чужбине свое здоровье, не только Вам, но и нам всем и нашему общему делу.

Будьте же здоровы, прежде всего здоровы. Сердечно обнимаю Вас и желаю всего наилучшего.

Ваш *М. Коцюбинский*.

4 ст. ст. V 1904.
Чернигов.

4 ст. ст. V 1904. Чернигов.

Милостивый государь!

Очень Вам благодарен за весточку, посланную из Вены по дороге домой. Жалею только, что не уведомили, как себя чувствуете и помог ли Вам Алланд? Я очень интересуюсь состоянием Вашего здоровья и был бы весьма рад услышать, что Вам теперь лучше. На фотографии (на открытке) у Вас такой здоровый вид!

Покорно прошу извинить, что редко писал Вам, но у меня теперь так мало времени, я так обременен служебной работой, что нет времени пройтись подышать свежим воздухом, а от этого часто страдает здоровье. Так плохо живу, что и представить себе не можете. Хочется писать, хочется какой-то более живой и продуктивной работы, но нельзя об этом и мечтать: все поглощают служебные и иные обязанности.

Должен уведомить Вас об одном деле, которое, может, будет Вам интересно. В Киеве издается газета «Киевские отклики». В состав редакции этой газеты вошло много наших людей, да и сотрудники все больше украинцы. Пригласили и меня. Я предложил вести в газете

постоянный отдел хроники галицкой жизни — политической, общественной, культурной. Редакция охотно с этим согласилась и тотчас написала редакциям Ваших газет, предлагая им обмениваться изданиями. Прошло около двух недель, а может, и больше, а от галицких редакций нет ни весточки. Может, они не желают обмениваться с «Киевск. откликами»? Было бы очень жаль, если это так, ибо тогда я не мог бы вести упомянутый отдел. Может, Вы будете любезны при случае поговорить с редакторами и объяснить им цель (очень важную для Вас и для нас, украинцев) такого обмена газетами.

Буду очень благодарен за помощь.

А что слышно о юбилейном сборнике «Свободы»? Я по крайней мере ничего не слышал с тех пор, как послал им через Вас материал.

Буду надеяться на Ваш ответ. Напишите о своем здоровье. Думаете ли прожить лето во Львове или уедете куда-нибудь?

Желаю Вам всего лучшего на свете.

Ваш М. Коцюбинский.

26

23 ст. ст. сентябрь 1904. Чернигов.

Милостивый государь!

На этот раз мне повезло: получил и Ваше письмо и номер «Свободы». Большое Вам спасибо за «Свободу»! Я уже думал, что не увижу ее.

Посылаю Вам три своих рассказа, напечатанные у нас на Украине. Будьте любезны поместить их в таком порядке: 1) «Яблони цветут», 2) «Дорогой ценою» и 3) «Гата погана». Выйдет такой же томик, как первый («В сетях шайтана»). Нельзя ли напечатать четвертую книгу на такой же плотной бумаге, как две первых? Хотя в сборнике «На камне» страниц не меньше, чем в двух предыдущих, но этот томик получился очень тоненьким. Если Вы считаете лучшим изменить порядок, делайте, как вздумается. Нового рассказа у меня сейчас нет и не обещаю прислать. Большой книги, чем предыдущие, мне сейчас тоже не поднять, так как, кажется, уже ничего

напечатанного нет. Очень Вас прошу, если возможно, присылать мне корректуру. Постараюсь быть аккуратным и быстро ее возвращать.

Вы спрашиваете, что теперь пишу. Недавно, вернувшись из Крыма, где отдыхал летом, написал для альманаха, посвященного Кобылянской, новеллу «В грешный мир» и уже отослал. Сейчас готовлюсь к большому рассказу для «Киевской старины». Вы не знаете, как мне тяжело писать. Условия у меня таковы, что почти все свободное время я принужден отдавать службе да еще частной работе, дающей заработок, так как у меня большая семья, требующая денег, а жалованье получаю небольшое да еще хвораю. Врачи советуют бросить такую работу и больше гулять, отдыхать, а я принужден сидеть. При таких условиях заниматься еще и литературным трудом очень тяжело.

Не удивляйтесь, что наши писатели мало или совсем ничего не посылают в «Л.-н. вісник». Мне кажется, это можно объяснить тем, что у нас теперь готовятся много различных альманахов, где они (авторы) помещают свои произведения. Некоторые альманахи пока лежат в цензуре, некоторые печатаются, а некоторые составляются еще. Кроме того, литературный материал попадет в «Киев. старину». Наши авторы большей частью люди бедные, принуждены зарабатывать, а «Киев. старина», хоть немного, а платит. Это соблазняет. Я не думаю, чтобы литературная продукция у нас уменьшилась: она только растеклась по различным каналам. Вот теперь «Киев. старина» объявила конкурс. Будет платить по 100 рублей за лист. Наверно, у нее будет материал.

Мой альманах еще в цензуре. Лежит уже 9 месяцев в Петербурге, и скоро ли вернут — не знаю. Думаю, что вскоре получу его. Г-н Коваленко, насколько знаю, получил высланную Вами драму.

На меня не сердитесь: когда будет материал, конечно пришлю Вам. Но я пишу мало, и то когда урву минутку.

Боюсь Вас беспокоить просьбой, а хочется мне иметь перевод моих рассказов на польский язык, о которых пишут в хронике «Л.-Н. В.». Если Вам нетрудно их мне прислать, я был бы очень благодарен Вам. Если же это

связано с различными хлопотами, то будьте любезны, не беспокойте и не присылайте.

Почему ничего не пишете о своем здоровье? Я очень хотел бы знать, как теперь себя чувствуете, лучше ли Вам, где проведете зиму? Надеюсь получить от Вас, как обещали, еще несколько слов, а пока что сердечно желаю Вам всего лучшего.

Ваш *М. Коцюбинский*.

Три упомянутых рассказа посылаю заказной бандеролью.

27

Милостивый государь!

Очень благодарен за приглашение принять участие в сборнике, посвященном г. Грушевскому. К сожалению, ничего обещать не могу, ибо я переутомлен и болен, следовательно написать какую-либо научную работу не в силах.

Альманах «За красою» издает г. Луцкий. Он писал мне несколько раз, просил что-нибудь дать, и я, наконец, собрался и написал, так как уважаю г. Кобылянскую как писательницу.

По Вашему совету, я написал г. Луцкому, что хочу дать свою новеллу «Видавничей спілке».

Видите ли, дело в том, что г. Луцкий написал мне, что альманах выйдет самое позднее в первых числах декабря нового стиля. А Вы пишете, что моя книга выйдет в феврале. Значит, я смогу переслать Вам «В грешный мир» с условием, что Вы не напечатаете его в «Віснике», ибо тогда уже не буду виноват, если она появится в моем 4-м томике раньше, чем в сборнике г. Луцкого. Во всяком случае я постараюсь еще в этом месяце переписать свою новеллу и перешлю Вам. Сейчас этого сделать не могу, так как страшно переутомлен и болен. Надо дать себе какой-то отдых, хоть недели на две.

Желаю Вам здоровья и всего наилучшего. Надеюсь на ответ.

С искренним уважением Ваш *М. Коцюбинский*.

4 ст. ст. XI [1]904.

Чернигов.

Милостивый государь!

Одновременно посылаю вместе с этим (заказн. паке- том) новеллу «В грешный мир». Сейчас Вы можете начинать печатать книгу, выбрав заглавие, какое Вам понравится, и расположив рассказы в любом порядке. Очень просил бы выслать мне корректуру, завернув ее хорошенько со всех сторон бумагой, чтобы наша почтовая цензура, надорвав конверт, не заметила в ней печатного. Вскоре вышло рассказ «Под минаретами» в коррек- туре, ибо «Киевская старлина» напечатает его в мартов- ском номере. Но это не должно останавливать Вас с печатаньем, так как этот рассказ Вы можете поместить в конце книги.

В «Вісник» обязательно постараюсь что-нибудь сде- лать. Я постоянно получаю «Вісник» тем путем, о кото- ром Вы писали.

Получили ли Вы мою открытку, недавно посланную? Надеюсь, что будет и от Вас несколько слов. Уведомите меня, какое заглавие дадите моей книге и когда получу корректуру.

Поместите ли новый портрет и предисловие, как не- когда намеревались?

Как Ваше здоровье, как себя чувствуете теперь? Ме- ня это очень интересует.

Не могли бы ли Вы прислать статистическую справку (не помню, в какой газете она была помещена) о пере- водах украинских писателей на европейские языки. Как- то Сембратович прислал Шрагу вырезку из львовской газеты, но Шраг потерял, а мне она очень нужна. Что у Вас нового?

Я так редко получаю вести из Галиции, что даже скучно.

Сердечно желаю Вам здоровья и всякого благополу- чия.

Искренне Ваш *М. Коцюбинский.*

15 ст. ст. II 1905.
Чернигов.

27 ст. ст. марта 1905. Чернигов.

Милостивый государь!

Письмо Ваше от 4/4 получил. Пришли также 3—4 листа IV кн[иги]. Спасибо Вам. Что касается предисловия, то пусть уж эта книга будет без него. Киевлян не стоит беспокоить, они все заняты и, наверно, ничего не смогут дать. Что касается фотографии, то тут какая-то ошибка. В III кн[иге] напечатан мой старый и очень плохой портрет, на котором я сам себя не узнаю. Дело, если помните, было так: у Вас был мой старый снимок (в светлом костюме и белом галстуке), и сделали с него клише. Когда я увидел его, то выслал Вам тотчас новый, последний, снимок свой (в темном костюме и в черном с белыми горошинами галстуке), очень хороший, и просил поместить его в III книге. Но Вы ответили, что, поскольку клише уже сделано, «Спілка» вряд ли согласится на новые издержки, а что касается IV книги, Вы закажете клише с нового снимка. На этом мы и остановились — фотография осталась у Вас дожидаться IV томика. Если можете сделать с нее клише, сделайте, если же нет, то пусть уж будет без портрета.

Вместе с этим письмом высылаю (заказ[ной] бандеролью) рассказ «Под минаретами». Корректуру «В грешный мир» будьте любезны все же мне прислать, но до 10—12 ст. ст. апреля — потом меня продолжительное время не будет в Чернигове. 13 или 14 апреля я выеду в Берлин, к врачу, но сначала заеду на несколько дней во Львов. Очень рад, что удастся мне лично познакомиться с Вами, уважаемый! Я так давно уже хочу увидеть Вас. Если это нетрудно Вам будет, окажите мне услугу. Напишите мне сейчас же, как получите это письмо, в какой гостинице Львова я мог бы остановиться, чтобы было подешевле и не очень грязно. Будьте любезны дать свой адрес, чтобы я смог попасть к Вам, так как приеду, наверно, на пасху, когда Ваши учреждения, в доме на ул. Чарнецкого, будут закрыты.

За информацию о переводах очень благодарен, но, наверно, Вы не видели той заметки, которую прислал

Сембратович Шрагу: там были статистические данные о произведениях наших авторов, переведенных на европейские языки: Стефаника, Мартовича, Вовчка, Кобылянской и моих. Ну, да в самом деле трудно помнить мелкие газетные заметки. Я просил бы прислать ее лишь в том случае, если бы она вам попала на глаза.

Итак, до скорого свидания! Очень рад, что увижу Вас. Пока что будьте здоровы. Сердечно приветствую Вас.

Искренне Ваш *М. Коцюбинский*.

30

12 ст. ст. IV [1]905. Чернигов.

Милостивый государь!

Только что получил Ваше письмо, а вместе с ним печальное известие, которое почему-то опоздало.

Примите мое искреннее сочувствие в Вашем горе и пожелание сил перенести его.

Я выеду (один, без жены) из Киева 14 ст. ст. с вечерним поездом, значит во Львове буду 15-го — не знаю, днем или вечером. Не хотелось, чтобы Вы беспокоились встречать меня, думаю, с Вашим здоровьем это было бы Вам трудно. За советы сердечно благодарю. До скорого и такого приятного для меня свидания!

Весь Ваш *М. Коцюбинский*.

31

28.V 1905. Рим.

Милостивый государь!

Глубокоуважаемый и дорогой пан Володимир, простите, что только сегодня пишу Вам несколько слов, хотя обещал сделать это раньше. Могу Вам похвастаться — врач ничего страшного у меня не нашел, хоть я и думал, что у меня рак или язва желудка. Вся беда от нервов, и если я мог бы их подлечить (врач советует гидропатию), то все было бы хорошо. Берлинский врач не прописал мне никаких лекарств, только питаться нужно, и послал меня путешествовать, что я сейчас и делаю.

Чувствую себя лучше, хоть и утомлен множеством новых впечатлений. Завтра еду в Неаполь, где пробуду с неделю, оттуда в Ниццу, после в Милан, в Швейцарию, Мюнхен, Вену и возвращусь во Львов около 20—22 августа. Не знаю, увижу ли Вас, а хотелось бы. Хотелось бы лично поблагодарить за то необычайно сердечное гостеприимство, которое Вы и глубокоуважаемая супруга Ваша оказали мне во время моего пребывания во Львове. В Криворивню вряд ли смогу поехать, не останется времени. Как моя книга? Наверно, уж готова. Будьте любезны, вышлите по 1 экз[емпляру] Лепскому, Сембратовичу и по адресу: Wien, Fuhrmannngasse, 13, II/10 Wilhelm Hogoschowski. Еще просьба: пошлите моей жене (Вере) 1 экз[емпляр] фотографии нашей, пусть она увидит меня до моего возвращения. Сердечный привет глубокоуважаемой супруге Вашей.

Целую Вас сердечно. Ваш *Коцюбинский*.

32

30.VI ст. ст. [1]905. Чернигов
(Северянская, соб. д., № 3).

Дорогой пан Володимир!

Наконец-то собрался Вам написать. Приехал домой и тотчас погрузился в адскую работу. Сегодня, благодаря тому что заболел и не имею права выходить из дома, более свободен.

Вот сейчас сижу у себя и представляю себе Вас в Криворивне. И так мне хочется быть вместе с Вами среди гор над рекой, вместе греться на солнце и спокойно о чем-нибудь беседовать. Услышать порой интересную, оригинальную «коломиюку» и Ваш смех. Увидеть, как Вы пополнели, как загорели на солнце, как поздоровели и как обходитесь без всяческой книжной прелесть.

Ну, на это лето даю Вам отпуск, а будущим — не отделяетесь от меня, хоть бы и хотели.

В самом деле, как чувствуете себя в деревне? Хороша ли погода, растирает ли Вас гуцул, как прописал врач, есть ли аппетит и меньше ли кашляете? Рад был бы слышать от Вас, что все идет хорошо. А меня хоть и

очень утомило путешествие и хотя я похудел так, что знакомые не узнают, однако чувствую себя более свежим, бодрым и даже поправляюсь. Время у нас, правда, не благоприятствует этому, нервы вечно напряжены. Например, несколько дней назад пришлось стоять несколько минут под дулами казачьих ружей, направленных на публику, и ждать, что вот-вот ляжешь мертвым. Ну, да после вулкана это пустяки. Последние громкие события в Одессе не буду Вам описывать, Вы, наверно, лучше знаете обо всем из заграничных газет. Что касается украинцев, то они, если всмотреться, будто совсем замерли, ничем себя не проявляют, хотя незаметная работа идет, подземные воды текут.

Как-то там, в Галиции? Я очень жалею, что не мог близко присмотреться к Вашей галицкой жизни, узнать людей разных направлений. Уже возвращаясь из Львова, я разговорился с одним галицким попом, приход которого где-то под Бродами. Кажется, довольно интеллигентный и образованный поп, а когда пришлось говорить об Украине (русской), он меня очень удивил... «Какое нам, галичанам, дело до вашей Украины? Будет ли у вас свобода, или не будет, изменятся ли порядки, или нет, это нас так же касается, как и судьба России, такой же далекой и безразличной нам. У нас свои особые задачи — служить галицкому народу, работать для нашего галицкого мужика. А Украины мы не знаем и не интересуемся ей». Вот приблизительно содержание того, чем он удивил меня. Но, вспомнив, сколько писем идет Сембратовичу, написанных из различных уголков Галиции, в которых читатели «Rlüthenische Revue» сердятся, что Сембратович уделяет так много места в своем издании Украине, я сообразил, что взгляды священника из-под Брод не чудовищное исключение, а, наверно, довольно распространенное явление, которое меня заинтересовало.

Как поживают Ваши приятели — Г... и Ш... и К...? А знаете, Шухевич прислал мне бандеролью целых 3 экз[емпляра] своих заметок по поводу рецензии на его произведения, и хотя адрес был неправильный, хотя послано это было простой бандеролью и должно было пройти цензуру, я все же получил эти 3 экзем[пляра]! Просто везет человеку.

Я хотел Вам выслать 2-й том труда Василенко, но том еще не готов. Часть еще не напечатана. Как только выпустят, тотчас Вам вышлю. А вы уж, если так добры ко мне и не забыли обещания выслать некоторые книги (издания) Науч. о-ва им. Шевч.), а также «коломыйки» (когда будут готовы), то напишите во Львов, чтобы их выслали по известному Вам киевскому адресу... Кроме этого, те экземпляры моих книжек, на которые я имею право, я тоже могу получить через Киев. Для этого дайте указание в книжный магазин, чтобы они выслали на известный киевский адрес отдельными и небольшими пакетами, книг по 16, значит по 4 комплекта (том I, II, III-й, IV-й) моих рассказов — все причитающиеся мне экземпляры, одновременно уведомляя меня, что и когда выслано. Также и Вы, пан Володимир, если будете посылать мне книги, известите, что именно шлете. Это необходимо. Я заранее благодарю и заранее радуюсь дорогим для меня подаркам.

Да, еще! Не помните ли случайно, послан ли мой последний томик «В грешный мир» Лепкому, Горошовскому в Вену и Сембратовичу? Мне это необходимо знать. Я как-то писал Вам из Рима, прося Вас дать распоряжение книжному магазину выслать им [книги], но, может, за различными хлопотами и работой Вы забыли об этом.

Вот написал письмо — и стыдно стало. Человек выбрался в деревню, чтобы отдохнуть от всяких мелких забот, а я как раз этими мелочами беспокою его. Поэтому знайте, я не сердился бы на Вас, если бы Вы не исполнили ни одной из моих просьб. Одно только очень огорчило бы меня, если б Вы не написали мне хоть несколько слов, так как я очень интересуюсь состоянием Вашего здоровья и Вашей жизнью в деревне. До сих пор ли Вы одни или, может, уже вместе с семьей? Кланяйтесь от меня гл[убокоуважаемой] супруге Вашей и передайте ей, что я не могу забыть мое пребывание в Вашем доме, где мне было так хорошо, как у родных.

Деток Ваших целую. А больше и крепче всего целую Вас, дорогой пан Володимир.

Будьте здоровы. Ваш *М. Коцюбинский*.

8 ст. ст. сентября 1905.

Дорогой пан Володимир!

Теперь мы квиты, пишу Вам после большого перерыва, но я этого, ей-богу, не хотел: проклятая канцелярская работа охватила меня своими цепкими лапами так, что не каждый день есть свободное время для прогулки, хотя от этого зависит твое здоровье. Все испортила мне эта проклятая работа — и здоровье, и настроение, и мои литературные замыслы, а тут еще приходится зарабатывать частным образом на жизнь, ибо жалованья нехватает. Беда, да и только!

За долгое молчание я Вас не ругал, а когда получил письмо от Вас, то пришла охота выругаться — как же это так, поехать в горы поправляться и простудиться! Расспрашивал о Вас, — говорят, Вы все же кашляете. Фу! Нехорошо. Не ожидал от Вас! Я думал, что Вы вернетесь из Криворивни полным и здоровым, а Вы... еще больше кашляете. Если не обещаете поправиться в этом году, то не поеду с Вами в горы.

«Вісник» получил на-днях. Очень Вам благодарен. Статья Франко необычайно мне понравилась. Я просто поражен умом и талантом этого человека. Так ясно, просто и остроумно едва ли кто смог бы у нас вывести эту гниль на чистую воду. Дай ему бог здоровья, Франко. Я чрезвычайно люблю и уважаю эту светлую личность. Когда увидите его, передайте от меня ему сердечный привет.

Нетерпеливо жду Ваши «коломийки». Если будете посылать, напишите. Может быть, Вы соблаговолите распорядиться выслать мне на тот же адрес 4 моих тома, по 1 экземпляру каждый, ибо другие пути, кажется, на некоторое время закрыты. Немного погодя можно будет снова послать 4 тома. Только каждый раз уведомляйте меня. Чтобы покончить с просьбами, добавлю еще одну.

Голубчик! Если можно выслать мне проценты от продажи моих книг, сделайте это еще в этом месяце, ибо в конце сентября должен платить в банк. Если не заплачу, съедят меня живьем! Очень на Вас надеюсь.

Перехожу теперь к другим делам. Как известно, указ [18]76 года решили отменить, но еще этого не публикуют.

Представитель Министерства просвещения, как говорят, высказал мысль, что украинская литература — литература народная, для народа, а для таковой, по мнению комиссии Кобеко, цензура должна остаться. Получается, что ограничения, касающиеся украинской литературы, будут отменены, а цензура останется. Как посмотрит на это Дума (ибо вопрос о свободе печати будет внесен прежде всего туда) — неизвестно, но есть надежда, что Дума снимет всякую цензуру. Евангелие уже печатается на украинском языке, г. О. Левицкий сам видел корректуру первых листов. Всякая легальная работа в народе и среди нашей отсталой интеллигенции пока невозможна, так как у нас еще нет права собраний, союзов и т. п. Поэтому хвастаться нечем, и иногда просто приходишь до отчаяния, чувствуя себя связанным. Что касается наших внутренних дел, то они не блестящи. До отъезда за границу у меня было больше надежд на ближайшее будущее, но теперь они развеялись, и очень печально констатировать это.

Может, если придет охота, а время позволит, напишите мне. Пишите о здоровье Вашем. От чистого сердца желаю Вам его как можно больше, а в остальном, я уверен, будет все хорошо.

Низкий поклон гл[убокоуважаемой] супруге Вашей. Деток целую. Приветствую и целую Вас крепко и искренно.

Ваш М. Коцюбинский.

Дорогой пан Володимир!

Наконец-таки получил от Вас несколько слов и сердечно благодарю за них. Хотел бы только, чтобы причина Вашего молчания была иная, а не болезнь, я просто не могу слышать, что Вам опять хуже. Берегите здоровье, дорогой пан Володимир, помните, что это близко касается не только Вас и Вашей семьи, но и всех, кто любит родину и ее лучших людей.

Не ответил я Вам тотчас, ибо все ждал посылки («Вісник», «Записки»), наконец получил ее. Прошла

цензуру, хотя там ее даже не разворачивали, не просматривали, писем не вскрывали. На бандероли стоит только антихристова печать «Д. Ц.» — и все. Итак, теперь можете свободно высылать что угодно, я уверен, — всё получу, как получил уже несколько отправок от разных людей из Галиции, из Кракова. Спасибо Вам большое за присланное.

Пожалуйста, вышлите, что думали послать, а также те книги, которые я оставил у Вас, покидая Львов.

Жду теперь как не знаю чего закона о свободе печати, а его нет как нет. Да и вообще у нас ничего из обещанных свобод нет. У нас конституция только на бумаге, она фактически упразднена всем поведением правительства. Нас просто обманывают и бессмысленно играют с огнем, который охватил всю Россию. Положение очень неясное, не знаешь, чем все кончится, по крайней мере в ближайшее время. Борьба идет упорная, завязая, каждый день на историческую арену выступают новые факторы, революция охватывает войска, в Севастополе сейчас идет настоящая война — войск с войсками! У нас повсюду господствует мнение, что, прежде чем добьемся спокойной и культурной жизни, будет общее восстание, которое сметет весь старый политический строй. Сейчас никакая культурная работа попросту невозможна. Все, без различия национальности, накапливают силы, чтобы свалить общего врага.

Не знаю, когда настанет время сменить свою теперешнюю работу на более продуктивную и соответствующую мне. Украинские периодические издания не выходят, так как их сразу бы конфисковали. В Лубнах (Полтавщина) вышел 1 № «Хлібороба», газеты для крестьян (видели? Если не видели, напишите, пришлю), без разрешения, но второго номера уже нет, наверно конфискован. «Громадське слово» еще не выходит. В надежде, что вскоре выйдет закон о свободе печати, у нас появилось несколько объявлений о выходе украинских периодических изданий. С третьего декабря будто должна в Киеве выходить «Праця», орган социал-демократов. В Москве некий адвокат Опшюков напечатал объявление о том, что с 1 января 1906 г. издает газету «Україна» с иллюстрированным еженедельным приложением «Зоря» и ежемесячником «Хата». В Петербурге объявлено об издании с ново-

го года ежемесячника «Вільна Україна». А пока ничего нет. Пробуйте продвинуть к нам свои издания, это теперь было бы очень хорошо.

В Чернигове пока ничего делать нельзя. У нас теперь (около месяца) т[ак] наз[ываемая] «усиленная охрана». Мы не имеем права даже собираться, хотя бы и частным образом, под страхом наказания тюрьмой или штрафом до 3000 руб. Каждого из нас без суда могут арестовать и выслать бог знает куда в 24 часа. Могут лишить места одним росчерком пера, искалечить нагайками или саблями.

Мы сейчас вне закона.

Нервы так напряжены, что по ночам не могу спать. Письмо от Мочульского получил и завтра отвечу, если только кончится почтовая забастовка.

Отца Борачека попросите сердиться не на меня, а на мороз, который в мае уничтожил у нас всю фасоль, в том числе и японскую. Я не собрал ни зерна, поэтому не мог выслать ему. Кланяйтесь ему от меня. Напишите при случае хоть два слова.

Гл[убокоуважаемой] супруге Вашей мое совершенное почтение.

Целую Вас и обнимаю.

Деток целую.

Ваш *М. Коцюбинский*.

35

Чернигов, 18 февраля 1906.

Дорогой пан Володимир!

Вы меня сконфузили: я только собирался, а Вы уже написали. Сердечное спасибо. Молчал так долго не потому, что делал что-нибудь. Нам теперь ничего не дают делать — разрешают только строить тюрьмы. Темные силы строят новые тюрьмы, ибо старые переполнены. Мы, наверно, мало еще разрушили, чтобы можно было создать. Да и со здоровьем у меня так плохо, что принужден проводить время дома и большей частью лежать. Этим, правда, Вас не удивишь, этого удовольствия и у Вас порядочно.

Правда, Вы мне не снились, зато я так часто Вас вспоминаю, порой даже кажется, еще вчера виделся с

Вами, а Ваш голос, смех, выражение глаз и движения вижу отчетливо, как будто бы передо мной. Знаете, мне очень хотелось бы залучить Вас хоть на некоторое время к себе, в Чернигов. Вот и сейчас вижу, как Вы без сюртука, заложив за голову руки, лежите на диване у меня в кабинете и мы беседуем. Вы все же должны когда-нибудь ко мне приехать: за Вами, сударь, должок.

Очень Вам благодарен за присланное: пришло как раз во-время, впрочем у таких людей, как мы с Вами, всегда все, кажется, во-время. Обе книжки «Вісника» (I и II), спасибо, получил. Я, должно быть, с недавних пор стал любимчиком цензурных комитетов, из-за границы все свободно доходит ко мне, отправления даже не просматриваются, так как приходят нераспечатанными. Спасибо добрым людям: едва ли не каждую неделю кто-нибудь что-нибудь пришлет, то книжку, то брошюрку, то газету.

Высылайте, пожалуйста, и в дальнейшем «Вісник»; даю слово, что в скором времени пришлю свой рассказ и этим хоть немного отблагодарю редакцию за ее память обо мне. Совершенно ясно, что, собственно, не редакция помнит обо мне, а Вы, дорогой, и моя благодарность относится к Вам. Чтобы покончить со всякого рода просьбами, напоминаю Ваше обещание выслать мне книжки, оставленные мной в конторе товарищества, выезжая из Львова. Там были, кажется: «Сказки» Кобринской, «Осень» Лепкого и еще что-то. Может, выслали бы кстати и несколько экземпляров моих рассказов. А чтобы Вас рассердить окончательно, попрошу выслать еще 1 экземпляр] «Кобзаря» Шевченко, изд[ание] «Просвіты» (Романчука). Деньги, сколько будет следовать, вышлю тотчас по получении книги. Как Вам нравятся наши периодические издания: «Громадська думка», «Рідний край», «Шершень»? На мой вкус, все это серо, малоинтересно, лишено широты взглядов, темперамента. Какие-то мертвецы. Может, я предъявляю слишком высокие требования, но что поделаешь, если эти издания меня не удовлетворяют. Читают ли их у Вас в Галиции? Может, Вы только по обязанности просматриваете их? Мне очень интересно Ваше мнение. Напишите. Сообщите также, как Вы себя теперь чувствуете — лучше ли хотя бы немного? Пишете ли сейчас что-нибудь интересное? Как

поживает дорогой д-р Франко? Передайте ему мой сердечный привет.

Мое почтение гл[убокоуважаемой] супруге Вашей. Деток целую. А Вас целую и обнимаю сердечно. Простите, что пишу на этот раз так мало. Вскоре напишу еще.

Ваш М. Коцюбинский.

36

30 ст. ст. III [1906. Чернигов.

Глубокоуважаемый и дорогой пан Володимир!

Нарочно медлил с этим письмом, ожидая обещанные книги. Только вчера я получил №№ 97 и 121, а 122 не получил. Не знаю, забыли ли вложить, или книга затерялась в дороге. Во всяком случае я очень рад, получив такой ценный подарок, и сердечно благодарю за память.

Книги, как видите, даже таких авторов, как Драгоманов, теперь доходят свободно, хотя, может, кое-что и пропадает. Например, III книжки «Вісника» я не получил и не видел даже.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам альманах «З потоку життя». Я недоволен альманахом, но что поделаешь, если цензура выбросила из него все наиболее ценное и наиболее стоящее. Напишите, какое он производит на Вас впечатление, меня это очень интересует.

Почти год назад мы вместе проводили пасхальные праздники. И я вспоминаю теперь, как мне было хорошо в таком милом обществе. Хорошо было бы и сейчас увидеться, увы! А может, Вы теперь отдали бы мне визит? Следовало бы все же.

Как поживаете, что с Вашим горлом? Греетесь ли на солнышке? Что-то давно не было вестей от Вас.

А я все болею. Позавчера вернулся из Киева, ездил к врачу. Хуже всего, что не могу ничего делать, нервы переутомлены, нужно отдыхать, а тут канцелярская работа не дает даже вздохнуть свободно. У меня есть несколько интересных тем, начал кое-что и принужден был бросить. Едва не плачу, такая досада! Хотя бы на праздниках немного отдохнуть, может к весне и появились бы новые силы.

Что там у Вас теперь делается? Как с избирательной реформой? У нас довольно пессимистическое настроение. На Думу надежд мало, ее, наверно, разгонят, если она будет гладить правительство против шерсти. А все указывает, что Дума слагается из элементов преимущественно оппозиционных.

Буду ждать от Вас хоть несколько слов, пока же желаю Вам и гл[убокоуважаемой] супруге Вашей веселых праздников. Будьте здоровы. Д-ру Франко сердечный привет.

Ваш М. Коцюбинский.

37

Чернигов. 31.IV ст. ст. 1906.

Дорогой пан Володимир!

Ваше милое, полное юмора письмо доставило мне огромное удовольствие, и я даже позавидовал Вам, что Вы так умеете бороться с горем. Только сейчас собрался ответить, но были важные причины — не пишу, какие именно, но верьте — важные.

Наряду с радостью Ваше письмо доставило мне и немало огорчения, ибо до последней минуты я и в самом деле думал поехать с Вами в горы, а теперь мерзкая действительность разбила все мои надежды: в этом месяце неожиданно преждевременно принужден был заплатить 400 рублей долга и теперь гол, как сокол. Наверно, никуда этим летом не поеду — и это угнетает меня, ведь если не отдохну, не наберусь сил за лето, не смогу работать зимой. Такие-то дела!

Если каким-нибудь чудом изменится до июня мое материальное положение, то я все же приеду к Вам: комнату, думаю, найти можно будет еще и потому, что в особом комфорте не нуждаюсь, особенно летом, когда в комнате только ночуешь. Сейчас так обидно, просто ужас!

Огромное удовольствие доставила мне редакция «Л.-Н. В.» своим решением — и не потому, что я люблю деньги. И если напишу что-нибудь для «Вісника», то опять-таки потому, что чувствую себя обязанным выполнить свое обещание. Если бы мне хоть немного покоя, немного свободы, я бы целиком ушел в любимую работу.

Писать же человеку переутомленному, обремененному заботами, очень трудно, почти невозможно для меня. А для «Вісника» я хотел бы дать не что попало, а такую вещь, которая действительно оправдала бы решение редакции.

Обращение в № 55 «Гром. думки» очень неприятно поразило меня: большую бестактность и даже несправедливость трудно допустить. И хотя г. Ефремов силится обелить «Гр. д.» в «Нов. громаде» — факт остается фактом, и всецело понимаю, что Вам ничего другого не оставалось, как снять шапку и сказать: «Будьте здоровы!» «Громадську думку» не потому не читают, что там так скверно (по мнению «Гр. д.») пишут галичане, а потому, что она вообще неинтересна, без устойчивого направления, а к тому же еще и гермафродитствующая: хочет одновременно удовлетворить и интеллигентов и крестьянина. А это невозможно.

Очень долго заставляете себя ждать в Чернигове. Однако ловлю Вас на слове, и если бы Вы не приехали на археологический съезд или, сохрани боже, не остановились у меня, сердился бы на Вас всю жизнь. А если буду просить боженьку, то об одном, чтобы мой дорогой гость пробыл у меня как можно дольше.

Своим долгим молчанием я не заслуживаю Вашего скорого ответа и не имею права на него надеяться. Но, если бы Вы написали хоть словечко, был бы очень благодарен.

Будьте же здоровы. Крепко целую и обнимаю Вас.

Ваш М. Коцюбинский.

Гл[убокоуваж]аемой супруге Вашей низкий поклон. Деток целую. Кланяйтесь от меня д-ру Франко.

Дорогой пан Володимир!

Фу, как это пришло Вам в голову, будто я не хотел написать Вам во время каникул. Рада душа в рай — да затерялся Ваш адрес, и никак не мог вспомнить, как писать в Криворивню. Теперь, как только узнал, что Вы возвращаетесь во Львов, — пишу, как видите, и сержусь на

Вас, что ни словом не упомянули, как на Вас подействовала Криворивня, пели ли Вы там под бандуру Хоткевича и как теперь Ваше здоровье? Все же к этому я не могу относиться равнодушно. Но довольно сердиться. Надеюсь, Вы поправились.

Во время каникул я кис, как кисну и теперь. Нездоровится попрежнему. Ездил на две недели на Вольты, побывал в трех уездах, сделал на лошадях больше 400 километров, любовался красивой природой, но все это дало мне мало отдыха, мало глубоких впечатлений. Все это делалось наскоком и поэтому поверхностно. Никакого материала не собрал. Считаю, что каникулы для меня пропали. Ничего не писал; на-днях начал небольшую новеллку, скоро кончу и вышлю Вам. Я уже сгораю от стыда перед Вами и «Л.-Н. Вісником». Может, в конце той недели получите новеллку.

Вообще нужно сказать, что нынешнее время не благоприятствует литературной работе. Опуская уже то, что я день хожу, а три лежу, вечно чувствуешь себя раздраженным, напряженным, все внимание обращено на другое, совсем в другую сторону. Нет спокойствия, нет равновесия.

Развлекали меня во время каникул Ваши «коломийки». Какая хорошая книга! Просто удивляешься богатству народного творчества, богатству и колоритности языка. «Буду красть», — наверно, скажет каждый писатель, читая эту книгу, и в этом преступлении виноваты будете Вы. Очень Вас благодарил, читая «коломийки», благодарю и сейчас.

Вспомнил о книгах и по этому случаю хочу у Вас кое-что выцыганить. Кажется, если не ошибаюсь, «Спілка» дает авторам по 15 экз[емпляр]ов их произведений. Не могли бы Вы сказать, чтобы мне выслали хоть несколько экземпляров моих книг такими посылками: 1 + 2 + 3 + 4 кн. в каждой посылке? Теперь уже все это доходит свободно. Вот бы был Вам благодарен.

Напишите мне хоть несколько слов. Я уже соскучился по Вашим письмам.

Низкий поклон гл[убокоуважаемой] супруге Вашей.

Сердечный привет д-ру Франко.

Целую Вас и обнимаю.

Ваш М. Коцюбинский.

Дорогой пан Володимир!

Посылаю Вам (заказным) свой набросок «Он идет!» Если найдете возможным — поместите его в «Л.-Н.В.» Не гневайтесь, что даю Вам такую безделицу. Может, когда-нибудь пришло вещь посолидней. Вместе со своим наброском посылаю рукопись г. Жука «Мне говорили: еще молод» и прошу Вас, если можете, напечатать. Правда, это еще проба молодого пера, но, на мой взгляд, пера талантливого. Стоило бы поощрить начинающего автора, ибо я надеюсь, что он сможет кое-что сделать для нашей литературы. Если бы Вы считали совсем невозможным поместить в «Вісник» произведение Жука, известите меня, и тогда я буду просить Вас о чем-либо другом. Получили ли письмо, посланное мной неделю тому назад во Львов? Надеюсь на ответ. Целую Вас сердечно. Жду ответа.

Ваш М. Коцюбинский.

Очень обрадовался, наконец, получив Ваше письмо, дорогой пан Володимир! А то мое встревоженное воображение рисовало мне Вас в постели или где-нибудь в больнице вне Львова! Но, хвала аллаху, не так еще это скверно. Но опять Вы меня опечалили сообщением о делах «Вісника» и «Видавничей спілки».

Что касается последней, то я беру под защиту нашу общественность. Вы говорите: не покупают книг. А я спрашиваю Вас: где они могут их покупать? Выписывать из-за границы не привыкли, для многих затруднительно писать адрес по-немецки и посылать за границу деньги. Если бы книги «Спілки» были в книжных магазинах, я уверен, их покупали бы. Поэтому мысль печатать книги в России мне чрезвычайно нравится, и я уверен, что тогда дела пойдут совсем хорошо. Что касается «Вісника», то опять-таки Вы мало сделали для его распространения. Если бы Вы завели своих агентов [наших местных людей] и опубликовали, что контора «Вісника» в таких-

то и таких-то городах открыла филиалы — опубликовали широко, не только в украинских, но и в русских газетах — подписка пошла бы куда лучше. Надеяться на нашу украинскую прессу нельзя. Она какая-то такая странная, такая узкая, так не умеет и не хочет стать всеукраинской, охватить все сферы нашей жизни, просто диву даешься. Об этом можно много сказать, но поможет ли это?

Очень Вам благодарен, что так быстро печатаете рассказ г. Михаила Жука. Это меня радует.

Что касается моего рассказа, то из Ваших слов: «Будет напечатано в какой-нибудь из дальнейших книжек» — я заключаю, что он Вам не понравился и у Вас нет желания его пустить, хоть место и есть. Искренно говорю Вам, что у меня нет пустой амбиции, чтобы считать все, что напишу, хорошим и заслуживающим печати. Поэтому со мной не церемоньтесь, и если мой набросок не нравится Вам, верните его мне. Только не откладывайте, а сделайте это тотчас. Это нетрудно: бандероль, марка и — готово. Может, со временем напишу в «Вісник» что-нибудь более интересное. Во всяком случае черкните мне несколько слов — открытку, письмо требует времени. Жду.

Мои книги можете посылать в переплетках. Я получаю иногда переплетенные книги из Галиции — подарок земляков — и пошлины не плачу. Только шлите не посылкой, а бандеролью и не по многу, а по две, по три.

Будьте же здоровы и людям милы. Целую Вас сердечно. Жду ответа.

Ваш М. Коцюбинский.

Гл[убокоуважаемой] супруге Вашей мое почтение.

Д[и-ру] Франко искренний привет.

М. Жуку пришлите (на мой адрес) книгу «Вісника», где будет его рассказ.

Глубокоуважаемый и дорогой пан Володимир! Спасибо, что откликнулись. У меня нет к Вам никаких претензий, ибо хорошо понимаю, почему Вы задержались с

ответом. Большое спасибо за хлопоты в львовской «Просвіте». Мы все же получили приветствия (всего 12), хотя и не от львовской, а от филиалов. Не смогу сейчас перечислить, от каких, так как приветствия сейчас не у меня. Если читаете «Раду», найдете там все сведения. Педагогическое общество во Львове тоже прислало приветствие. Всем им посылаю сердечную благодарность. Вы не можете себе представить, какое прекрасное впечатление произвели эти приветствия на непосвященную публику.

«Просвіту» открыли, но я кое-чем недоволен. Хотя я и отказывался, хоть и просил, чтобы меня освободили от постоянных обязанностей в «Просвіте», все же меня не послушали и выбрали председателем. А это в самом деле тяжело, ибо нет ни здоровья, ни времени. Не знаю даже, как буду изворачиваться.

Деньги, полагающиеся мне за новеллку, будьте любезны, если это не затруднит Вас, прислать тотчас, так как сижу без копейки, — гол, как сокол. Голодный пес и мухе рад, как говорит пословица. Этой новеллке у немцев повезло. Немецкий перевод приняли три издания: «Berliner Tageblatt», «Welt» и еще какая-то венская газета.

Статья г-жи Черняховской все же довольно интересна. Одно мне не нравится — слишком меня хвалит. А я больше люблю литературу, чем собственную персону.

Будьте любезны, дорогой пан Володимир; окажите мне услугу: вышлите по адресу: Wien, IX Sobyeskigasse, 11, III/10 H. Wilhelm Horoschowski три первых томика моих рассказов (кроме книги «В грешный мир»). Буду очень за это благодарен.

Польских переводов я не получил, хотя знаю, что книга вышла уже с месяц. Это меня немного удивляет. У нас несколько иные литературные обычаи.

Не скажу, чтобы я хорошо провел праздники. Переутомился за эти дни, очень много было работы. Очень, знаете, досадно. Столько вышло прекрасных книг, столько их лежит у меня на письменном столе, а читать некогда. Почему это люди вечно в хлопотах?

Не радует меня известие о Вашем здоровье и о Ваших затруднениях. Кому-кому, а Вам здоровье пригодилось бы. Будем надеяться, что в новом году оно будет

лучше. Хоть каждый новый год — обманщик, но желаю от всего сердца, чтобы 1907 год для Вас таковым не оказался. Примите от меня искренний привет и поздравления. Передайте их и Вашей гл[убокоуважаемой] супруге.

Не забывайте Вашего *М. Коцюбинского*.

Автор «Шляхты» — армейский полковник в Москве, очень милый человек. Его зовут Еремеев.

42

29 ст. ст. [1]907. Чернигов.

Глубокоуважаемый и дорогой пан Володимир!

Сейчас у меня нет ничего готового для II книги. Как раз пишу рассказ для сборника, который думают издать в Вологде в свою пользу ссыльные укр[аинцы] в Вологде. Обещал и должен им послать, хотя мне не очень верится, что сборник увидит свет. Запрошу — и если дело не надежно, пришлю рассказ в «Вісник». I книга очень и очень мне понравилась. Но сегодня говорили, что «Вісник» запрещено продавать в Киеве. Что же будет? Да и верно ли это известие? Все может быть.

Я уже снесся с Лепким, но разве это поможет? Спасибо, что послали книги Горошевскому!

Сердечно Вас целую и обнимаю.

Ваш *М. Коцюбинский*.

43

6 ст. ст. IV [1]907. Чернигов.

Дорогой пан Володимир!

Хоть Вы теперь и лечитесь и, наверно, скучаете по дому и по работе, а я все же рад, что Вы попали к немцам, ибо, надеюсь, они Вас поправят. И при чтении Вашего письма мне как-то не было жалко кожи на Ваших руках: пусть сверху трескаются, лишь бы внутри было здоровей.

Хотелось бы мне чем-нибудь развеселить Вас, но беда, что кругом у нас одно невеселое, даже весна не

радует, такая она холодная, серая, печальная. Лучшие минуты — когда можешь забыть, погрузившись с головой в работу, но что касается меня, то и это не могу себе позволить, — все болею.

Вот недавно как-то поскользнулся и растянул что-то внутри, около сердца, и чуть не умер, а теперь все болит и не могу долго сидеть за столом. А между тем так хочется писать — и даже есть о чем писать. В голове полно, а на бумаге пусто. Жалуюсь Вам потому, что и Вы теперь не в лучшем состоянии и Вам понятны муки Тантала.

Об истории с обращением нашей «Просвіты» забудем. Теперь уже все выяснилось, и я заранее благодарю за обещание прислать книги. Конечно, пришлите нам и свои «коломыйки» и этнографические сборники, ведь это чрезвычайно ценный материал, которого у нас, к сожалению, нигде нельзя добыть.

Галичане к нам очень любезны. Мы получаем бесплатно чуть ли не все галицкие издания.

Только теперь, пересматривая эти периодические издания, я понял, какое это, за малым исключением, убожество. Надеюсь, что Вы не будете сердиться на меня за эти слова, так как, насколько Вас знаю, специфический галицкий патриотизм настолько же Вам чужд, как и мне специфически украинский.

Работа в нашей «Просвіте» идет вяло пока что. Принимая во внимание общеполитические условия нашей жизни, не благоприятствующие развитию подобных обществ, мы должны признаться: у нас нет людей. Нет твердых убеждений, нет умения и желания работать. Еще поговорить — хоть плохо — мы можем, но взяться за реальную работу нам трудно. Отсюда весьма ненормальное и грустное явление: работают два-три человека, а остальные холодны, как мертвецы. Сколько еще нужно энергии и времени, чтобы воспитать работников! Вы уже пережили этот кризис; теперь у Вас есть и силы и опыт, и наша Украина, такая прекрасная издали, оказалась бы Вам вблизи мертвым островом. Не думайте, что это говорит во мне пессимизм. Нет, я не пессимист, скорей до сих пор был чересчур большим оптимистом и поэтому, оставив кабинет для широкого мира, натыкаюсь на подводные камни, которых раньше не замечал. Но

это не уменьшает моего пыла, и часто мне становится горько, что у меня так мало сил и здоровья.

Ну, довольно об этом. Не хотел бы, чтобы мои жалобы портили Вам настроение. Как-нибудь обойдется!

Весьма Вам благодарен за весточку о Вашем здоровье. Мне очень хочется всегда знать, как Вы живете и что с Вами.

Мне не нужно Вам делать особых признаний, — Вам и без того известно, что я Вас очень люблю и уважаю. Буду рад и благодарен, если напишете хоть несколько слов.

А пока что целую и обнимаю Вас сердечно. Будьте здоровы!

Ваш М. Коцюбинский.

Дорогой пан Володимир!

А я уже думал, что Вы обо мне вовсе забыли! Оказывается, нет! Почта доставила мне Вашу книгу (сердечное спасибо!) — значит, Вы еще помните, что где-то далеко, в Чернигове, живет расположенная к Вам душа. Правда, эта душа едва держится в теле, а все же еще не совсем остыла.

На мое письмо в Криворивню из Славуты (где я жил летом) Вы не ответили. Я и подумал: наверно, человеку нездоровится или некогда — напишет позднее, а в это время свалились на меня всякие беды, болезни, хлопоты, и я вынужден был забыть не только о письмах, но и обо всем на свете! Плохи мои дела.

Надо спасать положение, отдохнуть, полежать в больнице или в санатории, а не на что. Придется погибать. Служба едва-едва дает кусок хлеба, а литература!.. Стыдно даже признаться представителю культурной нации. Единственное средство — писать по-русски, но если я этого не делал до сих пор, то уж не сделаю и теперь. А между тем факт, что мои русские переводчики получают за переводы в несколько раз больше, чем я за оригинал. Придется погибнуть. Как говорят — «не тратьте, куме, силы, опускайтесь на дно». Ну, довольно о

себе. Скажу только, что работа в «Просвіте» отняла последние силы, так как легла всей тяжестью на меня и мою жену. Некому работать!

Поговорим теперь о Вас, это меня больше интересует. Ведь я уже вечность ничего не слышал о Вас! По-правилось ли хоть немного Ваше здоровье? Как Вы себя чувствуете? Так бы хотелось повидать Вас, самому посмотреть, как Вы выглядите. Хоть напишите. Я надеюсь, что Вас потянет на археологический съезд в Чернигове летом [этого] года и что тогда я не только Вас увижу, но Вы будете моим гостем, ведь Вы мне обещали и отказываться уже не имеете права. Пишете ли сейчас что-нибудь новое? Как «коломыйки»? Вообще я хотел бы знать все о Вас — как Вы и Ваши близкие?

Читали Вы мои последние вещи «Persona grata» и «В дороге», помещенные в сборниках «3 неволи» и «Дзвін»? Если прочли, то, наверно, бранили (да и есть за что!), однако хотел бы знать, очень ли бранили. К сожалению, не могу подарить Вам эти вещи, так как у меня их нет. Все наша бедность. Может, выцарапаю где-нибудь для Вас со временем.

Что с д-ром Франко? Мне говорили, будто он болен. Я очень встревожен этим известием. Не пишу ему, боюсь его беспокоить, но Вас прошу мне написать, как его здоровье.

Пока же приветствуйте его от меня и пожелайте скорей поправиться.

Сердечно обнимаю и целую.

Ваш М. Коцюбинский.

Жду ответа.

Дорогой пан Володимир!

Ваше сообщение совсем убило меня, хожу сам не свой, не нахожу себе места. Теперь, когда возможность катастрофы стала реальной, еще ярче вырисовывается могучая фигура Франко и все его заслуги, еще дороже становится нам этот человек. Конечно, постараюсь сде-

лать все возможное, чтобы помочь деньгами, но в этом мало радости — ни за какие деньги такого Франко не достанешь. Сегодня прочел сообщение в «Раде», что Франко немного лучше. Правда ли это и насколько лучше?

Очень просил бы сообщить мне, в каком он сейчас состоянии, в чем внешне выражается болезнь, в сознании ли он, говорит ли, узнает ли людей, стал ли владеть руками? Выберите минутку и хоть вкратце напишите. Меня удивляет наша пресса: кажется, Франко заслуживает большего внимания; можно было бы ежедневно давать сообщения о состоянии его здоровья. Ведь у нас таких, как Франко, немного! Боже, как мы еще некультурны!

Меня до такой степени поразило это печальное известие, что я и сам заболел и пролежал два дня. Да и теперь ни о чем другом не могу думать. Все вспоминаю нашу последнюю встречу, наше путешествие в деревню, разговоры — и прямо сердце болит, и скорбь мною овладевает невыразимая.

Если увидите с Франко и с ним можно говорить, передайте ему мой искренний привет и самые сердечные пожелания скорейшего выздоровления.

Нет, Вы совсем опечалили меня своим письмом: я рисовал себе такие розовые планы на лето, думал, как буду водить Вас по самым красивым черниговским уголкам, как будем греться на солнышке, хотя бы у нас в саду, как приятно будет принимать у себя дорогого земляка, — и все мои мечты развеялись, как пух одуванчика. Разве поехать в Криворивню? Почему бы нет? Рада душа в рай, да грехи не пускают: нет ни копейки. А впрочем... посмотрим. Простите за короткое и бестолковое письмо. Сейчас не могу сосредоточиться. Буду ждать нетерпеливо известий о Франко.

Сердечный привет гл[убокоуважаемой] супруге Вашей. Деток целую.

Вас тоже целую и обнимаю от всего сердца.

М. Коцюбинский.

Деньги начал собирать сегодня. Может быть, соберу какую-нибудь сотню. Написал своим знакомым в провинцию и надеюсь, что и там кое-что соберут.

Милый пан Володимир!

Хоть Вы и не ответили на мое последнее письмо, но о Вас я кое-что знаю из письма к г. Вовку. Однако это было давно, с месяц, пожалуй. Вы еще находились в Криворивне. Думаю, что теперь вернулись во Львов и, наверно, отдохнув, поправились. Был бы Вам очень благодарен, если бы написали хоть несколько слов о себе и о Франко.

Летом я целый месяц отдыхал в деревне у Чикаленко, поправился, прибавился в весе фунтов на шесть и обрел некоторое душевное равновесие. Но как только вернулся домой, тотчас свалилась на меня беда, большая неприятность, и я не только потерял все, что приобрел, но и заболел. Теперь едва волочу ноги, а нужно как-то пережить зиму! Ну, ничего.

Сегодня кончил небольшую вещь для «Вісника», назвал ее «Intermezzo» и на-днях пошлю в Киев. Собираюсь написать что-нибудь большое, но хватит ли здоровья?

Вот еще о чем хотел я Вам написать: не сегодня-завтра поедет во Львов госпожа Ольга Андриевская, которая была когда-то во Львове на курсах. Она продолжительное время просидела в тюрьме, и вместо ссылки на север ей разрешено выехать за границу. Знакомые, какие были у нее во Львове, разъехались, а ее надо поддержать первое время, позаботиться о ней. Вам самому это трудно было бы сделать, но Вы могли бы поручить ее каким-нибудь молодым людям — студентам, что ли. Итак, прошу Вас, не забудьте о ней и сделайте все возможное.

Надеюсь, что Вы все-таки мне напишете.

Сердечно обнимаю и целую Вас. *М. Коцюбинский.*

Глубокоуважаемый и дорогой пан Володимир!

Мне было бы очень стыдно, что только теперь отвечаю на Ваше милое и большое письмо, если бы оправ-

данием не служила моя тяжелая болезнь, с которой я едва справился, но которая избавила меня от стыда. Ибо, если не можешь — ничего не поделаешь!

Последние известия о Вас я получил позавчера; пишут, Гнатюк держится. А вот сейчас получил Ваши книги (сердечное спасибо за память и подарок!) — вижу, что действительно держится, да еще и работает. Просмотрел я эти книги и удивляюсь Вашему труду. Ведь кроме знания различных диалектов необходимо очень музыкальное ухо, чтобы уловить все оттенки говоров. Это чрезвычайно ценный материал, как этнографический так и диалектологический. А что же «коломийки»? Вспомнил о «коломийках» — и тотчас, как живой, встал перед глазами Ваш образ; вы наклоняетесь к уху и тихо напеваете какую-нибудь «коломиюку» (а их для любого случая у Вас несколько!), и в глазах смех. Как бы мне хотелось повидаться с Вами! Я серьезно начинаю думать о Криворивне, но боюсь: а вдруг опять там не будет солнца и тепла, тогда окончательно пропадут каникулы, ведь без солнца я не могу. И тогда начинаю думать о Неаполе, но опять-таки на это нужны деньги. Во всяком случае надеюсь увидеть Вас в 1909 году, если доживу до этого времени, ибо врач говорит, будто у меня с сердцем неважно. Но я совершенно равнодушен к состоянию своего сердца, лишь бы только оно не стало мне помехой, когда соберусь в дорогу.

Весьма сожалею, что Вы не смогли приехать в Чернигов на съезд, но, с другой стороны, для Ваших нервов, может, и хорошо, что Вы не были свидетелем всего этого свинства, не видели всей этой черносотенной грязи, которую вместо науки изверг из себя этот полухулиганский съезд. Попросту было мерзко, противно и для человека не чуждого этике — отвратительно. Об участии в съезде наших «знаменитых» «ученых»-украинцев не буду писать, наверно из газет уяснили себе их некрасивую роль. Я публично и в глаза назвал поступки этих господ некультурностью, чем навлек на себя великий гнев и громы. Так с этими громами на устах одесские ученые и уехали домой. Теперь мне небезопасно показаться в Одессе — того гляди побьют.

Отшумели съезд и праздники, и началась проза. Проза очень скучная и мрачная. Губернатор незаконно

исключил меня, мою жену и еще некоторых из «Просвіты» (по этому поводу будто бы был сделан запрос в Думе), дела общества пришли в полный упадок; одни испугались и спрятались так, что о них ни слуху ни духу, другие заняты болтовней или работают на других. Обнаружились и еще более «красивые» дела. Член отделения «Просвіты» Шульга (теперь он председателем нежинского филиала) оказался шпиоком и настоящим дснощиком — он заседал с нами в «Просвіте», а возвращаясь домой, писал доносы на «Просвіту», притом самого подлого содержания. Теперь все выяснилось, и подлинные документы у нас на руках.

У Вас, наверно, нет ничего подобного. Вообще переживаем подлые времена. Общественность забита, запугана, утомлена — сидит у разбитого корыта и апатично, безнадежно глядит на стену перед собой. И жалко, и обидно, и хотел бы, если ничего поделать нельзя, уйти в литературу, хотя бы в работе найти утешение, но и здесь подстерегают тебя всякие болезни и валят с ног (даже это письмо я пишу больной в постели). А Вы не берите с меня пример и не хворайте. Когда издадите «коломийки» — не забудьте прислать мне, так как очень ими интересуюсь. Если будет у Вас желание и свободное время — пишите и вообще не забывайте меня. Целую и обнимаю Вас сердечно. Гл[убокоуважаемой] супруге Вашей мое почтение и привет. Деток поцелуйте от меня.

Ваш М. Коцюбинский.

48

12 ст. ст. XII [1]908. Чернигов.

Дорогой пан Володимир!

Вы, наверно, получили уже мое письмо, посланное на этих днях. Дополнительно пишу эту открытку, ибо вот о чем забыл Вас просить: украинцы из Праги, желая перевести на чешский язык мои рассказы, просили прислать им что-нибудь из моих книг, но я, как всегда, так беден в этом отношении, что у меня ничего нет. Очень Вас прошу, пошлите, если возможно, один экземпляр кн[иги] «В грешный мир» по адресу: Praha,

Kral. Vinohrady, Havlicova tr. с 62 (udomovnika), Oľha Andrievska. Если послать не сможете, известите. Еще очень прошу: дайте мне адрес Стефаника. Простите за беспокойство. Сердечно желаю Вам и Вашей семье веселых праздников! Будьте здоровы!

Целую Вас. М. Коцюбинский.

20 ст. ст. III [1]909. Чернигов.

Глубокоуважаемый и дорогой пан Володимир!

Напоминаю о себе, ведь я еще жив, хотя едва дышу. Но в этом есть кое-что хорошее, ибо тешу себя надеждой скоро с Вами увидеться и тогда уж искуплю все свои грехи перед Вами — заглажу продолжительное молчание. Должен отдохнуть, а для отдыха мне совершенно необходимо солнце. У нас же солнце как-то испортилось (а может быть, никогда хорошим и не было), и уже три лета во время своего отдыха я зябну и мокну. Теперь решил в середине мая двинуться в теплые края. Предполагаю поселиться в Италии, на Капри, и проездом задержусь на день-два во Львове. Думал я и о Криворивне, но пугает меня, что и там будет холодно и сыро, как в прошлом году. Нет, все же лучше погреться на солнце как следует!

Но опять беда — нет денег. Больной, едва дыша, я принужден был сесть за стол и написать для «Вісника» рассказ (листа на два) — «Дебют». Не знаю, удался ли он и выдаст ли мне «Вісник» аванс под него, что все же было б некоторой поддержкой. Сейчас просматриваю рассказ, на праздниках перепишу и пошлю на редакцию].

Вы спрашиваете меня, за что любит меня «Молода муза»? Разве я знаю? Сам был бы рад, если б мне объяснили. А что любит, это видно хотя бы из того, что купила у меня право на издание последних моих рассказов и печатает их во Львове [од] [названием] «Из глубины». Конечно, было бы лучше, если бы эта книга вышла в издании «Видавнич. спілки», как 5-й томик рассказов, но, наверно, «Спілка» не знает, что

делать с уже изданными книгами, ибо они плохо расходятся.

Мне было очень приятно читать, что, несмотря на болезнь, Вы подготовили столько работ! Мне даже стыдно стало за мою нерадивость и малую продуктивность, когда сравнил свои труды с Вашими. Однако искренно желаю Вам еще больших творческих успехов, ведь это единственное наше утешение: в работе забываешь о себе.

Напишите при случае несколько слов, как переносите холодную весну. Очень ли она Вам вредит? Не лучше ли Вам теперь хоть немного?

А как поживает д-р Франко? Когда вспоминаю о нем, сжимается сердце. Если он сейчас во Львове, приветствуйте его от меня...

Очень устал, голова болит, поэтому, кажется, и написал Вам бестолковое письмо.

Будьте же здоровы. Сердечно целую и обнимаю Вас. Кланяйтесь от меня гл[убокоуважаемой] супруге Вашей.

Ваш М. Коцюбинский.

50

16.VI [1]909. Capri, № 21.
[По нов. стилю.]

Дорогой пан Володимир!

Я до сих пор под впечатлением Вашего гостеприимства и теплого отношения ко мне. Сердечно благодарю Вас и гл[убокоуважаемую] супругу Вашу за все и шлю Вам привет с Капри, из этого земного рая. Тут мне хорошо, удобно, спокойно, красиво и дешево. А все-таки Криворивня манит. Пишу сейчас коротко, только чтобы сообщить адрес: Napoli, Capri, Hôtel Royal, № 23. Пишу Луцкому, чтобы выслал сюда мою книгу (5—6 эк[земпляров]).

Прошу, напомните ему. Еще просьба: М. Горький очень интересуется нашими песнями и сказками. Прошу Вас, вышлите ему: Capri, Villa «Spinola», Maxime Gorki, Ваши этнографические издания, хотя бы за мой счет, если иначе нельзя. Целую Вас, и мой поклон супруге!

Пишите.

М. Коцюбинский.

Дорогой пан Володимир!

Спасибо Вам за открытку и Ваши добрые пожелания. Живется мне здесь вообще хорошо, отдыхаю, люблюсь красотой и хорошими людьми. Семья Горького и он сам все больше нравятся мне. Они меня принимают, как родного, даже порой утомляют. Устраиваем прогулки на яхте и проводим в море по двое суток. Был еще здесь известный в России скульптор Гинцбург, очень милый человек.

Горький весьма Вам признателен за книги, — говорит, такая предупредительность тронула его до глубины души. Я тоже Вам сердечно благодарен. История с Винниченко совсем ошеломила его. Когда он прочел в «Раде» письмо (кто-то прислал ему), то все хватался за голову и, волнуясь, говорил: «Так мне и надо, так и надо, если я считаюсь издателем». Видя, что эта история действует на него так болезненно, я оставил его в покое и не стал расспрашивать о подробностях. Хочу у Вас вот о чем спросить: писал я Луцкому, чтобы он выслал мне сюда 5—6 экземпляров моей книги «Из глубины», а между тем о-ней ни слуху ни духу. А мне она очень нужна. Не были бы Вы так любезны напомнить ему о моей просьбе, а если не предполагаете вскоре с ним увидеться, то переговорите по телефону с типографией Айхельбергера, что в доме «Просвіты» (там печаталась книга), пусть типография тотчас вышлет мне 5—6 экзем[пляр]ов. Последнюю корректуру я послал из Вены, поэтому невероятно, чтобы за три недели они не успели выпустить книгу в свет.

Что касается Криворивни, то я уже и не знаю, как будет. Отсюда я предполагаю выехать 27 ст. ст., день оставляю на Венецию, день-два на Вену. Если у меня останется достаточно свободного времени, чтобы не бегать высуня язык, заеду в Криворивню. Смущает меня, что придется ехать одному, без Вас. Должен сказать, что очень хочу побывать в Криворивне и еще не передумал. Будьте здоровы, не забывайте меня. Гл[убоко]ува-

жаемой] супруге Вашей низкий поклон и привет, а также гл[убокоуважаемой] сестре Вашей супруги. Деток приветствую. Роздольским, Мочульскому, Франко кланяйтесь.

Ваш М. Коцюбинский.

52

4 ст. ст. XI [1]909. Чернигов.

Дорогой пан Володимир!

Ждал обещанное письмо и думал: отвечу сразу и на письмо и на открытку. Но письма нет, а мне хочется написать Вам.

Перечитываю вторично Вашу открытку, и Ваше хорошее настроение радует меня. Как Вы себя теперь чувствуете? Вам бы не повредило поехать на осень куда-нибудь в теплые края. Не собираетесь ли? Если бы я мог, вытащил бы Вас силой куда-нибудь из Львова до самой весны. Я бы расправился с Вашей болезнью так, что Вы у меня и кашлянуть бы не посмели. Увы! Я сам едва дышу. Стыдно признаться, а правда. Больше всего страдаю от того, что совсем не мог писать, такое скверное настроение. Попробую себя перебороть и на-днях сяду за работу, но будет ли толк для моих читателей, не уверен. Утешает меня лишь то, что этих читателей кот наплакал. Да и для них наша цензура старается. Недавно киевский цензор весьма любезно известил меня, что мой сборник «Из глубины» в России запрещен, и просил прислать деньги на обратную пересылку во Львов присланных мне экземпляров. Не помогли мои объяснения, что все рассказы из этого сборника печатались в России и в свое время не были запрещены, — «музисты» получили свое издание обратно. Вторая новость: Jensen уже издал книгу моих рас[сказов] в шведском переводе, с предисловием об укр[аинском] народе и обо мне. Хотелось, чтоб это издание побудило переводить произведения и других наших авторов, пусть и нас более широко знают.

Не слышали Вы чего-нибудь о Стефанике? Он говорил мне, что осенью издаст новый сборник своих рас[сказов], а между тем что-то ничего не слышно. А жаль. Ибо на кой нам чорт его политика — нам нужнее его

рассказы. Как здоровье Франко? Писали, будто он поехал в Одессу, но мне не верится, так как потом о нем уже не было никаких сообщений.

Над чем Вы сейчас работаете? Мне хочется знать все. Из наших газет (особенно из «Рады») ничего об этом не узнаешь. Напишите хоть Вы. Лишенный возможности работать, я подбадриваю себя тем, что другие что-то делают. Обрадуйте же меня новостями.

Мне было очень приятно получить привет от такого множества хороших людей: Вашей супруги и дочери, от г-жи Роздольской и Михайла Михайловича. Всем им прошу передать мою сердечную благодарность и привет.

Будьте здоровы и не забывайте

Вашего *М. Коцюбинского,*

53

Чернигов. З.I [1]910.

Дорогой пан Володимирі

И в новом, как и в старом году, обнимаю Вас сердечно и так же сердечно желаю доброго здоровья и хорошего настроения. Прошу передать мои искренние пожелания и гл[убокоуважаемой] супруге Вашей и деткам.

Спасибо за письмо и открытку, они доставили мне неподдельное удовольствие. Благодарю и за оба сборника: это такой богатый, интересный материал, особенно для нашего брата, беллетриста. Я очень ценю подобные книги; принужденный жить в городе, далеко от народа, я иногда с головой окунаюсь в этнографические записи, в этот чистый и свежий источник народного творчества, и подкрепляю тем свои силы.

Итак, Вы доставляете мне огромное удовольствие своими подарками; еще раз большое спасибо! Если Вам это не очень трудно, пришлите мне сборник, изданный в Лейпциге, он, я уверен, благополучно дойдет до меня и также благополучно будет скрыт от тех, кому не следует его читать. Такой материал открывает новую страницу духовной жизни народа, а это интересно!

В последнее время я очень занят: пишу продолжение своего рассказа «*Fata morgana*». Во второй части опи-

сываю революционное время, а в третьей думаю коснуться «успокоения» деревни и ее одичания. Тема очень любопытная, не знаю только, удастся ли мне создать из нее то, что задумал. Боюсь, что не удастся; тогда порву рукопись, и дело с концом, хоть и очень жалко будет времени, работы и сил. Теперь я не только постанываю, а порой чуть не плачу от безумной боли в груди, от того, что задыхаюсь. Как захватит дух в груди, шагу ступить не могу, а нервы такие, что каждая мелочь, например какое-нибудь сообщение в прессе или статья, делает меня больным на несколько дней. Досадно и даже стыдно, а ничего не поделаешь. Это очень плохо отражается на работе, особенно если заставляю себя трудиться через силу. Хотелось бы еще что-нибудь путное сделать, а трудно. Не только Вам, но и мне хотелось бы что-нибудь написать об итальянском море, но боюсь, все жду соответствующего настроения.

Что касается Криворивни, то я все время раздумываю, не выбраться ли туда на все время своих каникул. Беспокоит меня только вот что: я буду свободен лишь с половины мая до конца июня ст. ст. Не холодно ли еще в это время в Криворивне? Могли бы Вы туда выехать так рано? Я один на это не решусь, потому что неинтересно, да и условий тамошней жизни не знаю. Проинформируйте меня. Как было бы хорошо, если бы не только отдохнул, но и собрал материалы для своей работы: было бы и полезно и приятно.

Передайте мои сердечные поздравления Мих. Михайловичу, господам Роздольским и г. Козловскому. Благодарю за память. Не пишу на сей раз больше, нужно сесть за работу, а свободного времени (вне службы) у меня слишком мало. Еще раз сердечно целую и обнимаю.

Ваш М. Коцюбинский.

17.VII [1]910. Capri (Napoli), Hôtel «Royal», 26.

Наконец-таки отыскал Вас, дорогой пан Володимир, ибо письма не получил и не был уверен, дошли ли к Вам мои открытки. В Криворивню на сей раз выберусь

непрерывно. Пробуду еще здесь до 3/VIII, потом посетю некоторые итальянские города (Неаполь, Рим, Флоренцию и Венецию), задержусь на день в Вене и во Львове, и потом, приблизительно 13—14 августа, выеду в Криворивню и пробуду там до конца своего отпуска, а домой должен вернуться 28 августа. Значит, дней 10 пробудем вместе. Меня это очень радует, ибо я уже соскучился, хочется увидеть Вас, а заодно и Карпаты, и гуцулов. Ваши слова — «вы должны написать что-нибудь о гуцулах» — засели у меня в голове, не дают мне покою, но что я могу сделать за 10 дней? Только оскомину набью.

Одни ли Вы или с семьей?

Радуюсь, что Вам теперь немного лучше, а то меня огорчили нерадостные слухи. Далеко ли я буду от Вас? Нельзя ли будет снять где-нибудь поблизости комнату? Лишь бы не было дождей. Хорошая погода особенно необходима Вашему здоровью, следовательно буду молиться богу.

Чувствую себя лучше. Солнце, отдых, чистый воздух — вот мои врачи и лекарства. Принимаю солнечные ванны (купаться нельзя), лежу часами у моря и стал черным, как сапог. После обеда брожу по диким скалам или ловлю с Горьким (я с ним близко сошелся) рыбу. Уже скоро два месяца, как я из дому, — и хоть и скучаю по своим, однако жалко покидать Капри, ибо нет лучшего на свете уголка (разве Криворивня, посмотрим!). Погода все время здесь чудесная, ни один день не пропадает. Не душно, а тепло, и хоть нет дождей, но все свежее, зеленое, как у нас весной. Просто диву даешься, от чего это, разве что море своей влагой поит растительность. Мне кажется, что для Вас Капри был бы хорошим местом отдыха, здесь много солнца и ровный климат.

Надеюсь, что Вы еще мне напишете и снова научите меня, как лучше (удобней) ехать в Криворивню из Львова, так как я уже забыл Ваши прошлогодние наставления. До свиданья!

Целую и обнимаю Вас сердечно. Мой привет глубокой уважаемой супруге и семье Вашей.

Ваш М. Коцюбинский.

15.28.IX [1]910. Чернигов.

Дорогой Володимир Михайлович!

Прошел месяц, как мы виделись, а я только теперь пишу Вам. Едва приехал домой, и тотчас же пришлось погрузиться в работу, и в канцелярскую и собственную. Между прочим должен был закончить редактирование первого тома своих рассказ[аэзв] для русского издания, так как рукописи уже меня ждали. И вот только вчера освободился от этой скучной работы, а сегодня уже пишу Вам. А Вы, сердечное Вам спасибо, частенько обо мне вспоминали, доказательством этому служит целая библиотека, которую я получил от Вас: здесь и 4 тома «Гуцульщины» (боюсь, чтобы где-нибудь не затерялся 5-й, так как меня очень интересует демонология) и три тома Федьковича. Целые сокровища, которыми я тешусь и не натешусь. Они напоминают мне и Вас и милую Гуцульщину, которая, как волшебный сон, раскинулась перед глазами, они, наконец, связывают с Криворивней. Очень, очень благодарю и целую. «Гуцульщину» начал понемногу читать. Потом возьмусь за рассказы о разбойниках, а под конец прочту Федьковича. Отблагодарить Вас книгами сейчас не могу, не было времени искать.

Часто случается, что мне мало 24 часов в сутки. Набрасываюсь на работу, горю, а здоровье надламывается и силы убывают. Не жалко, если бы тратил силы на нужную нам работу, а то расходую их попусту только на то, чтобы прокормить семью. Но довольно, это старая песня.

Пока я радуюсь, что отдых и пребывание на юге немного меня укрепили и я теперь значительно бодрее. Хочется работать, возникают планы, а это уже хорошо.

А как Вы там поживаете, что с Вами? Хорошо ли доехали из Криворивни во Львов? Я все боялся, не замучит ли Вас длинная дорога, и сразу после нее работа в Обществе. Берегите силы, не переутомляйтесь, не налегайте на работу. Помните, что Ваши силы нужны надолго, ибо Вы должны создать больше, чем создали до сих пор. Еще счастье, что у Вас веселый нрав и бодрое

настроение. Это нужно беречь, это поддерживает силы. Черкните мне при случае, напишите о себе. Я хотел бы знать, как Вы теперь себя чувствуете. Не тороплю Вас, не прошу срочного ответа, но когда у Вас будет время и желание перекинуться словечком, пишите, памятуя, что Ваше письмо доставит мне большое удовольствие, что я живейшим образом интересуюсь тем, как Вы себя чувствуете и что с Вами.

Приветствуйте от меня Вашу гл[убокоуважаемую], добрую супругу и деток.

Одновременно прошу передать поклон Мих. Мих. и Козловскому. К сведению последнего сообщаю, что «*Fata morgana*» я не получил. Наверно, затерялась в дороге...

А Недельский так и не прислал мне обещанных фотографий. Наверно, забыл. А жаль.

Сердечно обнимаю Вас и целую.

Ваш Коцюбинский.

Моя жена шлет Вам и всей Вашей семье свой привет. Р. С. Чуть не забыл. Есть у нас один проект. Коротко, дело вот в чем: если мы хотим — русские и галицкие украинцы — объединиться, ближе узнать друг друга, страну и быт, нужно начинать с детей. У нас возникла мысль обмениваться детьми на летние каникулы. В Чернигове есть несколько семей, которые охотно на каникулы поменялись бы детьми. Наши дети повидали бы Галицию, Ваши — русскую Украину. Можно расширить этот план, и я уверен, что многие ухватились бы за него с радостью. Издержки небольшие: нужно привести детей на пограничную станцию и там обменяться ими. Если набралось много детей, их могли бы сопровождать не родители, а кто-нибудь один, специально приглашенный. Содержание детей ничего бы родителям не стоило, услуга за услугу. Полагаю, что это было бы очень полезно и интересно. Очень просил бы Вас предложить этот план каким-нибудь Вашим обществам — педагогическим или иным, Вам виднее кому, и если бы эта мысль понравилась, техническую сторону этого плана нетрудно разработать. За всякими справками просил бы обращаться ко мне. Я верю, что выполнить этот план абсолютно воз-

можно, он, наконец, не новый. Подобный обмен детьми, насколько мне известно, практикуется в Швейцарии и Германии. Очень и очень просил бы Вас обратить особое внимание на этот проект — он имеет для нас большое значение. Можно, таким образом, сочетать полезное с приятным, и кто знает, какие результаты дало бы это нам в будущем.

Ваш М. Коцюбинский.

56

30 ст. ст. XII [1]910. Чернигов.

Дорогой Володимир Михайлович!

С новым годом! Сердечно обнимаю, целую и желаю, чтобы Вы были здоровы и чтобы мы с Вами летом в Криворивне лазили по горам и резвились (хотя бы в мечтах).

Искренно поздравляю глубокоуважаемую супругу Вашу и все семейство. Будьте здоровы и веселы!

Я был очень занят различными делами, и важными и пустяковыми, а эти дела, особенно пустячные, страшный враг человеческий, что Вам, верно, хорошо известно. Поэтому и не писал.

Теперь я рад, что могу поговорить с Вами. Прежде всего весьма благодарен за помощь в деле обмена детьми. Я уже дал кому следует адрес и надеюсь, что у г-жи Малицкой будет работа.

Я в свое время с головой ушел в «Гуцульщину», которая меня захватила. Какая оригинальная страна, какой необыкновенный, сказочный народ! Но книга книгой, а чтобы написать самому, нужны живые впечатления; так хочется скорей дожидаться лета.

Между тем грешу понемногу, написал один рассказ и пишу другой, в антрактах, конечно, когда не мешает сердце. И к чему это сердце у человека? Мучит по ночам, валит днем в постель и мешает жить. Особенно в последний месяц оно развило свою «деятельность», и невольно глядишь уже назад, а не вперед. А там мрачно, мало сделано, мало радостного. Ну его, не хочу писать об этом. Будем надеяться, что еще немного полюбуемся синим небом, веселыми горами и добрыми людьми.

Как там у Вас? Позволяет ли Вам здоровье хоть работать? Ведь это наша величайшая радость.

Мне очень хотелось прислать Вам на новый год кое-что из тех книг, какие Вы желали, да наш город так беден, что ничего не могу разыскать. Придется Вам еще немного подождать.

Моя книга в русском переводе пользуется успехом, по крайней мере в русских литературных сферах. Получаю письма от русских писателей, лично мне не знакомых, которые хвалят и приглашают сотрудничать. Амфиатров пишет, что он охотно поместит мои рассказы даже по-украински, только бы я согласился писать для его журнала «Современник», который должен выходить с нового года в Петербурге и обещает стать лучшим ежемесячником. Мне не хочется лезть в чужую хату, если есть своя. Может быть, дам что-нибудь в переводе. Горький мечтает уже о втором издании I тома, уверенный, что первое разойдется быстро. Через несколько дней начинают печатать II том. Не посылаю Вам рус[ских] переводов, они для Вас вряд ли интересны. На сей раз хватит. Надеюсь вскоре написать Вам. Будьте здоровы и не забывайте Вашего

М. Коцюбинского.

57

12/25.IX [1]911. Чернигов.

Дорогой Володимир Михайлович!

Целую Вас и очень благодарю за память и добрые пожелания.

Хоть Вы о себе почти ничего не пишете, все же у меня есть сведения (от Сергея Петровича), как Вы нехорошо себя вели без меня, переехав во Львов. Это меня крайне огорчило, ибо я был уверен, что отдых в Криворивне поправит Ваше здоровье.

Что это у Вас за головные боли, не нервного ли характера? Теперь Вы меня снова огорчили. Я все надеялся, что Вы все-таки надумаете и решитесь приехать к нам вместе с Вашей супругой. Если бы я полагал, что путешествие повредит Вашему здоровью, я не осмелился бы уговаривать Вас пускаться в путь, но я уверен, что с Вами ничего не случится, что Вы доехали бы хо-

рошо и хорошо бы отдохнули в Чернигове. Как бы я радовался! Как хорошо опять мне было бы с Вами. Прошу Вас, обдумайте еще раз этот вопрос и, если только позволят силы, приезжайте. О деньгах не беспокойтесь, в случае нужды как-нибудь мы помогли бы.

Говорю Вам искренно, мне так приятно было в Вашем обществе, что прошедшие каникулы надолго останутся в моей памяти как время, когда я отдыхал душой. Я буду очень огорчен, если не приедете.

Пани Олену, само собой разумеется, ждем с нетерпением и я и жена. Сергея Петровича постараюсь повидать завтра и передам ему Ваши поручения.

Завтра выезжаю в Киев на 2—3 дня по своим делам, а в субботу 30/IX н. ст. буду уже дома.

Возвратясь из Криворивни, работаю ежедневно, более или менее регулярно. Пишу рассказ на основе своих впечатлений о Карпатах. Боюсь, волнуясь, но пишу. Получится около 2¹/₂—3 листов. Хотел, чтобы до печатанья Вы прочли его, но, наверно, не успею переслать его Вам, так как обещал дать в XII кн. «Вісника». Не знаю, удастся ли мне сделать его, как надо, а очень хотелось бы. Может, в следующем году мне посчастливится собрать больше материала, и тогда я буду крепче стоять на ногах. Жене очень понравился проект поездки на лето в Криворивню — надеюсь, что мы еще с Вами хорошо погреемся на солнце у Черемоша.

На Капри собираюсь, только с наступлением морозов. Пока не очень холодно, буду сидеть дома. До тех пор еще не раз напишу Вам, поэтому Вы будете в курсе дела. Очень мне хочется кончить письмо словами: до свидания, и до скорого, в Чернигове! Целую Вас сердечно. Кланяемся Вам и гл[убокоуважаемой] пани Олене и ждем. Привет Ире, Олесе и Юрку.

Ваш М. Коцюбинский.

Зачем Вы так беспокоитесь, дорогой Володимир Михайлович? Мне это не нравится. Вам нужно беречь свои нервы, а Вы их не жалеете. Понимаю всецело, что очень

тяжело, если нет писем, но нужно принять во внимание, что письма идут почему-то от Вас и к Вам чрезвычайно медленно. Например, последнюю открытку от Вас, написанную 13-го, получил 17-го — следовательно, на пятый день.

Вчера послал Вам открытку, в которой успокаивал Вас. Пани Олена выглядела прекрасно, настроение было хорошее, мы все вспоминали Вас, пили за Ваше здоровье, так что Вы должны были даже почувствовать. В первый день приезда (пани Олена хорошо выпалась на пароходе) мы провели с нею в семье Шрага. Кажется, пани Олена осталась довольна. На следующий день осматривали украинский музей, а потом пани Олена одна (не хотела нас брать с собой) поехала в Троицкий монастырь (в километре от города) и осмотрела его и могилу Грибова. Осмотрели мы город, старинные валы, шведско-казацкие пушки, дом Мазепы, старинный собор Мстислава — в общем все наше прошлое и настоящее. Вечером ходили в кинотеатр. Третий день сидели преимущественно дома и ели груши из собственного сада, отнесли на почту Вам открытки и письмо, я буквально исполнил Ваше поручение: усадил пани Олену в кресло, дал бумагу и перо и просил пространно Вам написать. Вы уже, наверно, получили все. После обеда, в половине пятого, поехали втроем (пани Олена, жена и я) на пристань, ибо не было никакой возможности задержать пани Олену дольше, она все рвалась домой. Но здесь произошел непредвиденный случай. Пароход очень опоздал, и нам пришлось ждать около 5 часов. В десятом часу пани Олена выехала в Киев на пароходе «Лихой». На этом пароходе капитан и врач мои знакомые, оба украинца, и я поручил им пани Олену и просил заботиться об ее удобствах, что они при мне начали осуществлять. Места в дамской каюте было достаточно, значит, можно было выспаться. В Киеве пани Олена должна была поехать на вокзал и взять билет до Николаева, чтобы погостить у г. Гайдученко. Но об этом я Вам писал вчера. Сейчас принесли почту. Получил Вашу открытку и вижу, что открытки жены уже у Вас (а письмо?), и радуюсь, что Вы немного успокоились. Мне кажется, что Вам не следует беспокоиться, поскольку пани Олена так хорошо у нас ориентируется, совсем как в Галиции. Все ее пони-

мают, так что она не пропадет. Да и не в пустыне же она, а среди своих людей. Успокойтесь, дорогой Володимир Михайлович, не волнуйтесь, берегите здоровье. Все будет хорошо. Почему не пишете о здоровье? Сейчас я болен инфлуэнцой, но это пустяки. Целую Вас.

Жена приветствует.

М. Коцюбинский.

59

11/24.II [1]912. Capri (presso Napoli), villa «Serafina».

Дорогой Володимир Михайлович!

Время бежит так, что я его не замечаю. Кажется, недавно виделся с Вами, недавно писал, а между тем, как вспомнишь, все же давненько. С одной стороны, это хорошо, так как я скучаю по дому, а с другой и не очень, ибо работа моя двигается вяло. Люди отнимают у меня время: общий обед, вечера, частые литературные чтения. Проходит вечер, второй и третий, ложишься поздно, встаешь поздно, а еще нужно и прогуляться, ибо без прогулки я бы погиб. Вот и остается мало времени на работу и на письма. Однако не думайте, что я лениюсь. Никогда я не хотел столько сделать, как именно теперь, а работаю я всегда медленно и очень медленно, за полтора месяца успел написать два небольших рассказа. Один из них (поменьше) послал в «Радугу», а второй, переработав, пошлю в «Дзвін».

Теперь собираюсь написать что-нибудь о Капри. Там должно быть немного солнца, моря, людей, буду и я. Еще не знаю, что из этого выйдет, но начало уже положено. В конце концов меня тревожит не то, что я так мало написал, а то, что написанное не удовлетворяет меня, что вещи нужно писать и отделявать лучше, важно не количество, а качество. Очень мешает мне и то, что я болею. Разумеется, здесь я могу хоть дышать, ибо тут нет холодов, тем не менее я все почему-то болею, сердце плохо работает, да и простудил зубы. Порой такое угнетенное состояние, что и свет не мил.

Здесь у нас бывает иногда много людей (откровенно говоря, слишком для меня много), преимущественно писателей. Интересно, что определенная группа русских

литераторов основывает в Петербурге большой ежемесячник, в котором, между прочим, будет проводить борьбу с реакционным национализмом, чтобы, таким образом, поднять вопрос (и широко осветить его) о национализме несамостоятельных народностей и прежде всего украинской. Полезно будет помещать в каждой книжке информационные статьи о достижениях нашей культуры, а также статьи принципиального характера и переводы из наших писателей. Почему бы Вам не написать, например, о деятельности «Научного общества», изложить вкратце его историю, или о том, что сделано в области этнографии? Это был бы очень полезный материал, редакция охотно бы его поместила, да и Вы бы кое-что заработали. А написать Вам нетрудно, все хорошо известное, о чем Вы уже не раз писали. В самом деле, напишите и пришлите мне, а я уже передам куда следует, так как редакторы этого ежемесячника очень просили меня помочь им организовать украинский отдел. А может быть, Вы подыщете еще какую-нибудь интересную и нужную тему. Статьи должны быть небольшие: так около листа или меньше.

Вашу открытку и просьбу передал г. Танчаковскому, а написал ли он Вам длинное письмо, не знаю. Он отчего-то киснет, часто болеет, но сейчас ничего, хвастался сегодня, что чувствует себя хорошо.

Погода у нас хорошая, бывают ветры, иногда, хоть и редко, дожди, чаще всего солнце и тепло. Остров цветет и зеленеет. Мороза еще не было, да, наверно, и не будет. Напишите, как Вы себя чувствуете. Думаю, что лучше, говорят, что у Вас морозы, сухо. Не считайтесь с письмами и пишите. Мой привет гл[убокоуважаемой] пани Олене и детям. Знакомым кланяюсь, а Вас целую.

М. Коцюбинский.

Комедия Невестюка мне понравилась. Есть живость, он мог бы писать, но увы... надежд мало. Очень Вас прошу, пришлите мне (если можно — скорее) ту этнографическую программу (кажется, перевод с английского), которую я просматривал у Вас в Криворивне. Она в желтой обложке. Там приведены и пояснены верования различных народов. Расходы верну.

8.III [1]912. Capri (presso Napoli), villa «Serafina».

Дорогой Володимир Михайлович!

Не браните меня за поздний ответ на Ваше письмо, ибо я и так опечален тем, что Вы опять болели. Для меня ясно, что Вы не бережетесь, не слушаете, наверно, добрых советов и подвергаетесь опасности. Помните, что Вам нужно жить как можно дольше (дети, наука, общественность), а если жить, то необходим минимум здоровья. Следовательно, послушайте мой искренний совет: берегите себя! Ответ Вам задержало еще и то, что я надеялся, что сюда придет редактор русского ежемесячника «Заветы», с которым хотел поговорить о Ваших планах. Итак, г. Миролюбов до того заинтересовался Вами, что взял Ваш адрес и хочет Вам писать. К сожалению, издание журнала откладывается, кажется, на осень. Книжку Гама, спасибо Вам большое, получил, она была очень нужна Горькому.

Ну, теперь немного о себе. Конечно, я собираюсь в Криворивню, но не уверен, не появится ли какое-нибудь препятствие. Пока что будем думать, что снова окажемся вместе в горах, а это меня тем более радует, что сейчас по возвращении домой не смогу увидеться с Вами, так как думаю проехать из Неаполя в Одессу морем. Что-то я стал себя хуже чувствовать, очень болит грудь и сильно кашляю; боюсь ехать по железной дороге, чтобы не переутомиться, а морем спокойней и удобней. Да и дешевле, а это имеет для меня значение, ибо хоть я и написал здесь несколько рассказов, но денег еще не получил. О море еще не писал, но собираю материал и думаю написать специально для Вас. В гости, правда, никуда не хожу, но гости ходят ко мне и отнимают много времени. На Капри все время слышна украинская речь, приезжают земляки, теперь их сразу трое (Танчаковский выехал, не послушавшись советов), и мы можем устроить шевченковский вечер. Но и эти трое скоро разбредутся в разные стороны: я, наверно, уеду через две-три недели, панна Чикаленко через неделю, а про третьего не знаю, — он только что прибыл.

В последние дни у нас скверная погода, дождь, ветер, холод, а неделю тому назад было тепло, как летом, можно было ходить в летнем костюме. Весна (она уже здесь наступила) мало чем отличается от зимы, так как тут зимой было совсем зелено, все время цвели цветы и деревья, а трава была такая же свежая, как в мае.

Надеюсь, Вы хоть разок еще напишете сюда. Меня как-то забыли, не пишут, даже не отвечают на письма, а «Вісника» за текущий год еще не видел, хотя трижды писал в редакцию с просьбой прислать. Ну что ж, сам виноват, если я людям не нужен и не интересен. А Вы по доброте своей не забывайте обо мне. Кланяется Вам Горький.

Сердечный привет гл[убокоуважаемой] супруге Вашей, Вашим деткам и Юрко. Знакомым прошу кланяться от меня.

Целую Вас сердечно.

Ваш М. Коцюбинский.

19 ст. ст. II [1]912. Carpi.

Вижу, что Вы рассердились на меня, дорогой Владимир Михайлович, ибо не отвечаете на мое письмо, молчите. Не хочу думать, что Вам так плохо, чтобы не могли написать хоть несколько слов. Вот со мной было очень плохо, да и теперь нехорошо, собирался умирать, да отложил, так как хочу повидаться с Вами на пасху. Уж не поеду морем, а все из-за проклятых Дарданелл, усеянных минами, от которых бегут пароходы. Завтра выеду в Неаполь, пробуду там день-другой — и в Вену. В Вене тоже придется отдохнуть дня два, а потом на короткое время во Львов, ибо мои дети пищат от неудовольствия, что уже 5 месяцев не видели меня, да и я соскучился. Следовательно, нет худа без добра, благодаря туркам повिдаюсь с Вами. Итак, будьте здоровы, скоро увидимся, хотел бы застать Вас в добром здорovie. Веселых праздников! Передайте мое глубокое почтение Вашей супруге и привет детям.

Ваш М. Коцюбинский.

Дорогой Володимир Михайлович!

Не мог сразу ответить на Ваше письмо (за которое очень благодарю!), так как со мной случилась беда: получил бронхит и принужден был все время лежать в постели да еще под угрозой воспаления легких, а это при состоянии моего сердца совсем плохо и мы могли больше не увидеться. Однако обошлось, и врач позволил мне сегодня подняться с постели. Чувствую себя настолько слабым, еще и это письмо мучит меня. Очень кашляю и не знаю, когда выйду из дому, так как погода прескверная, холодно. Как только немного оправлюсь, поеду в Киев к специалисту, ибо хоть и нет кровохарканья, но астма мучит меня сильнее, порой умыться не могу без припадка астмы. Но это пустяки, к лету поправлюсь, и еще с Вами в Криворивне погуляем, ибо пока что у нас с женой твердое намерение хотя на месяц поехать в горы.

Что с Вашей супругой? Очень меня беспокоит, что она так долго лежит. Чем она больна и что говорит врач? Приветствуйте ее от нас и пожелайте здоровья. Сердечное Вам спасибо, что заботитесь обо мне. Если издаваться, то именно в «Вид. спілке», которая уже выпустила 5 моих книг. Только одно меня удивило: за «Дебют» (в этой книге тоже нет новых рассказов) «Спілка» сама мне предложила по 25 руб. за лист, а теперь дает по 20 руб. Означает ли это, что я стал хуже писать? Выпускать сейчас книгу не могу, так как готового материала листов 9—10 [у меня нет], а мне хотелось бы ее издать немного побольше. Может, вскоре кое-что напишу, тогда можно будет и издать. Книжку для детей выпускать не стоит, — следовательно, этот вопрос можно считать конченным.

Как обстоит дело с повышением Вашего жалованья? Помню, должна была собраться комиссия, но что она решила, и хотел бы я знать, как и когда этот вопрос реализуется.

Вот уже и устал сидеть, нужно опять ложиться.

Простите, что так коротко пишу. Держитесь крепко, не болейте, берегите силы.

Целую Вас сердечно. Наш привет и поклон всей Вашей семье.

Целую Вас.

М. Коцюбинский.

63

23 ст. ст. V [1]912. Чернигов.

Дорогой Володимир Михайлович!

Ваше письмо и открытку получил, сердечно благодарю. Похвастаться здоровьем не могу, сердце все больше и больше сдает, астма мучит чаще, и вообще сил немного. Однако все же надеюсь поехать в Криворивню. Может, со мной поедет жена и старший мальчик, но окончательно еще не решил. Собирается в горы и г. Мих. Могилянський. Не нашлась ли бы и для него комната в Криворивне и мог ли бы он где-нибудь столоваться? (Я не имею в виду Вас, так как знаю, что Ваша супруга нездорова и не сможет взять на себя заботы о посторонних.) Напишите и уведомите, когда именно выезжаете. Я (или мы) думаю быть во Львове 2—3/VII Вашего стиля, раньше не удастся, наверно, выбраться. Очень Вам благодарен за книги и за память. Но я не получил ни одной. «Синюю книжечку», наверно, еще пришлют, а другая пропала где-то в дороге. Радуюсь, что Вашей супруге уже лучше. Желаем ей и Вам здоровья. Привет от нас всех. Целую Вас.

М. Коцюбинский.

64

24.IX. 1912. Чернигов.

Дорогой Володимир Михайлович!

Не знаю, с чего начать: благодарить или просить прощения за то, что долго не писал. Но Вы, должно быть, меня уже простили, получив мою открытку из Киева, в которой я уведомлял, что со времени выезда из Криворивни тяжело болею и никак до сих пор не могу оправиться.

Следовательно, лучше благодарить. Сердечно хочется поцеловать Вас, благодаря за все: за память, за письма, книги, поздравления к именинам. Все я получил, даже письмо из Криворивни, отправленное с почты в Ясенове

24. VIII и шедшее ко мне целый месяц. Но возвращаюсь к моменту своего отъезда из Криворивни, чтобы кратко рассказать Вам, что произошло со мной за это время.

Как только сел я на «юнгера», сразу почувствовал себя лучше, природа, движение и воздух подняли мое настроение, и мне казалось, что я выздоравливаю. О злоключениях в дороге Вы знаете кое-что от г. Крипякевича, с которым мы вместе попали в беду, да из моих двух открыток, посланных еще с австрийской территории: из Станиславова и из Львова. У меня такое впечатление, что Вы их не получили, хотя имеются свидетели, что я их бросил в почтовый ящик. Во Львове мне было очень худо, но я старался подбодриться, собрал остаток сил, чтобы только доехать домой, очень уж не хотелось ложиться в львовскую больницу... и кое-как, преодолевая себя, дотащился до Киева. Там меня встретили жена и дети и тотчас привезли домой, где есть и врачи и хороший уход. Вот и принялись меня лечить, и чем больше лечат, тем мне хуже. Не сплю (разве час-другой ночью), ничего не могу есть, астма мучит так, что и не передать, а из-за всяких лекарств и света божьего не вижу: дня нехватает, чтобы все это глотать. Промучался я с месяц и поехал в Киев, к специалисту-профессору. Сколько мне стоило и нервов и денег (40 кроп каждый визит), пока не попал к этому божку и не смог воспользоваться этими советами. Ну и что же? Глотаю новые лекарства, а со здоровьем все по-старому. Так же не сплю ни днем, ни ночью, не могу ничего есть, та же астма. Ослабел так, что ноги заплетаются, голова не работает, даже читать не могу. Работа лежит, а я мучаюсь от безделья и проклинаю жизнь. Когда произойдет изменение — не знаю, врачи сами удивляются, что болезнь такая упорная. Вот Вам, сделанное с эгоизмом больного, описание моего существования. И стыдно, и противно так заниматься своим здоровьем, но что поделаешь, если я задыхаюсь не только физически, но и нравственно. Ну, довольно, довольно...

Как Вы себя чувствуете? Физически Вы слабей меня, но, кажется, сильнее духом. Что Вам дала Криворивня — плюс или минус? Можете ли теперь работать и позаботились ли о том, чтобы в Вашей конторе поставили печку, дабы не повторилась прошлогодняя история?

Если не поставят на счет о-ва, я готов собирать пожертвования на печку, чтобы спасти жизнь и здоровье нашего ученого и секретаря о-ва Гнатюка.

Вспомнил о деньгах, и мне стало стыдно, что так запоздал с возвращением Вам долга. Только вчера жена выслала перевод на Ваш адрес 35 руб. (88 крон] 89 гел[леров]), но беда в том, что я забыл, сколько именно крон передал мне г. Федюшка. У него, наверно, записано, и буде я отослал меньше, то прошу меня уведомить и не сердиться, что у меня такая плохая память.

Вскоре (1/X) нужно послать рассказ для сборника, посвященного Франко, а мне трудно даже сказать, когда смогу сесть за работу. Что мне делать? Такая досада! Напишите мне, как здоровье пани Олены, как Ваши дети? Юрбчка целую. Наши приветствуют сердечно Вас и гл[убокоуважаемую] супругу.

Целую и обнимаю Вас.

М. Коцюбинский.

65

13/26.XI [1]912. Киев.

Как я обрадовался, увидев, наконец, Ваше собственноручное письмо, дорогой Володимир Михайлович! Понимаю, до выздоровления еще далеко, а все же мне было отчего-то так приятно, будто я сам выздоровел. Послушайте, голубчик, станьте, наконец, на философскую точку зрения или заткните уши и закройте глаза, — как там хотите, но только не обращайтесь внимания на всякое свинство, не раздражайтесь, не губите свое здоровье. У Вас еще есть лучшая цель в жизни! Вам нужно быть здоровым и работать, а остальное пустяки. Как себя чувствуете сейчас, ходите ли уже хотя бы по комнате? Меня приковали к постели и не говорят, когда позволят даже сидеть. Мне все еще очень нехорошо, на поправку что-то надежд мало. Еще не сплю и не ем. Похудел, в лице изменился, в голове какая-то каша, порой даже не могу читать, но за обещанную книгу все же очень благодарю. Вовк еще ничего мне не прислал. Наверно, придет. Как поживают Ваши? Здоровы ли пани Олена? Кланяюсь ей и поздравляю, а также детей. А Вас сердечно целую и прошу беречься и поскорей поправиться.

Не забывайте Вашего *М. Коцюбинского.*

Дорогой Володимир Михайлович!

Я чувствую, когда Вам хуже; ведь и я так часто лежу в постели, что только вспоминаю о том времени, когда бываю на ногах. Меня очень печалят вести о Вашем здоровье, я тяжело переживаю их каждый раз, и хуже всего, что человек бессилен, с любой точки зрения, что-либо изменить. И я не могу Вас ничем порадовать. Доехал я домой благополучно, сразу лег в постель и спал три дня и три ночи. Думал — вот начну поправляться. А между тем снова пошло на ухудшение, уже неделю не встаю, не сплю, не ем, только стонать не перестаю. О какой-либо работе или поездке в теплые страны смешно и думать, я и по комнате не могу пройтись. Настало, кажется, время превратиться в дерево или в лопух. Что ж, и это хорошо, жалко только — зря пропадут гуцульские материалы. А может, мы все же увидимся с Вами и будем смеяться над своими теперешними мыслями. Пишите! Целую Вас сердечно. Всем Вашим привет.

М. Коцюбинский.

Обычно печалят меня известия о Вас, а на этот раз кое-что и обрадовало. Действительно, радуюсь несказанно, что Вам предстоит отдых и Вы на долгое время избавитесь от всяких неприятностей. Сердечно поздравляю Вас также с избранием, таким почетным для всех нас украинцев. Разумеется, желательней, чтобы свои люди умели ценить Вас как подобает, но некоторое удовлетворение должно давать и уважение чужих. Эти два сообщения — об отпуске и избрании Вас членом науч[ного] Венского общества — доставили мне большое удовольствие. Добавьте третье и напишите, что Вам стало лучше. Со мной очень плохо. Три недели лежу в постели и не встаю, снова не сплю и не ем и очень мучаюсь от болей. О путешествии на юг нечего и думать. Я ослабел совсем и едва Вам пишу. Мой привет Вашей семье. Наши кланяются. Целую Вас.

Ваш *М. Коцюбинский.*

ПИСЬМА В. С. СТЕФАНИКУ

1

Чернигов. 19 [ст. ст.] июня 1901 г.

Милостивый государь!

Получив Ваше письмо от 13.VI с. г., я не успокоился и не утратил надежды видеть Ваши и г. Мартовича работы в нашем сборнике, посвященном Кулишу. Еще не поздно. Мы специально подождем еще с месяц, только бы получить от вас хоть небольшие рассказы. Участию в сборнике наших лучших молодых писателей я придаю большое значение и очень хочу и надеюсь, что Вы не откажете мне в моей просьбе.

К великому сожалению, кроме «Синей книжечки» я ничего из Ваших произведений не читал, но эта небольшая книжка так меня захватила, что я долго носился с ней и не мог успокоиться. Очень хотел бы познакомиться с другими Вашими печатными работами, но не знаю, как это сделать, — может быть, Вы мне посоветуете?

Интересуют меня также произведения г. Мартовича. Читал только его «Мужицкую смерть» — и больше ничего, так как ничего не могу раздобыть.

Сердечно приветствую Вас, милостивый государь, и г. Мартовича и желаю Вам здоровья, а г. Мартовичу еще больше свободного времени, ибо на этом выиграли бы и Вы оба, и наша литература.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

Адрес: Чернигов, Северянская, 3.

Милостивый государь!

Никак не могу помириться с мыслью, что в сборнике, посвященном Кулишу, не будет Вашей хотя бы небольшой новеллы! Терпеливо ждал я два месяца обещанного рассказа, но вот прошел и третий, а от Вас ничего нет да нет. И вот пишу снова. Прошу, умоляю: разрешите нам видеть Вас дорогим гостем в нашем альманахе. Он уже с месяц лежит готовый, переписанный и ждет только Вашего слова.

Напоминаю и г. Мартовичу. Три недели — крайний срок.

Сердечно благодарю за желание подарить мне Ваши новеллы. Можно было бы переслать их заказными письмами, если книжки небольшие и пересылка не будет дорого стоить.

А я очень и очень хотел бы их прочитать, чтобы снова испытать то бесконечное наслаждение, с которым я упивался «Синей книжечкой».

Не менее желал бы познакомиться с Вами лично и побеседовать о наших общих и дорогих нам делах.

Жду ответа и посылки. Г. Мартовича приветствую. С глубоким уважением

искренне Ваш *М. Коцюбинский.*

15 ст. ст. X [1]901.
Чернигов.

30 ст. ст. I [1]909. Чернигов.

Милостивый государь!

Не знаю, вспоминаете ли нашу встречу в Полтаве, а я ее вспоминаю всегда с большим удовольствием. Не забываю, что Вы прежде изредка писали мне, а потом перестали откликаться на мои письма (может быть, адрес неправильный). Между тем мне не раз упорно хотелось написать Вам, ведь я никак не мог помириться с такой продолжительной паузой в Вашей литературной работе. Не может быть, чтобы Стефаник — наш, а особенно мой,

любимый писатель, краса нашей литературы, счастливый оазис — замолк навсегда.

Раздобыл Ваш венский адрес и собирался писать. Вдруг читаю, что Вы готовите к печати целый томик новых рассказов.

Не можете себе представить, как я обрадовался.

А потом привязалась мысль: правда ли это, не газетная ли утка?

Пишу Вам и спрашиваю. Буду весьма признателен, если порадуете меня хорошими вестями.

Напишите, что с Вами и вокруг Вас, что именно написали, когда выйдет книга.

Все это очень меня интересует. Как теперь здоровье?

А я очень болен, — большое у меня сердце. Физические страдания мне безразличны, плохо, — что не могу писать. Раздражает это меня невыразимо.

С нетерпением буду ждать ответа на мое письмо.

Искренне и сердечно жму Вашу руку.

Ваш *М. Коцюбинский*.

Адрес: Россия, г. Чернигов, Северянская, соб. дом № 3, Михаилу Михайловичу Коцюбинскому.

Спасибо Вам, дорогой товарищ, за Вашу милую открытку. Мы с Горьким очень часто вспоминаем Вас, он (Горький) большой Ваш поклонник.

Его рассердило, что в какой-то статье Вас сравнили с П. Альтенбергом. Он говорит, что чуть не плакал, читая Ваши рассказы. Мне очень приятно, что мы сходимся с ним в этом пункте.

Хотелось бы мне еще раз повидать Вас — я подумываю заехать, хоть на день, в Вену. Только буду бесцеремонным и попрошусь к Вам, но с условием, если Вам неудобно дать мне ночлег, то Вы откровенно скажете мне об этом, и я тогда устроюсь у кого-либо из моих венских знакомых, так как проклятое незнание немецкого языка служит препятствием, и я не хотел бы за-

езжать в гостиницу. Надеюсь, что Вы известите меня — можно или нет.

Рассчитываю приехать так около 14—15 июля, не позже. Чувствую себя хорошо, отдыхаю, учусь ходить и даже лазить по горам. Пока будьте здоровы, привет от меня г. Бачинскому и другим общим знакомым.

Целую Вас сердечно.

Искренне Ваш *М. Коцюбинский.*

ПИСЬМА О. Ю. КОБЫЛЯНСКОЙ

1

12 ст. ст. X [1]902. Чернигов.

Милостивая государыня!

Пишу Вам под свежим впечатлением Вашей повести «Земля». Я обычно много читаю, но признаюсь, давно не читал что-нибудь такое прекрасное, такое захватывающее, как «Земля». Я просто очарован Вашей повестью: все — и природа, и люди, и их психология — все это создает такое сильное впечатление, все это обнаруживает такую свежесть и силу таланта, что я от всего сердца благодарю Вас за пережитые эмоции и радуюсь за нашу литературу. Как жаль, что мы не можем напечатать Вашу повесть на Украине.

У меня к Вам просьба:

В Чернигове мы, наконец, издали альманах, посвященный Кулишу, о чем Вы уже знаете. Хотелось бы, чтобы Ваша прекрасная «Битва» увидела свет именно в этом сборнике. Г-н Гринченко, имея, как он говорил, Ваше общее разрешение, включил «Битву» в сборник, и цензура пропустила ее. Дело только в том, что в некоторых местах язык Вашего рассказа не будет понятен у нас широкой публике. Не разрешите ли Вы заменить кое-что соответственно нашим условиям, разумеется, предельно уважая авторский стиль и особенности. Я был бы очень благодарен за такое разрешение, так как это дало бы возможность популяризировать Ваши произведения на Украине. Просил бы прислать немедленно хотя бы коро-

тенький ответ, так как для нас многое зависит от того, чтобы получить его скорей.

Зная наши широкие круги читателей, которые еще находятся под влиянием реализма и даже враждебно относятся к модернистическому направлению литературы, мы не решаемся давать такие вещи, как Ваша «Здесь должны розы стоять», которая нам очень понравилась.

Наших читателей приходится еще воспитывать, и делать это нужно осторожно. Будучи в России, Вы, наверно, несколько познакомились с условиями нашей жизни и не удивитесь тому, что я пишу.

Будьте же так добры, милостивая государыня, не откажите поспешить с ответом на это письмо.

Прошу принять самые горячие пожелания всего хорошего от уважающего Вас

М. Коцюбинского.

Адрес: г. Чернигов, Россия, ул. Северянская, 3, собств. дом. Михаилу Михайловичу Коцюбинскому.

2

21 ст. ст. VI [1]903.
Чернигов, Северянская ул., д. № 3.

Милостивая государыня!

Позволю себе еще раз побеспокоить Вас просьбой прислать обещанную новеллу для моего сборника. Мне не хочется даже думать, что этот сборник выйдет без Вашей работы, которая, я уверен в этом, придаст ему большую ценность. Я такой искренний поклонник Вашего таланта и Вашей писательской манеры, что Вы, наверно, простите меня, что я беспокою Вас своей просьбой. Правда, сочувствие моим намерениям и обещание прислать кое-что придает мне смелости. Если бы у Вас сейчас не оказалось готового, то порауйте хоть открыткой, что пришлете тогда-то и тогда-то, так как материалы уже переписываются и сборник готовится. Еще раз прошу прощения. Моя супруга посылает Вам сердечный привет.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

Милостивая государыня!

Весь материал для сборника новый, нигде не печатавшийся. Задумав издать альманах, в котором бы ничего не было из крестьянской жизни, мы преследуем цель не только побудить наших писателей обрабатывать темы из жизни других слоев общества, но также издать новые, ненапечатанные работы. Потому было бы очень печально, если бы Вы не дали нам ничего нового. Я все же надеюсь на Вас и буду ждать, хотя бы пришлось задержаться с посылкой рукописи в цензуру. Желаю Вам здоровья и успеха. Не забывайте же истинного поклонника таланта Вашего

искренне Вашего *М. Коцюбинского.*

Милостивая государыня!

Ваше письмо не застало меня дома, поэтому только теперь, вернувшись после 2-месячного скитания по Европе, высылаю Вам рукопись Вашего рассказа. Очень хотел заехать в Черновицы, но не мог по многим, самым различным причинам. Как теперь Ваше здоровье? Лучше ли себя чувствуете? Мне очень помогло мое скитание за границей, очень хорошо повлияло на нервы. Шлю Вам лучшие пожелания. Моя жена передает сердечный привет.

Ваш *М. Коцюбинский.*

ПИСЬМА И. С. НЕЧУЮ-ЛЕВИЦКОМУ

1

15.II [1]903. Чернигов.

Многоуважаемый Иван Семенович!

Сердечное спасибо, что откликнулись на наше приглашение. Очень интересовало бы нас получить Ваши рассказы об артистах, это как раз подходит к нашему сборнику, но двенадцать листов страшновато: не выдержит карман. Может, Вы согласились бы дать один из них, еще листов шесть-семь можно б уделить одному автору, если этот автор столь известен и столь уважаем всюду. Вы уж нас, уважаемый Иван Семенович, не забудьте, ведь наша цель вдвойне заслуживает внимания: мы хотим расширить область творчества, доход с издания намереваемся употребить на премии за литературные работы.

Итак, подумайте и не забудьте нас. Если б не успели приготовить к 1 мая, мы охотно подождем, лишь бы Вы были представлены в нашем издании.

Желаю Вам здоровья и сил. Моя жена шлет Вам сердечный привет.

С глубоким уважением Ваш *М. Коцюбинский*.

2

Глубокоуважаемый Иван Семенович!

Сердечное спасибо Вам за поздравление с праздника-ми. Желаю и Вам здоровья и сил для работы, столь драгоценной и дорогой всем нам.

Я не удивляюсь, что корректура «Дубове листья» не понравилась Вам, она и меня не удовлетворяет. Дело в том, что хотя альманах составлялся в Чернигове, печатали его в Киеве и просмотреть корректуру было поручено (за соответствующее вознаграждение) г. Гринченко, который, не посоветовавшись с нами, заменил всюду «я» на «е». Вот как это получилось. Хотя я и думаю, что такая замена небольшое еще горе и что литературная ценность произведения не пострадает от того, будут ли имена существительные кончатся на «я» или на «е», однако мне больше нравится окончание на «я», и в этом альманахе, который теперь составляется, мы будем придерживаться общеупотребительной формы. Будьте покойны, — без Вашего ведома и согласия я не позволяю себе изменить что-либо в Вашей рукописи, так как и я признаю и уважаю права автора.

Обрадовал меня г. Чернявский Вашим обещанием дать-таки что-нибудь для нашего сборника. Может, мне удастся побывать на этих днях в Киеве, тогда надеюсь увидеться с Вами, а пока желаем Вам, я и жена моя, всего наилучшего.

С глубоким уважением искренне

Ваш *М. Коцюбинский.*

16.IV [1]903.
Чернигов.

3

15.V.1903 г.

Глубокоуважаемый Иван Семенович!

С нетерпением жду рассказа, обещанного Вами для нашего альманаха. Будьте же любезны прислать, если можно, скорее, так как мы уже составляем сборник. Сердечно желаем Вам оба — я и жена — здоровья. С глубоким уважением

М. Коцюбинский.

4

2.XII [1]904. Чернигов.
Северянская, соб. д., 3.

Милостивый государь Иван Семенович!

Прежде всего прошу простить, что не сразу ответил на Ваше любезное письмо. Последнее время я очень бо-

лею, и иногда мне трудно взяться за перо, трудно написать несколько слов.

Очень Вам благодарен за то доверие, которое оказываете мне, поручая высокую обязанность следить за Вашими изданиями, чтобы их не правили без Вашего согласия. Но одно меня останавливает: состояние моего здоровья таково, что я считаю себя недолговечным, а иногда бывает так плохо мне, что, кажется, вот-вот отправлюсь *ad patres*. Поэтому не знаю, смогу ли я выполнять такие важные и почетные обязанности. Пока ж есть силы и возможности, я готов служить Вам чем и как могу.

Я понимаю, что каждый, издающий книгу какого-нибудь автора, особенно известного и заслуженного, должен считаться с его манерой писать, даже с его грамматическими формами и правописанием. Хотя, с другой стороны, представляю себе, как трудно такому издателю или редактору, напр[имер] альманаха, применить этот принцип на практике. Представим себе, что в сборнике помещено несколько произведений разных авторов и у каждого автора свое правописание. Тогда такой литературный сборник будет скорее напоминать издание этнографической комиссии или научного общества и даст повод не только нашим врагам смеяться над нами, но и настоящим украинцам вряд ли это понравится. Я мало смыслю в филологии, однако думаю, что тут что-то нужно сделать, договориться о каком-то единообразии.

Недавно получил я из цензуры свой сборник. Страшно искалечила его цензура, многое совсем выбросила, но Ваших «Гастролей», слава богу, не задела. Непременно пришлю Вам корректуру и буду считать своим долгом сохранить все особенности Вашей литературной манеры. Старшие писатели — учителя наши (говоря по правде) — больше прислушивались к живой народной речи, больше обращали на нее внимания, чем молодые, — особенно оторванные от деревни, от народа и пользующиеся не живой речью, а книжной, часто изуродованной и засоренной. Но у меня есть надежда, что наш литературный язык, как молодое вино, очистится со временем от мути и станет прозрачным и крепким. Такой переходной период свойствен многим молодым литературам.

Как Ваше здоровье теперь? Позволяет ли Вам писать? Очень хотелось бы мне увидаться с Вами и засвидетельствовать еще раз то глубокое уважение, с каким неизменно к Вам относится

Ваш М. Коцюбинский.

Жена шлет Вам искренний привет.

5

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Семенович!

Не знаю, как и просить у Вас извинения за случившееся. Во всем виноват я. Если б не заболел и не уехал за границу — вследствие чего не мог печатать книгу в Чернигове, а отослал в Херсон, — я бы напечатал Вашу повесть йота в йоту так, как в рукописи. Хотя известно, что литературный альманах — не научный филологический сборник, в котором можно печатать статьи различным правописанием и издавать нечто пестрое (ведь каждый автор пишет у нас по-своему, а некоторые и безграмотно), но я никогда не решился бы пренебречь волей такого известного, столь потрудившегося для Украины и такого любимого писателя, как Вы. Чувствовала душа моя, что будут хлопоты и неприятности, потому, отсылая г. Чернявскому альманах, я просил особенное внимание обратить на Вашу повесть и напечатать ее, как Вы желаете, снабдив ее даже примечанием, что она печатается по требованию автора не так, как остальной материал. Г-н Чернявский, наверно, забыл мою просьбу — и вышла неприятность. Прошу считать виновным одного меня и гневаться на меня, хотя и покорно прошу извинения. Вопрос об орфографии и всяких диалектических формах, по моему мнению, очень важно было бы поднять в печати — и было бы хорошо, если бы это сделали именно Вы. Повредить альманаху это не может, так как мы уже привыкли калечить правописание, и люди станут читать альманах, если содержание его будет интересно. Таких чересчур нервных людей, которые бросят книгу только потому, что некоторые слова написаны не так, как надо, найдется, верно, двое-трое, но они сами

себя накажут, не прочитав, например, такой хорошей повести, как «Гастроли».

Очень мне неприятно, что так получилось, и чувствую себя виноватым. Пишу Чернявскому и посылаю Вам его адрес: г. Херсон, Губернская земская управа.

От чистого сердца желаю Вам, глубокоуважаемый Иван Семенович, здоровья и веселых праздников.

С глубоким уважением Ваш *М. Коцюбинский*.

31.III [1]906.
Чернигов.

6

5.V [1]909. Чернигов.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Семенович!

Книги Ваши — дорогой подарок — получил и прочитал. Какой прекрасный язык! Читал — словно свежую воду в жару пил. Какое знание народных обычаев, народной жизни! Спасибо Вам еще раз сердечное. Не пишу Вам более длинного письма, — болен, на-днях еду за границу, в Италию. Как Ваше здоровье?

С глубоким уважением к Вам искренне

Ваш *М. Коцюбинский*.

7

Бибиковский бульвар, 17.
Клиника проф. Образцова. Палата № 9.
29.XI [1]912. Киев.

Глубокоуважаемый Иван Семенович!

Жена написала из дому, что Вы прислали мне свою книгу «Кривое зеркало». Сердечно благодарю за память и подарок. Очень мне досадно, что я так недалеко от Вас, а не могу Вас увидеть. Уже второй месяц лежу в клинике — болезнь сердца — и даже сидеть еще не могу. Как Ваше здоровье и что подделываете?

С глубоким уважением к Вам *М. Коцюбинский*.

29.XII [1]912. Киев.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Семенович!

Искренно поздравляю Вас с наступающим новым годом, желаю Вам здоровья и всего наилучшего! Благодарю сердечно за память обо мне и за переданные книги, которые я уже прочитал и как-нибудь перешлю Вам. Радует меня, что Вы все работаете, и интересуется Ваша грамматика. А вот я не могу ничего делать, третий месяц лежу в клинике, — тяжело болен уже полгода. Будьте здоровы.

Искренне Ваш *М. Коцюбинский*.

Читать есть что. Очень благодарен за добрые пожелания.

ПИСЬМА М. Ф. ЧЕРНЯВСКОМУ

1

2 апреля 1905, Чернигов.

Дорогой Микола Федорович!

Только что получил от Чикаленко 300 руб. на издание нашего альманаха, которые немедленно и высылаю Вам. Вы уж не сердитесь на меня, что прибавляю Вам работы. Думал довести дело до конца сам, да вышло иначе: тяжелая болезнь помешала, и я вынужден ехать на два месяца за границу. Сначала еду (12—13 с[его] м[есяца]) в Берлин к врачу, подлечившись же немного, отправлюсь в Италию, оттуда поеду в Швейцарию и не надолго во Францию, а оттуда через Германию — домой.

Хотя и прибавляю Вам хлопот с изданием книги, однако уверен, что Вы сделаете это превосходно, гораздо лучше меня.

Мне кажется, что сперва нужно выпустить и разослать (адреса у Вас есть) широкое извещение о подписке.

Что касается самого издания, то очень хотелось, чтобы оно было красивым: хорошего формата, на хорошей бумаге и набрано хорошим шрифтом. Что Вы думаете о таком формате, каким выходит журнал «Правда» (продолговатом), может не таком узком, как «Правда», но все же этого типа?

Неплохо было бы и бумагу выбрать хорошую, не тонкую и немного желтоватую, она более приятна для глаза, чем белая. Если в Херсоне не найдете, то у Вас под боком Одесса, где все это можно достать.

Я очень хотел, чтобы издание было без всяких виньеток, потому что типографские виньетки плохи (все) и шаблонны, а оригинальные виньетки мы не можем заказывать художникам. Также, думается, не следует давать в начале каждого произведения какую-нибудь заставку, как это делают вичане. Скромность, хороший подбор оригинальных шрифтов, хорошая бумага и формат — вот внешняя красота издания, если нет денег на что-либо роскошное. Обложку тоже хорошо бы сделать из хорошей оригинальной бумаги, без всяких типографских украшений, портящих издание. Перед каждым произведением следовало бы дать отдельную чистую страницу с фамилией автора и названием произведения. Цену установите уже сами, когда подсчитаете расходы. Весьма и весьма желательно, чтобы книга вышла по возможности быстрее, так как дело затянулось страшно и авторы сердятся на нас.

Впрочем, я уверен, что Вы все так хорошо сделаете, как я не смог бы сделать. Еще хлопоты: И. С. Левицкий предупреждает, чтобы мы печатали его повесть «Гастроли», как он хочет: всюду нужно, чтобы было *це й, ця, а не се й, ся. Мі ні, а не мен і, й ї х, а не ї х. Л и с т я, ж и т т я, а не л и с т є, ж и т т є*. Приходится угождать старику, что поделаешь. Поэтому не откажите в любезности обратиться на это внимание, а может, если будет необходимо, спишетесь с ним (Киев, Пушинская, 19). Вот, кажется, и все. Получив посылаемое, напишите мне сразу, чтобы я успел получить письмо до отъезда (до 12 апреля). Из-за границы напишу Вам и стану сообщать свои адреса.

Целую Вас сердечно, дорогой товарищ. Поклон от меня и от наших глубокоуважаемой] супруге Вашей.

Ваш М. Коцюбинский.

С нетерпением жду «Киев[скую] стар[ину]», чтобы прочесть «*Vae Victis*».

Милый Микола Федорович!

«Отчет» я получил и пошлю извещения по указанным адресам. Пришлите только мне на расходы рублей десять, — я теперь настолько беден, что и рубля нет.

Бандероли с образцами обложки не получил. Ждал три дня, все думал — получу, но вижу, довольно ждать. Или пропала, или забыли выслать?

Думаю, нужно непременно напечатать, что «чистый доход от издания мы намереваемся употребить на премию за лучшее литературное произведение».

Что касается того, чтобы дать наши адреса для подписки на альманах со скидкой, то это было бы, я полагаю, не совсем практично, так как доставило бы нам много лишнего труда и хлопот. Хорошо было бы пристроить остаток издания где-нибудь на складе «Киевской стар[ины]».

Будьте ж добры, пришлите скорее образцы обложки; приложите и остальные готовые листы сборника.

Пишу Вам в тревожное время. Мы теперь бастуем (статистической бюро, бухгалтерия управы, дорожный, шоссеинный отделы, часть больницы и часть служащих канцелярии управы), так как управа уволила, по распоряжению администрации, одного служащего бюро и не хочет выдать ему жалованье за три месяца (150 руб.), как это сделала, увольняя статистиков. Что из этого выйдет, не знаю, может, придется искать места.

Поэтому простите, что пишу коротко и небрежно: нервы у меня расстроены совершенно, я совсем болен.

Целую Вас сердечно. Ваш М. Коцюбинский.

Пишите.

Дорогой Микола Федорович!

На сей раз, спасибо Вам, получил все и спешу сразу же ответить.

Среди образцов обложек нашел только три отмечен-

ных, — значит, выбор сделать довольно трудно. Черной обложки я бы не делал, — ведь пришлось бы печатать на ней золотом, а это некрасиво. Дать зеленую? — но мы уже с Вами выпустили одно издание в зеленой обложке («Дуб(ов)е(л) листья»), — может, хватит. Может, остановимся на красной (образец посылаю), № 46, рисунок 1. Впрочем, поступайте, как считаете нужным. Разумеется, лучше было бы не мешкать с выпуском издания, не задерживая его из-за обложки.

Кончив с делами, надоевшими, наверно, и Вам, так как время теперь такое, что живешь иным и в постоянном напряжении, перейду к другому.

Прежде всего сердечно поздравляю Вас и глубоко уважаемую супругу Вашу с сыном. Пусть растет здоровым и умным! Досадую только, что супруга Ваша заболела. Пожелайте ей от нас как можно скорее поправиться и воспитать нового гражданина для нового общества.

У нас теперь в Чернигове стало немного тише, если считать тишиной «усиленную охрану». Да нас уже ничем не удивишь. Нам дали столько доказательств «действительной неприкосновенности личности», убивая детей штыком и саблей в день объявления манифеста, а затем в страшные дни контрреволюции (читай — разбоя), что теперешние аресты совсем невинных людей лишь еще лучшая иллюстрация к нашей «свободе».

Вы не можете себе представить, что я пережил, видя это все собственными глазами, и как это повлияло на мои больные нервы. Мне теперь еще хуже, чем было: не могу ни спать, ни есть. Едва пишу Вам.

Во время погрома действительно избит и ранен Чер-вич. Он выстрелил в воздух, а какой-то хулиган ударил его по голове и ранил ему ногу ножом. Но Чер-вич теперь уже поправился и даже ходит на службу.

Наша забастовка кончилась хорошо: добились, чего хотели. «Союз» у нас тоже есть. Управа плоха, но что ж делать.

Газету в Чернигове не предполагаем издавать. Нет ни денег, ни сил. Будем писать в другие, когда будут. Свободы печати как не было, так и нет, и обещания, как видите, так и остаются на бумаге.

Посылаю Вам манифест 17.X по-украински. Да на

каком бы языке он ни был, все равно это бумажка — и только. Слова одни, а дела — другие. Ну, увидим еще.

Целую и обнимаю Вас.

Искренне Ваш *М. Коцюбинский*.

Не пришлете ли Вы мне хотя бы экземпляр совсем готового альманаха. Пишите, пусть несколько слов, буду признателен.

5.XI [1]905.

ПИСЬМА А. А. ДУЛЯКУ

1

30.VI 1905. Чернигов.

Вы, наверно, или удивляетесь, Андрий, или сердитесь, не получив до сих пор ответа на свое письмо. Ваше же письмо не застало меня дома: еще перед пасхой выехал я за границу и вот только что вернулся. Побывал в Германии, Австрии, Италии, Швейцарии, на юге Франции. Пришлось ехать к доктору, так как я болел, доктор же сказал, что моя болезнь от переутомления — много тяжелой работы было — и посоветовал немного отдохнуть и поездить по свету. Вот я и ездил около трех месяцев, отдохнул и чувствую себя лучше.

Спасибо Вам, Андрий, что не забыли меня на пасху и пожелали так много хорошего. Я тоже желаю Вам больше удач, чем у Вас теперь. Вы как-то так пишете о себе, что я не пойму, где Вы служите, сколько получаете в месяц, какой работой заняты. Если бы что-нибудь подвернулось, не согласились ли бы Вы переехать в другое место? Хотя у меня сейчас ничего определенного нет, все же какая-нибудь работа и подвернется.

Спасибо Вам за стихи. Спрашиваете — хороши ли. Это трудно сказать. Когда человек пишет для себя, изливает свои печали и радости, то ему легче становится. Почему бы в этом случае и не писать. Тогда и все промахи прощаются. Другое дело печататься. Это вот так, например: я не портной, а захотелось мне сшить себе одежду. Ну, известно, — как сшил так и сшил, сам но-

шу, никому другому до этого дела нет. А если б я захотел вынести эту одежду на рынок, где продают одежду хорошие портные, то меня осмеяли бы, что я такую сшил, и никто не купил бы того, что я сшил. Чтобы писать, надо первым делом учиться, учиться и учиться. Но этого недостаточно. На свете много ученых людей, а поэтов мало. Надо иметь талант. А все-таки третье стихотворение у Вас неплохо получилось, только напоминает слова какой-то песни.

Что же это Вы ни разу не вспомнили в письмах о книге «Из уст народа», которую я посылал Вам. В книге напечатана Ваша запись о Кармелюке. Посылаю еще раз, а также два своих последних рассказа — «Fata morgana» и «Под минаретами». 2-й том еще не вышел, — я составляю его. За границу, во Львове, вышло уже 4 тома, но сюда не пропускают.

Напишите, получили ли книги.

Ну, будьте здоровы и не сердитесь на меня, что так нескоро ответил.

Расположенный к Вам *М. Коцюбинский*.

2

5.I [1]911. Чернигов.

Дорогой пан Андрий!

Поздравляю Вас с новым годом и желаю Вам, чтобы Вы были здоровы и чтобы все шло у Вас хорошо. Приветствуйте от меня и тех, которые меня еще помнят. Хотя прошло уже 18 лет, как я был в Лопатинцах, но и по сю пору мне приятно вспомнить людей, среди которых я тогда жил и от которых, кроме добра, ничего не видел.

А я не такой старый, как Вы пишете в письме. Вы прибавили мне лет пятнадцать лишних. Вы, наверно, прочли где-то в календарях, а там была ошибка, неправильно указали мой возраст. Но это пустое, лишь бы здоровье, а его как раз нет. Я все хвораю сердцем, большое оно у меня и не дает покоя. Однако работаю, пишу, ибо каждый человек должен по возможности стараться, чтобы на земле была правда и людям хорошо.

Не послал Вам истории Аркаса, ибо у меня ее нет. Книга так быстро разошлась, что я не успел купить. Теперь она выйдет в свет вторым изданием, тогда постараюсь прислать... Старых журналов у меня нет, а если и есть какие-нибудь, то они мне нужны для библиотеки. Посылаю Вам новогодний подарок — вторую часть «Fata morgana», которую я напечатал летом в киевском журнале «Литературно-науковий вісник». Первую часть Вы, кажется, уже читали. Когда прочтете вторую часть, то напишите мне, понравилась ли она Вам. Свой рассказ посылаю Вам заказной бандеролью. Я очень радуюсь, когда получаю от Вас письма, так как вижу, что Вы еще не забыли меня, да и приятно вспомнить молодые годы, когда довелось жить в деревне. Пишите, как Вам живется и моим знакомым. Я тоже хотел бы повидаться с Вами, и если придется проезжать через Рахны, конечно, напишу, чтобы встретили. Жаль, что я не догадался так сделать, когда ехал летом за границу и проезжал через Рахны.

Ну, будьте здоровы. Жду от Вас письма, в котором напишите, получили ли и понравился ли Вам мой рассказ.

Ваш М. Коцюбинский.

ПИСЬМА М. И. ЖУКУ

1

2/15.VII [1]910. Capri. Italia.

Дорогой Михайло Иванович!

Я уже потерял надежду узнать что-нибудь о Вас, так как мне написали из дому, что Вы в Седнев не поехали, а на мои запросы (дважды) — где Вы и какой Ваш адрес — ответа не имел. Наконец получил сегодня открытку от Вас (спасибо большое) и сразу же отвечаю.

Так много было впечатлений за это короткое время, особенно по дороге на Капри, что боюсь касаться их: в письме всего не опишешь. Если будет у Вас желание послушать, расскажу при встрече.

Пребыванием здесь, на острове, я очень доволен: хорошие условия жизни (живу по-королевски), красота природы — сказочная, фантастическая, а особенно солнце — роскошное, щедрое и ласковое, не жгучее, как у нас, — прекрасно влияют на мое здоровье. Весь организм как-то так пропитался морем, цветами, так преисполнился красоты, что забываешь, что ты человек, довольно нечистое создание, и сам себе кажешься прекрасным растением. Все время душа поет, участвуя в общей гармонии. Только здесь понимаешь выражение *dolce far niente*: действительно, отдохновение нигде не бывает

столь сладостно. Не знаю, может, это на меня Капри так влияет, но лучшего места для отдыха представить себе не могу, хотя уже пробовал отдыхать в разных странах.

День свой делю между морем и землею. Утром — на берегу, после обеда — в море, а если не в море, то блуждаю по диким местам, среди скал, цветущего дрока, золотого, как солнце, мирт в свадебном наряде, вдыхая горький запах полыни. Здесь по целым дням находишься в абсолютном одиночестве, среди природы. Правда, не всегда удается мне удовлетворить свою склонность к одиночеству, ибо так здесь много близких людей, ищущих моего общества. Но должен признаться, что эти люди такие интересные, такие добрые и человеческие, что душа с ними отдыхает. Я очень близко сошелся с Горьким, видимся почти ежедневно; когда я долго не прихожу, он заходит за мной, гуляем, сидим вместе и ведем бесконечные беседы на литературные темы. Иногда он читает свои новые вещи или рассказывает о своих планах, о будущих трудах. Он и его семья так заботятся обо мне, так много делают для меня, что я чувствую горячую благодарность. Кроме того, тут бывает и другое интересное общество, писатели, художники, публика интернациональная, и я со многими познакомился. Однако довольно о себе. Лучше спросить, как Вам живется. Что значит афронт Леонтовича, я что-то не понял из Вашего письма, объясните, пожалуйста. Продаются ли Ваши картины в Киеве, что пишете нового? Очень рад, что подвигается повесть Ваша из жизни художников. Даже завидно, я ведь ничего не делаю. Как там октябрист? Здоров ли, вырос ли и кусается ли уже?

Как здоровье глубокоуважаемой мамы и супруги Вашей? Видите, сколько вопросов, на которые должны ответить.

Пробуду здесь до 20 наверно. Еще колеблюсь, ехать ли мне в Швецию (боюсь переутомиться), или в Криворивню. И туда и туда тянет, а что победит, и сам еще не знаю. До скорого свидания! Время так летит, что и не замечу, как пройдет полтора месяца, оставшиеся мне. Привет Вашим. Целую сердечно.

М. Коцюбинский.

9.XII [1]912. Киев.

Спасибо Вам, дорогой Михайло Иванович, за письмо и за согласие... Мы решили, что виньетка должна быть в две краски (как третью краску Вы сможете использовать цвет бумаги). Цвет бумаги Вы выбираете сами и даете об этом знать мне. Гонорар — 20 руб.

Содержание кн[и]ги будет такое: «Тени забытых предков», «Сон», «Письмо», «Подарок на именины», «Хвала жизни», «Лошади не виноваты», «Что записано в книгу жизни». Заглавие книги — «Тени забытых предков».

Разумеется, Вы свободны в выборе темы для виньетки, но мне кажется, что виньетка может быть связана не только с содержанием данной книги, но и с манерой автора вообще или ни с чем не связана. Так ли? Как поживаете Вы и Ваша семья? Кланяюсь. Мне немного лучше. Целую.

М. Коцюбинский.

ПИСЬМА М. М. МОГИЛЯНСКОМУ

1

16/29.VI [1]910.
Capri, Hôtel Royal, 26.

Дорогой Михайло Михайлович!

Очень Вам благодарен за Ваше письмо, за известие о себе и своих планах на лето. Надеюсь, в Чернигове увидимся.

Живется мне здесь очень хорошо, только немного совесть мучит, потому что ничего не делаю. Утром гуляю или лежу на солнце у моря, после обеда Горький уж непременно заходит ко мне, и каждый день ездим на море ловить рыбу. А рыба здесь — как цветы, так что приносим домой букеты. Вечером уже я у него, и ведем бесконечные литературные беседы, либо он рассказывает (и рассказывает артистически) эпизоды из своей жизни. Вообще мы очень сошлись с ним. Здесь гостит К. П. Пятницкий, Ваш знакомый.

Что касается издания томика моих рассказов «Знанием», то это было бы очень хорошо, но я с Горьким об этом говорить не буду. Если бы речь шла о другом авторе, я охотно поговорил бы с ним, но о себе, Вы понимаете, я не могу. Может, сделать так: Вы напишите сюда К. П. Пятницкому (villa Spinola), расскажите ему, что думаете поместить в книге, а уж они, и Горький и Пятницкий, сами заговорят со мной на эту тему, потому что они читали даже Ваши переводы [рас-

сказов] — «Смех» и «В дороге». Так будет лучше всего, я думаю.

Если последуете моему совету, то просил бы известить одновременно и меня, что Вы уже написали сюда письмо.

Надеюсь, это письмо застанет Вас в Петербурге, хотя от всего сердца желаю Вам поскорее вырваться на лоно природы и отдохнуть за лето.

Будьте здоровы!

Ваш *М. Коцюбинский*.

2

3/16 [VII] [1]910. Carpi.

Дорогой Михайло Михайлович!

Очень Вам благодарен, что не забываете меня. Здесь так приятно получить письмо из родных краев, особенно от человека, с которым связывают тебя общие интересы и симпатия.

Пятницкому напишите, но я думаю, вряд ли из этого что-нибудь выйдет. Может быть, они и возьмут какой-нибудь рассказ в сборник «Знание», и только.

А впрочем, не знаю.

Более надежными мне кажутся переговоры с московской фирмой «Польза». Если что-нибудь из этого выйдет, я просил бы Вас до сдачи в печать пересылать переводы мне. Я бы их просмотрел, внес бы, возможно, некоторые авторские изменения в самый текст. Это очень полезно просмотреть свою вещь вторично, потому что грехов за собой всегда чувствуешь больше, чем нужно. Не думаю, чтобы Вы имели что-нибудь против этого. Я достаточно аккуратен и задерживать рукописи не буду.

Охотно предоставляю Вам полномочия на право перевода моих рассказов.

Что касается темы, которую Вы предложили и за которую я очень Вам благодарен, то каким-то чудом мысли наши сошлись. Подобная тема пришла мне в голову, когда я смотрел на Горького. Сейчас еще не решился взяться за нее, потому что, хотя я и присматриваюсь к каприйской природе и жизни и хотя в записной книжке

у меня уже немало наблюдений, но все еще боюсь. Надо все хорошо переварить, выносить и понять.

Как же Вам живется в деревне? Хорошо ли себя чувствуете, делаете ли что-нибудь, или, быть может, как я, забыли обо всем на лоне природы? Все ли у Вас теперь здоровы?

Очень был бы рад, если бы как-нибудь вспомнили обо мне. Здесь я пробуду еще 17 дней, а потом поеду блуждать по свету — и сам еще не знаю, где окажусь: в Швеции ли, или в Карпатах. Дома буду 15 августа и надеюсь повидать Вас.

Чувствую себя лучше, солнечные ванны мне очень помогают. Дома только сплю, все дни либо у моря, либо на море, а если нет, то лежу в самых диких уголках острова, где одни только кактусы, ящерицы да змеи, но красота необыкновенная.

Ну, будьте здоровы. Искренне целую Вас.

Ваш М. Коцюбинский.

3

21.VII—3.VIII. 1910. Capri.

Дорогой Михайло Михайлович!

Не писал Вам так долго потому, что об издании «Знанием» моих рассказов ничего не мог разузнать. Горький уезжал, вернулся только позавчера, и дело из-за этого затянулось.

Наконец вчера мы договорились со «Знанием» следующим образом: оно издает 18—20 листов моих рассказов, формат «Сборников», выбор рассказов мой; договориться о гонораре с тем лицом, которое будет переводить (то есть с Вами), должен тоже автор, а не издательство. С каждого проданного экземпляра мне будут платить 25%, то есть 25 коп. Я согласился.

Как видите, дело кончено. Просят прислать рукописи как можно скорее.

Что касается денежных дел, то мы с Вами, конечно, как-нибудь поладим, когда я буду в Чернигове (15.VIII). Если Вы сейчас свободны, то, может быть, пока что-нибудь переводили бы? Когда увидимся, поговорим подробнее о выборе материала. Нельзя ли использовать не-

которые готовые переводы из «Русского богатства», «Русск. мысли», «Жизни», «Южн. записок» и т. п.? Все было бы Вам меньше работы. С переводчиками можно было бы списаться и подправить переводы, где нужно. Простите, что пишу второпях. Надо прощаться, потому что завтра утром выеду с Капри и у меня сейчас совсем нет времени. Может быть, напишете мне по адресу: Oesterreich, Galizien (Австрия), р. Jasienow Górny, Ясенов Верхний, Криворивня. Я там буду до 10.VIII. Напишите также, как Вам теперь живется, хорошо ли себя чувствуете. Жду ответа.

Сердечно жму Вашу руку. *М. Коцюбинский.*

К. П. Пятницкий говорил мне, что он напишет Вам. Оказывается, они давно собирались поговорить со мной об издании, потому что уже давно хотели издать книгу.

4

15.X [19]10. Чернигов (Северянская, 3).

Дорогой Михайло Михайлович!

Встревожили Вы меня сообщением о Вашей болезни. Что с Вами? Надеюсь, сейчас Вам лучше?

Что касается поправок в Вашем переводе, то, внося их, я имел в виду, дорогой Михайло Михайлович, дать Вам только сырой материал, как мы договорились с Вами. Просматривая рукописи, Вы можете принять или отвергнуть их, как, по Вашему мнению, будет лучше, Вам ведь виднее. Я только хотел помочь Вам сделать перевод ближе к оригиналу по существу, а уж форма зависит от Вас, от Вашего вкуса и знания литературного русского языка. Я не буду ни в малейшей претензии на Вас, если Вы критически отнесетесь к моим поправкам и воспользуетесь ими в той мере, какая будет необходима Вам для обработки перевода. Прошу только так рассматривать мои поправки. Теперь специально о «задах». Если Вы помните, в рассказе («В дороге») я нигде не употребляю очень грубых слов, а в последней сцене я умышленно употребил это грубое слово (одинаково грубое как по-украински, так и по-русски). Мне хотелось

этим грубым словом ударить читателя, подчеркнуть всю мерзость психической реакции обывателя после минутного подъема. Я настолько коротко описываю последнюю сцену, что только резкое, грубое слово вызовет нужный мне эффект. Слово «спины» все затушует, смягчит. Поэтому я полагал бы, что, несмотря на неэстетичность выражения, лучше оставить его в первородной грубости. Кстати, это слово я встретил недавно в какой-то русской повести (кажется, в «Русском богатстве»). Очевидно, его считали не слишком нелитературным, раз пропустили.

Жоалею, что не увиделся с Вами перед Вашим отъездом в Петербург. Я хотел посоветоваться с Вами о некоторых местах. «В «Под минар[етами]», например, встречаются татарские выражения и фразы, которые в буквальном переводе звучат довольно странно. Например: «позвольте мечом разрезать Ваши слова...» Но они принадлежат к специфической татарской элоквенции — и жаль было бы лишить рассказ этого местного колорита. Как Вы думаете?

Очень, очень сожалею, что не виделся с Вами. В письме трудно сделать то, что легко удается в беседе. Очень благодарен за обещание известить меня, когда отдадите рукопись в «Знание». Будьте так добры, расспросите, где теперь находится К. П. Пятницкий. Я полагаю, что он возвратился в Петербург, потому что вчера получил из конторы «Знание» последний (XXXII) «Сборник» и думал, что это Пятницкий посылает мне подарок. Если узнаете адрес Пятницкого, прошу сообщить мне.

У нас дома вечный лазарет — все время кто-нибудь лежит в постели. Это так влияет на мое настроение, что я ничего не могу делать, а между тем должен писать, и такое состояние очень мучит меня.

Прочитал Вашу книгу о Финляндии — и должен признаться, только теперь финляндский вопрос стал для меня ясным. И за это я благодарю Вас. Книжка сделана прекрасно, картина выходит сильная и яркая. Еще раз сердечное спасибо за подарок.

Наши шлют Вам привет. Прощу не забывать

Вашего *М. Коцюбинского.*

Дорогой Михайло Михайлович!

Ваше замечание относительно злополучной овчарки совершенно справедливо. Я ничего не имею против того, чтобы назвать ее иначе. Назовем ее — ну, хотя бы К р а т е р. Корректуры из типографии я еще не получил, а хотел бы получить. Вернулся ли г. Пятницкий из-за границы?

Сердечно приветствую Вас и желаю здоровья. Не забывайте

Вашего *М. Коцюбинского*.

7.XI [1]910. Чернигов.

28.XI [1]910. Чернигов.

Дорогой Михайло Михайлович!

Ваше письмо от 16 с. м., спасибо Вам, получил. У меня уже есть все чистые листы книги. Вероятно, она на днях выйдет. Горький писал мне, что он просмотрел корректурные листы (первые) и находит перевод удачным. Советует мне сейчас же выпустить 2 и 3 тома. А вчера я получил письмо с Капри от Пятницкого. Делаю Вам выписки из него, чтобы Вы видели, как фирма отнеслась к изданию рассказов. Он пишет: «Получил все листы Вашего тома в корректуре. Читаю с огромным наслаждением. Книга должна иметь б о л ь ш о й у с п е х. Пишу, чтобы просить Вас: быть может, у Вас найдется время организовать немедленно перевод следующего тома? Сезон еще в начале. Мне кажется, и для автора выгоднее выступить сразу с 2—3 томами». Что ж, Михайло Михайлович, может, начнем готовить сразу и второй том? Если Вы ничего не имеете против, то я предложил бы следующее его содержание:

Fata morgana	125 стр. ¹
В сетях шайтана	18 »
Он идет	13 »

¹ Страницы я подсчитал, кажется, хорошо; если будет ошибка, то очень небольшая.

Поединок	16 »
Persona grata	20 »
Неизвестный	10 »
Дорогой ценою	80 »
По-человечески	15 »
Из глубины (Облака, Одинокий, Усталость)	3 »
«Пе-коптьор»	35 »

В с е г о 335 стр.

Если бы даже по цензурным условиям пришлось выкинуть «Persona grata», «Неизвестный», то все же получится полный том. Чтобы решить вопрос об этих двух последних рассказах, я пошлю их в рус[ском] переводе (напечатан[ном] в газете «Голос провинции») на Капри Пятницкому, пусть он сам посмотрит, можно ли их пустить. Пошлите Вы ему также, на его суд, «Он идет».

Жду ответа. До Вашего ответа я не буду писать Пятницкому. Есть у меня, кроме предложенных для второго тома, еще рассказы:

На веру	90 стр.
Цеповяз	50 »
Хо	42 »
Пятизлотник	42 »
На крыльях песни	16 »
Отомстил	16 »
Посол черного царя	16 »

В с е г о 246 стр.

Но, по моему мнению, их не стоит переводить, они слабее.

Как поживаете? Как здоровье?

Я что-то хвораю, простудился, голова несвежая, и поэтому ничего не могу делать, хотя очень тянет.

Надеюсь, не задержитесь с ответом. Вот что еще: Пятницкий предлагал следующий титул книги: М. Коцюбинский. Том первый. Рассказы. С украинского. Авторизованный перевод М. Могилянского. Но, может быть, уже поздно, может быть, книга уже вышла?

Мы все сердечно приветствуем Вас и Вашу гл[убоко]уважаемую супругу.

Ваш М. Коцюбинский.

Дорогой Михайло Михайлович!

Только что получил Ваше письмо и тут же отвечаю. Хорошо, я согласен, чтобы вместо «Дорогой ценою» перевести «На веру». Значит, договариваемся, что содержание второго тома будет следующее (даю уже в том порядке, в котором я хотел бы расположить рассказы):

- 1) Fata morgana
- 2) В сетях шайтана
- 3) Пе-коптьор
- 4) Неизвестный
- 5) На веру
- 6) Поединок
- 7) Он идет

Я непременно хотел бы, чтобы во второй том вошел рассказ «В сетях шайтана» (хотя у меня такое впечатление, что Вы что-то имеете против него). «На веру», мне кажется, можно перевести «На веру». Имена в «Fata morgana» (да и вообще во всех рассказах) не стоит переводить. Пусть будет Гафийка, Маланка и т. д., как в оригинале. Это придает колорит. Я хотел бы просмотреть рукописи перед сдачей в печать. В корректуре труднее. Чтобы не задерживать перевод, я советовал бы пересылать мне рукопись частями: что у Вас будет переведено, то и присылайте мне. Лучше всего, если бы Вы пересылали рукописи в том порядке, какой я определил выше, — и вот почему: может быть, Вы переговорите с г. Боголюбовым, не согласится ли он начать печатание книги, не имея всего материала. То есть: Вы доставляете ему Fata morgana, и он начинает печатать. Пока наберут в типографии первый рассказ, Вы даете ему второй, или 2—3 и т. д. Так было бы очень удобно для всех нас (для Вас, для меня и для г. Боголюбова), потому что книга вышла бы скорее. Я постараюсь побыстрее просматривать рукопись каждого присланного Вами рассказа и сразу же буду отсылать Вам назад. Во всяком случае ручаюсь за себя, что не задержу Вас в Вашей работе, а следовательно, Вы не задержите

типографии. Подумайте об этом, переговорите с г. Боголюбовым, это было бы очень практично.

Кстати, будьте добры сообщите мне, как зовут г. Боголюбова (имя и отчество).

За присланный номер «Вестн[ик] народн[ых] университетов!» сердечно благодарю. Я получу его в лучшем случае только через несколько дней...

Как Вы себя чувствуете, дорогой Михайло Михайлович, здоровы ли? Мне нечем похвалиться, все что-то хвораю и не могу ничего делать. Мучит это меня очень, потому что обещал кое-что написать к сроку — и вот никак не сяду за работу. Сегодня получил от Амфитеатрова предложение писать для «Современника», журнала, который должен выходить в Петербурге. Очень просит, готов даже напечатать по-украински. А я все хвораю — и не знаю, чем это кончится. Ну, будьте здоровы. Я и все наши сердечно приветствуем Вас с гл[убоко]уважаемым Вашим семейством. Вышел ли, наконец, I том?

М. Коцюбинский.

8

21.I [1]911. Чернигов.

Дорогой Михайло Михайлович!

Псылаю Вам конец «Fata morgana».

Так много должен отвечать Вам, что не знаю, с чего начинать. Вот Вам по пунктам:

Хорошо, поставим под рассказами даты.

Оставим «сударь мой» вместо «пане добродзею» и «Пидпара» вместо «Подпара».

«Гомон» я часто встречал в русском литературном языке. «Разговор» — беседа; быть может, лучше употреблять, где возможно, слово «гул», «шум».

Знаете, я начинаю думать, что мы мало заботимся в рассказах из народной жизни об украинском колорите, слишком «руссифицируем» рассказы. Так, мне кажется, лучше везде оставить в «F. п.» вместо «барин, барчук, барский, господский, изба» — «пан, паныч, панский, хата». Как Вы полагаете? Вообще я надеюсь, что Вы еще раз, после моих поправок, просмотрите хотя бы наскоро

рукописи и исправите как лучше. Корректуру я буду читать, вероятно, после Вашей, так что Вам надо будет внести те поправки, которые Вы не успели сделать при переводе.

Что касается рассказа «Он идет», то я не мог писать [о] нем на Капри, потому что не знаю, послан ли он туда г. Боголюбовым. У меня нет перевода, и если Пятницкий его не читал, то как же я могу его спрашивать, пустит ли он его? Сообщите мне, послан ли перевод на Капри, тогда я сразу же спишусь с Пятницким.

Насколько помнится, мы, кажется, с Вами условились, что порядок книги следующий: 1. Fata morgana. 2. В сетях шайтана. 3. Пе-коптьор. 4. Неизвестный. 5. На веру. 6. Поединок. 7. Он идет. Следовательно, будем придерживаться этого порядка. Жду от Вас расск. «В сетях шайтана», потому что он идет вторым. Я перевел бы заголовок «В путях шайтана» именно так — «В сетях шайтана»; кажется, под таким заголовком он печатался в «Русской мысли», XI, не то XII кн. за 1907 (не то 1906) год. Или «В цепях шайтана».

Позабыл относительно транскрипции «Лёлё». Пишите, как хотите, это неважно.

Рецензий на книгу я не видел, кроме благоприятной коротенькой заметки о выходе книги в № 1 газеты «Звезда». Знаю, что в уманском «Голосе провинции» книге было посвящено несколько фельетонов, но не читал. «Русские вед[омости]» тоже не читаю, следовательно, не знаю.

В «Киевской мысли» ничего не было, а «Вестей» также не читаю. «Рада» поместила фактическую заметку о выходе переводов.

Я сейчас очень занят, потому что, кроме рукописей от Вас, читаю корректуру книги своих последних (раск[азов], которая печатается в Петербурге и вскоре выйдет. Тогда пришлю Вам.

Завтра сажусь за просмотр «Пе-коптьор».

Кажется, ничего не забыл.

Извините, что пишу такое сухое деловое письмо, но нет ни минутки свободной. Тороплюсь.

Сердечно обнимаю Вас. Ваш *М. Коцюбинский*.

Дорогой Михайло Михайлович!

Вы, вероятно, уже получили конец «[fata] m[organal]» и мое письмо. Одновременно посылаю Вам «Пе-коптьор» и 44 стр. «На веру».

Я просто прихожу в отчаяние. Дело в том, что, соглашаясь поместить во II томе «На веру», я не представлял себе, насколько эта вещь слаба, потому что 20 лет не перечитывал ее. Сейчас, когда приходится читать ее, я не узнаю себя. Сколько в ней слащавости, идеализации крестьян, какая примитивная техника и как все бесконечно скучно! Я просто краснею, перечитывая повесть. Разве можно давать современному русскому читателю такую слабую вещь? Да ведь меня засмеют, осрамят. Ведь никому нет дела до того, что это первая проба пера, детская работа. Если повесть слаба — не печатай, скажут, и скажут правильно. Что нам делать? Я просто не знаю, как выйти из невозможного положения. Жаль мне Вашего труда, жаль и себя, потому что не хотелось бы на старости лет осрамиться. Не утешайте меня, я уверен, что Вы сами видите, что эту вещь нельзя печатать. Но что же делать? Какой выход найти? Конечно, я виноват во всем, но прошу Вашего совета.

У меня промелькнула мысль — переделать повесть, но я оставил эту мысль, потому что переработать невозможно, пришлось бы писать новую вещь, а для этого нет ни времени, ни охоты. Что делать? Посоветуйте. С нетерпением жду ответа.

«Он идет» просмотрел глазами цензора и не имею желаний писать на Капри. Безнадежно. Хуже то, что материала меньше.

Новый рассказ не могу сейчас прислать Вам. Я так занят просмотром рукописей, что не могу оторваться на день-другой, чтобы просмотреть и переписать рассказ. Так он и лежит. Весьма и весьма неприятная история получилась с «На веру». Она меня так взволновала, что даже плохо себя чувствую.

Лучше было бы нам взять «Дорогой ценою». Хотя в

нем и много недостатков, но написан он позднее, и, может быть, удалось бы кое-что неудачное выбросить.

Жду ответа, а пока сердечно целую Вас и желаю всего наилучшего.

Ваш *М. Коцюбинский*.

10

4.II [1]911. Чернигов.

Дорогой Михайло Михайлович!

Приношу извинения за то, что на Ваши частые письма (за которые сердечно благодарен) отвечал не часто. С той поры, как Вы стали присылать мне рукописи, я все вечера (то есть все мое свободное время) просиживал за просмотром переводов. Как и всякому автору, и мне, грешному, хотелось бы, чтобы переводы получились как можно лучше, и я бился над трудными местами, иногда впустую. И если отрывался от этой работы, то только для того, чтобы прочитать корректуру своей книги, которая одновременно с русской выйдет в Петербурге. Внося поправки, я не всегда уверен, что делаю их удачно, и полагаюсь на Вас: если плохо — исправите. Так и договоримся.

Хотя Вы, по своей доброте, и утешаете меня, что «На веру» не совсем испортит книгу, но все же я не могу успокоиться. Что плохо, то плохим и останется, но уже поздно, ничего не поделаешь, пусть идет «На веру». Я хотел только попросить Вас между двумя старыми вещами — «Пе-коптьор» и «На веру» — поместить что-нибудь новое, например «Неизвестный», но вы отнимаете у меня и эту надежду, опасаясь включать этот рассказ. Теперь я уж не знаю, чем заполнить книгу, потому что я подсчитал, что материала, уже переведенного, нехватит, будет всего страниц 270—280, не больше. Если взять что-нибудь из старых рассказов, то во втором томе я буду совсем архаичен.

Можно еще дать три мелких вещи под заглавием «Из глубины» (Облака, Усталость, Одинокий), и только. Ни «Пятизлотника», ни «Харитя» я не хотел бы. Как Вы думаете? Все-таки эти три мелочи не так уж, кажется, плохи?

Что касается надписи на титуле книги, то, может быть, составить ее так: «С украинского. Авторизованный перевод М. Могилянського». Посылаю Вам все рукописи, которые были у меня: «На веру» (с 44 страницы), «Поединок» и «В сетях шайтана». Сегодня послал три первых листа корректуры. В дальнейшем буду посылать корректуру по Вашему адресу, так лучше всего. Я ужасно переутомился, ежедневно сидел за столом по 10—12 часов, за новый рассказ некогда было взяться, чтобы подготовить его к печати. Может быть, теперь буду по-свободнее, тогда засяду за более интересную работу.

Очень благодарен Вам за Вашу любезную заботу обо мне и желание перевести что-нибудь с рукописи. Как только что-нибудь будет готово, сразу же вышлю Вам. Боюсь, не пропустил ли чего-нибудь, на все ли дал ответ, о чем Вы писали в письмах. Да! «Речь» не высылайте, потому что я уже получил. Ну, будьте здоровы, очень поздно, меня гонят спать.

Ваш М. Коцюбинский.

11

19.II [1]911. Чернигов.

Дорогой Михайло Михайлович!

Не мог сразу ответить на Ваше письмо, потому что ездил в Киев, где пробыл шесть дней. Вчера вернулся домой и сразу же отослал Вам 3 листа корректуры (97—144 стр.).

В книге при таком составе, как сейчас, по моим подсчетам, должно быть не менее 17 листов, но это, очевидно, не полная книга, какой она должна была бы быть. Надо еще что-нибудь включить. Вы убедили меня, что действительно не следует помещать в ней три мелочи под названием «Из глубины».

Очень просил бы Вас еще раз просмотреть рассказ «Неизвестный», посоветоваться с кем-нибудь, и если только он не совсем опасен, перевести. В издании (петербургском) моих рассказов, которое сейчас выходит в свет, издатель не побоялся поместить эту вещь. Проф. Грушевский, с которым я виделся теперь в Киеве, показывал мне справку из Петербургского цензурного коми-

тета, в которой перечислены те рассказы, из-за которых цензура не пустила в Россию известную Вам книгу «Из глубины». Это рассказы: «Persona grata», «Он идет» и «Intermezzo» (последний за слово «Трепов»). «Неизвестного» в этой справке нет, из чего явствует, что цензура тогда (полтора года тому назад) ничего против него не имела. Если Вы все-таки придете к выводу, что «Неизвестного» помещать нельзя, потому что небезопасно, тогда уж переводите «Пятизлотник», хотя мне и не хотелось бы помещать его. Если Вы решитесь перевести «Неизвестный», то его можно поместить в конце книги, чтобы в случае необходимости можно было отрезать. Помните, такую комбинацию Вы предлагали когда-то при обсуждении вопроса относительно «Он идет».

Всю неделю, перед поездкой в Киев, я был очень болен. Сердечные припадки были настолько сильны и часты, что просто удивительно, как я их пережил. Да и сейчас чувствую себя плохо. Из-за этой неожиданной болезни я не мог сесть за новый рассказ, который хотел прислать Вам с просьбой перевести для «Современника». Может быть, на-днях засяду, наконец.

За всякими делами Вы ничего не пишете о себе. Как Вы себя чувствуете? Над чем сейчас работаете? Очень был бы Вам благодарен, если бы Вы, сообщая о делах, не забывали приписать несколько слов о себе.

Ну, будьте здоровы и веселы.

Сердечно целую Вас и кланяюсь Вашим. Жена шлет привет.

Ваш *М. Коцюбинский*.

12

9.III [1]911. Чернигов.

Дорогой Михайло Михайлович!

Сегодня отослал Вам последние листы корректуры — и вздохнул с облегчением. И не удивительно: чтение рукописей и корректур отняло у меня не менее двух месяцев, то есть всю зиму, и из-за этого я не мог ничего писать. Теперь книга уже готова, и надеюсь в скором времени ее увидеть. Вы бы оказали мне большую любезность, если бы напомнили г. Боголюбову, чтобы он, не откладывая, выслал мне 25 экземпляров.

Вы пишете о третьем томе, а я, признаюсь Вам, дорогой Михайло Михайлович, сомневаюсь, хорошо ли мы поступили, выпустив два первых. Вы только подумайте: уже три месяца, как вышел первый том, а русская периодическая пресса ни звука, ни словом не откликнулась, как будто книги вовсе и не бывало. Рецензия в «Речи» — между нами говоря, совсем не умная, — в счет не идет. Журналы совсем замолчали книгу, да и трудно ожидать от них рецензий, раз книга перестала быть новинкой. Отчего же это? Очевидно, книга оказалась неинтересной, ненужной. Не пришелся, значит, по вкусу русскому читателю...

Не сообщал Вам содержание своего последнего рассказа и не посылал для перевода, потому что он мало меня удовлетворяет и стыдно было выступить первый раз в «Современнике» со слабой вещью. Рассказ коротенький, меньше листа, называется «Что записано в книгу жизни», о крестьянской бедной семье. Сюжет: сын вывозит в лес старую, забытую смертью мать (отчасти культурные пережитки древнего обычая убивать родителей), но, побуждаемый непреодолимым желанием поест и выпить на похоронах, везет ее назад. Эта схема может показаться Вам грубой, но ведь это только схема, и, конечно, важнее, как она разработана. Рассказ выйдет в IV кн. «Вісника», и тогда пришлю Вам. Теперь хочу засесть за работу, хотя не знаю, удастся ли сделать это сейчас, потому что чувствую себя очень скверно: сердце так плохо работает и так болит, что бывают дни, когда я вынужден лежать. Хотя горячая пора деловой переписки уже прошла, но был бы очень рад получить от Вас хоть изредка (боюсь надоедать просьбами) известие о Вас и Ваших работах. А пока целую Вас сердечно и дружески жму руку.

Ваш М. Коцюбинский.

13

5 апреля 1911. Чернигов.

Дорогой Михайло Михайлович, очень Вам благодарен за Ваше письмо, которое мне тем приятнее было читать, что Вы написали его по украински — и написали, надо правду сказать, очень хорошим языком.

Одновременно посылаю заявление конторе «Знание» в предложенной Вами редакции.

Рецензию в «Современнике» писал Амфитеатров, я узнаю его мысли из его письма о моей книге к Горькому, присланного мне последним. Если б Вы знали, как мне стыдно перед Амфитеатровым, которому я обещал дать непременно что-нибудь для одной из первых трех книг журнала — и, конечно, ничего не дал. Придется писать покаянное письмо. На мое горе, последнее время хвораю, едва хватает энергии и сил для служебной работы, а промучившись 5 часов в бюро, становлюсь ни к чему негодным. Быть может, мне удастся воспользоваться пасхальными каникулами и что-нибудь написать, хотя боюсь строить какие-нибудь планы; мерзкое здоровье и тут может помешать, и все планы пропадут даром.

Очень заинтересовала меня статья, которую Вы должны написать для «Рус. мысли». Пришлите, будьте так добры, и мне оттиск, потому что я не читаю «Рус. мысли».

Посылаю Вам свой последний рассказ и предчувствую, что будете ругать меня за него, потому что я и сам себя ругаю. Пишу сегодня коротенько: как ни креплюсь, а тянет в постель. Сердечно обнимаю Вас и желаю веселых праздников.

Не забывайте Вашего *М. Коцюбинского*.

14

[Двойная открытка]
4.XI [1]911. Чернигов.

Дорогой Михайло Михайлович! Совестно мне, что не ответил Вам сразу на Ваше письмо и делаю это только сейчас, второпях из-за всяких предотъездных дел. Очень был занят своим рассказом, но завершил его наконец. Называется он «Тени забытых предков», размером будет немного больше трех печатных листов. Не знаю, удался ли он мне, но если бы я хоть немного перенес на бумагу колорит Гуцульщины и запах Карпат, то и этим был бы доволен.

8 [сего] месяца, то есть через три дня, выеду за границу, в Италию, на всю зиму. Пишите мне пока по сле-

дующему адресу: Italia. Capri (Fermâ in posta). M. Koziubinski.

«Что записано...» отослал редактору в Италию, но ответа не получил. Может быть, Вы будете так добры, если это удобно, и зайдете в редакцию «Современника» спросить о судьбе обоих рассказов. С дороги постараюсь написать Вам, а пока крепко целую. Как себя чувствуете теперь, что подделываете? Буду ждать письма от Вас, Вашим привет.

Ваш М. Коцюбинский.

P. S. Если у Вас случится какое-нибудь срочное дело ко мне, напишите в тот же день, когда получите это письмо, по адресу: Австрия, Oesterreich. Галиция. Львов. Lemberg, ул. Супинского, 17. Научное общество им. Шевченко. В. Гнатюку (для меня).

Будьте здоровы!

Дорогой Михайло Михайлович! Наши письма разошлись в дороге, и Вы, вероятно, уже получили мое письмо, поэтому я и не повторяю уже написанного... В первой кн. «Современника», которую мы получили, напечатан рассказ «Что записано...» и рецензия на II т. моих рассказов в Вашем переводе. Как бы нам получить гонорар и вообще выяснить дело? Или Вам неудобно сделать это? Пробуду я здесь уже недолго, в середине марта думаю выехать (морем из Неаполя до Одессы), в Чернигов. Я уже, кажется, писал Вам о своих планах на лето, но еще не знаю, что удастся выполнить из этих планов. Вскоре выйдет II кн. «Вісника» с Вашим рассказом. Жду с нетерпением и сразу же напишу Вам о своем впечатлении. А Вы не забывайте меня и пишите.

Целую Вас сердечно. М. Коцюбинский.

ПИСЬМА П. Г. ТЫЧИНЕ

1

2.II [1]912. Capri (presso Napoli), villa «Serafina».

Дорогой пан Павло!

Очень Вам благодарен за Ваше сердечное письмо и прошу извинить, что не ответил сразу. У меня так складываются дела, что почему-то все времени нет. Да мне казалось, что и не стоило на масленицу писать, ибо, наверно, Вы на это время куда-нибудь выехали.

Я тоже частенько вспоминаю Вас и Ваших товарищей, с которыми мне довелось познакомиться. Передайте им всем привет, а подписавшим мне открытку и благодарность.

Живется мне здесь хорошо, чувствую себя лучше, а все же рвусь домой, и как только у нас (на Украине) потеплеет, тотчас уеду отсюда. Думаю, что на пасху буду уже дома.

На Капри все время очень хорошо, зелено, тепло. Самая низкая температура зимой и то ночью была $+8^{\circ}\text{R}$, а днем доходило и до $+22^{\circ}\text{R}$, словно летом. Сейчас настоящая весна, деревья в цвету, полно цветов (хотя они цвели всю зиму).

Вот где Вы могли бы рисовать и писать стихи. А я хоть стихов не пишу, однако понемногу работаю и много читаю, под руками большая библиотека и много газет и журналов на разных языках. Вы пишете о переводе рассказов украинских авторов на русский язык. А мне кажется, что полезнее было бы переводить с русского на

украинский, ибо таким образом переводчик лучше бы познакомился с украинским языком и такие переводыгодились бы нам. У нас, например, очень слабая детская литература, и если бы кто-нибудь перевел лучшие русские произведения детской литературы, их можно было бы издать.

Будьте здоровы. Сердечно желаю Вам всего наилучшего.

Ваш *М. Коцюбинский.*

2

13.XII [1]912. Университетская клиника.

Дорогой пан Павло!

Сердечно благодарю Вас и всех подписавшихся в письме за добрые пожелания и за память. Мне так приятно было получить Ваше письмо, свидетельствующее о том, что Вы не забыли обо мне, что наши симпатии обоюдны. Передайте Вашим товарищам мою сердечную благодарность и пожелание веселых праздников и счастливого нового года.

Мне теперь немного лучше. Уже несколько дней, как позволили сидеть полчаса в кресле, начал понемногу спать, есть. Если так пойдет дальше — то, может, недели через две-три приеду на несколько дней в Чернигов, чтобы оттуда отправиться в теплые края. Придется, думаю, ехать в Египет.

Ну, будьте здоровы.

Еще раз спасибо. Веселых праздников. Обнимаю Вас.

М. Коцюбинский.

ПИСЬМА ЖЕНЕ

1

30.IX [18]96. Алушта.

Целую тебя, крепко целую тебя, единственная моя советчица, счастье мое, благодарю за письмо (от 24—25), которое сегодня получил на почте. Два дня не было весточки от тебя, и я — грустный и печальный — перечитывал первое твое письмо, чтобы хоть обмануть себя.

Не писал вчера тебе (обычно — пишу ежедневно) — поздно вернулся от Кузьмы-Демьяна, куда мы, наконец, все же выбрались. Как я жалел, если бы ты знала, что мы не съездили туда вместе, еще летом. Места там лучше, чем я представлял себе. Чтобы удовлетворить хоть немного твое любопытство, хоть в некоторой степени, хоть бледно изобразить виденное мною, опишу тебе все путешествие наше — и мне будет казаться, что мы вместе побывали в монастыре.

Выехали мы часов в восемь с половиной утра на линейке (2 лошади), взяв с собой полгуса, яиц, хлеба, вина, чаю и сахару. Я захватил с собой бинокль и «Путевод[итель]», а Мирау, которого мы тоже брали с собой, — еще и подзорную трубу. Сначала мы ехали по «нашей» долине, по пыльной дороге, которую не стану тебе описывать, — ты и сама ее знаешь или по крайней мере не забыла всякие «запахи». Вот так мы ехали целых девять

верст, подпрыгивая на каждом камешке и думая только о том, как бы скорее доехать до гор. И вот с 9-й версты стали мы, родная моя, подыматься. Отсюда начинается хорошая (царская) дорога, утыканная, как и шоссе, раскрашенными столбиками. Тут только я вздохнул свободнее, протер полные пыли глаза и осмотрелся. День — изумительный. (Теперь у нас такая погода, какой, кажется, все лето не было.) Мы подымаемся все выше, кружась так, что Чатырдаг то вправо, то влево от нас. Горы — Урага, Бабуган и другие — растут на глазах, а долина, из которой мы выехали, опускается, словно проваливается. Начинается редкий лес — дубняк. На дороге — ни пылинки. Туманы тут уже гуляют почти каждую ночь и увлажняют дорогу. Кругозор расширяется. Виден могучий Чатырдаг, покрытый лесом, среди горных вершин прячутся узкие, замкнутые, черные ущелья (богазы по-татарски), дно которых мы не видим. А мы все подымаемся. Перед нами вырастают две горы, одна выше другой. Возница говорит, что мы подыдемся на самую вершину и тогда уже спустимся вниз. Лес становится все больше, все гуще. Ни души. Глухо. Потянуло холодком. Возница говорит, что близко бук. Снова подымаемся. Голая вершина Чатырдага, похожая на зуб, торчит меж деревьев. Меня уже разбирает нетерпение, где же этот бук. Хочется увидеть его поскорее, а здесь все дубы, липы, терн. Свежеет. На дороге встречаются лужи — тень не дает высохнуть земле. Наконец — первый, небольшой бук, изумительно зеленый, с веточками, растопыренными, как у елки, с гладкими, блестящими листьями. Потом второй, третий... Наконец въезжаем в густой, чудесный буковый лес, растущий уже на Яйле. Я останавливаю линейку, и мы идем пешком. Могучие деревья с рябыми стволами с одной стороны карабкаются на высокую гору, с другой — сбегают в обрывистое ущелье. Горы — один камень, цельная скала, лишь кое-где прикрытая землей. Дерево не пускает корней в глубь (здесь камень), а разбрасывает корни вокруг, охватывает ими, словно змеями, камень и, так укрепившись, тянется вверх, к солнцу. Свет в лесу чудесный, какой-то зеленый, словно все освещено зеленым бенгальским огнем. Воздух изумительный. Тихо необычайно. Только и слышно, как лопаются и падают на землю буковые орешки.

Падают беспрестанно, как капли дождя. Среди кустов на влажной земле цветет шафран, который и посылаю тебе. (Продолжение следует.)

Целую тебя крепко.

Поцелуй маму и всех. Завтра буду писать снова.

Твой *Муся*.

2

2 октября, г. [18]96. Алушта.

Пишу тебе, моя любовь, в последний раз из Алушты: завтра выезжаем в Куру-Узень. Поедем, верно, на лодке, если море будет таким спокойным, как сегодня. Если же оно не будет спокойным, то, хоть и не страшно на лодке, но плохо приставать, поэтому поедем на подводе.

Возможно, я успею написать тебе и завтра, но не знаю. Нужно укладываться, а тут, как назло, приехал Имшенецкий, так же начиненный филлоксерой и к тому же под филлоксерным соусом, как обычно. Мешает.

На почте ничего не получил сегодня, даже от [тебя] не было письма.

Представляю себе, что там у вас дома. Верно, Лиза уже приехала и засыпает тебя, как из мешка, новостями. Прямо завидно. Передай ей от меня самый сердечный привет. Я знаю, что она за тобой присмотрит, и поможет тебе, и развлечет. Недаром она кажется мне союзником в кампании... не против тебя, а за тебя. Если Лиза привезла какие-нибудь и для меня интересные новости, — напиши, сердце. Да! Чтобы не забыть, скажи мне, кого предсказывает Лиза: [мальчика] или девочку? Она должна знать.

Пишу тебе и ем яблоко. Кажется мне, что я в Виннице, со всеми вами.

Нового ничего не произошло за сутки. В последний день пришлось дальше обычного ходить: целых 12 верст. Устали здорово, так что все время после работы лежал — да и теперь какой-то несвежий, отяжелевший. В Куру-Узене придется тоже далеко ходить (иногда за 8 верст), но не весь месяц. Есть виноградники и поблизости.

Нет ничего интересного, о чем писать, потому продол-

жаю рассказывать о своем путешествии, хотя, может быть, оно тебе тоже неинтересно.

Первое, что я услышал в монастыре, — это чистую, чудесную, благоуханную, украинскую речь. Это меня сразу развеселило. Заговорил со мной старый монах, шедший в лес за опенками. О нем дальше.

Через ворота в белой каменной стене вошли мы во двор — узкую улицу, улица эта — не что иное, как река Альма, закрытая деревянным настилом. С одной стороны двора — церковь и несколько домиков; с другой — тоже церковь и несколько домиков, между ними один двухэтажный — это «гостиница». Грязно там, как в свиарнике, мы с полчаса бродили, пока не нашли «гостиника» и не велели поставить самовар. Как самовар, так и посуда были покрыты слоем вековечной грязи. За чаем я узнал, что братии в малом их монастыре 30 человек (10 монахов — остальные послушники). Послушники чаще всего на зиму устраиваются в монастыре, а весной расходятся в разные стороны. Монахи почти все украинцы, игумен тоже. Возле самого монастыря ничего не растет. Снег иногда лежит до мая и июня, солнце светит недолго, потому что лишь клочок неба над ущельем. Вокруг густой и высокий лес.

После чая пошли осматривать «святую воду». В часовенке что-то вроде купели, куда вливается «Савлук Су». Вода чистая и прозрачная — прямо голубая. Из этой купели вода течет по жолобу в деревянную купальню, разделенную на две: мужскую и женскую. Это просто черные, страшные ямы с деревянным помостом, с холодной 6° водой. Даже подумать страшно, что здесь купаются больные. Возница наш рассказывает, что ежегодно умирает несколько детей и взрослых, простудившись в «святой воде». Получить здесь какую-нибудь заразительную болезнь тоже очень легко. Грязь и здесь ужасная (мимоходом вспомнил я «Лурд» Золя, о котором ты мне рассказывала). Невозможно было долго оставаться там: отвратительно. По двору ползают, как сонные мухи, монахи. Но они лишь кажутся сонными. Только затронешь их — и они тотчас оживут и начнут выносить сор из избы. Сплетни здесь, ссоры, зависть. И игумен — дурак, и эконо́м — мошенник, и послушаешь, так любой из «братьев» вор и разбойник.

Моральная, внутренняя неопрятность дополняет картину неопрятности внешней. Среди роскошной, чистой природы монастырь с его «братией», святынями и суевериями кажется каким-то отвратительным пятном, зловонной кучей навоза.

Я побыстрее убрался из монастыря и направился на царскую дачу. Так себе домик: перед ним фонтан бьет, вокруг цветы. Все это пустыки, но если бы ты знала, мое золото, что я там увидел... ах, что я там увидел! Такое, верно, уж нескоро увижу снова. Мне очень хочется на этом месте отложить перо, слишком оно слабо и немошно, чтобы описать увиденное. Но ничего не поделаешь, должен писать, потому что это именно то, для чего стоило ехать к Кузьме-Демьяну. Я, моя рыбка, очутился в г о р а х. Величественный горный пейзаж. Грозный Чамны-Бурун подковой обнял глубокую долину, седым гребнем подпер небо. Там, где подкова расходится, долину запирает Чатырдаг. На дне этой отгороженной от всего мира впадины, словно медведь в берлоге, улеглась круглая гора. С обеих сторон ее глубокие-глубокие долины, будто огромные трещины. Все это покрыто такой мощной волной зелени, таким разнозеленым лесом — от черной сосны до светлого бука, все это озарено солнцем или покрыто тенью, так заполнено голубой мглой, что голова кружится и сердце замирает от восторга. А в дополнение ко всему этому с высокой горы несется водопадом река Альма и пенится, и безумствует, и наполняет долину и лес диким шумом. Нехватает только, чтобы олени и дикие козы (а это часто бывает) пришли стадом на водопой к Альме. Не хочу перечитывать написанное, зная, что оно бледно и не может дать представления о роскошном горном пейзаже Кузьмы-Демьяна. Оттого и складываю перо и обрываю путешествие до завтра.

(Окончание следует.)

.. Дорогая моя, я писал бы тебе еще и еще, без конца, но уже поздно, нужно отдохнуть — завтра дорога. Итак, целую тебя крепко и обнимаю. Береги, дорогая, маму. Следи, чтобы она не простуживалась. Поцелуй ее от меня.

Пиши, пиши. Целую всех.

Твой *Муся*.

3 октября [18]96. Алушта.

Добрый вечер, сердце мое! Ведь ты получаешь письма по вечерам.

Сегодня мы не поехали — море бурное. Поедем уже завтра и не морем, а на лошадях. Поэтому неожиданно пишу тебе еще и сегодня из Алушты.

Недавно получил твое письмо, сердце мое единственное. Спасибо тебе за твои письма, которые лучше и длиннее моих, но что поделаешь, не сердись на меня за короткие письма — [верь] больше писать мне некогда. Теперь мы ходим так далеко, я так устаю, а к тому же в последнее время почти ежедневно приходилось писать 2—3—4 письма, не считая писем тебе. Все твои письма получил. Открытки тоже. Пишу тебе, как видишь, ежедневно, хоть и немного. Письма нумерую, чтобы ты знала, не пропало ли какое-нибудь письмо. Из Куру-Узенья мы будем посылать на почту раз в неделю, кажется, по пятницам. Ты же пиши ежедневно и посылай в конвертах столько листиков, сколько можно на одну марку. А когда соберется за неделю на алуштинской почте несколько писем от тебя, их все сразу и получу.

Приехала ли, наконец, уже Лиза? Если и до сих пор не приехала, то обратись, Верунечка моя, к другой акушерке и посоветуйся с ней, что тебе делать. Сделай это, сердце мое, не забудь и не откладывай. Успокой меня.

А я теперь укладываюсь. Кажется, немного вещей, но эти мелочи страшно надоедают, необходимо все завернуть и уложить. А тут еще начальство наше мешает. Говорил с ним относительно будущего. Условились, что снова поеду весной и снова в Алупку. Что ж, там лучше, чем где бы то ни было.

Чтобы не забыть: кланяются тебе Бонза и Имшенецкий.

Пора кончить описание поездки, вероятно надоевшей тебе хуже горькой редьки. В самом деле, растянуть на целые 4 страницы такую безделицу.

Но дочитай, кончаю в двух словах:

После осмотра царской дачи направились мы обратно в монастырь. Тут мы осмотрели церковную лавку с кре-

стиками, книжками, колечками, бутылочками для «святой» воды и т. п. товаром. Здесь я купил себе «Житие Кузьмы и Демьяна», а тебе, голубка, ложку и вилку деревянные для салата на память о посещении монастыря. Привезу, когда приеду.

К вечернему чаю я пригласил монаха, при встрече приветствовавшего меня по-украински. Отец Левко рассказал свою биографию. Он попович из Черкасс. После смерти отца 12-летним был отдан в монастырь, где прожил 50 лет. Не в одном монастыре, а в разных. Видел много горя и обид, знает очень хорошо, что в монастыре не спасаются, а ведут распутную жизнь, что монастырь — зло, однакоже, прожив монахом до старости, привык, да и где искать другого места. Монахов не любит. Он поэт и индивидуалист. Любит лес. С монахами не ест, а сам себе готовит пищу, что-нибудь повкусней, а то и скоромное, как сам признался. Симпатичный человек, и я очень сожалею, что не смог поближе познакомиться с ним, потому что стало смеркаться и нас сразу охватил холод. В пятом часу выехали мы из монастыря, жалея, что так недолго пришлось пробыть там. Туда надо ехать не на день, а хотя бы на неделю. Когда мы выехали из монастыря, лес уже начал угасать. Сырость и темнота подымались из глубоких долин, где тихо лепетала Альма. Горы окрестные почернели, небо стало темносиним, а полумесяц, почти задевавший вершину горы, напоминал, что мы возвращаемся в края аллаха и Магомета...

Вот и все. Еще раз прости, ласточка моя, что так бледно описал тебе эту памятную для меня поездку. Но в письмах, торопясь, трудно рассказать о всем виденном и пережитом. Приеду, — постараюсь дополнить то, чего недостает в рассказанном.

Прости также, что сегодня этим кончаю письмо: нужно спешить на почту, а то очистят ящик, и письмо не уйдет сегодня, чего я не хотел бы. Когда же получу от тебя письмо, Вера моя единственная? Целую тебя крепко.

Поцелуй от меня маму и всех. Если Лиза приехала, — передай ей сердечный привет.

Новостей никаких. Может, у тебя есть? Целую еще раз, рыбка моя.

Спи хорошо.

Не забывай *Муси*.

6 октября, г. [18]96. Куру-Узень.

Дитяtko мое любимое! И грустно мне без тебя здесь, и в то же время рад, что не пришлось тебе испытывать неудобства, которыми мы уже сыты.

Вчера выехали из Алушты во 2-м часу — и лишь после семи доплелись сюда. 25 верст ехали 5 с лишним часов. Шоссе (одна слава, что шоссе) проложено так неумно, что оно все время идет в гору, достигает самого Демерджи, сто раз спускается обратно к морю и сто — снова подымается на крутизну.

Деревьев почти нет, все кустарник да сухая желтая трава. Под вечер стало так холодно, что я вынужден был надеть калоши, дорога из рук вон, пыль немислимая. Измученные, прозябшие и голодные, подъехали мы к Куру-Узеню.

Квартира наша — две комнаты — ничего себе. Во втором этаже. Над нами — третий, где живет хозяин, а вместо двора — крыша кофейни. В каждой комнате — дверь на балкон и одно окно; стены толстые, выбеленные даже, и печь есть, значит, холодно не будет, что самое важное. Я взял себе меньшую комнатку, в которой хоть и есть то неудобство, что из нее двери ведут на хозяйскую кухню, зато в моей комнате не будет столовой, значит, чище будет. Двери из кухни закрыл старым одеялом Бонзы и заставил корзиной, прибил коврик на стену, а к ней придвинул железную кровать (хозяйскую); стол и стул дополняют мебелировку. Даже красиво в комнатке. Температура + 13½. А на балконе еще лучше. Море совсем близко, как в Алуште от почты до берега; над морем с одной стороны усадьба и сад, дальше — мечеть с красивым минаретом, татарская улица и опять море, а с другой стороны пристань, то есть несколько больших лодок на берегу, желтые горы, домики татарские один над другим и краешек Демерджи. Берег моря такой же, как и в Алуште. Вид веселый. Но, как гласит русская поговорка, «хоть жить весело, да есть нечего». Сегодня принуждены были удовлетворяться меннонитским борщом на обед и яйцами. Завтра ждет нас то же самое. Помещик местный был когда-то филлоксеристом и, как ренегат (которого ВВ выгнали со службы), сердится на все, что

имеет хоть что-нибудь общее с комитетом нашим. Следовательно, нечего надеяться на его любезность. Другой помещик — Княжевич, за две версты отсюда — большой барин и тоже не захочет кормить нас, это уже мы заметили, побывав сегодня у него. Ну, так наплюем на них и будем искать простую женщину, у которой мы за плату столовались бы или которая варила нам. Не стоит просить у какого-нибудь там барина одолжения. Лавки здесь есть, в Кучук-Узене даже хорошая, — значит, все можно достать. А не то потеряем, недолго уже, меньше месяца осталось. Недолго, говорю, а самого страх берет, что придется, может, прихватить несколько дней ноября, потому что виноградников здесь множество, десятин 150 или еще больше; поэтому нам сказано, что если не кончим, придется сидеть здесь до тех пор, пока не кончим. Правда, мы приложим все силы, чтобы к сроку кончить: найдем рабочих, не потеряем зря ни минуты, только бы небо не было против нас. Ведь если пойдет дождь, то ничего с ним не сделаешь.

Ходили сегодня в Кучук-Узень. Селение чрезвычайно оригинальное. Вдали — красивые горы (будто бы ялтинские), а над долиной желтый голый холм, с одной стороны которого как бы прилеплены огромные соты — и это б у к в а л ь н о, — так домики без крыш сбились, прилипли друг к другу, один над другим. Я насчитал 11 этажей. Нет ни травинки. Голо. Кажется, опрокинут улей и ты видишь пустые соты. А над этими сотами подымается тонкий минарет с ярко блистающим золотым полумесяцем. Эффектно необычайно. Усадьба Княжевича, особенно парк — как бы перенесены с южного берега. Роскошные кипарисы, плющ, глициния, лавр и т. п. Здесь так красиво, как в каком-нибудь уголке алушкинского парка, только больше культуры, которая особенно чувствуется рядом с азиатским селением, где не знают других экипажей, кроме допотопных двухколесных арб, скрипящих, как у всех честных людей.

В общем места здесь довольно интересные, настоящее татарское царство... но очень и очень хочется поскорее вырваться из этих прекрасных мест к моей дорогой Верунечке... Домой, домой, домой!..

Хожу, как сонная муха. Даже читать не хочется. Живу твоими письмами.

--

До пятницы ждать. Письма твоего ждать. Долго.

Чтобы быстрее прошло время, ложусь спать. Спокойной ночи, сердце мое! Спокойной ночи!

7 октября. Понедельник. Такой бледный, бедный впечатлениями день. Больше всего впечатлений у ног, и если б ноги обладали даром слова, они рассказали бы многое. А то молчат и ноют. Сегодня мы ходили — уймищу! Солдаты обработали больше чем по 100 кустов. Татары возмущаются: что это такое, ходят по виноградникам — и не едят винограда. «Барин, ешь виноград! Солдат — кушай, сколько влезет!.. Кушай, гаварю! Можна!..»

А нам безразлично это «кушай!» Как молния, нет, как табун диких лошадей, мчимся мы по виноградникам, перескакиваем 130 раз через канавы, царапаем руки, ноги и другие части тела, рвем одежду — и бежим, бежим, словно нас гонит что-то. А гонит нас страх, что не успеем в этом месяце кончить. Настроение нервное. Не чувствуешь усталости, прошел бы, кажется, еще столько. Прихожу домой, съедаю наскоро обед — одно блюдо — небольшой кусок мяса, выкуриваю подряд две папиросы и тогда замечаю, что голоден и что у меня болят ноги. Плохо. До сих пор еще не нашли стряпухи. Хотя набиваем желудок яйцами и сыром, но все это не то. При такой интенсивной работе нужно хорошо питаться. Сегодня уже сказал поварам, чтобы готовили нам два блюда. К счастью, у одной татарки (на все селение) нашлось молоко, — значит, будем пить какао.

Погода исправилась. Только тучки на горизонте время от времени пугают нас, все кажется — вот-вот дождь пойдет. Летом у нас была другая психология: бывало, не знаю как ждешь дождя, а теперь в каждой тучке видишь врага. А все из-за Верунечки.

Так, знаешь, странно без почты. Словно на краю света очутился. Ни газет, ни писем. Уже четыре дня нет от тебя известий, а еще ждать четыре, пока получу. А так хочется знать, что делается дома. Как здоровье мамы?

Беспокоит меня неизвестность: приехала ли уже Лиза, или нет; что говорит о состоянии твоего здоровья. Передай ей от меня низкий поклон. Позаботься, сердце, чтоб ей было хорошо у нас, не обременяй ее работой, а

то, когда я прочел в твоём письме, что она должна делать, мне прямо страшно стало за Лизу.

Забыл я тебе описать некоторые детали нашего жилища. С улицы ведут к нам во двор (крыша кофейни) каменные ступеньки, какие можно увидеть на изображениях Венеции, Рима или Неаполя. Лесенка кончается (на крыше) домиком, который неудобно назвать. Другой такой домик стоит на соседней крыше. Кроме того, во дворе есть две каменные трубы, дым из которых, если захочет, свободно может проникнуть прямо в наши двери. Но есть у нас, так сказать, чудо: это дерево (настоящее, живое дерево), растёт на крыше и даже даёт тень...

Хотел бы я нарисовать тебе вид на мечеть, но, право, нет времени. Кончаем работу в 3 часа, а там за обедом, чаем, отдыхом и письмом к тебе проходит все свободное время. Да и после захода солнца, где уж там рисовать. Кончаю письмо: уже десять, пора спать. Когда, наконец, дождусь весточки от тебе? Спокойной ночи.

8 октября, вторник. И снова день прошёл. Бледный, однообразный, похожий на предыдущий. Только усталость, переутомление даже — и больше ничего. И снова поставил я красным карандашом крестик в календаре, зачеркнув день, который прошёл. Кажется, радоваться бы, что прошёл день, что ближе к встрече с тобой, ближе к свободе, а как-то грустно, как-то печально делается, когда подумаешь, что напрасно прошёл день краткой жизни, прошёл без пользы для других и для себя. Ощущаешь ничем не вознагражденный минус — и глубокая грусть невольно охватывает тебя. Когда же будет иначе?

Даже читать не могу, особенно серьёзную книгу. Перед глазами кусты, кусты и кусты; за ними канавы и перелазы, татары и виноград. Вот и завтра собираемся в далекую дорогу — на татарские виноградники Кучук-Узения: верст восемь — десять, а может, двенадцать. Курузенские татарские виноградники почти кончили, осталось ещё на полчаса работы плюс 30 с лишним десятин — у помещика... Да ну их, эти виноградники: я и так пишу тебе такие письма, что можешь смело печатать их в «Ялте» вместо «Отчета о ходе филлоксерных работ». Мне филлоксерист часто представляется одним из паразитов винограда... Опять свое начал. Довольно!

9 октября, среда. Три недели без тебя. 21 день. ...Я шучу, а мне не до шуток. Целую неделю не иметь от тебя ни словечка, не знать, что с тобой, особенно в том положении, в котором ты теперь, очень тяжело, и чтобы понять это, надо самому пережить такую неизвестность. Быть может, у тебя все благополучно, быть может, ты здорова и весела, но меня не удовлетворяет это «быть может». А еще только среда, — два дня еще до пятницы.

Описывать тебе мой день не стоит. Весь он в нескольких словах: работа, усталость и письмо тебе. Всех, и мөннитов и нас, охватила теперь горячка какая-то: все рвутся работать, из кожи лезут, лишь бы кончить все до первого. Всем улыбается волшебное слово «домой». С какой радостью смотришь, как тают виноградники, как их становится все меньше и меньше. Но их еще уйма. Лишь бы хорошая погода была — кончим, бесспорно. А небо что-то предвещает: облачно, даже накрапывало уже. Тихо и тепло. Море шумит. Море так близко от нас, что, лежа в постели, в раскрытую дверь видишь каждую волну, каждую лодочку.

До сих пор варят нам солдаты. Стряпухи не можем найти. Но что гораздо хуже: не можем найти прачку, и я прямо не знаю, как обойтись без нее: особенно носовые платки у меня быстро пачкаются.

Читаю теперь Глеба Успенского. Это один из любимых моих русских авторов. Ни газет, ни журналов не имеем. За Куру-Узенем кончается для нас мир. До пятницы, правда. В пятницу получим около 14 номеров газет, а писем!.. Может, только от Веры — и все. Но это для меня самое главное, — и я не беспокоюсь об остальных.

До завтра, лебедушка моя!

10 октября, четверг. Завтра на почту! Я так рад, как будто бодрее стал! Только что пришел Мирау, говорит — через час-два двинемся на лодке в Алушту. Вот и спешу написать тебе хоть пару слов, обрадовать, что работа подвигается хорошо, что я здоров и свысока гляжу на все неудобства куру-узенской жизни. Вот если бы в мою комнату прилетела весточка от Веры, мне ничего больше не нужно было б. Неизвестно только, узнаю ли из твоих писем обо всем, что меня интересует. Что пред-

сказывает Лиза — или точнее, кого предсказывает? Вполне ли ты здорова, не скучаешь ли? Гуляешь ли, спишь ли хорошо? Читаешь ли что-нибудь? Пишешь ли? Я ничего не знаю, чувствую себя таким несчастным, что прямо самому себя жалко.

Верунечка моя! Я так давно просил тебя быть осторожной, что боюсь, не забыла ли ты моей просьбы. Вот почему и напоминаю. Старайся быть в хорошем настроении. Не грусти, не тоскуй, не скучай. Смотри на меня и бери пример, я в худших условиях, чем ты, а «ничаво», как говорит Виталий. Написал сегодня ему, чтобы вместе ехать через Одессу. Написала ли ты пани Олене? Она недовольна, что ты не ответила ей на письмо. Напиши.

Погода у нас тихая и теплая, хвала аллаху (бога у нас нет, один аллах). Я так боюсь ветров, — они тут страшные, особенно осенние. Если начнут дуть — не каждый день буду ходить на виноградники: мы уже так подогнали работу, что остается немного и спешить незачем...

Не забывай куру-узеньского узника. Пиши.

Поцелуй от меня маму, наших и Лизу: она тоже наша.

Все ли письма ты получила, я их нумерую. Это пятнадцатое.

Какая у вас погода? Сухо ли, холодно?

Будь здорова. Не хочется мне расставаться с тобой, но принужден, — Мирау вот-вот придет за письмами. Еще раз целую.

Твой *Муся*.

НЗ. Табаку не могу заказать — здесь нет машинной крошки, а в связках — плохой.

[Куру-Узень].

13 октября. Сегодня воскресенье. Туман наводит тоску. Каждый из нас сидит у себя в комнате запершись. За весь день, может быть, десятью словами перебросились. Не говорится. Весь день писал письма. Написал Комарову по поводу «Шляхты». Спрашиваю, почему мол-

чит, не пишет. [Дальше Коцюбинский пишет о политике, проводимой галицкими партиями.] Захотелось всем партиям объединиться и выработать программу для совместных действий (только Барвинчуки были в стороне). И вот теперь радикалы заявили, что ничего общего с москвофилами не имеют и вместе работать не станут. Оппозиционеры из лагеря Романчука солгали, сказав, что на выборах будут выступать как отдельная народовская партия, не желая дразнить ни москвофилов, ни радикалов, но, бесспорно, что с москвофилами они заключили тайное соглашение. Вахнянин выступал с речью в Венском парламенте и говорил, как предатель Иуда. С позиций польских панов, пачкал все, что есть лучшего и честного у радикалов и народовцев. В ответ на это посыпались ему ругательные телеграммы с разных концов Галиции. Барвинский чувствует, что почва из-под ног уходит, и готов создать любую партию, пусть даже клерикальную: Словом — ералаш, ничего не разберешь, что там происходит. Кипит, как в котле. Просят дать чего-нибудь для «Життя і слова», а также напоминают, что ждут от меня фотографию.

«Зоря» мало интересна. «Не той став» в следующем номере кончится, слава богу! Скучно, как и начало. «Бобо», рассказ галичанина, невероятная ерунда. Даже искорки таланта незаметно у автора. Некоторые співновки [прибаутки] Руданского очень слащавы, за ними идет стихотворение Уляны Кравченко — «неудобочитаемое». Хроника неинтересная. Еще один номер «Зори» получу здесь — двадцатый, а двадцать первый пришлют уже в Винницу.

Забыл: Сивенький прислал «Земский сборник» № 7 и «Журналн. постановления» за [18]95 г. В сборнике есть интересная статья о болотной флоре Черниговщины некоего А. Ракочи, а в «Постановлениях» о домашнем промысле на Черниговщине. Голубка моя! Помнишь ли ты еще наш план относительно работы над домашн[им] промыслом на Украине? Я не забыл — радуюсь каждому добытому материалу. Ты как-то обещала написать Лысенко о материалах, да и забыла. Ничего, напишешь, когда будешь свободнее.

А как твоя статья об ацетилене? Пишешь ли? Мне очень интересно знать об этом. Твоя работа всех заинтере-

ресовали как в Галиции, так и здесь, и я очень рад за своего любимого автора. Надеюсь, что автор этот когда-нибудь создаст нечто солидное и прекрасное всем на удивление. А я, моя дорогая, хорошо не знаю, начну ли рассказ для журнала «Життя і слово». Нет времени, а главное — несвежие силы, что, бесспорно, отразится на работе. Может, лучше отложить до Винницы, где я буду спокойнее и бодрее. Письма Сивенькому и киевлянам напишу тоже из дому. Хочу раньше повидаться с Виталием и объясниться с ним и посоветоваться. И жду ответа из Киева на последнее письмо свое. Не бойся, голубка, я осторожен — и ни себе, ни делу не поврежу.

Хорошо, что у тебя есть польские книги, только жаль, что такой малоинтересный автор попался тебе. Вильчинский писал давно уже, он не из лучших писателей, хоть и есть у него неплохие вещицы, в основном юмористические, напр. «Dla dobra dzieci» [«Для блага детей»], «Pamiętniki plotkarsza» [«Дневники сплетника»], «Wolę góbości» [«Рабочие волы»] и др.; приехав — сам выберу тебе что получше. А тем временем учись читать. Прочитай Мицкевича, особенно «Пана Тадеуша», кажется том III-й. Очень хорошая вещь.

Читай, пиши, гуляй — только не волнуйся, не грусти, не кисни: настроение должно быть у тебя хорошим, это тебе совершенно необходимо. Попроси от моего имени и наших, чтобы не кисли, не охали и не расстраивали тебя. Ничего чересчур плохого нет, все устроится, все образуется. Не забывай моей просьбы, сердце мое. А теперь до завтра, — утомился, целый день писал. Целую тебя и обнимаю.

14 октября, понедельник. Начали работу у Княжевича. Выходила к нам старая барыня — «генеральша» и ее сынок «чиновник особ[ых] поруч[ений] при губерн[аторе]», «почетный мировой судья», «помещик», пшют, дурак etc. Они такие несимпатичные, такие глупые, невоспитанные, псевдоаристократы. Не знают даже элементарной вежливости. Не спросив, понимает ли кто-нибудь из нас по-французски, «генеральша» говорит с сыном только на этом языке. Я демонстративно хотел было обратиться по-молдавски к Бонзе, но удержался, — не стоило. Упорно звали обедать. Сегодня кое-как выкрутились, а завтра все же пойдем, хоть и не хочется. Какая-то

глупая деликатность одолевает тебя иной раз и не можешь отказать и делаешь то, что не по душе. Прямо злость берет. Придется завтра натянуть на себя костюм посвежей, выглаженную рубашку и слушать за столом всякую чепуху из уст «ее превосходительства». Да ну их! Жалко на них и времени и бумаги.

Около двенадцати туман исчез и стало припекать солнце. А на душе и до сих пор туман. Так отчего-то не весело, нехорошо так. Никак не могу привыкнуть к холостяцкой жизни, она просто угнетает меня. Раньше, когда я еще не был женат, казалось, будто у меня волчья натура, требующая одиночества; теперь, познав роскошь общения с родной душой, не переношу этого одиночества. Каждая минута кажется вечностью. Время ползет так медленно — как никогда. Собираю всю энергию свою, чтобы что-нибудь делать и не киснуть. Принимаюсь за чтение, но скоро надоедает. Временами рад усталости. А уставать опять стану больше. Оказалось, что мы переборщили, торопясь кончить, и у нас нехватит работы до конца месяца, так как погода и не думает портиться. Потому, верно, осмотрим виноградники в с. Улу-Узене в двенадцати — пятнадцати верстах отсюда. Ходить придется очень далеко, да что поделаешь. Если будет плохая погода, ветер например, я не пойду, а поеду на работу. Найму себе двухколесную арбу, запряженную волами, и на этом скрипящем инструменте и поеду.

Забыл тебе рассказать, что неожиданно получил письмо от госпожи Немцевич. Странная дама! Просит подвезти, когда буду ехать в Ялту, знакомую ее — Ремневу, ту, у которой она рекомендовала нам квартиру — на базаре, — помнишь? Пришлось написать, что вряд ли смогу это сделать, так как из Алушты предполагаю двинуться на мальпосте, как же я ее подвезу? Немцевич с женой обещают приехать 31 с. м. в Ялту, чтобы повидаться со мной. Я просил его привезти с собой венгерского вина, хочу взять домой.

Ну, целую тебя. Не забывай, пиши чаще, хотя бы несколько слов, лишь бы я знал, что с тобой и как ты себя чувствуешь. Я твоих писем жду всегда как солнышка, как единственного своего счастья здесь, в чужой стороне. Целую тебя. До завтра!

15 октября, вторник. Слава богу, прошел еще один день — и к тому же не из приятных. Обедали у Княжевичей. Было большое общество, шесть или семь старых барынь, которые говорили только о Ницце, Ривьере и Париже, военный из генерального штаба с бледной во всех отношениях женой и мы. Лакеи — во фраках, грязных манишках и засиженных мухами белых галстуках. Бритые, с кислыми физиономиями. Все претендует на шик, а напоминает второразрядный ресторан. Обед: борщ с кашей, голубцы, цыплята и сладкое. На балконе кофе с ликерами и бесконечные разговоры о заграничном комфорте и развлечениях, причем, как бы случайно, упоминаются князья, графы и сенаторы — знакомые. В комнате висит скука. Все такие неинтересные: заранее знаешь, кто что скажет. Кажется, всех где-то уже видел, знаешь, — такие все обычные, ординарные, без определенного лица. Приглашали и завтра обедать, да мне не хочется и, наверно, не пойду.

От глупых разговоров, вина, шартреза и кофе разболелась голова. Хорошо бы покататься на лодке, освежиться. Жаль, что нет здесь лодки, хоть пройдуся по воздуху.

Погода необычайно хорошая. Все лето не было такой погоды. Тепло, даже жарко бывает, тихо и хорошо.

Знаю, что поморщишься, если скажу: до свидания, так как сегодня больше не могу писать. Да что поделаешь, если голова болит и прямо ни одной мысли не выжму. Не сердись. Пишу хоть несколько слов. Целую тебя, рыбка моя, мое счастье!

16. Среда. Добрый вечер, голубка! Пишу вечером, оттого так и приветствую. И опять не ушли мы сегодня от злой судьбы: только собрались кончать работу, нарочно далеко отошли от дома, как бежит лакеишко с приглашением на обед. Хочешь — не хочешь, пришлось идти. Сегодня я чувствовал себя уже лучше, знал уже, чего мне от каждого ждать, и хоть сам говорил мало, но удачными репликами расшевелил общество и узнал у каждого все, что мне нужно было, чтобы лучше представить себе физиономию собеседника.

Сколько там навоза, мусора и всякой гадости, если бы ты знала, моя милая!

Рабы и холопы любых властей, они курят фимиам

земским начальникам. Хотя бы одна благородная мысль, хотя бы одно человеческое слово! Абсолютно ничего.

В библиотеке, полной старых книг, висят портреты почтенных предков; смотрят они умными глазами на жалких потомков, которые не только не создали новой библиотеки, но и старую отдали мышам на съедение. А потомки развлекаются: построили в парке летний театр и во время представлений разрешают татарам постоять поодаль от «благородной публики», а для порядка приглашают десятских и урядников!!

Вернувшись домой, снова попал из огня да в полымя. Разговорился с Бонзой, и между прочим коснулись англо-ирландских отношений. Сначала он был против англичан, сыпал общелиберальными фразами, а затем сказал, что если б его спросили, то он не согласился б на свободу и самостоятельность для Крыма, Польши, Кавказа, Украины. Тут уж я (к сожалению) не выдержал и обругал его как следует, так что мой Бонза сразу затих, стусевался и теперь все время старается загладить и присыпать либеральными фразами болото нетерпимости, в котором погряз по самые уши.

...От всего этого — такого плохого — перейду к хорошему, — к погоде. Просто удивительно, какая у нас осень. Собственно — никаких примет осени не видно: всюду зелено, море тихое и синее, на небе — ни облачка, и тепло так, что все ходят по-летнему. Днем пригревает изрядно, будто летом. Хоть бы продержалась хорошая погода весь месяц, а то, как вспомню прошлогодний осенний ветер, прямо страх берет.

Завтра кончаем у Княжевичей. Послезавтра едем (едем, а не идем) в Улу-Узень, где кончим работать в субботу. Итак — 3 дня праздников, а там работа в Куру-Узене, а там через Алушту в Одессу и к моему дорогому дитятке. Хоть бы скорее!

Целую тебя. До завтра, дорогая! До завтра! Пожелай мне доброй ночи.

Дитятко мое родное! Только что получил от тебя письмо, и таким теплом на меня пахнуло, словно письмо это пришло не с севера, а с юга.

Вот только переболел душой за тебя, голубка моя. Быстрее б ты поправилась, стала веселой и счастливой, чего ты вполне заслуживаешь.

Взял сегодня фотографии у Попова. Плохие, совсем меня не удовлетворили. Сравниваю их и не знаю, которая хуже. Обе хуже, кажется. Завтра pošлю их тебе заказным письмом (посылкой хоть и дешевле на несколько копеек, но мне не во что снимки завернуть); итак, выбери, сердце мое, одну из них, или, может, тебе обе понравятся, или, может, забракуют обе. Меня они не удовлетворяют.

Новостей никаких. Никто не пишет, дни проходят у меня удивительно однообразно, без особых впечатлений. Сегодня, правда, получил письмо от Когена: пишет, что приедет в понедельник (8-го) и привезет деньги. А пока просит меня взять мое жалованье из кассы. Это довольно трудно, по правде сказать: касса пуста. Хвастает же Коген, что его дела хороши.

Я понемногу собираю материалы для повести о газете. Трудная только будет эта работа; чем больше думаешь над планом повести, тем более широкие горизонты открываются. Оказывается, наша газета — чересчур маленькая фабрика, чтобы брать ее за прототип. Она даже не типична, и скорее несет от нее стоячим болотом. Однако я не теряю надежды использовать и имеющееся под рукой. Это такая тема, что никто и не слышал, чтоб она кем-нибудь разрабатывалась. Свежая и оригинальная. Посмотрим, что выйдет. У меня уже и фабула складывается. Покамест не буду писать тебе о ней, — это плод еще не выношенный.

Уже собрал около сотни газет (по номеру каждой) и хочу составить характеристику ежедневной печати. Может быть, ты прочитаешь в каком-нибудь из журналов что-нибудь, относящееся к характеристике или развитию печати в России, напиши мне об этом. Вообще просмотри журналы, если будет время и охота, и отметь все интересное.

Пока же целую тебя, твой *Муся*.

Поцелуй наших предков и потомков.

Пиши и не болей. До завтра!

10.XII [1897]. Среда.

Голубка Верунечка!

И сегодня получил твое письмо, и сегодня благодарю за него и целую. К тому же еще и поздравляю с выходом на воздух. Только если у Вас такой холод, как у нас, то лучше не выходи из дому до тех пор, пока полностью не поправишься. У нас два дня холодище, мороз с ветром. Градусов, верно, 18. Я даже не иду сегодня гулять, хотя доктор настаивал, чтобы я гулял ежедневно, так как это необходимо и для ноги, мускулы которой могут атрофироваться от сиденья, и для моих нервов, которые, по его мнению, нуждаются в укреплении. Нужно слушаться добрых советов; доктор, несмотря на то, что он доктор, мне понравился. Видно, очень знающий и добросовестный. Наконец все так о нем говорят. Дал он мне очень много полезных советов, советовал обратить внимание на сон и покой. Но, кажется, легче давать советы, чем их выполнять. Какой здесь у меня покой. Вот и сегодня резко поговорил с Фидлером, едва не поссорился. Я, улучив свободное время, взялся за «Свет и тени» и дал для завтрашнего номера статью; а редактор не соглашается с моими взглядами на этот вопрос, и нам пришлось долго спорить и ссориться. Хотя я и отстоял половину статьи, но более интересная часть погибла. Фидлер вычеркнул, опираясь на свои права ответственного редактора. Вот и пиши! Я охотно отказался бы писать «Свет и тени», да не могу, — это входит в круг моих обязанностей. А писать так, как мне скажут, я не хочу, да и не в состоянии.

Все эти придирки редактора я предвидел, зная его взгляды на газету и отношение ко мне, но от этого мне не легче — приходится портить себе кровь.

Я так сегодня разнервничался, что, должно быть, и писать не буду. Пойду, может быть, к Кравченко немного развлекся. Погляжу — что за человек. Завтра обрати внимание на «Свет и тени» — это мои. Не знаю, правда, выйдут ли еще, может быть, цензура не пропустит, хотя они и подрезаны редактором.

Э, чорт с ним, с таким писанием, в таких условиях.

Чуть ли не всё письмо заполнил всякой дрянью. Прости меня, дитя мое единственное! Но жизнь складывается неважно.

Я здоров. Ем все же с аппетитом, несмотря на неприятности. Обо мне не беспокойся. Живу надеждой на скорую встречу.

Денег в кассе нет. Когена нет — сегодня телеграфировал Когену.

Целую тебя крепко.
Всех наших целую.

Твой *Муся*.

8

11.XII [18]97. Четверг.

Дитя мое единственное, милая Верунечка! Если б ты знала, как я зол на себя! Захотелось мне пойти развлечься немного, а вместо этого только проскучал. Пошел я к Кравченко, знакомому «генерала», а по дороге забежал к нашему конторскому полячку, — живет в одном доме с Кравченко. У полячка было скучно, даже очень. Насколько он сам симпатичен, настолько жена его не понравилась мне: неинтеллигентна, неинтересна, настоящая корова (прости за выражение!). Упрашивали снять у них две комнаты и столоваться, так как это будет очень дешево мне стоить, но я, конечно, отказался. Посидев полчаса, пошел к Кравченко. Тот сразу вцепился в меня и начал читать свои произведения, написанные по-русски. Глупо, неграмотно и неинтересно. Чтение начал с маленькой тетрадки, потом, не дав опомниться, вынул из шкафа более толстую тетрадь, затем еще более толстую, а затем вытащил такую уйму исписанной бумаги, что, право, без преувеличения, можно было бы две зимы этой бумагой топить все печи в квартире. Увлекаюсь, не давая ни себе, ни мне вздохнуть, не давая слова вымолвить, он все читал и читал всякую чепуху до 12 часов ночи; я еле вырвался.

Кравченко, должно быть, человек очень добрый и искренний, но весьма ограниченный.

Посылаю себе номер «Волыни», с моей заметкой («Свет и тени»). Она подрезана. Сегодня выдержал настоящую баталию с редактором. Для завтрашнего

номера я снова дал статью, удачно написанную, с хорошо освещенными фактами. Поэтому-то она очень не понравилась редактору (он, очевидно, завидует мне), и он вычеркнул все вступление к заметке и написал свое. [Он заявил], что, по его мнению, статья написана нецензурно. Я рассердился и сказал, что не желаю подписываться под переделанной статьей и вообще в таких условиях не хочу писать. Мне вполне достаточно одной цензуры, если уж без нее нельзя обойтись.

Перепалка была горячая и кончилась тем, что мы поссорились. Жду Когена и должен все выяснить. Одно плохо — это худо отзывается на моих нервах: я очень изнервничался.

Моя голубка! Тебе понравились фотографии Попова, и ты советуешь заказать дюжину. Не лучше ли было бы заказать шесть, а в Чернигове снова сфотографироваться. Может быть, мы бы там лучше вышли. Как ты считаешь? Шесть штук я закажу обязательно, а другие шесть, когда ты сообщишь свое мнение.

Массаж еще не начинал делать, некогда. Просто вздохнуть некогда! Хочу написать несколько слов Виталию, поэтому тороплюсь кончить. Целую тебя. Не забывай Муси. наших всех целую.

9

14-го XII [1897]. Воскресенье.

Беда, голубка, с этими знакомыми! Только сел писать, прибежал Кравченко, наполнил шумом всю мою комнату, наболтал три короба. Симпатичный человек, вероятно добрый и искренний — только неинтересный. Так-таки и не дал мне писать. Уже девять с половиной часов вечера, а я еще должен написать тебе и отнести письмо.

Здоровье мое немного лучше, хоть я еще не совсем здоров. С утра чувствовал себя бодрее, бегал в контору, заказал шесть карточек у Попова (будут к воскресенью) и даже сфотографировался у Корицкого. В понедельник обещал дать пробную карточку.

Так прошло у меня время до обеда, а после обеда пришлось сесть за «Свет! и тени», так как два дня ни-

чего не давал. «Св[ет] и тени» вышли у меня «инородческие» — все полно туземцами Сибири, боюсь только, что Фидлер снова окорнает, а было б жаль. Интересно.

Словом, у меня так часто пропадают вечера, что до боли обидно. Я прямо затосковал. Хочется писать — и нельзя, некогда. Опять же и Когена жду завтра или послезавтра. Опять, вероятно, будет отнимать у меня свободное время по вечерам.

А тут мне еще тоскливо без тебя, без вас всех, не знаю, как жду этого 23-го, когда предполагаю выехать. 24-го утром, значит, буду дома, — вот когда буду вполне счастливым...

Хотя не болеть бы, а то я не хочу быть кислым дома. Уж я и берегусь, но все же что-то нездоровится.

Ты знаешь, моя рыбка, что нет у меня времени читать. Кроме газет, ничего не читаю, да и газеты читаю не как следует, не все, а лишь то, что мне для моей работы нужно. Прямо можно одичать от этого газетного наводнения.

У нас такая погода: то был страшный холод — чуть ли не 20°, а теперь поднялся такой ветер, что прямо гудит. Принужден закутаться теперь, отправляя тебе письмо, чтобы, чего доброго, не простудиться.

Пусть мама не волнуется, письма и от Лени и Фомы будут. Поцелуй от меня маму и попроси не волноваться.

Что тебе привезти, дитяtko мое, на елку? Скажи мне по секрету на ушко. А пока целую тебя, друг мой. Твой *Муся*. Всех целую. Пришли «Зорю». Целую еще.

10

15.XII. Понедельник [1897].

Сердце мое! Ты меня так расстроила известием, что не получила в субботу ни моего письма, ни газеты. Я каждый день пишу и каждый день самопускаю письма в ящик. Не было дня, чтобы я тебе не писал. Этого быть не может, чтобы письмо пропало, возможно, почта запоздала почему-либо, и ты в воскресенье получишь сразу 2 письма и 2 номера газеты. Очень мне это неприятно, очень досадно. Никогда

письма не пропадали — было бы странно, если б это письмо и даже газета пропали.

На всякий случай посылаю тебе второй экземпляр газеты от четверга, ведь там мои первые «Свет и тени».

С этими «Светом и тенями» настоящая беда. Приходится быть очень осторожным, не проявлять себя, хотя временами так и подмывает осветить как следует факты. Обрати, голубка, внимание на завтрашнюю мою заметку об якутах. Сами факты так любопытны, что и освещать их не надо. Фидлер, вероятно напуганный моим отказом вести этот отдел газеты, принял статью, хоть и очень вертел носом: «Это положительно нецензурная статья... Это слишком смело, слишком сильно, в особенности для нашего края... Киевские газеты ни в коем случае не поместили бы такой идейной вещи... Впрочем, я возьму... у нас цензура слишком глупа, может быть, пропустит...»

Посмотрим, пропустит ли; мне хотелось бы — факты уж очень интересные.

У вас холода, а у нас сегодня оттепель, страшно мокро, скользко, тает.

Мое здоровье не улучшается, но и не ухудшается. По утрам у меня легкий жар — да и сил не очень много. Однако я держусь, не поддаюсь, работаю, как и каждый день, вот только по вечерам не могу писать. Лежу и читаю или так — отдыхаю. Все это пустяки. Пройдет день-два, и все будет хорошо. Домой приеду здоровым. А вот ты, Верунечка милая, не очень бегай. Ты уже простужена немного, и тебе следует беречься.

Завтра ожидаю Когена. Хорошо было бы, если б он меня отпустил раньше, чем через два месяца. Поговорю.

Надеюсь, что все переменится к лучшему, кончаю это коротенькое письмо. Нужно бежать в контору. По дороге опущу в ящик.

Целую тебя и обнимаю. А вот тебе стихи, именно тебе!

В тихім повітрячка чистого лєскоті
Все мені, поступ твій милий вчувається;
Білої хвілоньки в мёрському плескоті
Перс твоїх хвиля неначе здіймається.

В шелесті ніжнім гнучкої топбленьки
Мариться шепіт твій милий, живісенький,
В цілому світі не знаю дбленьки,
Крім тебе, друже, коханий, однісенький.

Ти мое сонце, південне проміннячко,
Місяць сріблястий, зірка тихесенька.
Ти — моя радість і горе-боліннячко,
Ранок мій ясний і нічка темнесенька.

Целую тебя, твой *Муся*. Наших всех целую.

11

19.XII [1897]. Минель, 22.

Сердце мое! Наши снимки будут готовы в воскресенье, моя пробная — в понедельник. Все привезу.

Я, мое дитятко, почти здоров, только немного утомлен образом жизни, который приходится вести: весь день работаю, не отдыхая, обедаю поздно, а потому ем холодное и невкусное. Так хочется хоть на несколько дней вырваться из этого пекла!

Здесь у нас Льдов, поэт из Петербурга. Он читает лекции о Пушкине, Фете, Лермонтове и других — дает их в мистическом освещении, припелл зачем-то к поэзии бога и думает этим заинтересовать публику. Сегодня он был в редакции и всучил мне бесплатный билет на лекцию. Не пойду, жаль вечера, да и неинтересно все это. А ну его с его лекциями!

Когена нет. Сегодня пишу ему, чтобы, если не приедет сюда, выехал ко мне в Киеве на вокзал для переговоров.

Новостей у меня никаких. Никто не пишет, и я никому.

В воскресенье жду Боровиков, не знаю только, приедут ли.

Вчера ходил к Мачтету и снова не застал дома. Чорт знает что, никогда его не бывает дома.

Меня что-то удерживает: не пиши, не пиши, вскоре увидишься и все расскажешь.

Ой, уже шесть, надо бежать, а еще письмо Когену!

Вот так у меня: всего час, как пришел из конторы, и уже опять бежать, а вечером нужно писать «Свет и тени», — днем некогда.

Целую тебя, сердце мое! Поцелуй от меня маму и всех наших.

Твой *Муся*,

Сегодня послал тебе 50 руб.

Аккуратно ли получаешь «Вольнь»?

1 января. [18]98.

Первое поздравление получил я от тебя, моя единственная. Утром, в шесть часов, получил я телеграмму — тогда именно, когда ты мне снилась, сердце мое.

Мне снилось, что приехала ко мне на новый год с Богданкой, и пока я, не одетый еще, целовал и поздравлял тебя, Богданка стучит в дверь, чтоб ее впустили. Это стучал разносивший телеграммы. Спасибо тебе, Верунечка, за память, спасибо за телеграмму, хоть еще больше благодарил бы за письмо, которое я сегодня с таким нетерпением ждал, но не получил. Сегодня ты уже два моих письма получишь, а я ни одного. Потерплю до завтра.

Только что выпроводил визитеров — Кравченко и Чебанова. Сказал им, что не буду отдавать визит, так как это против моих убеждений. Кравченко уже что-то написал (наверно, в 2-х томах) за эти дни и звал послушать. Говорит, что и меня там вывел. Вот опасный человек, сущий писатель. Не пойду сегодня, неинтересно. Чебанов просидел около двух часов, рассказывал о себе и о своем намерении дать концерт в Чернигове, а потом поступить на императорскую сцену, а потом выйти на пенсию, а потом поселиться где-нибудь в женином (новой жены) имении и тому подобные розовые мечты начинающего артиста.

Звал к себе посмотреть на дочку.

Вчера встречал новый год с Мопассаном. Читал «На воде». Какая это прекрасная, чарующая вещь, сколько в ней поэзии, живой мысли, блестящих мест и красок! Чудесная вещь, стоит перечитать. Я уже кончил книгу и вышлю тебе посылкой.

Деточка моя! У меня к тебе просьба: пришли мне сейчас же, как только получишь это письмо, оба «Путеводителя по Крыму» — и Головкинского и Москвича. Если ты не найдешь путеводителя Москвича, то возьми где-нибудь, его можно достать в Чернигове. Он мне очень нужен из-за татарского словаря, помещенного в конце книги.

Обе книги необходимы мне для небольшого рассказа в сборнике в честь Франко, я хочу написать рассказ и

посвятить Франко. Чем скорее ты пришлешь, тем скорее я напишу.

Неужели и завтра не получу письма от тебя?

Так хотелось бы узнать о всех вас, все ли здоровы и веселы... Завтра обязательно должно быть от тебя письмо.

Пишу несколько слов Богданке и Лизе. Передай им. Завтра опять напишу тебе, а пока целую тебя, сердце мое.

Твой *Муся*.

Наших всех поцелуй.

13

4.1 [18]98.

Я даже повеселел, моя дорогая Верунечка, получив от тебя такое бодрое, хорошее письмо. А то мне так грустно было читать твои письма, какой-то такой безнадежностью веяло от них, что я не знал, что и думать.

Сегодня и я повеселел после твоего письма. Вчера же так мне было тоскливо, что я должен был развлечься. Ходил в театр на концерт, который давали студенты в пользу недостаточных товарищей. Первое отделение прошло отвратительно, зато все второе — очень хорошо, прослушал с удовольствием. Публики было полным-полно, после концерта танцы, но я, посмотрев на них с полчаса, поехал домой.

Всю ночь снилась музыка, особенно скрипка, прекрасная певучая скрипка. Это был лучший номер программы. Посылаю тебе программу.

Сегодня ходил фотографироваться к Попову. Фотографировал дважды, одна голова будет на карточке. Завтра увижу негативы.

Только начал писать письмо, как влетает Кравченко и тащит к себе. Насилу отпросился, чтобы написать тебе письмо, голубка моя; через полчаса прибежит опять и потащит к себе. Сушная беда. Он и завтра тащит меня к себе — на кутью. Пришлось согласиться, хотя у меня мороз подирает от одной перспективы слушать творения Кравченко. Но не минет меня «чаша сия».

Писем снова ни от кого. Получил лишь новогоднюю карточку от госпожи Сивой. Сивый почему-то не вложил своей.

От Когена — ни словечка. Это меня беспокоит, придется написать ему, напомнить его обещание отпустить меня раньше договорного срока. Сердце мое, мне так захотелось бросить Житомир и «Волынь», что и впрямь послушался бы твоего совета и приехал в Чернигов раньше, чем получу должность. Хотя и очень неприятно сидеть без службы, а все-таки я согласился бы и на эту неприятность, лишь бы вырваться отсюда.

Целую тебя и обнимаю. Пиши, твой *Муся*.

Маму и Лидю целую.

Знакомым поклон.

А что, «Зоря» пришла?

14

9.1 [18]98. Минель, 22.

Не было сегодня письма от тебя. Это, верно, пакостная почта виновата, ведь и ты не получила 6-го от меня, хотя я каждый день аккуратно пишу тебе, звездочка моя. Если бы какое-нибудь письмо запоздало или не пришло, так и знай, деточка, что это не моя вина, и не сердись на меня.

Время у меня уходит как-то по-глупому, не успеваю и оглянуться, как день прошел. Это сидение в редакции по целым дням ужасно раздражает меня, я устал, кисну и не могу вечером быть свежим и взяться за работу. Да и вечер у меня очень короток: прихожу домой иногда в половине девятого — пока чай, пока письмо какое-нибудь напишу, гляди, уже и десять, — до двенадцати всего 2 часа. Ну что за эти 2 часа сделаешь, усталый, равнодушный ко всему, а иногда и вынужденный просмотреть еще до двадцати газет, которые днем не успел прочесть.

А тут мне еще эти «Свет и тени» — совестно как-то не давать их вовсе, а интересного материала так мало, так мало. То есть можно было бы найти немало интересного, но тогда надо действительно дать свое освещение, а для этого нужно проявить себя в настоящем виде, мне этого не хотелось бы, потому что проявлять себя

в «Волыни» не стоит. Как ни невинны мои компиляции (ведь там совсем не видно меня), а «Эф» все ворчит и называет цензуру сумасшедшей, что она пропускает такие вещи. Что бы это было, если бы бог дал свинье рога! Если бы «Эф» да был цензором.

Вот и на завтра я дал заметку о штунде и сектантстве на Украине — редактор надулся и замогильным голосом уверяет меня, что цензор обязательно выбросит статью. Может, и выбросит, посмотрим, хотя там опять таки нет меня, я и там, как и везде, ограничиваюсь общими мыслями. Понятно, при таких условиях работать в газете — одно мученье!

Писем нет. Были только новогодние карточки от Львовича.

Я здоров. Массажа еще не делаю. Завтра уже обязательно начну. Ходил искать массажиста и не нашел. Пойду еще поищу и условлюсь наконец.

Завтра же думаю выкупаться.

Подшил, наконец, одеяло, хотя это нелегко мне далось: не умею — и все; подшивал ровно 2 часа, прямо устал. Зато теперь роскошествую под одеялом.

Так мне неприятно, что нет сегодня известий от тебя. Я так привык получать от тебя хоть несколько слов, хоть открыточку, а тут ничего нет, пустота такая, неизвестность.

Как же ты, сердечко мое, здорова ли, весела ли, много ли приходится работать?

Целую тебя, сердце мое, Верунечка милая. Поцелуй маму, сына и Лидю.

Твой *Муся*.

Пиши.

Ты называешь меня «делопроизводителем», дорогая Верунечка, но я стал с некоторых пор Фомою неверным, и пока не вложу руки в раны, не могу быть полностью уверенным. Из письма твоего видно, что обо мне все же думают; плохо лишь, что медлят с назначением, — потому что 2 недели — срок долгий, и к тому времени могут и забыть обо мне. Но все же, как видно, есть шансы, — могут и назначить.

Спрашиваешь, тянет ли меня в Чернигов, злая! Я рвусь всей душой к тебе, мне тут плохо, тяжело, я себя чувствую таким одиноким, так обидно жить врозь. Если об этом не всегда пишу, то только для того, чтобы тебя не огорчать.

Я очень рад, что кончаются наши мытарства, но буду счастлив, когда они уже кончатся.

Бесспорно, свинства в управе много, его, вероятно, везде немало, но все же, если держаться в стороне от этого свинства, что я и собираюсь делать, то по крайней мере сам в нем не будешь замешан. Мы с тобой, дитятко, найдем другие интересы, вне управы, будем читать, писать, встречаться с людьми, интересующимися общественной жизнью, литературой, наукой. Лишь бы было немного свободного времени, лишь бы не изматываться до переутомления. Уж одно то, что мы будем вместе, даст мне новые силы и новое желание работать.

Когда б уже домой.

С Когеном я не церемонюсь, только привез бы уж деньги.

Проклятый «Эф» сделал мне пакость, разбив статью Мордовца на две части. Она не производит того впечатления, какое могла бы, если была бы помещена целиком.

Хотя, правда, хорошо и то, что он не очень возражал и все-таки поместил, чего б киевские или одесские газеты никогда не сделали в своей слепой ненависти ко всему украинскому.

Плохо, сердце мое, что все уезжают; как ты справишься одна без Лиди, без мамы, без Лизы. Может быть, ты бы кого-нибудь пригласила на это время, Дашу например.

Надо все же и за обедом присмотреть и с ребенком побыть. Кто же это все делает? Ведь тебе нужен теперь покой и комфорт. Сделай что-нибудь, сердце мое, чтоб тебе было легче, чтобы я не беспокоился тут о тебе.

Почему ты не пишешь, надолго ли уехала мама, когда возвратится. Напиши. Не писал ли тебе кто-нибудь? Что Вася, пишет ли, или нет?

Я здоров. Ежедневно делаю массаж.

Целую тебя крепко, твой *Муся*.

Мамы и Лиди это письмо, вероятно, уже не застанет.

14 февраля [1898].

Сегодня мне грустно, дитяtko! Не получил от тебя письма. Думаю, потому, что ты, вероятно, вложила письмо в посылку, а посылка запоздала, как обычно. Завтра, вероятно, получу.

Был в театре вчера, слушал «Норму». Опера мне не очень понравилась, да и скучно было, весь вечер тебя вспоминал и говорил о тебе с Кравченко. В этом одно мое утешение.

Получил сегодня письмо из Винницы. Мама пишет, что до сих пор еще не виделась с Недзведским, хоть и посылала ему письма и телеграммы. Не знает, успеет ли все сделать до 17-го, поэтому пробудет в Виннице еще с неделю...

Сегодня я бездельничаю с двух часов. Обедал опять у Кравченко, а вечером пойду с ним в библиотеку слушать пение акцизников. Пробуду там час-два — и домой.

Ничто меня не развлекает, так я рвусь в Чернигов и в последнее время все больше и больше тоскую без тебя. А с Когеном беда, — пропал, ни слуху ни духу. Хоть плачь. Завтра пишу ему ругательное письмо, если только руганью его примешь. Верно, продержит меня тут до 25-го.

Обрати, сердце мое, внимание на сегодняшний номер «Вольни», на отдел библиографии. Он весь украинский. Я очень рад, что поместил заметку про «Вісник». Сделал, как видишь, это так ловко, что указал адрес, содержание и цену, а также упомянул, что цензура пропускает его на Украину. Я уверен, что после этого сообщения многие подпишутся на «Вісник». Нашли себе рецензента, некоего Пясецкого, учителя гимназии из Варшавы, который будет давать рецензии на украинские книги.

И это хорошо.

Как же тебе живется, дитяtko мое милое, здоровы ли мои дети, — целую вечность, кажется, нет от вас известий, а прошел один день...

С нетерпением жду завтрашнего дня — когда получу весточку от моей дорогой. А пока — целую и обнимаю.
Еще раз целую.

Как всегда твой *Муся*.

Богданку и Лизу целую. Марине поклон.

17

Неаполь. 30 мая по нов. стилю, вторник. 1905.

Еще вчера вечером приехал, но не успел написать тебе, мое сердце Верунечка. Очень устал и сразу лег спать. Остановился в каком-то коммерческом отеле, грязно, но в хорошем месте на [площ[ади] Гарибальди и из окна виден Везувий. Вечером на вершине горят два потока лавы. Сегодня осматривал город и даже ездил на лодке по морю. Ну, знаешь, в Крыму море гораздо красивее. Тут оно какое-то серое и небольшое, так как это залив. Может, потому, что погода серая, небо в тучах и ветер. Тепла нет. Море недоступно: берег взят в каменные стены и подойти к морю нельзя. Что меня больше всего поразило здесь, это уличная жизнь. Везде — и в Венеции, и во Флоренции, и в Риме — жизнь европейская, более или менее спокойная. А тут ад, цыганский табор. Такой крик на улицах, что себя не слышишь. Все и всё стараются как можно больше шуметь. Люди не говорят, а кричат, — хоть уши затыкай. По улицам ездят пианино и играют, извозчики щелкают бичами, будто стреляют, продавцы поют, как муэдзины в Крыму, ослы кричат, желтые козы стадами бродят по улицам и тоже кричат и звенят колокольчиками. Прямо ад. Детей — табуны, они кричат и кувыркаются, как черти. Все в движении и кричит. Завтра еду осматривать Помпею и лучшие уголки Неаполя. Пробуду здесь с неделю или 9 дней. Я здоров. Жду писем, которые перешлет Сембратович. Написал ему. Как там дома? Скучаю. Поцелуй маму и детей.

Пиши на Сембратовича.

Целую. Твой *Муся*.

21.VI. Кононовка [1908 г.].

Дорогая моя Верунечка, отвечаю тебе на три твоих письма, которые я получил сегодня все сразу. Очень, очень благодарю тебя, что, несмотря на все хлопоты, не забываешь и пишешь часто.

Не писал тебе последние два дня — был в дороге: ездил в Лубенский уезд на ярмарку, затем в Лубны, а в дороге трудно писать. Поездкой очень доволен. Ярмарка не в селе, а в долине среди высоких гор, возле какого-то святого источника. Местность исключительно красивая, а ярмарка необычная, такой я никогда не видел. Съезжается туда множество народа из разных деревень, даже издалека, и все для того, чтобы всю ночь не спать. Каждая деревня разбивает свой лагерь, разводит костры и всю ночь поют хором. Поют все горы, поет долина, горят костры на земле и свечи на рогах волов. Нечто очень оригинальное и красивое. Когда увидимся, расскажу. Лубнами очень доволен, местность прекрасная, гулял и катался по Суле, которая, может, даже красивее Тетерева.

Я здоров, Верунечка, загорел и пополнел. Лучше всего действуют на меня прогулки (часов 8 на воздухе) и то, что я во-время ем и берегу свои нервы, сохраняю спокойствие и равновесие. Словом, стараюсь поправиться. Думаю, останешься довольна мною.

Пришли мне денег, рублей десять*, потому что моя поездка кое-что стоила, кроме того пришлось в Лубнах купить калоши, — старые развалились, текли и набирали грязь, а без калош здесь нельзя, чуть ли не каждый день дождь и очень холодно.

Представляю себе, сколько у тебя хлопот; как это досадно, что выпали они как раз на твои каникулы. Закончив «козьи» дела, ты должна отдохнуть. Это просто возмутительно, что один человек работает за всех.

Пиши мне, Верунечка, с таким расчетом, чтоб я получил письмо еще 27. Завтра или послезавтра напишу

* Почт. ст. Тепловка, Пирятинского уезда, Полтавской губ., с. Кононовка, Е. Х. Чикаленко для передачи мне.

больше, а теперь хочу спать, — устал от дороги, а надо рано встать — опять ехать. Целую тебя, сердце мое, Верунечка дорогая, поцелуй от меня всех наших.

Твой *Муся*.

19

23.V. Суббота [1909]. Вена.

Дорогая Верунечка! Вчера вечером приехал в Вену, но писем от тебя не нашел. Очень огорчился. Но, может, завтра будет что-нибудь. Во Львове был один день, видался с людьми, хорошо меня принимали, но Франко меня очень расстроил. У него совершенно больная психика. В Кракове пробыл тоже день и две ночи, потому что я решил ездить только днем. Однако по ночам не сплю, и это для меня хуже всего. Хотя чувствую себя неплохо и даже ходить мне легче. В Вене заехал к Стефанику. Встретился тут также с Маковеем. Сперва думал уехать отсюда завтра утром, а теперь решил пробыть еще день, потому что опять не спал; поеду в Италию в понедельник. Ходил в парламент и был свидетелем очень бурной сцены. Вообще у меня есть много чего тебе рассказать, но теперь не могу, а напишу уже с Капри. Тут многие спрашивали о тебе и кланяются. Со мной везде возятся так, как будто я и в самом деле чего-нибудь стою. Так что я здесь Persona grata. Но все же хочу поскорее вырваться отсюда и отдохнуть как следует, без впечатлений и людей. Как там, дома? Все ли здоровы? Это ведь самое главное. С нетерпением жду известий. Какая была почта? Ты пиши мне обо всем, дорогая Верунечка, я тоже часто буду писать, когда уже приеду, потому что в дороге, да еще в Австрии, где у меня столько знакомых, трудно писать. Был у меня Горошовский. Говорит, что моя книга хорошо идет, немецкие журналы очень хвалят ее. Будь здорова. Целую тебя, маму, Лидю и детей. Пиши.

Муся.

20

2.VI [1]909. Капри.

Дорогая Верунечка! Вчера вечером приехал на Капри, и мне повезло: на пароходе познакомился с одним молодым поляком, живущим на Капри, и он отвез меня

в гостиницу, где я и остановился. Раньше всего сообщаю тебе мой адрес — даже на сердце легче стало, что теперь буду получать от тебя письма: Italia, Napoli, Sargi, Hôtel Royal, № 23. M. Kociubinski. Это прекрасная гостиница, в центре острова. Абсолютная чистота и комфорт. У меня большая комната, прекрасно обставленная, с балконом на горы и море, полный пансион. Кормят 3 раза в день: утром 2 чашки какао, или кофе, или чая, масло, мед. В 12^{1/2} завтрак из двух блюд (одно мясное), сыр и фрукты. В 7^{1/2} обед из пяти-шести блюд. Все вкусно и весьма по-барски. За все я плачу 6 лир в сутки, то есть $37 \text{ к.} \times 6 = 2 \text{ р.} 22 \text{ к.}$ Так дешево, что даже трудно себе представить. Хозяин — чех — говорит по-русски. Одна горничная тоже говорит по-русски, хотя уже 15 лет замужем за итальянцем. Словом, устроился я хорошо. Что касается самого острова, то это рай земной. Лучшего места не найти для отдыха. Необычайно красивая природа, очень культурное место, нет пыли, всюду такая идеальная чистота, даже на улицах, что прямо удивляешься. Воздух такой ароматный от горных трав, что пьянеешь. А самое главное, тихо. Словно нет людей. С утра до завтрака я гулял — и встретил человека два-три. Теперь я уверен, что смогу успокоить свои нервы и поправиться, а может, научусь ходить по горам.

Собственно, начну отдыхать через два-три дня, когда привыкну к этой необычайной красоте и она не будет производить на меня такое впечатление, как сейчас.

Но больше всего хочу получать письма от тебя. Пиши, Верунечка, каждый день, ты ведь теперь свободнее, да и когда еще дойдет твое письмо. Пришли мне «Радугу» за все то время, которое я не читал ее, «Киевской» мысли» не присылай, разве что какой-нибудь особенно интересный номер. Как там Вы живете, здоровы ли, что нового? Поцелуй от меня маму, Лидю и детей; завтра опять напишу, сегодня тороплюсь, иду к Горькому. Что нового дома и вне дома? Какая была почта? Целую тебя, мое дитя, пиши, не забывай, что я очень скучаю. Я здоров. Еще раз целую.

Твой *Муся*.

Дорогая Верунечка, извини, что два дня не писал, но это произошло потому, что я уезжал с Капри. Горький пригласил меня поехать на чудесной яхте в Foge de Greso, город под самым Везувием, на народное празднество; и вот мы, а также известнейший в России скульптор И. Я. Гинцбург, приехавший сюда лепить Горького, выехали в воскресенье утром на яхте. Шесть часов мы ехали по морю — очень хорошая поездка, а вечером с яхты смотрели на праздник. И что это было за чудо! Фейерверк стоил 2000 лир — это было нечто такое, чего я в своей жизни не видел. Выпустили двести воздушных шаров, различных форм корабли, чаши, медузы и т. д. В воздух взлетали пальмы, букеты из огней необычайной расцветки, Везувий метал огни и т. д. Нечто волшебное. На лодках целые пальмы, увешанные разноцветными фонариками, покачивали ветвями, раздавалось несколько серенад, на воде гремели оркестры, были лодки в виде акул, пышная иллюминация и тысячи народа. В море плавала целая флотилия лодок, яхт — и все это с берега освещалось прожекторами. Все пело, кричало, а горы двадцатиголосым эхом повторяли трескотню ракет и бомб. Весь город убрали венками, возвели башни, украсив их сверху до самого низа кораллами (это город кораллов). Словом, чудеса. До поздней ночи любовались мы — все было как сон; переночевав, поехали в Сорренто, очень красивый городок, где пообедали, а оттуда на Капри и обедать к Горькому. Так что для письма не было ни минутки. Еще до этого я провел день у Горького... ездили к гротам и ловили рыбу, которая здесь как цветы. А вечером Горький принимал экскурсию народных учителей (50 человек), и я видел тарантеллу, которую умеют танцевать только два человека в мире — они живут на Капри. Собираемся еще съездить на яхте в Сицилию — это чудесное место, лучше, чем Капри. Я загорел, чувствую себя хорошо. Если б еще письма от тебя — все было бы хорошо. А их нет. Может, завтра будут. Все ли здоровы дома? Я уже беспокоюсь, и мысли о вас иногда мешают мне любоваться. Пиши, Веру-

нечка, помни, что я отрезан от всего мира, на острове, и хотя здесь очень заботятся обо мне, а все скучаю о вас. Целую тебя, сердце мое. Поцелуй всех от меня.

Твой *Муся*.

22

13.VI [1]909.

Дорогая Верунечка! Сегодня у меня праздник: получил от тебя первое письмо и от троих детей. Спасибо тебе большое, дорогое дитя. Теперь мне спокойнее, а то я от беспокойства не мог временами отдыхать как следует, все мучила мысль о вас всех.

Ты не беспокойся обо мне. Хоть я и не был в Вене у доктора, однако знал, что буду себя хорошо чувствовать на Капри, — и действительно так и вышло. Кофе и вино я перестал пить. Пью иногда немного вина, которое называется вермут-Торино, это сладкое, вкусное вино, настоенное на ароматических горных травах и такое же полезное для желудка, как Сан-Рафаэль, только дешевое. Вместо кофе пью какао, каждое утро по две больших чашки, ем масло, мед и докторский хлеб. Молока не пью, потому что и не надо. Здесь так хорошо кормят, что больше съесть я не могу. Сплю хорошо, ложусь рано, в 8 встаю, сплю, значит, не меньше девяти часов в сутки. Всю ночь двери на балкон открыты, всю ночь свежий воздух. Ходить мне значительно легче, отдышка меньше, хотя еще и не совсем прошла. Переутомляться не хочу, поэтому хожу осторожно. Привыкаю лазить по горам. Приехав, взвешивался, взвешусь, когда буду уезжать, тогда напишу. Пополнел ли — не знаю; может, и нет, но окреп. Голова не болит, встаю утром бодрым, свежим, чего дома никогда не бывало. Дорога меня очень утомила — и не столько дорога, как люди, потому что их было слишком много. Но теперь отдыхаю от дороги и людей. Сегодня должен был ехать в Помпею с Гинцбургом, но отложили на завтра, так как статуэтка Горького еще не кончена. Письмо к Горькому Винниченко читал мне сам, — оно очень не понравилось мне. Когда Горький прочитал письмо в «Раде»,

он очень огорчился, взволновался, все ходил по комнате и говорил: «Так мне и надо, так мне и надо, пока я издатель. Откажусь от дела («Знание») — тогда не буду иметь подобных неприятностей». Семья Горького все больше и больше мне нравится. Принимают меня сердечно, вчера был у них, а сегодня обедаю. Много интересных бесед. Но я стараюсь избегать этого, чтобы больше быть с природой.

Большое спасибо деткам, что написали. Пишите еще. Корректуру «В дороге» не присылай, я уже прочитал ее здесь. Кланяйся знакомым. Жуку я писал: получил ли? Целую Вас всех. *Муся.*

Дорогая Верунечка! Наконец получил от тебя открытку и успокоился, а то очень тосковал и оттого впервые на Капри болела у меня голова и грудь. Вчера был у меня день не из очень удачных. Пошел я после обеда гулять, вернулся в 7¹/₂ к ужину и застаю письмо, в котором меня приглашают к Горькому слушать его повесть. Хоть я сразу же пошел, но запоздал и попал к концу. А это очень досадно — говорят, эта вещь удалась ему (называется) «Лето», из жизни крестьян в последнее время). Горький утешал меня тем, что пришлет мне повесть, но все же досадно. Затем мы все вместе пошли на вечер к известному астроному Мейеру, где для нас пела какая-то певица и художник Рудинов (немец), но пели отвратительно, скучно было так, что мухи дохли, к тому же давали что-то такое пить, от чего разболелась голова. Мы поскорее сбежали оттуда и остаток вечера провели у Горького, засиделись, и я вернулся после часа ночи, отчего сегодня чувствую себя не так хорошо, как обычно.

Погода у нас уже около недели не очень хорошая, ветер и облачно, ночью был небольшой дождик. Правда, все это не мешает прогулкам, потому что все же тепло, но жаль, что нет такого горячего солнца, какое я люблю. Только неделю еще проживу на Капри — очень обидно уезжать отсюда; я хоть и поправился немного,

но еще не настолько, чтобы набраться сил на весь год.

Послала ли ты, Верунечка, книги Горькому, о которых я просил тебя? Очень рад, что все у нас здоровы. Целую тебя и обнимаю. Поцелуй маму, Лидю и детей.

Твой *Муся*.

Дорогая Верунечка! Вчера получил твое письмо и очень благодарю. Все-таки ты редко пишешь, я не каждый день получаю письма от тебя, а сам пишу тебе ежедневно, хотя временами, признаюсь, досадно сидеть в комнате, когда подумаешь, что вся эта красота скоро станет только приятным воспоминанием. Я часто писал тебе о том, как себя чувствую. Напишу опять. Утром (если только вечер не провел в гостях) встаю совсем бодрым, в хорошем настроении, голова не болит. У меня хороший аппетит, я следую твоим советам: вина не пью, ем много, не стесняюсь. По целым дням гуляю. После обеда начал купаться, погода исправилась, тепло, хорошо (и не душно), вода изумительная. Вообще я чувствую себя хорошо и сплю. Если же побываю в гостях, то нервное напряжение сказывается временами в том, что голова с утра несвежая и грудь щемит, ем хуже. Поэтому я стал реже бывать у Горьких, из-за чего они в претензии на меня. Кажется, я не пополнил, но окреп, ходить мне легче, взбираюсь даже на горы, и хоть и задыхаюсь по временам, но уже не так. Вчера вечером был у Горького. Сегодня он куда-то уезжает с Капри, и мы уже не увидимся. Поэтому они пригласили меня сегодня обедать. Это уже будет последний визит, разве что я зайду еще попрощаться с женой Горького. Еще хочу зайти к художнику Прахову, посмотреть, что он делает. Вот и все мои визиты. Амфитеатров и другие приедут позже, значит, моя поездка в Сицилию пропала, но это, может быть, и к лучшему, — меньше устану. Как подумаю о дороге домой, мне прямо страшно становится, столько она у меня сил возьмет, так как надо торопиться и ехать по ночам. А дорога далекая. Задер-

жусь в Венеции, Вене и Львове, чтобы поспать и купить себе пальто. Гнатьюк усиленно зовет меня к себе в деревню. Посмотрю, если не очень устану, может, и заеду, но тогда опоздаю домой дня на три. Посмотрю еще и напишу из Львова (а ты после двадцать первого пиши мне во Львов, ул. Супинского, 7, Научное Об-во им. Шевченко, мне). Вообще я замечаю, что меня утомляют люди, что вреднее всего для моего здоровья нервное возбуждение. Природа, как и прогулки, — наоборот, успокаивают меня и восстанавливают силы. Вчера утром чувствовал себя неважно, а когда поехал в 9 часов на море да пробыл там до двух, а потом взобрался на высокий берег (это довольно трудно, работа большая), то сразу почувствовал себя совсем хорошо.

Вчера прислали мне из Львова мою книгу «Из глубины». Выглядит ничего. Посылаю тебе экземпляр. Деткам спасибо за письма, они меня очень обрадовали. Посылаю им одновременно с этим письмом открытку с Капри. Маму поблагодари за добрые пожелания и поцелуй от меня. Как ее здоровье? Ты не пишешь о здоровье мамы и Лиди. Целую тебя крепко, крепко. Получу ли сегодня от тебя письмо? Ну, будь здорова. Еще целую тебя и всех наших. Знакомым поклон...

Дорогая моя Верунечка! Опишу тебе свою жизнь на пароходе. Я уже писал, что очень доволен путешествием по морю. Все время погода такая тихая, что даже не замечаю, идет ли пароход, или стоит. Пассажиров в Одессе село очень мало: два-три в первый класс и трое — во второй: какая-то синбора-итальянка с двумя детьми — девочками, Нориной и Эльзой, и еще один грек. И это вся моя компания, если не считать капитана, с которым я тоже познакомился. По целым дням сижу или гуляю на палубе, дышу морским воздухом и смотрю на дельфинов. Кормят ничего, в 11 завтрак из четырех блюд, в 6¹/₂ обед из шести блюд, фрукты и кофе. Дают и вино. Только по утрам плохо, потому что дают черный кофе.

Приходится заказывать себе какао или молоко, а за это отдельная плата. Ем очень много, но ничего, поправляюсь. Особенно благотворно влияет море на нервы, сплю хорошо. Вчера приехали в Константинополь. В 9 часов я был уже на берегу, взял себе проводника-еврея, и мы пошли вдвоем сперва на Перу — европейскую часть города. Это длинная, узкая, кривая и грязная улица, смесь Европы и Азии. Иногда мелькнет цилиндр, модная дамская шляпка — и рядом белый халат араба, черное лицо негра и фески, фески, черные покрывала турчанок. Рядом стоят дворцы и такие харчевни, как в Бахчисарае. Улица мало интересная. Лучше в Стамбуле. Тут уже настоящий восток; европейцев не видно, слепые дома с гаремами, кофейни, ослики, дервиши, фрукты, зелень и чад от жареного мяса. Осмотрел Ая-София, прекрасный величественный храм, полный золотых мозаик, мрамора, бронзы. Необыкновенно хорошее впечатление. Осмотрел еще и мечеть Ени-Джаме, всю выложенную цветным расписным фарфором, богатое и красивое здание. Оттуда пошли на крытый турецкий базар, где в бесконечных коридорах собрано все, чем торгует Восток. Здесь много прекрасных вещей, кованого серебра, шелков, халатов, сабель и ружей, здесь же кофейни, где я долго сидел и смотрел на необычайное движение. Купил себе феску и табак (другие вещи дороги), побрился у турка, а потом пошел в старинную часть города — Уюп-Султан, где снова засел в кофейне.

Потом на пароходике поехал по Золотому Рогу на окраину, где уже домов нет. Взобрался на самый верх горы, на кладбище и любовался прекрасными видами. Оттуда написал тебе открытку, которую ты, вероятно, уже получила. Очень доволен прогулкой. Сегодня никуда не ездил. Пароход наш стоит в Босфоре, перед самым городом. С одной стороны — Пера, с другой — Стамбул, а на азиатском берегу — Скутари. Движение в Босфоре необычайное. Все покрыто пароходами, пароходиками, яхтами, лодками. Ежесекундно режут и плачут сирены, — без этого можно было бы раздавить или потопить лодки. В Константинополе село много пассажиров. Французские попы, турецкие офицеры с женами и детьми, албанцы, испанки, греческие попы и даже русские актеры. Говорят на всех языках, друг друга не пони-

мают, какое-то вавилонское столпотворение. В моей каюте французские монахи и турецкий коммерсант.

Я свел знакомство с итальянцами. Сейчас выходим в Мраморное море, утром будем в Дарданеллах, откуда и пойдет это письмо. Так хорошо, что я не в вагоне. Вспоминаю, как я мучился, не спал, волновался. А тут сидишь в салоне и пишешь письмо, и знаешь, что постель уже постлана и ты пойдешь спать, когда захочешь. Несмотря на запрещение врачей, я пью кофе, вино — и ничего, даже поздоровел. Сегодня только голова болит. Ну, довольно о себе. Как там Вам всем живется? Ты очень огорчила меня, не прислав весточки, хотя бы краткой, в Одессу, если не смогла прислать в Киев. Пиши хоть на Капри, чтоб там меня уже ждали твои письма. Меня очень волнует, все ли хорошо. Здорова ли мама? Попроси ее, чтобы берегла себя, ела во-время, гуляла и не волновалась. Бережешь ли ты себя, не переутомляешься ли? Напиши обо всем. Присылай мне, начиная с 21 мая, «Раду», которую я еще не читал. Если есть какая-нибудь почта, извести. Если прислали мою книгу в чешском переводе, пришли. Не забывайте обо мне. Как здоровье Лиди? Поцелуй ее от меня. Целую всех вас и тебя, моя Верунечка. Кланяйся знакомым и пиши, пиши. Еще раз целую.

Твой *Муся*.

26

3.VI [1]910. Capri.
Hôtel Royal, № 26.

Дорогая Верунечка! Сегодня получил от тебя две открытки: одну от 22 (№ 2), а другую — от 27 (№ 4). Ты либо ошиблась, либо № 3 пропал. Я все же рад, что хоть кое-какие вести имею из дому и что все Вы здоровы. От Оксанки была открытка, за которую я ее крепко целую. Она так хорошо написала, что приятно было читать. Прошу ее писать еще, пусть не жалеет открыток. Чувствую себя неплохо, особенно после порошков Фаворского, которые я принял сегодня впервые. И вообще я значительно меньше утомлен дорогой, чем в прошлом

году. Сегодня хорошо отдохнул. Взял номер, лучший, чем в прошлом году, на первом этаже, без лестниц и с красивым видом. Правда, пришлось на $\frac{1}{2}$ лиры платить дорожке, но это немного, всего 17 копеек в день. Чисто здесь и красиво необычайно. Кормят так вкусно, хорошо и гигиенично, что и слов нехватает для похвалы. Повар еще лучше, чем в прошлом году. Порции небольшие, но я не голоден: блюд много. Сегодня утром осмотрел знакомые места, посидел, отдохнул, прочитал почту. (Чикаленко в восторге от рассказ. «Фата моргана», говорит, что это мой лучший рассказ, что он не может даже выразить мне всего восторга своего.) После завтрака пошел к Горькому, там меня встретили, как родного, обнимали и целовали, вообще они очень расположены ко мне. Здесь у него живет писатель Пятницкий и еще какой-то грузинский писатель. Ходили гулять всем выводком, еле вырвался, чтобы написать тебе. Завтра должен обедать у них. Первый день на Капри прошел хорошо. Здесь все время шли дожди и было холодно. Сегодня же теплее, но не жарко. Теперь я расскажу тебе, как я провел два дня в Сицилии. В Катанью мы приехали утром, в семь часов, я сейчас же сел на поезд и поехал в прекрасное место — Таормину, куда надо ехать по железной дороге два часа, а оттуда на извозчике час. Вся дорога — изумительна. С одной стороны Этна, с другой — море. Повсюду потоки лавы, которые текут прямо в море, но лава чуть ли не везде уже возделана и засажена лимонными и апельсиновыми рощами, которые в течение двух часов катятся по обеим сторонам дороги, как море. Теперь как раз собирают лимоны, повсюду желто от них, а на земле огромные груды. Необычайно красивый вид, горы, виноградники, сады, море и люди — все здесь полно красок, ярких цветов, все залито солнцем. На станции пообедал по-сицилийски с чудесными винами и сырами, с мессинскими апельсинами (до Мессины осталась час езды), а оттуда на извозчике все в гору, и в гору, по дороге, которая идет петлями и открывает каждый раз все новые пейзажи, приехали в прекрасную Таормину, где полно роскошных отелей. Это самый дорогой и самый лучший уголок Сицилии. Здесь я осмотрел развалины старого греческого театра (сооружен 500 лет до нашей эры), напомнившего мне римский Колизей.

Очень интересно и необычно. Потом осмотрел гостиницу S. Domenico — бывший монастырь, где интересные старинные залы, роскошные сады, — мозаика, резьба и картины. Нагулявшись и налюбовавшись видами, я вернулся в 7 часов на пароход, пообедал и направился в Катанью. Хорошенький европейский городок, нынешний торговый центр Сицилии после разрушения Мессины. В 12 часов ночи мы отплыли в Мессину и в 7 часов были уже там. Простояли мы в Мессине [лишь] до пяти часов, потому что поднялась буря и надо было отчаливать. Какое страшное впечатление произвел на меня этот город! Все в развалинах, улицы превратились в горы обломков и камней. Все как бы спрессовано, все странно перемешалось. Под развалинами и до сих пор погребено 4000 человек. Идут раскопки. Видишь, как сидят полицейские. Вот полицейский встает. Это означает, что откопали тело. При мне выкопали труп женщины. Сначала вытащили голову и положили в таз. Потом стали тащить рубаху, которая порвалась, а затем вытащили полусгнившее тело. Я уже не хотел смотреть. Дома стоят так, что только 3 стены уцелели, а четвертая рухнула, и видны кровати, посуда и т. д. Но чаще всего от домов остались лишь груды камней. По улицам страшно ходить, потому что развалины растрескались и вот-вот упадут на тебя. Пережил неприятное мгновение. Шел я по улице, и вдруг земля затряслась, здания качнулись и вот-вот, казалось, рухнут. Но это продолжалось лишь мгновение и не повторилось. Люди онемели, но по улицам все же ходят и ездят и ставят деревянные домики, смешные, двухэтажные, тоненькие, из легких досок. Такие же и магазины. За городом построена новая Мессина. Ряды домиков, как коробки из-под макарон, маленькие, без окон, тесные, тоненькие, и слышно, что говорят у десятого соседа. Теснота и бедность. Все эти домики построены на деньги, пожертвованные разными народами. Как тут живут, как не перессорятся, как не сгорят, — не знаю. Правда, еду готовят на улице на жаровнях. Люди какие-то запуганные, печальные, женщины в трауре, в черном крепе, у мужчин же только черные галстуки, и в глазах у каждого человека ужас. Тяжелые впечатления. Не хотел бы вторично увидеть. Вот кратко обо всем, что видел,

но больше, чем другие пассажиры, потому что я все же привык ездить и не боюсь новых мест. Кто его знает, буду ли опять в Сицилии, и грешно было бы не воспользоваться случаем. От Мессины до Неаполя нас страшно качало. Все были больны, на пароходе стоял стон, никто ничего не ел, только я и один грек, да еще капитаны, как хорошие моряки, чувствовали себя превосходно, ели и гуляли, хотя приходилось и на четвереньки становиться на пароходной палубе. Очень прошу, — пиши, как там все наши? Здоровы ли? Поцелуй всех от меня. Есть ли какая-нибудь почта? Я ничего об этом не знаю. «Радугу» присылай. Целую тебя.

Муся.

27

15.VI [1]910. Capri.

Вчера получил твою открытку, дорогая Верунечка, от 8 с. м. и удивляюсь, что ты еще до сих пор не получила моей первой открытки с Капри, посланной в тот самый день, когда я приехал сюда, 2 июня в 8 часов вечера. Вывожу это из того, что ты все еще адресуешь *Ferma in posta*, а не *Hôtel Royal, № 26*. Ты спрашиваешь, действительно ли я поправился или только загорел. И то и другое. Мне кажется, что я немного пополнил, по крайней мере зеркало говорит об этом. Я не взвешивался здесь, так как, кажется, негде. Познакомился с одним доктором, поляком из Герцеговины, который советует мне раздеваться и лежать на солнце. Уже два дня делаю это, снимаю все, остаюсь в рубашке и лежу на берегу часа два-три по утрам. Чувствую, что это хорошо. Купаться он тоже абсолютно запрещает. Знакомство с доктором и его женой — забавно, они, услышав мою фамилию от кого-то, все добивались познакомиться со мной, они поклонники моих рассказов, которые читали в польском переводе и читали основательно, так как все помнят. Хорошие люди, только жаль — через несколько дней уезжают домой.

До обеда я еще свободен и хожу, куда хочу, а после обеда обычно заходит ко мне Горький со всей семьей и

уводит рыбу ловить, а затем к себе. Читал мне новое драматургическое произведение, веселый водевиль и все рассказывает о своей жизни, очень интересной. Вообще он, очевидно, хочет поближе сойтись со мной, а мне это порой не очень полезно, потому что я засиживаюсь и ложусь поздно. Не знаю, как избежать этого, хотя Горький и очень заботится о моем здоровье, не дает мне утомляться, когда гуляем вместе, и вообще заботится обо мне. Правда, тебе уже скучно читать: все Горький да Горький, но так оно получается, потому что он отнимает у меня половину дня. Погода здесь хорошая, хотя ветры были два дня, но от них легко укрыться, — где-нибудь у моря или за скалой совсем тихо. Тепло, не душно, в общем хорошо.

До сих пор не удалось осмотреть гроты, потому что море беспокойно и в гроты ехать нельзя. Понемногу читаю, понемногу делаю заметки, но мало, и этим недоволен.

Как всегда, жду твоих писем с нетерпением, все мне кажется, что дома что-то неладно, что кто-нибудь болен.

Пиши мне чаще, ты ведь теперь свободна. Целую тебя крепко и обнимаю. Как там детки? Не забыли ли меня? Пусть еще раз подумают, что им купить.

Ну, будьте здоровы, поцелуй маму и Лидю, знакомым, кому захочешь, кланяйся.

Твой *Муся*.

Дорогая Верунечка! Вчера вечером приехал я в Рим и почему-то не спал всю ночь. Гостиница, где я остановился, очень чистая, хорошая, но не спокойная: уличный шум мешал мне заснуть. С самого утра и до обеда осматривал Ватикан и св. Петра и опять устал. Уж как ни берегу себя, стараюсь пользоваться трамваями, а все-таки устаю. Сейчас же левая рука начинает ныть, делается бессильной и самочувствие плохое. Чтобы Рим меня не увлек и совсем не переутомил, сбегу отсюда сегодня вечером, завтра буду в Венеции. Придется вторую

ночь не спать — в вагоне нигде. Сегодня после обеда прогуляю немного, посмотрю Колизей и древности — и ночью в путь.

Из Венеции, может быть, успею послать тебе открытку. Вообще ты обо мне не беспокойся, если я буду неаккуратен, в дороге труднее писать.

Похвастаюсь перед тобой: «Знание» купило у меня право на издание всех моих сочинений в русском переводе. Рукопись первого тома (320 стр.) должна быть в редакции до 1 декабря, чтобы еще в этом году начать печатание. Условия такие: переводчику плачу я сам. Редакция рукописи моя. С каждой проданной книги (цена кн[иги] 1 рубль) мне дают 25 коп. Это, кажется, хорошо, потому что с каждой книги они дают книгопродавцам скидки 35 коп., да и печатание книги тоже что-нибудь стоит, так что мне они дают большую половину своих барышей. На таких условиях печатают они Серошевского, Шолом-Аша и др. Выплата денег четыре раза в год. Будет у нас немного денег, а это хорошо. Хорошо еще и тем, что, когда выйдет книга, можно будет, вероятно, в журналах печатать свои новые вещи одновременно с украинским текстом, а за это хорошо платят. В общем это начало некоторого материального успеха в России.

Дорога меня утомляет, никуда я не гожусь. Жду от тебя писем, беспокоюсь, что с вами. Пиши чаще. Пока же целую всех и особенно тебя.

Твой *Муся*.

Теперь, вероятно, буду посылать только открытки.

1 авг. [1]910. Криворивня.

Дорогая Верунечка! Вчера послал тебе открытку из Ворохты, а сегодня пишу из Криворивни, куда приехал вчера под вечер. Я здоров, доехал хорошо, ночью выспался и чувствую себя неплохо. Во Львове получил твои письма (2). Спасибо тебе. Теперь пиши мне в Криворивню (р. Jasielow G6rny, Криворивня). Здесь так хо-

рошо, как я себе и представить не мог. Приняли меня прекрасно, у меня отдельная комната, и я думаю отдохнуть, принимать солнечные ванны, если будет солнце; пока же здесь довольно холодно и пасмурно. Не буду описывать тебе своих впечатлений, сегодня очень тороплюсь. Только что пришел сюда Франко, и вместе с ним идем к Гнатюку, который болен и лежит; меня торопят, но я не хотел откладывать письмо до завтра, чтобы ты не беспокоилась. Во Львове я почти никого не видел, пробыл там один день, переночевал и утром выехал в Ворохту, но подвода, которую я заказал по телеграфу, не пришла, и я принужден был ночевать в Ворохте. Здесь было целое украинское общество, превратившее встречу со мной в настоящее торжество: произносили речи, я должен был отвечать, пели мне «многие лета» и целой процессией с песнями проводили меня спать в гостиницу. Короче говоря, сделали мне приятную неприятность, так как я не люблю публичных торжеств, когда я в центре. Еще буду писать тебе, но и ты пиши сюда, я ведь беспокоюсь, что дома, все ли здоровы. Как мама?

Ну, будь здорова. Прости, что пишу короткое и нескладное письмо, но я тороплюсь.

Целую тебя крепко, всех поцелуй от меня.

Твой *Муся*.

Дорогая моя Верунечка! Письмо твое с тремя письмами переводчиков, спасибо, получил. Получил и «Радугу». Оно (письмо) меня успокоило, вижу — вы все здоровы, хотя ты и мало пишешь о каждом члене семьи. У меня, наконец, есть пристанище, но надолго ли — не знаю. Алексей Максимович перетащил меня к себе. Мне предоставили очень хорошую, чистую, прямо роскошную комнату с отдельным ходом в том доме, где они не живут, а только обедают и где есть кухня. Стеклопанные двери выходят на большой балкон с видом на море, на солнечную сторону, так что, когда есть солнце, оно у меня в комнате весь день. Но беда в том, что в этой комнате нет печки

и может быть холодно. Если поставят железную печку или купят переносный камин, я смогу здесь жить, а если нет — придется переезжать. У них я и столуюсь. По утрам подают мне в мою комнату либо в соседнюю — столовую — кофе с маслом, докторский хлеб, подают и свежий виноград, груши и яблоки — все очень парадно и вкусно. В час дня обед, в семь — ужин. Так что с этой стороны все очень хорошо. Балкон мой выходит в цветник, где в полном цвету петушки (iris), хризантемы, герань и еще какие-то красные цветы. В комнате у меня стоит роскошный букет, словно летом. Вообще комната моя великолепная. Хорошие картины, мебель, кресла, стол, шкафы, кровать, шелковые одеяла (два) — все белое и чистое. Три электрических лампы: посередине висит одна, над кроватью вторая, на столе — стоячая. Все было б хорошо, спокойно, если было бы тепло, но в пасмурные дни довольно холодно, +12°, не больше. Когда я приехал, была здесь погода сухая, теплая, весенняя. Солнце пекло по временам так, что я вынужден был снимать пальто, и то было жарко. Вероятно, на солнце было +20°. Вчера подул сирокко, принес тучи, молнию и дождь. На дворе 11 градусов тепла. Естественно, что тут все зелено, цветут дикie нарциссы и розы. Говорят, что этот месяц самый холодный, что в январе и феврале будет теплее. На острове пусто, приезжих нет. Сейчас тут живут писатели Бунин и Ганейзер (я познакомился с ними), Пятницкий и еще какие-то молодые писатели...

...Ты должна писать мне чаще, хоть немного, но часто, — иначе я не буду спокоен. Подумай, я на целую зиму остаюсь один, далеко от всех Вас, это очень тяжело, чувствую себя, как в ссылке. Пиши пока так: Capri (presso Napoli), Villa Serafina. От виллы, где я живу, надо идти до города минут двадцать или пятнадцать, но дорога довольно ровная. Живу я в самой безлюдной, тихой части острова, где не ездят и редко ходят, так что тут можно иметь полный покой. Комната моя полна моря, даже когда я лежу или сижу за столом, перед глазами бесконечное море, а с двух сторон, как рамы, высокие горы — Монте Соляро и Кастельоне.

Я еще не пришел в себя с дороги, грудь немного побаливает, кашляю изрядно и утомлен. Ничего не читаю,

хоть книг и газет сколько угодно. Мне прямо необходим покой и одиночество, но у меня их пока нет. Поэтому не удивительно, что я так хочу поскорее остаться один и вести нормальную жизнь.

Мне очень досадно, Верунечка, что тебя утомляет работа, что у тебя столько хлопот. Я бы все отдал, чтобы ты отдохнула немного и была сейчас со мной! Но это только мечты. Как здоровье мамы, бережет ли она себя, заботятся ли о ней? Как Лидя? Дети? Поцелуй от меня всех крепко и тетю. Жукам и Добровольскому кланяйся. Пиши. Целую тебя и обнимаю.

Твой *Муся*.

Тебе кланяются все здешние.

Дорогая моя Верунечка, уже около трех дней нет от тебя писем, и я тоскую. «Раду» — третью посылку — получил... Я уже свободнее, но так утомлен, что не пишу тебе более длинного письма. С сегодняшнего дня начну отдыхать, уже даже начал, так как спал 9 часов. Тут внезапно подул холодный ветер, трамонтана, и стало холодно, то есть не более 9 град[усов] тепла. Но на нашей стороне тихо, сюда не доходят холодные ветры, и только когда поднимаешься наверх, в город, дует очень. Пишу это письмо при открытой на балкон двери. Думаю несколько дней отдыхать, мало ходить, заняться корреспонденцией, потому что еще никому не ответил, читать, а уже после этого сяду за работу. У меня есть сведения, что в 1-й кн. «Современника» появится мой рассказ «Что записано в книгу жизни», а в третьей кн[иге] (за март) — «Сон». Тут все заинтересовались украинской литературой благодаря переводам моих рассказов и говорят мне комплименты. Прошу тебя, пришли мне по 1 экз[емпляру] моих «Рассказов», т. I и II, а также, если тебе нетрудно будет, пришли 1 кн. «Первая ласточка» (есть в шкафу в столовой) и украинский отрывной календарь на 1912 г. (Купи у Судаковой), потому что мне скучно без нашего календаря. Я еще не

говорил с Марьей Федоровной, сколько возьмут с меня за комнату и еду, — значит, пока не знаю своих расходов. Я здоров, хоть и чувствую себя еще не очень хорошо из-за усталости. Все ли у нас здоровы? Очень прошу, береги здоровье свое и всех домашних. Пусть девочки пойдут к дантисту. Откладывать не надо. Целую тебя крепко, целую маму, Лидю и детей. Знакомым кланяюсь. Не забывай меня.

Твой *Муся*.

32

10.XII (суббота) [1]1911. Саргі.

Дорогая Верунечка! Ты всегда интересуешься моим здоровьем, поэтому, чтобы покончить с этой скучной материей, раньше всего пишу о нем. В общем — я здоров, сердце болит очень редко (два раза за все время) и не сильно. Астма меня не мучит. Бронхит тоже уменьшился. Одна беда: чувствую себя отчего-то утомленным. Я так думаю, что для душевного здоровья мне по временам необходимо одиночество. Когда я один, я чувствую себя спокойным и даже более богатым. А общество меня утомляет, тем более что я, как ты сама знаешь, отвык от него. Теперь, в последние дни, я меньше бываю на людях, хотя случаются вечера, когда Алексей Максимович читает свои новые вещи, — и тогда я снова в обществе. Мой день проходит так: встаю в 8^{1/2}, в 9 пью кофе (собственно говоря, молоко), докторский хлеб с маслом заедаю мандаринами, инжиром, сухим виноградом или яблоками. Потом сразу же сажусь за работу (пишу рассказы — «Пасха», помнишь, говорил) и работаю до часа дня. В час обед, который с разговорами и чтением газет тянется до трех часов. Тогда иду гулять. Иногда гуляю со знакомым галичанином. В 5 часов возвращаюсь домой и читаю до 7. От 7 до 9 ужин — и тогда опять пишу до 11^{1/2}, в 12 — спать. Две последних ночи плохо спал. Позавчера ночью была буря, а в передней у меня телефон. Забыли выключить, и от бури телефон бешено звонил три часа и не давал спать. Вчера не было почты. Пароход пришел, но съехать на берег невозможно было, и пассажиры ночевали на пароходе и всю ночь

страдали от морской болезни. Сегодня дождь, гроза, гром и молния. Однако тепло и с нашей стороны тихо. При самом большом ветре все же могу гулять за горой в тихом, закрытом от ветра месте. Да и дожди не страшны. Конечно, хожу без калош, итальянцы их рассматривают в передней, как некое чудо. Здесь после дождя только чище. Все время очень тепло. Дамы ходят по улицам в летних костюмах и только несколько приезжих мужчин — в пальто. Но и приезжих так мало, что отели пустуют. Послезавтра здесь рождество. Все делают друг другу подарки. Уже и у Горького на столе подарки, которые приносят ему: кукла в прекрасно вышитом платье и фате, как невеста, а под платьем, вместо туловища, гора инжира; вино — в больших и малых бутылках, домотканное полотно и тому подобное. Только мне никто ничего не подарит и я никому. В понедельник у нас обедают Бунины, и мы все пойдем в церковь встречать святки, которые, говорят, проходят здесь очень торжественно. Ты знаешь, что здесь еще цветет дрок, такой, как мы видели в Симеизе. Изредка в тихих местах вновь зацветают мирты. В общем довольно красиво, хоть и хуже, чем летом. Превосходно, что все зелено и свежо, как весной, а пригреет солнце — так и вовсе лето.

Вот тебе моя скромная и довольно однообразная жизнь. Досадно только, что дни короткие, нехватает мне времени, мало читаю, не занимаюсь итальянским языком, а нужно бы. Быть может, со временем растяну дни.

Часто думаю о вас, [мысленно] бываю с вами, а потому еще печальнее мне. Напиши мне, Верунечка, как дети проводят вечера, как играют и есть ли в них то, чего я больше всего желал. Как бы мне хотелось посидеть с вами хоть один вечер! Напиши мне, как твоя нога, зажила ли рана? Как здоровье мамы и Лиди? Поцелуй их от меня, а маму попроси, чтобы не волновалась и берегла себя. Детей прошу заботиться о бабушке. Почему девочки не пойдут к зубному врачу? Нельзя запускать. Целую тебя крепко и обнимаю, Верунечка. Поцелуй всех наших и тетю.

Твой *Муся.*

Дорогая Верунечка! Вот мы уже и отпраздновали рождество. Целую неделю знакомые обменивались подарками, которые в течение всех праздников выставлены на столах. У моих хозяев стоят десятки букетов, вино в больших ведерных бутылках и бутылках, сладкие куклы, начиненные инжиром, салфетки, фрукты, вышитые туфли, фонари и т. д. Даже и мне кто-то прислал букет роз и фиалок с листком бумаги, на котором написано: «Multi felici augurii i bono Natale» — «Много хороших пожеланий и доброго рождества». Но только кто прислал — не знаю. Вечером, в сочельник, собрались к нам гости, пришли Бунины (его жена — племянница Муромцева) с племянником, который переводит Диккенса, поэт Черемнов с матерью и еще один молодой писатель с невестой. Стол был заставлен всевозможными яствами: окорок под турецким флагом и индюшка под итальянским, холодные закуски, вино, цветы и торты. Велась оживленная беседа, сначала писатели ругали своих товарищей, потом хвалили друг друга, словом — все шло как полагается. Около 12 часов ночи пошли мы в церковь. Ночь тихая, звездная, теплая — рождественская ночь. В церкви (костеле) полно людей, шесть ксендзов ревут, органы играют оперные мотивы, а среди молящихся в церкви бегают маленькие собачонки и вычесывают блох. Когда мы шли в церковь, горы уже трещали от петард, которые ежеминутно лопались. Уже на самом пороге церкви стреляли петарды — и дым от них влетал в церковь и смешивался с дымом камильниц. После двенадцати богослужение кончилось и публика высыпала на площадь. И здесь только началось настоящее празднество. Мальчишки начали пускать петарды и всякие трескучие огни. Летит такая петарда в воздухе, лопается над головой и, окруженная огнем, словно золотыми кудрями, падает на землю, кружится, и стреляет, будто из ружья. Дети бегут на огонь, топчут его, лезут прямо в пламя, а над ними летят уже сотни петард и стреляют среди публики так, что пугают женщин, да и мужчины спасаются бегством. Дым наполняет площадь, она вся в огнях, дышать нечем, и шум стоит невозможный. Уже не сотни,

а может, тысяча петард лопаются в воздухе, и под ногами среди огня и дыма так и мелькают черные силуэты детей, и кажется, что это не забава, а настоящая война. Все веселы, счастливы, у мужчин в петлицах цветы, а дамы с букетами. Рядом слышится среди немыслимого шума беспомощный голос российского обывателя: «Ах, боже мой! и ни одного городского!»

Такое развлечение длится целый час. Трещит площадь, стреляют горы, а звезды над нами такие огромные, как ракеты. Наконец из узенькой улочки из-под сводов, как из катакомбы, показалась процессия: ряд фонарей на длинных палках, за ними идут «дзампоньеры» (пастухи из Аbruццы) и играют старую, как христианство, «новену» на своих инструментах: волынке и деревянной дудке. За ними маленький кудрявый мальчик несет корзину, полную цветов, а в ней лежит голое дитя — Христос (кукла). Над мальчиком несут круглый египетский зонтик с длинной бахромой, а затем движется поющая толпа. Переходит площадь среди дыма и треска петард и исчезает в церкви. Через полчаса из другой улочки выходит такая же большая процессия, с фонарями, свечами, музыкой и пением — и разница только в том, что Христа несет не мальчик, а самый старый на Капри столяр, играющий роль Иосифа. Ну, думаю, хороши порядки: здесь ночью дева Мария родила двойню! Но хожу за процессией по улицам, и мне весело. Под ногами стреляют петарды, и дым лезет в рот. Так мы развлекались до трех часов ночи, а на следующий день встали поздно. Погода здесь хорошая, дни теплые, зато по ночам бывает ветер, и уже два дня нет почты, — пароходы не могут пристать. Даже это письмо не знаю, когда отошлю. Я здоров, пишу понемногу, скоро кончу рассказ. Он маленький, и в ближайшее же время начну второй. С нетерпением жду обещанного тобой большого письма и посылки, а пока что целую тебя крепко. Все ли здоровы? Как ты себя чувствуешь? Поцелуй от меня всех наших и не забывай *Муси*.

14.XII. Не мог отослать тебе это письмо, дорогая Верунечка, так как не ходили пароходы. Сегодня пришел пароход, но не принес мне от тебя ни слова. 5-го ты писала, что вышлешь 6-го письмо и посылку, а ничего нет — и это меня очень беспокоит. Не может же письмо

итти 8 дней. Я здоров, но не весел. Вдобавок сегодня отвратительная погода, весь день дождь, гулять невозможно, сыро. Весь день горит у меня печка. Как бы мне хотелось быть с Вами вместе. Жалею, что поехал в чужие края.

Ты меня спрашивала о Пятницком. Он здесь, но скоро уедет в Петербург. Я виделся с ним 2 раза, так как он ходит к нам только по делам. Обедаю я вместе с хозяевами, только утром один пью кофе и ни с кем не вижу до часа дня. Скоро у меня будет сосед, поселится в том же доме, где я, Модест Ильич Чайковский, родной брат композитора и автор книг о нем и других. Говорят, симпатичный старичок.

Ну, целую еще раз, потому что нужно отнести письмо на почту. Как здоровье мамы? Поправилась ли Лидя? А как тетя? Поцелуй за меня всех деток. Еще целую.

Твой *Муся*.

34

25.XII [1]911. Рождество.

Пять дней нет от тебя писем, дорогая Верунечка, и я скучаю и беспокоюсь. Может, я и получил бы сегодня письмо, да пароход не причалил, на море — шторм. Дует сильный, но теплый ветер, и море так шумит, даже сквозь закрытые двери слышно в комнате. Боюсь сегодня гулять, немного простудился, опять кашляю и болят зубы. Конечно, все это пустяки, и если бы не ветер, я не сидел бы в комнате.

Странно, днем я здоров, ничего не болит и редко кашляю, но как только лягу в постель, сразу начинается кашель и часа два очень болят зубы. Потом все это проходит и я засыпаю, только сплю мало. Не могу похвастаться, чтобы мне хорошо работалось. Голова какая-то несвежая, и все, что я написал, мне не нравится, еще больше не нравится, чем написанное дома. Кажется, это в последний раз я так надолго разлучаюсь с вами. Больше не хочу разлучаться, потому что пропадает настроение, а в работе это самое главное. Вот пишу теперь рассказ, тема мне нравится, а пишется плохо, прямо невозможно, не уверен даже, буду ли печатать.

Тема рассказа простая. В семье полицейского надзирателя (околодочного) завтра празднуют именины единст-

венного сына, гимназиста 1-го класса. Мать купила сыну пароходик, а отец решил свезти сына туда, где будут вешать одну девушку, чтобы сын увидел то, чего другие дети видеть не могут, чтобы было потом, о чем рассказывать. На следующий день утром они (отец с сыном) едут на место казни, и сын, увидев все, бросается к девушке, обнимает ее колени и кричит: не надо, не дам! И грозит палачу. Понятно, переполох, гимназиста убрали, и отец везет его домой, в страхе, чтобы это не повредило ему по службе.

Просто, но можно было бы многое сделать, да вот не получается.

А здесь, на Капри, все новые и новые люди, литераторы меняются, как в калейдоскопе. Приедут и уедут, а мне только мешают. Вчера ко мне обратилась редакция одного из новых больших журналов, который будет с нового года выходить в Петербурге («Мысль»); просили дать им что-нибудь для первой книги. Я обещал дать перевод своего гуцульского рассказа; так как не успею уже послать для перевода Могилянскому, то они сами найдут переводчика и будут переводить с корректуры, лишь бы успеть поместить в первой книге. Они просили также меня организовать им украинский отдел в журнале, потому что они хотят познакомить русского читателя с украинской литературой, культурной жизнью, историей и т. д. Я дал им несколько адресов наших писателей и сам напишу письма. Вообще благодаря мне тут проявляют большой интерес ко всему украинскому, все украинское как будто в моде, надолго ли и искренно ли — не знаю.

Я уже писал тебе, что посылку твою, наконец, получил. Получила ли ты мои посылки (2) и все ли цело? Думаю, что они так же долго будут идти к вам, как и твои, то есть недели две. «Раду» получаю, спасибо тебе, и не доплачиваю. Вышла ли XI кн. «Вісника»? Пришли. Как вам там живется, все ли здоровы? Как мама и Лидя? Поцелуй всех от меня, а также тетю. Напиши опять большое письмо, я с таким интересом читаю твои письма. Не забывай меня. Целую тебя крепко, Верунечка. Знакомым кланяюсь. Что у вас нового? Еще целую.

Твой Муся.

Дорогая моя Верунечка! А обещанного большого письма нет и до сих пор. Ты уже целый месяц собираешься писать его. Последнюю открытку от тебя получил я от 27-го, а сегодня открытку от Жука и Комп[ании]. (Между прочим, поблагодари от меня Жука и всех, кто подписался.) Я, мое дитя, здоров, только в последнее время очень занят всякими мелочами и дня четыре не выходил из дому. В Москве будет выходить в начале года (верно, с февраля) большой русский журнал «Заветы», и редакция взяла у меня рассказ, который печатается теперь в «Віснике». Рукопись послали переводить в Лондон, а вот недавно прислали мне перевод (переводил Ф. Волховский). Ты знаешь, какая это трудная для перевода вещь из-за местного колорита и гуцульского языка. И вот, чтобы выправить перевод, я должен был сидеть 4 дня и мучиться. Да и то просмотрел только половину (он будет печататься в 2-х книжках) и, наконец, завтра отсылаю в Москву в печать. Еще ждет меня удовольствие со второй половиной, но что же делать, может, хоть немного заработаю. Помимо этого, пропал у меня еще один день. Приезжал Шаляпин. Приехал на яхте из Монте-Карло, где он теперь поет, приблизительно около трех часов дня, и мы как засели компанией, так и разошлись только в 6 час. утра, потому что в 7 он должен был уезжать обратно. Все время он то рассказывал (очень хорошо, художественно говорит он), то знакомил нас с новой оперой «Хованщина». Он (Шаляпин) такой милый и интересный человек, что невольно прощаешь ему всякие его свинства...

Наш садовник женился и пригласил нас на свадьбу. Пришлось пойти. Купил ему в подарок галстук и пошел (опять со всей нашей компанией). Свадьбу праздновали в кофейне. Две небольших комнаты с высокими сводчатыми потолками были убраны флагами и зеленью. Народу столько, что нечем дышать. Усаживают меня у стенки, но было так тесно, что какая-то дама (кажется, прачка, потому что у нее очень красные руки) наполовину сидит у меня на коленях и так греет, что я едва дышу. Но терплю. Соседка утешает меня, что ей тоже неудобно сидеть, и кладет руку мне на колено. Терплю,

потому что у нас с ней интересный разговор, всякие сплетни о гостях, невесте и т. д. Два мандолиниста и скрипач беспрестанно играют. Начинаются танцы. Круглый толстый извозчик танцует только со своей женой, танцует добросовестно, честно. Но это не похоже на танцы, потому что очень тесно. Будто раки в горшке кишат. Невеста — сухая и очень некрасивая — все время молча сидит в углу. Обносят какими-то сухими калачиками, приготовленными для экономии дома из муки 2 сорта. Они черствые и крошатся, и вскоре мой костюм и волосы соседки в крошках. Какая-то старая женщина, лет 90, приплясывает и хлопает в ладоши. Рот провалился, словно от землетрясения, а в черную щель с любопытством заглядывают сверху нос, а снизу — подбородок. Она согнулась пополам, но весела и подвижна в своем розовом платье и старинных больших серьгах. Начинается тарантелла — и старуха пускается в пляс. Вообще — это самый комический номер. Европейские костюмы так не подходят к тарантелле, что делают танец смешным. Маленький портной в черном пиджаке с круглыми лапами танцует с торговкой апельсинами. Вынимают из кармана грязные носовые платки и, сложив их, вертят над головой. Обносят вермутом (сладким вином). На подносе, который несет хитрый крестьянин, довольный, когда отказываются пить, стоят полные рюмки, и сзади идет девушка с полной бутылкой. Какие-то две девочки пяти-шести лет уже совсем пьяны и просят монету. Выступает капельдинер из синемаатографа и хриплым голосом поет под музыку в восемнадцатый раз одну и ту же песню. Я спрашиваю молодую, почему она не танцует, а она мне отвечает, что она с кладбища. И действительно, наш Луиджи будто выкопал ее из могилы. Так мы потели и любовались танцами до 11 часов. Интересного мало. Ты спрашиваешь меня, что я читаю. Толстого в берлинском издании, кончаю III том. Газеты просматриваю регулярно каждый день...

Ты хочешь знать о Пятницком. Он все еще собирается в Петербург. Он как-то опустился, нередко ходит грязным, ничего не читает. С Марьей Фед[оровной] в ссоре, почти никогда не бывает, даже по делу. Появился, только когда приезжал Шалапин, послушать его. Я иногда вижусь с ним. Ну, пора кончать, уже поздно,

первый час ночи, надо спать. Я не выспался. А днем не было времени писать.

Напишешь ли ты мне когда-нибудь большое письмо?

Сегодня получил от Якубовича открытку из Петербурга. Выедет за границу 1-го или 2-го, значит, будет дней через десять. Целую тебя, Верунечка, а ты поцелуй маму, Лидю, детей и тетю. Знакомым кланяйся. Получила ли Лидя и все дети мои открытки?

Твой *Муся*.

Дорогая Верунечка! Наконец собрался ответить на все твои вопросы в твоём более длинном письме от 3-го с. м. Отвечаю в том порядке, в каком ты задаешь вопросы: мой второй рассказ отослал я в «Вісник», но когда напечатают — еще не знаю. Сегодня мы получили (только не я) первую кн. «Современника», где помещен один из моих рассказов «Что записано», а также рецензия на II т. моих рассказов, «Сон» поместят, вероятно, в III кн., а впрочем, не знаю. Сам я не замечаю, что особенно поправился, хотя ем и сплю хорошо. Якубович говорит, что я выгляжу лучше, чем в Чернигове. Временами бывают боли в груди; как схватит, хочется кричать, но не надолго. Я берегу, но все же отчего-то кашляю, особенно по ночам. А в общем могу сказать, что я здоров. Начал писать третий рассказ и должен еще выправить вторую часть перевода для «Заветов». С этим журналом, вероятно, придется подождать до осени, значит денег теперь не будет.

В комнате у меня стоят такие цветы: ирис, фиалки, фрезия, гвоздики и т. д. Масленицу провели мы довольно скучно. В последний день ходили в синематограф, а потом на площадь, где развлекался народ. Было много масок, около двухсот (китайцы, рыцари, арабы, лодка с рыбаками, мужчины, переодетые женщинами, букеты, овощи, англичане и т. п.). Словом, был такой маскарад под открытым небом, как у нас в зале. Потом пошли компанией в кафе и пили мюнхенское пиво. А как-то у нас были блины, довольно хорошие, с икрой и т. д., но было скучно. Граммофон завели, но все-таки гости разошлись

рано. Иногда читаем новые рассказы Бунина. Я своих вещей никому не читаю, их никто не понял бы, да я и не люблю, как ты знаешь. Горький написал очень хороший рассказ «Три дня», а кроме того, семь русских сказок, очень ядовитых, но остроумных и хороших. Вообще он чудесно пишет теперь. Бунин тоже написал много — и все хорошие вещи. Он довольно симпатичный, немного суховатый, вроде академика и очень работающий. Пятницкий никак не может выехать в Россию, как-то опустился, у нас не бывает, ведет неинтересные знакомства, ничего, кажется, не делает и не читает, вообще опустился. Я вижу с ним редко, потому что, когда бы ни зашел, не застаю его дома. Гнатюк пишет мне нечасто. У него снова был плеврит. Как заболел на рождество, так только теперь встал с постели. О Франко ничего особенного не знаю. Кажется, его здоровье не изменилось к лучшему...

С Якубовичем я достаточно повозился. Катались по морю под парусом, ездили в гроты на Анакапри, гуляли и гуляем повсюду. Сегодня он не пришел, боялся мне надоедать. Ему Капри очень нравится. Сюда приехал Миролюбов, редактор «Знания» и «Заветов». Мы долго беседовали с ним, между прочим о моем гонораре. Он все плакался, что у него нет денег, но мы все же договорились, что за переводы моих вещей, уже печатавшихся по-украински, мне будут платить по 70 руб. за лист (переводчику они платят отдельно), а за непечатавшиеся больше, я думаю — рублей по 200 за лист. Увидим.

Тянет меня домой. Хоть тут и хорошо, но я уже очень соскучился. Собираюсь приехать на пасху, когда не будет морозов. А ты мне, Верунечка, пиши, какая у вас погода, сильные ли морозы. Кажется, я ответил на все твои вопросы, только очень нескладно,— пишу второпях. Хочу кончить здесь еще хоть один рассказ и сделать заметки о Капри. Поцелуй маму от меня и скажи, что мы скоро увидимся, пусть только бережет себя, не болеет.

Целую деток и Лидю, знакомым кланяюсь.

А тебя целую отдельно и обнимаю. Не забывай меня, мне очень грустно одному. Все один, а когда еще из дому нет писем, когда ты молчишь, так уж и совсем плохо.

Твой *Муся*.

ПИСЬМА РАЗНЫМ ЛИЦАМ

ПИСЬМО Г. А. МАЧТЕТУ

Чернигов, 1 августа [18]99 г.

Многоуважаемый Григорий Александрович!

Хотя я надеюсь скоро увидеться с Вами в Киеве на съезде, куда, как я слышал, Вы собираетесь, но ввиду того, что к тому времени я могу узнать о результате просьбы, с которой я к вам обращаюсь, — пишу вам несколько слов...

Моя покорнейшая просьба состоит в следующем: здесь, в Черниговском земстве, в должности секретаря редакции «Земского сборника» служит Владимир Иванович Самойленко, один из выдающихся в настоящее время украинских поэтов, переводчик Данта и Мольера, человек образованный, талантливый, глубоко честный и симпатичный. Беда, однако, в том, что, будучи семейным человеком и получая 900 руб. жалованья, он положительно бедствует, и главное, не может рассчитывать на улучшение своего положения, так как в нашей земской управе 900 руб. — это предел, за который перешагнуть никто из служащих не может, — некуда.

Вот эти причины и заставляют г. Самойленко искать какого-нибудь места с перспективами.

Зная, как вас уважают в акцизном мире, и рассчитывая на Ваше влияние в этих сферах, я решаюсь обратиться к вам, многоуважаемый Григорий Александрович, с горячей просьбой помочь В. И. Самойленко

устроиться в акцизе; если можно — в Житомире, а если это на первых порах невыполнимо, то где-нибудь в губернии. Я уверен, что он заслужил бы и у вас уважение и любовь, которыми пользуется здесь.

Г. Самойленко окончил Киевский университет (филологич. факультет), но не держал государственного экзамена; ему 35—36 лет; физиономию его можете увидеть на прилагаемой фотографии: он сидит справа, без шляпы, и держит в руках «лопух».

Если почему-либо не увидимся в Киеве, то, надеюсь, Вы сообщите мне письмом о результате моей просьбы.

Как поживаете? Что Тоня? Поцелуйте ее от меня. Я все лето провозился у себя в садике и нахожу, что это прекрасная вещь и для души и для тела.

До свиданья.

Глубоко уважающий Вас *М. Коцюбинский*.

Вера Иустиновна шлет привет.

Адрес: Северянская ул., собств. дом.

ПИСЬМО М. П. СТАРИЦКОМУ

Глубокоуважаемый и дорогой Михайло Петрович, сердечное спасибо, что откликнулись на наше приглашение. Нам нужен для сборника всякий материал, особенно хотелось бы иметь исторический. За исторический рассказ листа на три печатных мы были бы очень благодарны. Больших вещей вряд ли можно ожидать от наших авторов, обремененных работой, да и объем нашего сборника не позволил бы печатать большие повести или романы. За два-три лирических стихотворения тоже скажали бы огромное спасибо.

Если б срок (до 1 мая) показался Вам слишком коротким, можно было б немного отодвинуть его тахит на месяц.

Очень хорошее дело делаете, надумав издавать ежегодно «Нову раду». Я весьма признателен Вам за память обо мне и постараюсь что-нибудь прислать, только мне хотелось знать, когда именно я должен приготовить Вам материалы, чтобы не задержать Вас. Готового сейчас у

меня нет, а на очереди еще работа для двух альманахов — Одесского и нашего — Черниговского. Однако обещаю хоть небольшой этюд написать для первого выпуска «Н. рады».

Будьте добры, сообщите только, когда последний срок.

Всего наилучшего! С глубоким уважением Ваш

М. Коцюбинский.

18 февраля [1]903.
Чернигов.

ПИСЬМО Л. С. МАРТОВИЧУ

15 ст. ст. V [1]903.

Милостивый государы!

Я все-таки не хочу примириться с мыслью, что ни Вы, ни г. Стефаник ничего не дадите для моего альманаха, хотя Вы не были так добры ответить на мое приглашение. Я такой поклонник Вашего таланта, так люблю Ваше перо, что хотя бы ради этого стоит что-нибудь мне послать. Нетерпеливо буду ждать, так как уже время посылать [альманах] в цензуру.

Искренне Ваш *М. Коцюбинский.*

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «КИЕВСКОЙ ГАЗЕТЫ»

[Вторая половина 1903 г.]

Милостивый государь господин редактор!

Относясь с полным сочувствием к Вашему желанию итти навстречу запросам читателя, выраженному в редакционной заметке в одном из №№ Вашей уважаемой газеты, мы, черниговские подписчики «Киевской газеты», позволяем себе обратиться к Вам с нижеследующим.

В последнее время в обществе все более и более усиливается интерес к проявлениям политической, общественной и культурной жизни наших земляков галичан, что может быть констатировано всяким беспристрастным наблюдателем. Интересующиеся, однако, родственным им по этнографическому составу населением Галиции лишены возможности (по не зависящим от них обстоятель-

ствам) получать галицкие украинские газеты и журналы. Это доступно пока только редакциям наших газет и журналов. Пользуясь этим преимуществом, местная пресса (мы разумеем здесь киевскую, как наиболее ярко представленную) могла бы путем перепечаток из украинских газет пойти навстречу запросам своих подписчиков и восполнить тот пробел, какой теперь замечается ими в органе, стремящемся удовлетворять интересы местного населения.

Ввиду этого мы позволяем себе обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой отвести на столбцах Вашей газеты, по примеру газеты «Волянь», место для отдела под заглавием «Из украинских газет», в котором делались бы перепечатки из галицких газет «Діло», «Буковина», «Руслан», «Громадський голос», журналы «Науково-літературний вісник» и др. Благодаря такому отделу «Киевская газета» выгодно отличалась бы от прочих киевских газет и, мы уверены, приобрела себе еще больший круг читателей.

Ответ на это предложение благоволите прислать в возможно непродолжительном времени...

ПИСЬМО ПОЛТАВСКОЙ ДУМЕ

[Сентябрь 1903 г.]

В Полтавскую думу.

Город Полтава справляет ныне праздник украинского слова. Сто лет прошло, как это забытое и брошенное под деревенской кровлей слово, будто феникс из пепла, воскресло и в устах отца новой украинской литературы. Ивана Котляревского громко прозвучало по всему свету.

Сто лет прошло. Живой организм украинского народа сохранил только корни, его цветы — интеллигенция — завяли и осыпались. Мы видим пропасть: с одной стороны, простой народ, не порвавший с живыми традициями прошлого, с другой — денационализированная, взбаламученная интеллигенция, оторванная от народа.

И вот появляется человек, появляется талант — живая душа народная, — и как мост через пропасть пере-

брасывает радугу поэзии и соединяет оба берега. Он берет из-под деревенской кровли песню народную и переносит ее на другой берег — и звучат в душе интеллигента живые струны. Из пеленок средневековой мистерии освобождает он реалистическую драму и силой своего таланта, своей необыкновенной для того времени человечностью открывает глаза барина и показывает ему, что под грубой свиткой бьется человеческое сердце.

И оживил этот чародей слова организм народный: корни дали побеги, вновь зацвели цветы, зацвели и не завянут.

Черниговское музыкально-драматическое общество, посвятившее свои скромные силы делу развития музыки и драматического искусства, приветствует Вас, полтавчане, в этот незабываемый день, когда Вы отмечаете память для всех нас дорогого отца украинской поэзии и драмы.

ПИСЬМО М. В. ЛЫСЕНКО

[20.XII 1903]

Многоуважаемый Микола Витальевич!

Общее собрание черниговского «музыкально-драматического кружка» приносит Вам сегодня и свою лепту признания и благодарности.

Тридцать пять лет Вы наделяли всех богатством своей души и дарили сердцам нашим те сокровища, с которыми мы теперь — обогатенные, благодарные — приходим на Ваш праздник.

Песня Ваша вела нас, куда Вы указывали. Вы раскрывали сердца наши для добра, наполняли любовью, помогали видеть все прекрасное, заставляли гордиться прошлым, укрепляли надежды. Вы настраивали струны сердец наших на высокий лад — и теперь — слышите голос народа, звучащий, как единый аккорд по всей Украине?!

Он приветствует Вас.

Пусть же еще долго звенит Ваша душа согласно с народной, пусть здравствует еще долгие годы, пусть будет бессмертен наш славный Баян — Микола Лысенко!

ПИСЬМО М. К. ЗАНЬКОВЕЦКОЙ

[Конец 1907 г. или начало 1908 г.]

Многоуважаемая Мария Константиновна!

Каждый, кто знает украинскую сцену, кто знает ее деятелей, тот никогда не забудет Вашего имени, не забудет его и история Украины. Теперь мы дождались этого дня, дождались праздника Вашего труда, и спешим на этот праздник! Незабвенный Кобзарь украинского горя поставил «Слово» на страже, а Вы понесли это слово, чтобы зажигать сердца, чтобы пробуждать им чуткость ко всему светлому и к родному языку. Только пылкая душа, тонкое ухо и острое зрение поведут народ по пути солнца, по пути победительницы Весны!

Мы не имеем возможности перечислить здесь все сделанное Вами для родины; мы не имеем возможности говорить здесь о силе Вашего таланта — к тому же это, наверно, лучше сделает тот, кто посвятит себя изучению нашего искусства, — мы только искренне желаем Вам долгой жизни, силы, энергии, желаем Украине побольше таких людей, как Вы.

Председатель *М. Коцюбинский*.

ПИСЬМО И. Я. ГИНЦБУРГУ

8.VIII [1]909. Чернигов.
(Северянская ул., соб. д., № 3).

Многоуважаемый Илья Яковлевич!

Надеюсь, что письмо (и книжка, которую я посылаю отдельно) застанет Вас в Петербурге. Раньше я не мог ответить на Ваше милое приветствие из Флоренции, так как не знал Вашего адреса. Сердечно благодарю за добрую память. Встреча с Вами оставила во мне наилучшие воспоминания. Признаюсь, меня очаровала Ваша простота, непосредственность, душевная свежесть, свойственная только юности. Я лично очень ценю эти качества, особенно в художнике.

Как Вам жилось в Швейцарии?

Правда, М. С. Боткина в день моего отъезда с Капри мельком упомянула, что получила от Вас письмо, но могла мало сообщить о Вас.

Хорошо ли довели статуэтку Алексея Максимовича? Очень бы хотелось иметь снимок с нее, и если он у Вас будет, то я был бы бесконечно благодарен за присылку его мне.

Надеюсь, что наша встреча на Капри не была последней и что мне еще удастся увидеться с Вами, многоуважаемый Илья Яковлевич.

А пока прошу не забывать поклонника Вашего таланта и искренне расположенного к Вам

М. Коцюбинского.

**ПИСЬМО В КОМИТЕТ ПО СООРУЖЕНИЮ
ПАМЯТНИКА Т. Г. ШЕВЧЕНКО**

Выражая благодарность за честь, которую оказал мне Комитет, избрав меня в члены жюри по оценке проектов памятника Т. Г. Шевченко, сообщаю о своем согласии принять участие в работах жюри.

Запоздал с ответом, так как живу сейчас за границей, а не в Чернигове, куда адресовано было приглашение.

С глубоким уважением *М. Коцюбинский.*

Capri. Italia. 14(27).VII 1910.

ПИСЬМО К М. К. ИОРДАНСКОЙ

29.XII [1]910. Чернигов (Северянская, 3).

Многоуважаемая Мария Карловна.

Простите за поздний ответ. В последние дни мне так нездоровилось, что я не в состоянии был взяться за перо, чтобы поблагодарить Вас за письмо и за книжку журнала. Большое спасибо.

Очень хотелось на возвратном пути заехать в Финляндию и в Петербург и побывать у Вас, но уже в Вене я узнал, что наша поездка на шхеры расстроилась

вследствие болезни жены проф. Иенсена, который и звал меня к себе в Стокгольм. Я нашел неудобным беспокоить своим посещением Иенсена и не поехал в Швецию. Последние дни своих каникул провел в Карпатах, на границе Венгрии, и остался очень доволен живописной и поэтической Гуцульщиной.

Зато Петербург и Финляндия остались в стороне. А жаль. Много хороших впечатлений оставило мне краткое, правда, знакомство с Вами и с Николаем Ивановичем, и возможность вновь встретиться с Вами доставила бы мне большое удовольствие.

С Капри получаю известия часто. И Алексей Максимович, и Мария Федоровна, и Константин Петрович — все очень добры ко мне, не забывают и пишут. Только невеселые вести приходят с Капри. Алексей Максимович так тяжело пережил смерть Толстого, что у него возобновилось кровохарканье, и хотя он бодрится, все же из писем и из фотографической карточки, которую он прислал, я замечаю большую перемену в нем к худшему.

Как-то Вы теперь поживаете? Хорошо ли съездили к немцам? Вспоминаете ли еще рыбные ловли, глаза акул, импровизированные пикники на скалах? Право, хорошо было.

Сердечно желаю обоим Вам в новом году всего лучшего, много здоровья, много радостей в жизни.

А Николаю Ивановичу, вместе с приветом, прошу передать мою благодарность за прекрасную статью «Толстой и современное общество», которая мне очень понравилась.

Еще раз всего хорошего.

Будьте здоровы.

Искренне уважающий вас *М. Коцюбинский*.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПЕРЕПИСКА С А. М. ГОРЬКИМ

1

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

6/19 августа [1]909, Чернигов
(Северянская, соб. д., № 3).

Я виноват перед Вами, многоуважаемый Алексей Максимыч: только теперь посылаю обещанные книги, т. к. жена не могла их разыскать. Да и я не все достал, не удалось. Обратите внимание на книгу: «Литература украинского фольклора 1777—1900 гг.», она может пригодиться для Вашей работы в качестве указателя этнографических материалов. Прилагаю также для образца 3 экз. открытых писем с узорами старинных вышивок на полотенцах. Если они заинтересуют Вас, напишите мне, я вышлю Вам целую серию. Не думайте, пожалуйста, что Вы стесните меня, наоборот, Вы доставите мне этим только удовольствие.

А я все время вспоминаю Вас, всю семью Вашу и сердечно благодарю за доброе отношение ко мне. Вообще у меня столько хороших воспоминаний о Капри, что я до сих пор живу ими. Меня так и тянет назад, на остров чудес, на виллу Spinola.

Вздорные слухи о выселении Вас с Капри всполошили нашу легковерную публику и вызвали тревожное настроение. Признаюсь, я и сам не был спокоен, хотя скептически отнесся к газетным сообщениям. Кому охота или надобность распускать подобные слухи?

Как Вы себя чувствуете, дорогой Алексей Максимыч? От души желаю Вам хорошо использовать лето, побольше впитать в себя солнца, гулять, почаще ловить рыбу, чтобы на зиму запастись силами для уловления людских душ.

Прошу передать мой привет и искреннюю благодарность доброй, хорошей Марии Федоровне. Как здоровье Евгении Федоровны?

Если Мария Сергеевна еще гостит на Капри, пожелайте ей от меня успеха в работе и всего наилучшего. Всем Вашим привет и поклон.

Преданный Вам Ваш *М. Коцюбинский*.

Р. С. Получили ли Вы мою книжку в немецком переводе, посланную из Вены? Д-р Jensen (из Стокгольма) писал мне, что осенью он отправляется в поездку по Швеции читать лекции о Вашем творчестве.

2

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Capri. 28.9 [19]09.

Дорогой Михаил Михайлович!

Беликодушно извините мне невежливость мою — до сего дня не собрался ответить на ваши письма, посылку книг, открыток и на все лестное внимание ваше, кое искренно ценю и за которое сердечно благодарен.

Отчасти — меня, быть может, оправдывает каторжная моя жизнь — работе несть конца! Школа, где я читаю две лекции в неделю по литературе, — а к ним надобно готовиться; осень — идут рукописи, написанные за лето — идут десятками! Авторы же народище нетерпеливый, ответов требуют немедленных. К. П. Пятницкий приехал, и я с ним принужден просмотреть всю работу «Знания» за девять лет — не шутка!

Не думайте, что преувеличиваю заботы мои — право, нет!

Приехавшая сюда рабочая публика — чудесные ребята, и я с ними душевно отдыхаю от щипков и укулов «культуры». В то же время, по мере возможности, они знакомятся с культурою истинной — были в Неаполитанском музее; в старых церквах, в Помпее, будем и в

Риме. Хорошо они смотрят, хорошо судят и — вообще — хорошо с ними демократической моей душе!

А между делом — музыкой занимаемся; живет здесь добрый парень, директор Моск-го им-го музык-го о-ва Сахновский, композитор, пишет оперу и симфонию, устраивает, в праздники, по вечерам концерты — рабочая публика моя и тут на месте...

Все посылки ваши — за исключением книги о происхождении мифа, обещанной вами — помните? — получил, очень благодарен, очень тронут любезностью вашей: вообще я не избалован оной! В самом деле, дорогой М. М. — сердечнейше благодарю вас! Часто вспоминаем о вашем здесь житье.

Коли увидите Влад. Галак. — почтительно поклонитесь ему от ученика и почитателя. Недавно пришлось мне перечитать все его книги — в целях лекторских — и с каким удовольствием сделал я это!

Мало его знают и надо бы ему в интересах большего распространения среди читающей массы — издать все книги свои в «Знании» — серьезно!

Разумеется, устал я за это время и не очень здоров — но сие не мешает мне чувствовать, что жизнь — превосходнейшее занятие для человека моего характера!

За сим — кланяюсь вам, крепко жму руку и еще раз — спасибо!

А попросту скажу — очень я доволен, что встретил вас и большую симпатию вызвали вы в душе моей! Уж извините, коли это «объяснение в любви» покажется вам грубоватым или неуместным.

Поклон вашему семейству, ребятам тоже — конечно.

А. Пешков.

3

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

23.X [1]909. Чернигов
(Северянская, 3)

Большое спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за Ваше хорошее письмо и за все то доброе, что видел в Вас и от Вас. Право, при одном воспоминании о Капри, а в особенности о нашем знакомстве, как-то теплее и светлее становится на сердце... Думаю, что могу

прямо, без страха быть ложно понятым, признаться, что крепко полюбил Вас и чувствую благодарность к случаю, который нас свел.

Не отвечал Вам сейчас же по получении письма, т. к. был болен. Теперь настолько лучше чувствую себя, что могу писать, и первое мое письмо — к Вам. Лежа в постели, я с упорством больного все думал, что Вы вспомните свое обещание и пришлете мне «Лето». Статья Амфитеатрова обострила мое желание, т. к. из нее я узнал, что повесть уже напечатана. Если это не особенно затруднительно для Вас, я очень и очень просил бы Вас, дорогой Алексей Максимович, прислать мне «Лето» в конвертах или иным путем, какой найдете удобным. Так хочется отдохнуть после раздражающих, с нездоровым запахом, недоносков Андреева.

Как Ваш «Уездный город»?

Чем больше думаю над Вашей темой, тем более она кажется мне интересной, стоящей самого серьезного внимания и труда.

В последнее время я чувствовал себя очень плохо и ничего не писал.

Посылаю Вам одновременно с этим письмом книгу Клоустона. Очень буду рад, если она пригодится Вам. Надеюсь, что Вы не забудете искренне преданного Вам

М. Коцюбинского.

Многоуважаемой Марии Федоровне мой сердечный привет.

Вся семья наша от души желает Вам быть здоровым.

4

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

27.VIII [1910. Чернигов
(Северянская, соб. д., № 3).

Дорогой Алексей Максимыч!

Обещал я написать Вам из Стокгольма, а между тем сложилось так, что в Швецию я не ездил. В Вене меня ждало письмо с известием, что поездка на шхеры не состоится по случаю болезни жены моего знакомого.

Конечно, я не решился беспокоить Jensen'a своим визитом и хотел было возвратиться на Капри, где мне было так хорошо. Но до Капри далеко, и я решил закончить свой отпуск отдыхом в Карпатах, на границе с Венгрией... И, в сущности, не очень жалею, что заменил Швецию Гуцульщиной. Если бы вы знали, какой это удивительный, почти сказочный уголок, с густо зелеными горами, с вечно шумящими горными реками, чистый и свежий, точно вчера родившийся. Костюмы, обычаи, весь уклад жизни гуцулов-номадов, проводящих все лето со своими стадами на вершинах гор, настолько своеобразны и красочны, что чувствуешь себя перенесенным в какой-то новый, неведомый мир. Как бы хорошо было, если бы вы хоть раз съездили в Карпаты.

Не утерпел я, взбирался на горы и, конечно, повредил своему здоровью, но было красиво, необычайно красиво, а это главное. Все время я вспоминал Вас и Марию Федоровну, всю Вашу, дорогую для меня, семью, которой я многим обязан. Право, дорогой Алексей Максимыч, мне так было хорошо с Вами, так тепло (не читайте, если не хотите), что Ваш образ навсегда останется во мне, как нечто светлое, незабываемое. Я не умею выражать благодарности, но тем глубже, живее чувствую ее.

Дети были в полном восторге от Ваших подарков. А Оксана опечалена: не привез Вашей фотографии. Этот пузырь уже любит Вас как писателя. Все собираются писать Вам, но, вероятно, не скоро соберутся, т. е. теперь, после каникул, у всех деловое настроение. На меня тоже сразу обрушилась целая лавина работы. Но пока ничего, выношу. О литературной работе сейчас нечего и думать, откладываю на осень.

Собираю понемножку для Вас книги и, когда подберу — пришлю.

Как-то Вам теперь живется, спорится ли работа, ловится ли рыба? У меня впечатления настолько свежи, что еще чувствую вкус Капри, как будто вчера его покинул. Если будете иметь свободную минутку и желание — напишите мне. Доставите большое удовольствие.

Марии Федоровне мой привет и глубокое уважение. Если кто-нибудь из семьи еще на Капри — сердечно приветствую.

Вера Иустиновна (моя жена) велела мне кланяться Вам и благодарить всех за доброе отношение ко мне...
Целую и обнимаю. Здоровья и успеха в работе!

Ваш *М. Коцюбинский*.

Прошу передать мой привет Константину Петровичу. К сожалению, контора «Знания» не выслала каталогов в наше бюро, как мы условились с Константином Петровичем.

5

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Саргі. 8.9 [19]10.

Дорогой Михаил Михайлович!

На прилагаемое письмо я ответил, что право выбора переводчика осталось за автором, и дал г. Васину ваш адрес.

Я его — не знаю. Думаете ли вы, что «критический» очерк нужен?

Если — да, то, на мой взгляд, было бы лучше, если б очерк этот написал малоросс.

Как доехали? Видели Стриндберга?

Каково здоровье?

Все наши кланяются вам. Мой привет супруге вашей и ребятам.

О карточке — не забыл, но еще не имею ее.

Жму руку.

А. Пешков.

Сердечно кланяюсь Вам, Вашей супруге и юной публике. Крепко жму руку. Желаю всего доброго и — до свидания до будущей весны.

Мария.

6

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

9/22.IX [1]910. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимыч!

Наши письма, кажется, разминулись; получили ли Вы уже мое (заказное)?

Васина, письмо которого Вы прислали, я не знаю тоже. Он ко мне не обращался, да если бы и обратился — было бы поздно, т. е. все рассказы для 1-го тома уже переведены Могилянским, и я как раз теперь просматриваю рукопись.

Никакого «критического очерка», конечно, не надо. Если книга понравится, ее будут читать и без «очерка», в противном случае никакой «критич. очерк» не поможет. Да и не надо, чтобы он помогал, это уже «последнее дело».

Чувствую себя неважно, мне только и хорошо на Капри. Впечатления от каприйской природы и от людей так гармонично сливаются и так благотворно действуют на мою психику, что положительно оздоравливают меня.

Как подвигается Ваша работа? Если бы Вы знали, с каким нетерпением жду я продолжения «Окурова» — этой великолепной вещи, которая заставляет с трепетом следить, как крепнет и растет талант, уже выросший, казалось, во весь свой рост.

Сердечно желаю Вам доброго настроения и душевного подъема, необходимого для работы.

Если Юрий Андреевич еще на Капри, передайте ему мою просьбу подарить мне снимок, сделанный им с нас в день второй (для меня последней) рыбной ловли. Эта группа была бы для меня очень дорогим воспоминанием.

Многоуважаемую Марию Федоровну сердечно благодарю за дорогую для меня приписку к Вашему письму и за добрые пожелания.

Всем Вашим прошу передать мой искренний привет.

Мама, жена и дети очень благодарят за внимание и посылают свои лучшие пожелания.

Прошу не забывать

Вашего *М. Коцюбинского.*

7

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Саргї. 29.9 [19]10.

Дорогой Михаил Михайлович!

Не отвечал на письмо ваше потому, что карточку для Оксаны не мог достать, — придворные мои фотографы —

мучители! Снимут и потом шестнадцать дней просишь их — дайте снимочек! А они — кочевряжатся.

Послал вам письмо некоего Васина — получили?

Живем — как всегда, заезжает разный народ российский, сейчас вот ждем артиста Самойлова. Погода была с неделю — противная, шел дождь и весь остров плакал, а ныне установились удивительно ласковые и ясные дни. Виноград собирать начали, поздно в этом году!

Испугались итальянцы холеры и — молодцы! Энергично принялись за нее! Зина, на-днях, съездил в Неаполь и по приезде назад обязан бумагою строгой посетить пять раз доктора под угрозой штрафа за неисполнение сего обязательства.

Я немножко расклеился — не спится и нервы очень шалят. Очень ушиблен румыно-турецким союзом — скверно это для нас! Ясно, что немцы собираются нас колотить серьезно. А мы все еще дремлем.

Желаю вам всего лучшего, кланяюсь семье.

А. Пешков.

8

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

Да, дорогой Алексей Максимович, пришлось мне пережить невеселое время! Почти целый месяц у нас в доме было пять человек больных, не считая меня. А тут еще и Вы меня огорчили своим недомоганьем, хотя, кажется, я не сделал Вам зла. Скучна моя просьба, хорошо знаю, но все же решаюсь: берегите себя. Такова уж обязанность того, кто вечно должен быть молод, силен и бодр. Иначе как Вам внушать ту радость жизни, то светлое, чем живет Ваш читатель?

Догадываюсь, что это я Вас должен благодарить за присылку конторой «Знания» последнего «Сборника». Большое спасибо. «Чудаки», несмотря на Ваше недовольство пьесой, мне очень понравились. Прекрасные типы и положения, интересна задача, вся пьеса прозрачна и звонка. А все же это не то, что «Городок». Вы знаете, я положительно тоскую по продолжению. Это такая вещь (прямо скажу — великая), что из-за нее Вы должны будете примириться с не любимым Вами писателем — Горьким.

Вот только здоровье необходимо. Желая его Вам в наибольшей мере, это не вредно.

Не буду на этот раз утомлять Вас длинным письмом, тем более, что ничего веселого сейчас написать не могу.

Будьте здоровы.

Целую и обнимаю Вас крепко. Не забывайте.

М. Коцюбинский.

9

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

7.XII [1]910. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень виноват перед Вами, и мне самому совестно, что так поздно отвечаю на Ваше письмо, что только теперь собрался поблагодарить за присланное. Большое спасибо, дорогой Алексей Максимович. Хочется верить, что мысли и чувства передаются на большое расстояние — тогда Вы должны были бы почувствовать, как я Вам благодарен за внимание ко мне. «Встречу» прочел с двойным удовольствием: каждое слово напоминало мне Ваш голос, движения — и так ярко встал в памяти тот вечер на Капри, когда Вы читали ее.

Я сейчас под большим впечатлением от «Вассы Железновой», глубокой, сильной и оригинальной вещи. И как это удивительно сделано! Взят комок грязи — а из него брызжут яркие искры и освещают такие тайники, что даже жутко становится. Вот оно — это бездонное, темное материнское чувство — начало всего живущего! По-моему — создана большая вещь. И хочется сказать: спасибо — во имя искусства!

Больно мне было читать, что Вы так тяжело пережили смерть Толстого. Не удивляюсь, конечно, а все же ухудшение в Вашем здоровье сильно меня беспокоило. Как Вы сейчас чувствуете себя? Лучше ли?

Мне тоже тяжело было, но (не знаю, стыдиться ли?) и хорошо было, что на свете бывает большое. Смерть как будто вернее определяет размеры, чем жизнь.

Читаю Сургучева и Шмелева (опять спасибо!). Сургучев мне меньше нравится, чем Шмелев. Шмелев, по-моему, сильнее, глубже и ярче. Во всяком случае очень

хорошо, что «Знание» издало их; есть надежда, что оба выпишутся.

Томик А. Толстого лежит у меня на столе, ждет очереди. Этот автор мне очень нравится, я уже как-то делился с Вами своим впечатлением от его рассказов.

А со мной что-то неладно. Нездоровится, не работается, нет бодрости. Хочу надеяться, что все это скоро пройдет, но пока — довольно скверно. Вот почему даже Вам не мог своевременно ответить, хотя перекинуться с Вами словом доставляет мне большую радость. Так хотелось бы взглянуть на всех вас, как Вы теперь поживаете, как Мария Федоровна, Зиновий Алексеевич (с супругой, конечно). Все ли еще на старом месте, все ли любуетесь, как Иския ежедневно пожирает солнце, или перешли в виллу «Serafina»? Удобно ли Вам там? Не удивляйтесь, что меня интересуют даже мелочи. Это бывает, когда сердце с чем-нибудь срастается. Ну, будьте здоровы, прежде всего здоровы. Сердечно целую и обнимаю Вас. Не забывайте. Марии Федоровне искренний привет и лучшие пожелания. Всего хорошего Зиновию Алексеевичу с супругой.

Ваш М. Коцюбинский.

Вся наша семья посылает приветствие всем вам и благодарит за память. Оксанка в восторге от Вашего письма. Она сейчас больна горлом, лежит. Не забывайте преданного Вам М. К.

10

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Дорогой Михаил Михайлович!

Книжку* вашу прочитал с большим наслаждением, с душевной радостью.

Посылаю вам экземпляр, с замеченными во время чтения ошибками переводчика: не «изба», конечно, а — сакля, и не «воз», а — возок; воз по-великорусски будет — телега груженная. На 25 стран. «одинокая ка(к) палец» — перифраза поговорки «один, как перст» — очевидно? Не очень ловко.

И бомбу руками не разорвешь, конечно, — «взрывом»,

но говорить об этом излишне. Ко второму изданию, ко-
его, надеюсь, нам недолго ждать, это надобно уstra-
нить, — верно?

Писать больше — некогда. Очень занят.

Кланяюсь всему семейству. Как насчет второго тома?
Когда думаете ехать сюда?

Будьте здоровы, крепко жму руку.

А. Пешков.

11

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

19.XII [1]910. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимович!

Своим письмом Вы очень ободрили меня, порадовали. Если Вам нравится книжка — значит, стоит писать. Вы поймете меня. Даже Вам, такому большому художнику, знакомо чувство недовольства собой. У меня оно очень развито. Мои рассказы всегда кажутся мне бледными, неинтересными, ненужными даже и как-то совестно и пред литературой и пред читателем. Печатаешь — по слабости воли. Поэтому одобрение — не всякое, конечно, так дорого и так бодрит. Спасибо Вам.

Просматривая первый том, я тоже заметил много погрешностей, ошибок и опечаток. А все потому, что я не читал корректур. Бегло просмотрел рукопись, не останавливаясь, по просьбе переводчика, на стилистической стороне переводов, так как М. М. Могилянский обещал поработать над переводом и не советовал мне задерживать рукопись. А вышло нехорошо. Он многое проглядел. Если книжка дождетя второго издания, непременно надо будет сделать исправления. Материал для II тома Могилянский обещал приготовить к середине января. Теперь я уже непременно буду читать корректуры.

Но довольно о делах.

Мне хочется знать, как Вы поживаете, здоровы ли, лучше ли с нервами?

Мария Федоровна порадовала меня известием, что «Кожмякин» подходит к концу. Жду с нетерпением. Это моя любимая вещь.

У нас выпал первый молодой, пушистый снег. Легкий мороз. Так чисто и бодро в природе, что я даже принялся за работу. Смотрю на елки, на засыпанный сад, пахнущий снегом, на сани, плывущие среди звона бубенчиков, и думаю: хорошо бы сюда Алексея Максимовича! Порой хочется на Капри, так и тянет, ведь у Вас, должно быть, хорошо теперь. Но когда соберусь — еще не знаю. Самое свободное время у меня летом, в июне.

Наступает новый год. От души желаю Вам здоровья, больше всего здоровья и успешной работы. Целую и обнимаю Вас.

Вся наша семья шлет Вам лучшие пожелания и кланяется.

Не забывайте Вашего *М. Коцюбинского*.

12

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

11 марта 1911 года. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимович!

Это письмо, по моему расчету, Вы должны получить в день своих именин. Обнимаю Вас и целую с глубоким чувством любви, с самыми горячими и сердечными пожеланиями здоровья, сил и бодрости.

С радостью посылаю Вам эти пожелания. Так хорошо чувствовать, что есть где-то светлая, великая душа, источник доброго и прекрасного, которой можешь с открытым сердцем сказать: всего хорошего!

Из письма Марии Федоровны (спасибо ей, доброй, за память!) узнал, что Вы много работаете, что «Кожемякин» почти закончен. С понятным нетерпением ожидаю продолжения этой вещи и — как это ни странно — немножко боюсь, будет ли оно так бесподобно хорошо, как начало. Конечно, мне самому смешны эти опасения, тем более, что они не имеют под собою сколько-нибудь серьезной почвы, но все же, когда знаешь, что создается нечто прекрасное, невольно испытываешь чувство опасения: удастся ли?

Хотя Мария Федоровна и учинила мне строгий допрос, на каком основании чувствую себя плохо, но все же должен сознаться, что со мною что-то неладно. Сердце работает все хуже и хуже, порой приходится ложиться в постель, служебная работа так утомляет меня, что нет уже сил приняться за что-нибудь другое. Осень и зима почти совсем пропали для меня: за это время я смог написать только один небольшой рассказ. Правда, приготовление к печати и корректура II тома «Рассказов» поглотила много времени. На-днях просмотрел последние корректуры и вздохнул с облегчением и... с грустью. I том, очевидно, не вызвал никакого интереса. Три месяца прошло со времени выхода его, а ни один журнал не отметил книжки. Возможно, что такая же участь ждет и II том. Тогда уж мне совсем совестно будет, что подвел «Знание».

С нетерпением жду лета. Капри все время зовет меня, а я боюсь думать о нем, так как не имею уверенности, что смогу опять собраться туда. Почти ничего не удалось заработать зимой — значит, создалось трудно преодолимое препятствие. А между тем вилла в 4 комнаты за 65 лир, с доброй хозяйкой, манит и улыбается.

Я, впрочем, охотно помирился бы и с более скромной обстановкой, лишь бы опять быть вблизи Вас и дорогого для меня семейства Вашего, на Капри. Посмотрим. Пока буду надеяться, хочу надеяться.

Будьте же здоровы, дорогой Алексей Максимович. Моя мама, жена и дети посылают Вам свои лучшие пожелания в день именин и кланяются Марии Федоровне. А я целую руки дорогой Марии Федоровне и благодарю за письмо от всего сердца. Привет Зиновию Алексеевичу с супругой и Константину Петровичу.

Не забывают Вашего *М. Коцюбинского*.

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Саргі. 31.III [19]11.

Михаил Михайлович, дорогой мой, вы — неправы! Первый том вызвал ряд рецензий и, на мой взгляд, довольно интересных. Даже «Речь», вообще относясь к

«Знанию» немилостиво, почтила вашу книгу и добрым, и неглупым отзывом. Был отзыв в «Совр. мире» и в «Современнике», а также и в ряде провинциальных газет.

Выход второго тома еще поднимет интерес к первому, и — я уверен, что скоро вы будете здесь.

Очень огорчен состоянием вашего здоровья и настроением вашим; если бы мог — всячески постарался бы ускорить ваш отъезд сюда.

М. б., мне это и удастся.

Кланяюсь вашей семье, а Оксане — особо.

Будьте здоровы и — до свиданья!

Очень устал, занят, сердит.

А у вас до 83-й статьи драки? Вепе, вепе! Так, конечно, скорее полевеет Русь.

Да если еще с Китаем затеять драку — о!

В ожидании приятных событий — желаю вам бодрости духа.

А. Пешков.

14

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

7.IV [1]911. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу под впечатлением от II части «Кожемякина». У меня все время, до прочтения ее, было странное чувство боязни: а что, если после того высокого подъема, с каким написана I часть, тон упадет — и хотя будет хорошая вещь (плохой, конечно, нельзя было ждать), но все же не то? Дочитав до конца, я облегченно вздохнул с чувством полного удовлетворения. Слабо будет сказать: хорошо. II часть так же великолепна, как и первая. Эпопея русского города, уездной жизни развернулась и вширь и вглубь. Жутко и страшно стало от той обыденщины, которую так спокойно записывал Кожемякин. Будто развернулась страница истории жизни народа, уходящая началом в темное прошлое, а концом задевающая вчерашнее, близкое, знакомое, но плохо сознанное. Фон так хорош, что лучшего трудно желать. А какие чудные люди на этом фоне, везде мрамор, везде резец! Удивительно удался Вам, в частности, Маркуша. И все — люди, чувства, природа — все так воздушно, солнечно, ярко и до боли живо переживается. И за всем чувствует-

ся какое-то проникновение, до конца продуманный синтез. Неподражаемо хороши сравнения. Я считал большим мастером в этом отношении Аннунцио. Но теперь вижу, что у него сравнения часто слишком искусственны, деланны, вычурны, тогда как у Вас они так же неприужденны, свободны и красивы, как прыжок дикой степной лошади (простите за сравнение). О красоте языка нечего и говорить: это школа для русских беллетристов.

Пишу Вам свои впечатления, дорогой Алексей Максимович, не как критик (я этим не грешен), а как простой читатель Ваш, один из многих, и еще по праву человека, которому не чуждо чувство красоты. Мне просто хотелось выразить Вам свой восторг и свою глубокую благодарность. Конечно, повесть еще не окончена. От души желаю Вам здоровья и сил для дальнейшей работы. А дорогую Марию Федоровну хочется мне сердечно поздравить с Вашей чудной вещью. Не знаю только, захочет ли она принять мои поздравления.

О себе ничего хорошего сообщить не могу: попрелажнему хвораю и нервничаю, работать не могу. Впрочем, все это неважно. Совестно только перед А. В. Амфитеатовым, которому, несмотря на обещание, ничего до сих пор не мог дать для «Современника».

Будьте здоровы! Сердечно обнимаю Вас, а Марии Федоровне целую руку. Привет Зиновию Алексеевичу с супругой и Константину Петровичу. Наша семья шлет всем Вам привет и добрые пожелания.

· Не забывайте Вашего *М. Коцюбинского*.

P. S. Все забываю спросить, пригодились ли Вам посланные мною книги. Простите, что не все удалось выслать, некоторых книг не раздобыл.

Спасибо, Михаил Михайлович, за доброе письмо, за хорошее ваше отношение ко мне.

Книги — получил, они мне по недугу, благодарю! За третью часть Кожемякина — опасаясь, языка не нахожу

для неё, пока. Рад, что вы заметили Маркушу, это для меня почти символическое лицо. В третьей части тоже будет Маркуша, но уже на религиозной почве стоящий.

М. Ф. очень кланяется, тронута вашим поздравлением и благодарит. Но — она сама напишет.

Только что воротился из поездки, оглушившей меня рядом тяжких впечатлений, очень устал, накопилась гора почты, спешу отозваться на ваше милое письмо, но отзываюсь кратко.

«Совр[еменник]» скоро выправится, в него входят новые лица, а редактором беллетристического отдела будет в нем В. С. Миролюбов, бывший издатель «Журнала для всех», человек почтенный и в журнальном деле опытный.

Поддержите! Нет ли небольшого рассказа из старых, не переведенного еще на великорусское наречие?

Кланяюсь вашей семье. Жму крепко руку вашу.

А. Пешков.

16

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

16.VII [1]911, с. Криворивня в Карпатах.

Дорогой Алексей Максимович!

Мои надежды на летнюю поездку на Капри так неожиданно рухнули, что я долго не в силах был примириться с этим и даже написать Вам.

Пришлось везти младшего сына в Крым, так как врачи угрожали ему всякими бедами, а на это ушли деньги, собранные на поездку в Италию. Июнь прожил я в Симеизе, а на июль решил ехать в Карпаты, к гуцулам. Предприятие дешевое и не без пользы. Все время провожу в экскурсиях по горам, верхом на гуцульском коне, легком и грациозном, как балерина. Побывал в диких местах, доступных немногим, на «полонинах», где гуцеры-номады проводят со своими стадами все лето. Если бы Вы знали, как величественна здесь природа, какая

первобытная жизнь! Гуцулы — оригинальнейший народ, с богатой фантазией, со своеобразной психикой. Глубокий язычник, гуцул всю свою жизнь, до смерти, проводит в борьбе со злыми духами, населяющими леса, горы и воды. Христианством он воспользовался только для того, чтобы украсить языческий культ. Сколько здесь красивых сказок, преданий, поверий, символов! Собираю материал, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь. Надеюсь рассказать Вам кое-что, когда увидимся.

А увидимся с Вами зимой. Дело в том, что с августа я навсегда бросаю службу. Совершенно неожиданно я получил от «Украинск. литерат. общества» пожизненную стипендию в 2000 руб. с условием не служить. Наши зимы настолько суровы и так вредят мне, что я уже не могу жить в холодное время в Чернигове и решил проводить холодные месяцы — ноябрь — февраль — в Италии. Конечно, прежде всего останавливаюсь на Капри, с которым связано у меня столько дорогих воспоминаний.

Итак, живу надеждой скоро увидеть Вас. Хотел бы недорого устроиться на Капри, так как семья остается в Чернигове, дети учатся, а это требует средств. Надеюсь на помощь и советы доброй Марии Федоровны, которой пишу отдельно.

Как Ваше здоровье, дорогой Алексей Максимович? Работаете ли над «Кожемякиным», не утомляетесь ли слишком работой, хорошо ли спите, гуляете ли? Все хотел бы знать о Вас и был бы очень благодарен, если бы Вы написали мне хоть несколько слов в Чернигов, так как 1 августа я уезжаю домой.

Живу теперь вместе с этнографом Гнатюком, который просит передать Вам привет и спросить, интересуют ли Вас народ. рассказы из жизни «опрышков» — разбойников, народных героев Гуцульщины.

Он мог бы послать Вам сборник таких рассказов,

Будьте здоровы. Сердечно обнимаю и целую Вас, до свидания.

Привет и добрые пожелания всем Вашим и Константину Петровичу:

Ваш М. Коцюбинский.

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Capri. 14.8 [19]11.

Дорогой Михаил Михайлович!

Очень я рад тому, что вы, наконец, все-таки собрались сюда! Доброе дело.

Будете сидеть здесь и писать о гуцулах, а мы — печатать. Собрался тут народ весьма приятный, есть хороший музыкант, интересные художники, литераторы набегают время от времени.

Лето ныне — жаркое, из годов, а — купанье — удивительно! Жаль, запоздаете вы помокнуть в море.

Гнатиюку — поклон и привет. Если он пришлет книжку — буду очень благодарен...

Тороплюсь в море. Много сижу за столом, устаю.

Ждем вас!

Желаю доброго здоровья!

Привет Оксане и всему семейству. М. Ф. — пишет.

А. Пешков.

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

17.X [19]11. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимович!

Прочел сейчас в газетах, что вследствие ухудшения здоровья Вы уезжаете на зиму в Каир. Хотя я и привык ко всяким, подчас нелепым, газетным уткам, связанным с Вашим именем, и, конечно, больше всего желаю, чтобы и последнее известие оказалось подобной выдумкой, а все же обеспокоен.

Как Вы себя чувствуете, дорогой Алексей Максимович? Очень прошу Вас — напишите мне несколько слов о себе, а если Вам некогда, то, быть может, Мария Федоровна будет так добра и известит меня о Вашем здоровье.

Уже то, что так долго нет продолжения «Окурова», беспокоило меня, а теперь я поневоле ставлю в связь одно с другим и тревожусь.

Собирался несколько раз писать Вам, но был очень занят, торопился закончить своих «Гуцулов», чтобы иметь возможность уехать на зимовку на Капри. Выеду в первых числах ноября, приблизительно 5—10, значит, скоро увидимся, а это наполняет меня самой искренней радостью. Я уже соскучился по Вас. Не стану объясняться Вам в любви, так как и без того Вы хорошо знаете мои чувства к Вам и к Вашему семейству.

Не могу сейчас больше писать, подавлен газетным известием. Сердечно целую Вас и желаю здоровья, только здоровья.

Дорогой Марии Федоровне с чувством уважения и преданности целую руку. Вся моя семья посылает Вам искренние пожелания поскорее оправиться и приветствует Марию Федоровну.

Ваш *М. Коцюбинский.*

Жду ответа с нетерпением.

19

А. М. ГОРЬКИИ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Capri. 5.11 [19]11.

Дорогой Михаил Михайлович!

Газеты, конечно, врут, я здоров, как только могу, и в Каир не собираюсь, а вас жду — уже с первых чисел октября. Ждали вас и еще какие-то люди с Карпат, но уехали, не дождавшись.

Конец «Кожемякина» печатается, — все в порядке, как видите!

Читаю российские газеты и сохну со злости, со стыда, с тоски. И еще находятся среди русских журналистов храбрые люди, которые называют Италию «сумасшедшим домом»!

Все и всех учим, а сами не учимся ничему, всюду выступая судьями, да еще такими «компетентными», что, право же, становится стыдно жить здесь и смотреть итальянцам в глаза.

А вы все-таки приезжайте. Очень жду!

Кланяюсь семейству, жму вашу руку.

А. Пешков.

15.V [1]912. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимович!

Несмотря на обещание, я не писал Вам из-за болезни. Зато я все время был с Вами душою и (право, не сентиментальность!) скучал по Вас. Все время чувствовал, что мне Вас нехватает, и многое отдал бы за возможность опять увидеть Вас.

Все ли попрежнему Вы в плену у своего кабинета, все ли так мало гуляете? Надеюсь, что лето не даст Вам зарабатывать, что море, рыбная ловля предъявят свои права. Да, вся надежда моя на рыбу!

Читали ли Вы «Заветы»? Я их не видел, мне не прислали. Судя по содержанию первой книжки, напечатанному в газетах, можно думать, что все разговоры с обоими Викторами, из-за которых я беспокоил Грушевского и других, застряли между книжными полками Вашего кабинета да там и остались. Как это ни странно, но у меня еще и тогда было такое предчувствие. Я только не хотел огорчать Вас своими сомнениями. Ведь широта взглядов, благородное отношение к людям, к какой бы национальности они ни принадлежали, удел немногих, избранных только. Большинство относится к этим вопросам ни тепло, ни холодно.

Над чем Вы теперь работаете, дорогой Алексей Максимович? Это с моей стороны не пустое любопытство. Здесь зачитываются Вашим рассказом «Три дня». Даже кислого, разочарованного в современной литературе читателя рассказ захватывает. А мне это так приятно, как будто я сам написал «Три дня».

Кстати, Вы как-то выразили желание послать что-нибудь, хотя бы небольшую заметку, в «Украинскую жизнь». Если Вы не раздумали, пошлите. Это очень важно для журнала и для нас всех.

Я уже начал работать. Написал два рассказа и хочу попытаться привести в порядок свои каприйские впечатления.

В середине июня думаю опять поехать к гуцулам, посмотреть жизнь, собрать материал для повести. Если бы была возможность, с каким удовольствием приехал бы я хоть на недельку оттуда на Капри!

Ну, будьте здоровы. Сердечно целую и обнимаю Вас. Гуляйте побольше! Вся семья моя посылает Вам свои приветствия и пожелания всего наилучшего.

Не забывайте Вашего *М. Коцюбинского*.

Не можете ли Вы сообщить мне адрес И. А. Бунина?

21

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

Capri. 1912.X.7.

Дорогой Михаил Михайлович!

С января 913 года реформируется журнал «Современник»...

Обращаюсь к вам с просьбою: нельзя ли к январской или февральской книжкам «Соврем.» дать статью на тему «Культурные запросы Украины»? Затем был бы очень нужен очерк по истории украинской литературы. Статьи должны быть педагогического характера и рассчитаны на внимание широких слоев публики. Помогайте, Михаил Михайлович!

Как провели вы лето и каково ваше здоровье? Здесь летом было очень интересно: съехалось множество публики русской, одних художников 17 человек! Среди них были весьма талантливые люди, написавшие прекрасные полотна.

Были и литераторы, — Саша Черный, оказавшийся очень скромным, милым и умным человеком. Евгений Александрович Ляцкий, автор книги о Гончарове, издатель трагических писем Чернышевского, очень славный человек. И еще много разных людей, разно-интересных.

Но лето было плохое: мутное какое-то, неясное и знойное.

Это не помешало нам жить, но все-таки мешало гулять.

Часто вспоминали вас, а вы, за все лето, ни одного письма!

Очень кланяюсь вашей семье.

Будьте здоровы и помогите «Современнику». Рукописи посылайте на редакцию. Нет ли у вас рассказа? Не укажете ли, что бы перевести с украинского?

Крепко жму руку.

А. Пешков.

9.X [1]912. Чернигов.

Дорогой Алексей Максимович!

В письме к Марии Федоровне я подробно объясняю причину своего долгого молчания, хотя все-таки Вы должны были получить мой привет с Карпат, посланный на Капри в конце июня.

Плохо мне, дорогой Алексей Максимович: болею упорно, продолжительно и жестоко; хуже всего — не могу работать. Остается испробовать героическое средство — лечь в лечебницу на продолжительное время и предоставить себя на съедение всяким специалистам, для чего на-днях отправляюсь в Киев.

Ваше письмо порадовало меня: как бы хорошо было, если бы Вам удалось осуществить свою программу в «Современнике»! Это было бы то новое и значительное, потребность чего сознается теперь многими. Я, конечно, всей душой сочувствую и готов помочь. Сегодня же спиываюсь кое с кем относительно нужного Вам материала и, как только получу ответ — сейчас же сообщу Вам. Уверен, что к указанному сроку Вы будете иметь обе статьи.

Нового рассказа у меня сейчас нет, все лето я не писал. В Карпаты я ездил на студии, поработал много и удачно, собрал в высшей степени интересный материал для повести, но все это лежит сейчас под спудом, и не знаю, когда в состоянии буду приняться за работу. Конечно, с удовольствием пришлю Вам первую вещь, какую напишу. А как я соскучился по Вас и по Вашим вещам! После «Трех дней» я уже ничего не читал, хотя стороной слышал, что Вы работали летом. Обрадуйте меня какой-нибудь новинкой, если она появилась в Берлине раньше, чем в России. Вы ведь знаете, какое громадное наслаждение доставите мне.

Слышал также, что в «Укр. жизни» напечатана Ваша отповедь на анкету журнала, и горю нетерпением познакомиться с ней, но как назло последняя книжка «Укр. ж.» застряла где-то в дороге и придется ждать несколько дней.

Решаюсь напомнить Вам (Вы сами просили об этом) обещание Ваше прислать какую-нибудь вещь для юби-

лейного сборника в честь Франко. Как раз наступило время и рукописи поступают по адресу: Австрия, Львов (Lemberg), ул. Супінського, 21, Наукове т-во ім. Шевченка, Ів. Кривецькому. Не напомните ли об этом и Ів. Алек. Бунину?

Очень бы мне хотелось увидеть Вас хоть на короткое время. Кажется, я сразу выздоровел бы от одной встречи. Не забывайте меня, дорогой Алексей Максимович. Мой постоянный адрес — г. Чернигов. Хочется мне знать, как Вы чувствуете себя, здоровы ли, чем заняты.

Вся семья моя посылает Вам горячий привет и добрые пожелания.

Целую и обнимаю Вас сердечно.

Ваш М. Коцюбинский.

23

А. М. ГОРЬКИЙ — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

2.XI [1]912.

Дорогой Михаил Михайлович!

Рассказ во Львов на-днях пошлю, он уже готов, да все нет времени отделать окончательно.

Точно Адрианополь болгарами, окружен я разными делами, и они все растут, а я — умяляюсь под натиском их. Затеяли мы организацию библиотеки и музея по истории борьбы за освобождение в России — давно пора была начать это дело, и вот теперь оно начато.

А затем — журналы. Российский житель почувствовал «подъем духа» и желает «направлять задачи к их естественному разрешению», как пишет мне один мудрый затейник. Все и везде хотят издавать журналы: в обеих столицах, в провинции, на окраинах, и все жалуются, что денег для журналов нет у них. Так что — «дела» — куча! Всем надо писать письма, доказывая, что без денег и капусты не заквасишь.

Мне очень жаль, что вас не было здесь летом, — очень! Хотя само лето было неважное — люди хороши приезжали. А теперь установилась славная погода: как-то особенно ясно, тихо и ласково. День — идет дождь, дует ветер, три, четыре дня совершенно летние, даже странно!

Очень слежу за балканскими событиями, ожидая от разрешения их добра всем славянам. И, вместе с этим, тревожно как-то за Русь, — все более тревожно. Наряду с признаками несомненного оживления идет в ней какой-то болезненный процесс распада, чувствуется неизлечимая усталость. Работаю. Написал пять маленьких рассказов из прошлого, — вы знаете сюжеты почти всех их.

В Москве печатается книжка «Сказок», когда выйдет — пришлю, вам они нравились. Скоро выйдет повесть Алексеича — как-то ее встретит читатель?

А в общем — живу я, как всегда, да и не живу, а или сижу за столом, или стою у конторки. Когда-нибудь до того устану, что упаду на пол и пролежу месяца два неподвижно. Статью для «Укр. жизни» я написал плохо, и это мне стыдно. Но — как меня ругают за нее патриоты великорусские! Завидую им — имеют много свободного времени, могут писать длинно и подробно.

Будьте здоровы, дорогой Михаил Михайлович! Поклонитесь семье вашей.

А. Пешков.

24

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

26 ст. ст. X [1]912, г. Киев.

Дорогой Алексей Максимович! Получили ли Вы и Мария Федоровна мои письма, посланные недавно из Чернигова?

А меня перевезли, наконец, в Киев и уложили в клинику как «тяжелого сердечника». Однако я нахожу, что иногда чудесно этак побаловаться! Какие великолепные люди посещают меня ежедневно, приносят мне все, что я люблю — цветы, книги, самих себя. В окно смотрится то же солнце, которое и Вас греет, — и оттого кажется еще теплее и ласковее...

Как поживаете? Напишите и пришлите, если что напечатали. Обрадуете. Мой адрес: Киев, Бибиковский бульвар, № 17, Университетская клиника проф. Образцова, мне. Целую обоих Вас сердечно и жду вестей.

Ваш М. Коцюбинский.

Вчера было мне очень плохо, огорчила смерть близкого человека — Н. В. Лысенко...

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

1 декабря [1]912. Киев (Бибиковский бульвар, 17, клиника пр. Образцова, палата № 9).

Дорогой Алексей Максимович!

Клянусь доступным мне клочком серого неба, которое, вероятно, голубеет над Вами, что я собирался сейчас же ответить Вам, но «злой рок» преследует меня по неподвижным пятам и разрушает все планы. Умудрился схватить в постели плеврит и еще какую-то очень болезненную гадость—пришлось даже морфий впрыскивать—вообще—свинство. Уже разрешили было мне по 1/2 часа сидеть в кресле, я так радовался, и вдруг—опять у разбитого корыта.

Скверно. Но о болезнях довольно.

Воображаю, как Вы энергично готовитесь к плаванию на «Современнике», вербуете команду, собираете припасы, разводите пары. А я, конечно, рад помочь Вам, чем могу...

Прекрасное место Вашего письма по поводу смерти Лысенко тронуло меня очень. Разрешите мне, дорогой Алексей Максимович, поделиться печатно с украин. читателями этими несколькими строками. Они очень хороши.

С нетерпением жду обещанных «Сказок». Знаю, что они принесут мне много радости в моей «палате».

Алексеичу и Бор. Алек. я еще успел ответить на их письма, но они молчат, полениваются, должно быть. Кланяюсь им.

Чувствую, что написал Вам нечто бессвязное. Но пусть, неважно. Важно лишь (для меня, конечно), чтобы Вы знали, что вдали есть кто-то, кто любит Вас искренне, думает о Вас, рвется к Вам всей душой. Целую Вас. Как здоровье?

Многоуважаемой Марии Федоровне привет и добрые пожелания.

Не забывайте Вашего М. Коцюбинского.

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — А. М. ГОРЬКОМУ

29.XII [1]912. Киев. Университет. Клиника.

Дорогой Алексей Максимович!

Целую, обнимаю и желаю в новом году быть здоровым и так же удачно работать, как в прошлом.

Спасибо за Ваше хорошее письмо и за «Сказки». Оба издания получил беспрепятственно и сейчас же прочитал с редким наслаждением. Сколько там любви к человеку, сколько знания его души и понимания природы. Чудесная, солнечная книга! И если я не написал после прочтения ее (как когда-то обещал Вам), то причиной этому *vie pajoge*. Не теряю надежды вместе с Вами распить в честь «Сказок» бутылку «Віансо».

Обращаюсь к Вам, дорогой Алексей Максимович, за советом и решаюсь беспокоить потому, что мне не удалось узнать адрес К. П. Пятницкого. Дело в том, что Константин Петрович — вот уже больше года прошло — не обращался ко мне ни лично, ни письменно с предложением от «Знания» издать третий том моих рассказов. Между тем московское «Книгоиздательство писателей» предлагает мне печататься у него на более выгодных условиях. Вот я, за невозможностью разыскать Константина Петровича, обращаюсь к Вам с просьбой разрешить мои сомнения — не будет ли с моей стороны некорректностью переход от «Знания» к «Писателям».

Хотя мне неведомы Ваши побуждения, но все же ободряет тот факт, что и Вы печатали свои «Сказки» не у себя, а в Москве.

Как жаль, что я не с Вами. Я буквально тоскую по Вас и по Капри. Прошу передать И. А. Бунину и Вере Николаевне мой искренний привет и добрые пожелания, Алек. Алек., Борису Алекс. и Ивану Егоровичу пишу. Кончаю письмо, устал, что заметно и по почерку. Еще раз целую Вас от всего сердца, Не забывайте.

Вашего М. Коцюбинского.

М. Горький

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ

«Прекрасное — это редкое», — говорили Гонкуры. Он был одним из тех редких людей, которые при первой же встрече с ними вызывают благостное чувство удовлетворения: именно этого человека ты давно ждал, именно для него у тебя есть какие-то особенные мысли!

В мире идей красоты и добра он «свой» человек, родной человек, и с первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить с ним больше.

Обо всем подумавший, он как-то особенно близок хорошему, и в нем кипит органическая безгливость к дурному. У него тонко развита эстетическая чуткость к добру, он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нем живет чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоймость добра.

Однажды, рассказывая ему план организации на Руси широкого демократического книгоиздательства, я услышал его мягкий голос, задумчивые слова:

— Нужно бы вести из года в год «Летопись проявления человеческого», — ежегодно выпускать обзор всего, что сотворено за год человеком в области его заботы о счастье всех людей. Это было бы прекрасное пособие людям для знакомства их с самими собою, друг с другом. Нас ведь больше знакомят с дурным, чем с хорошим. А для демократии такие книги имели бы особенно огромное значение...

Он очень часто говорил о демократии, о народе, и всегда это было как-то особенно приятно слушать и поучительно.

Я рассказал ему однажды, тихим вечером, легенду о калабрийце Чиро, угольщике, который в 49 году, во время борьбы Сицилии против Фердинанда Бомбы, пришел к благодарному Руджиера Сеттимо и простодушно предложил:

— Синьор, если неаполитанский деспот победит, он, наверное, захочет отрубить вам голову, — да? Тогда, синьор, предложите ему три головы за одну вашу: вот эту, мою голову, голову брата моего и зятя. Мы все ненавидим Бомбу так же, как и вы, синьор, но — маленькие люди — мы не сумеем так умно и успешно бороться за свободу, как умеете вы. Я думаю, что от этой меры народ очень выиграет, а Бомба, вероятно, с большим удовольствием убьет троих, вместо одного, — ведь он, бездельник, любит убивать! Мы же с радостью умрем за свободу.

Легенда понравилась Михаилу Михайловичу; радостно поблескивая ласковыми глазами, он сказал:

— Демократия всегда романтична, и это хорошо, знаете! Ведь романтизм наиболее человеческое настроение; мне думается, что его культурный смысл недостаточно понят. Он преувеличивает, ну-да! Но ведь он преувеличивает добрые начала, свидетельствуя этим, как велика жажда добра в людях.

Был такой случай: оценилась, впервые и очень мучительно, большая романская овчарка; щенята рождались мертвыми; собака, истерзанная болью, почти издыхала, и эта тяжелая картина вызвала совершенно ясное чувство сострадания у фокстерьера, тоже суки, но еще не родившей.

Маленькая изящная собака поражала напряженностью своих ощущений: с тихим воем, бегая вокруг овчарки, она слизывала слезы с ее измученных глаз и сама плакала; мчалась в кухню, хватала там кости и стремглав несла их больной, бежала к людям и, тихонько, жалобно лая, прыгала на них, как бы прося о помощи, и все плакала, — капали слезы из ее прекрасных глаз. Это было очень трогательно и даже немножко жутко.

— Это — удивительно! — волнуясь, сказал Коцюбинский. — И я ничем иным не могу себе объяснить такой силы чувства у собаки, как тем, что люди создали уже

вокруг себя настолько неотразимую и внушительную атмосферу человечности, которая способна перевоспитать даже животное, привив ему нечто от души человека.

Человечность, красота, народ, Украина — это любимые темы Коцюбинского, они всегда были с ним, как его сердце, мозг и славные, ласковые глаза.

Он очень любил цветы и, обладая солидными знаниями ботаника, говорил о них, как поэт. Было приятно видеть, когда он, держа в руке цветок, ласкал его и рассказывал о нем:

— Смотрите, вот орхидея приняла форму пчелы: этим она желает сказать, что не нуждается в посещении насекомых. Сколько разума всюду, сколько красоты!

Его больное сердце мешало ему ходить по неровным тропинкам Капри, по камням, горячо нагретым солнцем, в жарком воздухе, густо насыщенном запахами цветов, но он не щадил себя, гулял много, часто — до утомления.

И когда, бывало, скажешь ему:

— Зачем вы позволяете себе уставать?

Он отвечал, легко побеждая советы благоразумия:

— Хочется видеть как можно больше: мне ведь недолго жить на земле, а я ее — люблю...

Он особенно нежно любил свою Украину и часто слышал запах чебреца там, где его не было.

А однажды, увидев у белой стены рыбацкого дома бледнорозовые мальвы, весь осветился улыбкой и, сняв шляпу, сказал цветам:

— Здоровеньки були. Як живеться на чужини?

Сконфузился и пошутил:

— Знаете, немножко сентиментальным становлюсь. Но ведь и вам, думаю, нередко вздыхается по белой березе, которой вас секли, бывало? Э, все люди — люди, а кто не человек — да будет ему стыдно!

Он любил Капри и писал о нем:

«Чувствую себя неважно, мне только хорошо на Капри. Впечатления от каприйской природы так гармоничны и так благотворно действуют на мою психику, что положительно оздоравливают меня».

Но я думаю, что это не совсем верно, и тепличный воздух острова не был полезен ему. А к тому же его украинское червонное сердце всегда было на родине, — ее скорбями он жил, ее муками мучился.

Бывало, видишь: идет он тихо, немножко согнувшись, обнажив сияющую голову, с тем вдумчивым лицом, как на портрете Жука, видишь и догадываешься: думает о своей Черниговщине.

Так и есть: пришел в свою белую комнату, сел утомленно в кресло и говорит:

— Знаете, там, по пути к Агса Naturale, стоит хата совсем такая, как у нас! И люди в ней — наши: дидусь такой ветхий и мудрый сидит на пороге с трубкой и баба такая же, да еще и дивчина с карыми очами — полная иллюзия. Только вот горы, камень, море! А то — все, и солнце, как у нас!

И начинал тихонько говорить о судьбах родины, о будущем ее, о ее людях, любимых им крепко, о литературе, о благотворной работе загубленного ныне [общества] «Просвіти». Слушаешь его и видишь человека, который именно обо всем подумал и то, что знает, знает хорошо.

В июне 1911 года он писал с Карпат, из Криворивни:

«Все время провожу в экскурсиях по горам, верхом на гуцульском коне, легком и грациозном, как балерина. Побывал в диких местах, доступных немногим, на «полонинах», где гуцулы-номады проводят со своими стадами все лето. Если бы знали, как величественна здесь природа, какая первобытная жизнь! Гуцулы — сригинальнейший народ, с богатой фантазией, со своеобразной психикой. Глубокий язычник, гуцул всю свою жизнь, до смерти, проводит в борьбе со злыми духами, населяющими леса, горы и воды. Христианством он воспользовался только для того, чтобы украсить языческий культ. Сколько здесь красивых сказок, преданий, поверий, символов. Собираю материалы, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь».

А в следующем письме из Чернигова ему пришлось сказать:

«Не утерпел я, взбирался на горы и, конечно, повредил своему здоровью: но было необычайно красиво, а это главное».

Не щадя в стремлении к знанию жизни и красоты ее своих физических сил, он и к своему таланту поэта относился чрезмерно строго, предъявляя к себе требования слишком суровые: «Чувство недовольства собою

у меня очень развито», — не однажды говорил он мне. «Мои рассказы всегда кажутся мне бледными, неинтересными, ненужными, и даже как-то совестно перед литературой и читателем», — писал он в 1910 году.

Эти мысли, казалось мне, всегда были с ним и неотступно точили его измученное сердце.

Спрашивает:

— Вам нравится «Самотній»?

— Это лучшее из трех ваших произведений в прозе, а они все, на мой взгляд, очень хороши...

Он грустно улыбается.

— А я прочитал сегодня утром и стало неловко. Никому это не нужно, неинтересно никому. Что за вой? Все люди одиноки. И не так нужно писать об этом проклятии нашем!

Потом продолжал уже сердито:

— Да там еще в конце гордый крик есть, — это уж и не искренно, а так сказано, — для самоутешения. Чем тут гордиться? Одинок, значит, не нужен никому.

Мы часто беседовали на эту тему, и всегда он жестоко казнил себя.

— Смотрите, как это хорошо:

Жаль маю до землі
Бо тіні, що вкривають її
Пересунуться на інше місце
І де було тьмяно і сумно,
Знов ляже золото сонця...

Он усмехнулся и тотчас переделал эти строки в юмористическое стихотворение...

Однажды ему сказали:

— Какая верная и страшная вещь ваш «Сміх».

Он небрежно отмахнулся рукою:

— Да это ж заимствовано! И неумело сделано, — в жизни этот смех страшней и законней.

Иногда было досадно, чаще — больно слышать такие возгласы: много звучало в них великой искренней муки.

Но, относясь безжалостно к себе, к другим он относился очень снисходительно, умея всюду, даже в плохом, найти хорошее — меткое слово, звучную фразу.

— Дорогой мой, — сказал он однажды ночью, когда море и остров молчат так странно, точно в тихом изум-

лени ждут чего-то необычайного,— столько видано, столько пережито, в душе волнуется целый мир образов, мыслей, каких-то до слез простых и ласковых песен! Так бы дождем с неба и опрокинул все это на землю, на людей, а — не удается, не умеется!

Не удавалось — да, но он мог бы, он бы сумел написать прекрасные большие вещи: многое у него было уже до конца продумано, готово и — красиво, оригинально, по-своему. Не удавалось потому, что за три года нашего знакомства почти в каждом письме его звучала, все усиливаясь, одна и та же нота:

«Должен сознаться, что со мною что-то неладно. Сердце работает все хуже и хуже, порою приходится ложиться в постель, работа так утомляет меня, что нет сил приняться за что-либо другое».

«Почти ничего не удалось заработать зимою, значит, создалось трудно одолимое препятствие. А между тем вилла в четыре комнаты за 65 лир, с доброй хозяйкой, манят и улыбаются».

И наконец 9/X 912 он писал:

«Плохо мне, дорогой А. М., болею упорно, продолжительно и жестоко; хуже всего — не могу работать. Остается попробовать героическое средство: лечь в больницу на продолжительное время, для чего на-днях отправляюсь в Киев».

А из клиники Образцова он бодро сообщает:

«Перевели меня, наконец, в Киев, уложили в комнату «как тяжелого сердечника». Однако я нахожу, что иногда чудесно эдак побаловаться! Какие великолепные люди посещают меня ежедневно, принося мне все, что я люблю,— цветы, книги, самих себя! В окно смотрит то же солнце, которое вас греет, и оттого кажется еще теплей и ласковей».

Он любил сказать человеку ласковое, хорошее слово и даже в этот день, сильно огорченный накануне смертью Н. В. Лысенка, все-таки нашел в душе это слово, милый...

Он знал, что скоро умрет, и нередко говорил об этом просто, без страха, но и без наигранной бравады, которую многие рисуются столь лживо.

— Смерть необходимо победить, и она будет побеждена! — сказал он однажды.— Я верю в победу разума

и воли человека над смертью так же, как в то, что сам скоро умру. И еще умрут миллионы людей, а все-таки, со временем, смерть станет простым актом нашей воли — мы будем отходить в небытие так же сознательно, как отходим ко сну. Смерть будет побеждена тогда, когда большинство людей ясно сознают цену жизни, поймут ее красоту, почувствуют наслаждение работать и жить.

Человек высокой духовной культуры, солидно вооруженный знанием естественных наук, он внимательно следил за всем, что творится в области борьбы со смертью, но и поэзия умирания, поэзия непрерывной смены формы тонко чувствовалась им.

Не раз, благодарно глядя на серые скалы Капри, богато одетые пышной зеленью трав и цветов, он говорил:

— Какая сила жизни! Мы привыкли к этому и не замечаем победы живого над мертвым, действенного над инертным, и мы как бы не знаем, что солнце творит цветы и плоды из мертвого камня, не видим, как всюду торжествует живое, чтоб бодрить и радовать нас. Мы должны бы улыбаться миру дружески...

Он очень умел улыбаться так — всему улыбкой друга. По поводу смерти Л. Н. Толстого он писал:

«Больно мне было читать, что вы так тяжело пережили смерть Толстого. Мне тоже тяжело было, но — не знаю, стыдиться ли? — и хорошо знать, что на свете бывает большое. Смерть как будто вернее определяет размеры, чем жизнь».

Для меня смерть Михаила Коцюбинского определилась как тяжелая личная утрата, я потерял сердечного товарища.

Прекрасный, редкий цветок отцвел, ласковая звезда погасла. Трудно жилось ему: быть честным человеком на Руси очень дорого стоит.

Беднеет наше время хорошими людьми, — насладимся грустью воспоминаний о них, о красоте этих светлых душ, любивших беззаветно людей и весь мир, о сильных людях, которые умели работать для счастья родины своей.

Вечная память честным людям!

ПРИМЕЧАНИЯ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

Автобиографические письма №№ 1, 2 М. Коцюбинский написал для издательства «Вік», которое печатало в сборниках «Вік» произведения Коцюбинского и просило прислать биографические сведения.

Письма №№ 3, 4, 5 адресованы львовскому литературоведу М. Мочульскому, обратившемуся к писателю с просьбой дать автобиографию для его работы о жизни и творчестве Коцюбинского.

Оригиналы писем № 1, 2 хранятся в отделе рукописей Института украинской литературы им. Шевченко Академии наук УССР.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 7)

«Дзвінок» — украинский иллюстрированный двухнедельный журнал для детей и юношества, выходил во Львове с 1890 по 1914 г. Здесь в 1890 г. было напечатано первое произведение М. Коцюбинского — стихотворение для детей «Наша хатка».

Третий томик, о котором пишет Коцюбинский, вышел в свет под названием «Поединок», Львов, 1903, в издательстве «Українсько-руська видавничя спілка» (Украинское издательское товарищество).

(Стр. 7)

«*Основа*» — украинский ежемесячный литературно-научный журнал, выходивший в Петербурге в 1861—1862 гг.

Марко Вовчок (1834—1907) — псевдоним известной украинской писательницы демократического направления Марии Александровны Вилинской-Маркевич.

«*Правда*» — ежемесячный литературный журнал, орган галицких «народовців» (реакционное политическое течение в Галиции), выходил во Львове с перерывами с 1867 по 1898 г.

«*Буковина*» — общественно-политический журнал либерального направления, выходил в Черновцах с 1885 по 1918 г.

«*Життя і слово*» — двухмесячный журнал, вестник литературы, политики и науки, выходил во Львове в 1894—1897 гг. под редакцией Ивана Франко.

«*Зоря*» — иллюстрированный двухнедельный журнал, выходил во Львове с 1880 до 1897 г. С 1898 г. его, как центральный украинский литературный журнал, сменил «Літературно-науковий вісник».

«*Киевская старина*» — ежемесячный журнал, выходил с 1882 до 1906 г. в Киеве на русском языке.

(Стр. 10)

«Літературно-науковий вісник» — (ЛНВ) литературно-научный журнал, выходил с 1898 г. во Львове, с 1907 до 1917 г. — в Киеве. Имел претензию быть центральным «беспартийным» литературным органом на Украине, в последний период своего существования был органом украинской буржуазно-националистической интеллигенции. Ввиду отсутствия органов демократической печати на Украине Коцюбинскому, как и другим прогрессивным писателям, приходилось печататься в этом журнале.

«*Русское богатство*» — один из наиболее известных «толстых» журналов в России. Основан в 1876 г., в девяностые годы стал органом либерального народничества. Редактировался Н. Михайловским и В. Короленко. Выходил до 1918 г.

«*Жизнь*» — марксистский журнал, выходил с 1897 по 1901 г. В нем сотрудничали В. И. Ленин и М. Горький. Журнал широко

освещал вопросы украинской литературы. Здесь печатались переводы произведений Коцюбинского, Франко, Стефаника, Кобылянской, Мартовича, критические статьи Леси Украинки. Был закрыт царским правительством за помещенную в журнале «Песню о Буревестнике» М. Горького.

«Русские ведомости» — большая ежедневная газета либерального направления, выходившая в Москве с 1863 по 1918 г.

«Наука и жизнь» — еженедельный иллюстрированный журнал, выходил с 1890 г. в Москве.

«Южные записки» — еженедельный журнал либерально-народнического направления, выходил с 1902 г. в Одессе.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 13)

Ното homini deus (лат.) — человек человеку бог.

Самийленко Владимир (1864—1925) — украинский поэт либерального направления.

Сембратович Роман (1876—1906) — украинский журналист, редактор венского журнала «Ruthenische Revue («Ukrainische Rundschau)», освещавшего вопросы украинской жизни.

«Южное обозрение», «Одесский листок» — одесские газеты.

«По морю и суше» — одесский литературно-художественный двухнедельный журнал.

«Казбек» — литературный журнал, выходивший во Владикавказе.

«Нива» — иллюстрированный еженедельный журнал, выходивший в Петербурге с 1869 до 1917 г.

«Детский отдых» — журнал для детей.

ПИСЬМО № 5

(Стр. 15)

Козьмодамианский монастырь в Крыму Коцюбинский посетил в 1896 г. (см. письмо к жене от 2/X 1896 г.).

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ИВАН ФРАНКО (БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА)

При жизни М. Коцюбинского заметка напечатана не была. Автограф сохраняется в Черниговском музее М. М. Коцюбинского.

Школа отцов Василиан (стр. 19) — немецкая четырехклассная школа монахов при Дрогобычском монастыре.

«*Во времена отца...*» и т. д. (стр. 20). — Цитируется из автобиографического письма И. Франко, напечатанного в сборнике «В поті чола» (Львов, 1890 г.)

Красицкий (стр. 20) Игнатий (1735—1801) — польский писатель-сатирик.

Часть «Иова», несколько глав «Исаи»... (стр. 21). — Имеется в виду стихотворное переложение нескольких глав из Библии.

«*Краледворская рукопись*» (стр. 21) — признанная подложной рукопись чешского народного героического эпоса.

Драгоманов (стр. 21) Михаил Петрович (1841—1895) — известный украинский ученый и общественный деятель. В молодости объявлял себя приверженцем социализма, но не пошел дальше буржуазного радикализма. Ленин разоблачал реакционную сторону его деятельности.

«*Бестолковый процесс...*» и т. д. (стр. 21—22) — Цитируется из автобиографического письма И. Франко, напечатанного в сборнике рассказов «В поті чола».

Павлик (стр. 22) Михаил (1850—1915) — галицкий украинский общественный деятель, один из руководителей радикальной партии, ближайший сотрудник И. Франко.

«*Тяжелая это была дорога...*» (стр. 23) — Цитируется по тому же автобиографическому письму И. Франко.

«*Проти рожна перти...*» и т. д. (стр. 23) — первая строфа стихотворения И. Франко «Semper idem», напечатанного в сборнике стихов «3 вершин і низин» (1893).

Вопреки теченью
На рожон итти,
Крест свой от рожденья
До смерти нести!

(Перевод Н. Асанова)

Катехизис экономического социализма (стр. 23) — брошюра, которую И. Франко называет катехизисом, была напечатана в 1878 г. во Львове без подписи автора.

Певец измены (стр. 24.) Речь идет статье «Der Dichter des Vergates» («Поэт измены»), напечатанной И. Франко в венском журнале «Die Zeit» (1897, № 36).

Указатель его произведений (стр. 29). — Имеется в виду книга М. Павлика «Спис творів Івана Франка за перше 25-літте його літературної діяльності», Львов, 1898, 128 стр.

ЛИРИКА ФИЛЯНСКОГО

Рецензия напечатана в журнале «Літературно-науковий вісник», 1907, кн. I, январь, стр. 179—181.

Филянский Микола (1873 — ?) — украинский поэт-декадент.

«*В обрах неба озій зор*» (стр. 30) — на горизонтах неба громады звезд.

«*Весілля*» (стр. 30) — по-украински «свадьба», а не веселье, радость.

Я даль небес твоих и славлю и прославляю,
И мудрость мудрую и тайную твою,
И лоно волн земных, где сердцем я размышляю,
Горжусь, радуюсь, рыдаю, продаю.

«*Як рокіт хвиль на хвилях грає...*» (стр. 31) — Как рокот волн в волнах играет.

Без дум, без жалости, без муки
Мы сонным варварам науки
Даем могил за рядом ряд,
И нам их не вернуть назад.

И внук, наш дальний внук, чей ясногордый ум
Пролетит песнею над лоном сонных дум,
Родными нивами пройдет он в ясный час,
Былого эха он услышит скорбный глас,
Воспоминаний груз положит он на нары (sic!)
Сынов Украины бескровную отару...

Шути, шути, щоб сон девичий
Преодолен был в ласках ночи,
Чтоб капли сонного листа
Молили жадные уста,
Не умолив, побледнели спозаранку,
Отдавши чар останки...

(Перевод И. Дорбы)

Meleagrina Margaritifera (стр. 31). — Даем прозаический перевод этого стихотворения: «На фарчи[?], красках, на рисунках я вижу шутики и поцелуи, и колыхание сонных ветвей, и волн высоких ясный след, тьму ночи и утренний рассвет, к себе зовущий последнюю шутку, и струн вечерних тихий ряд, что кличет сердца сонный лад. Кого ж под рокот волн зазвала, пред кем одежды ты снимала, и где жемчужин делся ряд — зачем мне расспрашивать?» (Перевод И. Дорбы).

ИВАН ФРАНКО

Реферат, прочитанный Коцюбинским в черниговском обществе «Просвіта» в 1908 г. Впервые был напечатан отдельной брошюрой в 1917 г. в изд. «Криниця» в Киеве. Готовясь к выступлению в обществе «Просвіта», Коцюбинский в некоторой мере использовал свою старую биографическую заметку «Иван Франко» (см. примечания к ней).

Москвофилы и народовцы (стр. 36) — два политических течения среди галицкой интеллигенции, оба реакционные. Москвофилы ориентировались на русский царизм, народовцы составляли лагерь украинского буржуазного национализма.

«Одни считали литературу...» и т. д. (стр. 38). — Цитируется по статье И. Франко «З останніх десятиліть XIX в.» — ЛНВ, 1901, т. XV, стр. 54. Оттуда же Коцюбинским взят ряд характеристик галицкой жизни.

«Бросали новый свет...» и т. д. (стр. 39) — там же, стр. 13—15.

Кулиш Пантелеймон (1819—1897) (стр. 40) — украинский писатель буржуазно-националистического направления.

«*Просвіта* (стр. 41) — название различных украинских буржуазно-просветительских организаций, существовавших в Галиции с 1868 г., а на Украине возникших после революции 1905 г.

«ТИ, БРАТЕ, ЛЮБИШ РУСЬ...»

(Стр. 44)

Ты, братец, любишь Русь,
Как любишь хлеб и сало,—
Я ж лаю день и ночь,
Чтоб сном не засыпала.

Ты, братец, любишь Русь,
Как пиво золотое,—
Я ж не люблю, как жнец
Не любит в поле зноя.

Ведь твой патриотизм —
Одежда показная,
А мой — тяжелый труд,
Горячка вековая.

Ты любишь в ней господ
Блистанье да сверканье;
Меня ж гнетет ее
Извечное страданье.

Ты любишь Русь, за то
Тебе почет и слава,
А предо мною Русь
Избита и кровава.

Ты, братец, любишь Русь,
Как заработок верный,—
Я ж не люблю ее
Из-за любви чрезмерной!

(Перевод Е. Нежинцева)

Это стихотворение («Седоглавому») — в сборнике И. Франко «Мій ізмарagd», Львов, 1898. Русь здесь надо понимать как Украину.

«НА СТІНІ РОЗВІШАНІ ДОВКОЛА...»

(Стр. 45)

На стене, в углу, в божнице старой,
Древние иконы со святыми:
Страшный суд, Никола да Варвара,
Как от дегтя в копоти и дыме.
Вот и все от божеских устоев —
Не совсем и письменность забыта:

Там в тряпье, под матицей, святое,
Безымянное письмо зашито.
Да указ о барщине проклятой,
Роспись прадеда на тридцать палок,
Деда жалоба на клин изъятый,
Акт отца лицитацийный мятый.

(Перевод М. Комиссаровой)

Отрывок из стихотворения «На Подгорье, в долах, по низинам» из того же сборника.

Акт лицитацийный (стр. 45) — документ о продаже имущества с аукциона за долги.

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЕ...» и т. д.

(Стр. 46)

Ты ненавистен мне, парящий надо мною,
За то, что ты в груди скрываешь сердце злое,
За то, что хищен ты, за то, что с высоты
На тех, чью кровь ты пьешь, глядишь с презреньем ты,
За то, что слабая тебя боится тварь.

(Перевод В. Державина)

Из стихотворения «Беркут» в сборнике «3 вершин і низин». Львов, 1893.

«До всіх, що лют свій ніг і кров...» (стр. 47) — из стихотворения «Моя любовь» в том же сборнике.

«ХОЧ ПОРОХ ЧОЛОВІК...»

(Стр. 48)

Хоть люди тленны, но в тлен я этот верю:
Я твердо верю в труд людей могучий
И в миллионы неустанных рук,
Я твердо верю в ум людей кипучий
И в ясный день за ночью слез и мук.

(Перевод Ал. Дейча)

Из поэмы «Новая жизнь» в том же сборнике.

«Не в людях зло...» (стр. 48) — из стихотворения «Не люди
нам враги» в том же сборнике.

«ЗЕМЛЕ, МОЯ ВСЕПЛОДУЩАЯ МАТИ...»

(Стр. 49)

Дай мне, земля, в эти мрачные годы
Силы, бурлящей в твоей глубине,
Силы стоять на защите свободы
Каплю хоть мне!

Дай теплоты, чтобы грудь оживила,
Чувства согрела, очистила кровь
И безграничную в сердце вселила
К людям любовь!

Дай мне огня, чтобы словам воспламениться,
Души будить громовую дай власть,
С правдой лишь знаться, с неправдой сражаться
Вечную страсть!

Силу рукам дай, чтоб с гнетом не сжиться,
Ясности мыслям — не сдаться в беде,
Дай мне трудиться, трудиться,
Жизни — в труде!

(Перевод Е. Нежинцевой)

Это стихотворение в том же сборнике.

«НЕ ПОКИДАЙ МЕНЕ...»

(Стр. 49)

Не разлучай меня с горючей болью,
Не покидай меня, о дума-мука,
Над братским горем, над людским бездольем!

(Перевод М. Цветаевой)

Начальные строки стихотворения «Не разлучай меня с горючей болью» в том же сборнике.

«ЧОГО ЯВЛЯЕШЬСЯ МЕНЕ У СНИ...»

(Стр. 50)

Зачем тревожишь мой покой.
Ночной?
Зачем опять передо мною
Твой грустный взор, объятый тьмой,
Холодный, словно дно речное?
Зачем уста твои немы?
Какой укор или страданье,
Какое тайное желанье
Далеким заревом их тронут,
Поднимутся и вновь потонут
Средь тьмы?
Зачем тревожишь мой покой
Ночной?
Ты столько мной пренебрегала,
Ты силы сердца надорвала,
И только ты тому виной,
Что грустью песнь полна глухой
Одной.
Ты в жизни знать меня не знаешь,
На улице не замечаешь,
Я поклонюсь, а ты пройдешь
И головою не кивнешь,
Но нет, ты знаешь, знаешь, знаешь,
Как я горю в любовной муке,
Сквозь сон протягиваю руки,
И в годы тягостной разлуки
Все горе, песен жар и зной
Я хороню в душе больной.

Постой!
 Звезда моя, приди в ночной
 Покой!
 Мне век не встретить облик милый —
 Нет силы.
 Пусть сердце, что в тоске-заботе,
 Подобно жемчугу в болоте,
 Бледнеет, вянет без утех,—
 Хотя б во сне тебя увидя,
 Хотя б в печали и в обиде
 Забьется, как в груди у всех,
 Покорное любовной власти,
 Узнает золотое счастье,
 Желанный, страшный в грозной страсти
 Грех!

(Перевод Н. Асанова)

Это стихотворение из сборника «Зів'яле листя», Львов, 1896. 1896.

Лысенко М. В. (1842—1912) (стр. 51) — украинский композитор, классик украинской музыки.

РАЗНЫЕ СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

К БИОГРАФИИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Впервые заметка была опубликована в журнале «Правда», 1891, кн. 3, стр. 179 — 181, за подписью «Захар Козуб».

З. Н-ский (стр. 55) — Недоборовский З. Ф., винницкий знакомый М. Коцюбинского, член винницкой дворянской опеки, библиофил.

Костомаров Н. И. (1817—1885) (стр. 55) — историк, украинско-русский поэт и беллетрист буржуазно-либерального направления.

Белозерский В. М. (1825—1899) (стр. 55) — ученик киевской тайной организации «Кирилло-мефодиевское братство», редактор журнала «Основа».

М. Симонов (Номис) (1823—1900) (стр. 55) — украинский этнограф.

Кухаренко Я. Г. (1800—1862) (стр. 55) — украинский писатель.

Семен Артемовский (Гулак-Артемовский) (1813—1873) (стр. 55) — певец, автор оперы «Запорожец за Дунаем».

Речь, напечатанная в «Основе» (стр. 55). — В № 10 «Основы» за 1862 г. была напечатана заметка «Панихида по Я. Г. Кухаренке в С.-Петербурге».

Новопетровское (стр. 56) — укрепление на полуострове Мангышлак, где Шевченко провел последние годы ссылки.

«Букварь» (стр. 56) — «Букварь южнорусский, составил Тарас Шевченко», издан в Петербурге с датой 1861 г.

Лазаревский Михаил (1818—1867) (стр. 57) — ближайший приятель Шевченко, которому поэт подарил свой Дневник.

МОГИЛА ШЕВЧЕНКО

Впервые напечатано в детском журнале «Дзвінок», 1891, № 5. *«А я так мало, небогато благов...»* (стр. 59) — А я так мало, так немного просил... (Из стихотворения Шевченко «Не молилась мать за сына...»)

«Щоб лани широкополі» (стр. 60) — Чтоб поля широкие... (Из стихотворения Шевченко «Завещание».)

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ВОЛЫНЬ»

Работая в газете «Волынь» в конце 1897 — начале 1898 г., М. Коцюбинский выступил с рядом статей, которые печатались в газете под общим заглавием «Свет и тени русской жизни». Статьи дают много ценного материала для характеристики журналистской деятельности писателя и его общественно-политических взглядов; при чтении этих статей надо иметь в виду цензурные условия, в которых М. Коцюбинский не мог полностью высказывать свои мысли. Особенное возмущение у Коцюбинского вызывала культивируемая самодержавием отсталость народных масс. Этой теме посвящена первая статья. О работе Коцюбинского в газете «Волынь» см. также письма к жене, писанные в декабре 1897 г. и январе и в феврале 1898 г.

«СВЕТ И ТЕНИ РУССКОЙ ЖИЗНИ»

I

Напечатано в газете «Волынь», № 229, 11 декабря 1897 г. за подписью М. К.

O tempora, o mores! (лат.) (стр. 64) — О времена, о нравы!

II

Напечатано в газете «Волянь», № 230, 12 декабря 1897 г. без подписи.

III

Напечатано в газете «Волянь», № 234, 17 декабря 1897 г. за подписью М. К. Приведа статью либерального журналиста, Коцюбинский подчеркивает недопустимость методов насильственного «просвещения» национальных меньшинств, проводимого самодержавием.

IV

Напечатано в газете «Волянь», № 238, 21 декабря 1897 г. за подписью М. К.

V

Напечатано в газете «Волянь», № 240, 24 декабря 1897 г. без подписи.

VI

Напечатано в газете «Волянь», № 3, январь 1898 г. за подписью М. К.

Жмудины (стр. 82) — старое название части литовской народности.

Toutes proportions gardées (франц.) (стр. 84) — принимая во внимание все особенности.

VII

Напечатано в газете «Волянь», № 7, 10 января 1898 г. за подписью М. К.

Князь Мещерский В. П. (стр. 88) — редактор и издатель реакционной петербургской газеты «Гражданин».

VIII. ВРЕМЕНА НЕ ТЕ

Напечатано в газете «Волянь», № 15, 20 января 1898 г. без подписи.

IX. ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО

Напечатано в газете «Волянь». № 17, 22 января 1898 г. без подписи.

X

Напечатано в газете «Волянь», № 21, 27 января 1898 г. без подписи.

Et tutti quanti (итал.) (стр. 97) — и им подобных.

XI

Напечатано в газете «Волянь», № 32, 10 февраля 1898 г. без подписи.

XII

Напечатано в газете «Волянь», № 51, 5 марта 1898 г. без подписи.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Некоторые письма даны в сокращении: опущены места, не представляющие общественного и литературного интереса.

ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО

Коцюбинский познакомился с Владимиром Галактионовичем Короленко в 1903 г. в Полтаве, на открытии памятника И. П. Котляревскому.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 111)

Материал для биографии Гл. Ив. Успенского. — Черниговская архивная комиссия при активном участии Коцюбинского собрала большой материал для биографии Глеба Успенского (особенно черниговского периода его жизни). Короленко заинтересовался этим материалом и 5/X 1903 г. писал об этом Коцюбинскому. Материалы к биографии Глеба Успенского были напечатаны в «Трудах» Черниговской архивной комиссии за 1904 г.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 112)

Коцюбинский пишет жене В. Г. Короленко, отвечая на ее письмо, в котором она просила помочь полтавскому кружку организовать народную библиотеку-читальню им. Гоголя. М. Коцюбинский помог библиотеке книгами и получил от комитета Полтавской общественной библиотеки благодарность; письмо написано на украинском языке за подписью В. Г. Короленко.

Дорогой для меня подарок — три тома произведений В. Короленко с автографом, хранятся в личной библиотеке М. Коцюбинского в Черниговском музее.

ПИСЬМО № 3

(Стр. 113)

Ответ на письмо В. Короленко от 23/ХІІ 1903 г., в котором он обращается к Коцюбинскому от имени редакции ж-ла «Русское богатство» и сообщает, что охотно принял бы рассказ «На камне», но как будто где-то видел перевод этого рассказа: «...мне кажется, что я видел его в фельетонах «Русских ведомостей», а это нам неудобно, потому что читатели «Вед.» и «Р. бог.», по крайней мере значительная их часть,— одни и те же. Вы, как автор, вероятно, можете разрешить мои сомнения».

В письме от 8/ІІІ 1904 г. Короленко просит М. Коцюбинского сообщить переводчику рассказа «На камне», что рассказ уже набран и появится в мартовской книге «Русского богатства». Рассказ был напечатан в этом номере.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 113)

Несколько рекомендательных строк к Горькому. — Короленко отвечал Коцюбинскому (письмо от 15/ІV 1909 г.): «Вы уж слишком плохого мнения о моей памяти. Нашу встречу я отлично помню, не говоря об остальном. Охотно посылаю несколько строк Алексею Максимовичу Пешкову, хотя думаю, что в них особой нужды нет и что Вы легко свели бы знакомство и без моей рекомендации». В письме к М. Горькому Короленко писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

По старой памяти позволяю себе рекомендовать Вашему доброму вниманию Михайла Михайловича Коцюбинского, талантливого украинского писателя и моего знакомого. По состоянию здоровья ему также придется жить на Капри, и он просит меня облегчить ему знакомство с Вами.

При этом случае шлю Вам привет и пожелания всего хорошего.

Вл. Короленко».

ПИСЬМО № 5.

(Стр. 114)

«*З глубини*» — сборник рассказов М. Коцюбинского «Из глубины», вышел в издательстве «Молодая муза» во Львове в 1909 г.

ПИСЬМА ИВАНУ ФРАНКО

ПИСЬМО № 1

(Стр. 115)

Письмо сохранилось не полностью. Верхняя часть письма отрезана вместе с текстом и датой.

Антонович Дмитрий. — С Антоновичем М. Коцюбинский некоторое время работал в филлоксерной комиссии.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 115)

Левицкий — очевидно, имеется в виду Иван Семенович Нечуй-Левицкий (1838—1918), известный украинский писатель.

Автобиография пойдет в сборнике. — Имеется в виду сборник рассказов И. Франко «В поті чола».

Рассказ Потапенко — переведенный Коцюбинским, был издан во Львове в 1895 г. отдельной книгой.

«*Люди и собаки*» — этюд из восточной жизни русского писателя Н. Вагнера (1829—1907).

ПИСЬМО № 3

(Стр. 117)

«*Епархияльные ведомости*» — церковная газета, упоминается в первом письме.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 118)

Собираясь издавать альманах «З потдку життя», М. Коцюбинский и М. Чернявский разослали такое обращение многим украинским писателям.

ПИСЬМО № 5

(Стр. 119)

Для нашего альманаха.— Для альманаха «З потоку життя» И. Франко прислал стихотворение «Стрелы».

ПИСЬМО № 6

(Стр. 119)

Присланные стихи — стихотворение «Стрелы».

ПИСЬМА М. Ф. КОМАРОВУ

Комаров Михаил Федорович (1844—1913) — либерально-буржуазный украинский деятель, работал в области этнографии, библиографии, истории литературы и критики.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 123)

Для «Запомоги».— Для сборника, составляемого М. Комаровым, М. Коцюбинский написал рассказ «Пятизлотник». Так как сборник был запрещен цензурой, М. Коцюбинский, по совету М. Комарова, обратился в редакцию ж-ла «Зоря», где рассказ и был впервые опубликован (1892, № 23).

Боржовский Валериан (1864—1919) — украинский этнограф, землемер, статистик. М. Коцюбинский учился вместе с ним в Шаргородской бурсе, потом работал в филлоксерной комиссии в Бессарабии.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 124)

Симиренко В. Ф. (ум. 1915 г.) — украинский капиталист.

ПИСЬМО № 3

(Стр. 125)

Особые причины.— О напряженной и утомительной работе в филлоксерной комиссии и тяжелом материальном положении Коцюбинский часто писал в своих письмах. Ссылаясь на «особые причины», Коцюбинский намекал на свое разочарование теорией «малых дел».

ПИСЬМО № 4

(Стр. 126)

Волошин Александр Федорович — составлял тогда сборник фольклорных песен, который вышел в Одессе в 1896 г. под названием «Збірничок українських пісень, упорядкував Александр Хведорович».

Ишинецкий Гавриил Самойлович — старший исследователь Одесской филлоксерной комиссии, потом Крымского филлоксерного комитета, один из сослуживцев Коцюбинского.

Меннониты — религиозная секта, члены которой работали в Крымском филлоксерном комитете.

ПИСЬМО № 5

(Стр. 126)

«*Шляхта*» — комедия Г. Еремеева. М. Коцюбинский послал ее в июне 1896 г. редактору ж-ла «Зоря» В. Лукину с просьбой напечатать ее, но, не получив от него своевременно ответа, обратился к Комарову.

Кропивницкий Марк Лукич (1840—1910) — известный украинский драматург, актер и режиссер.

Карпенко-Карый Иван Карпович (Тобилевич) (1845—1907) — выдающийся украинский драматург и актер.

Словарь, над которым работал М. Комаров, вышел во Львове под названием «М. Уманец і А. Спілка, Російсько-український словарь», тт. 1—4, 1895—1900.

ПИСЬМО № 6

(Стр. 128)

Крымский А. — украинский писатель, ученый-ориенталист, действительный член Академии наук УССР.

Лукич В. — псевдоним Владимира Левицкого, редактора ж-ла «Зоря», с которым М. Коцюбинский вел оживленную переписку в 90-х годах.

Тимченко Е. (1867—1948) — языковед. Коцюбинский имеет в виду составленный им «Русско-малороссийский словарь», тт. 1—2, Киев, 1898—1899.

ПИСЬМО № 9

(Стр. 130)

Посылка — пьеса Еремеева «Шляхта», которую М. Комаров возвратил М. Коцюбинскому.

«*Для общего блага*» — рассказ М. Коцюбинского «Для загального добра», был напечатан в альманахе «Хвиля за хвилею» («Волна за волной»), вышедшем в 1900 г. в Чернигове. Отдельное издание вышло во Львове еще в 1896 г.

Чикаленко Е. Х. — помещик, националист, издатель либеральной газеты «Рада». Пытался сблизить Коцюбинского с буржуазно-националистическими кругами. Коцюбинский вывел в рассказе «Лошади не виноваты» Чикаленко и ему подобных представителей украинского либерального дворянства в образе помещика Малыны.

ПИСЬМО № 10

(Стр. 131)

«*Дорогой ценою*» — напечатано в ж-ле «Киевская старина», 1902, № 1; в том же году рассказ вышел отдельным оттиском.

Большой том. — I том «Рассказов» («Оповідань», изд. «Вік», 1903, 431 стр.) содержит не 14, а 13 рассказов. Рассказ «Хо» был снят цензурой.

ПИСЬМА ПАНАСУ МИРНОМУ

Мирный Панас (псевдоним Афанасия Яковлевича Рудченко) (1849—1920) — выдающийся украинский писатель-демократ, классик украинской литературы.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 133)

Тронули меня до слез.— Прочитав «Харитю», П. Мирный 3 мая 1898 г. написал М. Коцюбинскому восторженное письмо, в котором писал, что и народный язык повести, и яркий рисунок, и глубина в раскрытии темы говорят о том, что повесть мог написать только подлинный художник.

«Морозенко». — 31 мая 1898 г. Мирный подарил М. Коцюбинскому эту свою книгу.

Мне нетрудно будет перечислить все мои труды.— П. Мирный просил М. Коцюбинского сообщить, где были напечатаны его произведения, писал, что хотел бы знать его творческие планы (письмо от 3 мая 1898 г.).

ПИСЬМО № 3

(Стр. 136)

Гринченко Б. Д. — см. примечания к письмам к Б. Д. Гринченко.

Альманах — «Хвиля за хвилею» («Волна за волной»), вышел в 1900 г. в Чернигове.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 136)

Сказка ваша.— В письме от 31 июля 1899 г. П. Мирный предложил для альманаха свою «Сказку о правде и кривде».

ПИСЬМО № 6

(Стр. 138)

Альманах памяти Гоголя.— Пинас Мирный предложил (письмо от 12 марта 1902 г.) Коцюбинскому участвовать в этом альманахе.

ПИСЬМО № 7

(Стр. 140)

Присланный материал.— Для сборника «3 потоку життя» П. Мирный прислал любовные стихи, которые М. Коцюбинскому не понравились (см. письмо М. Коцюбинского В. Гнатюку от 24/І 1904 г.).

Говорилось в письме — в обращении к украинским писателям, в котором М. Коцюбинский требовал расширить тематику украинской литературы за счет включения в сферу наблюдений писателя жизни всех слоев общества (см. письмо № 4 И. Франко). П. Мирный понял это как отказ от произведений из жизни крестьянства, о чем и писал М. Коцюбинскому в письме от 30 марта 1903 г.

ПИСЬМО № 8

(Стр. 141)

Вспоминаю Полтаву.— В Полтаве в 1903 г. на торжественном открытии памятника Котляревскому Коцюбинский встретился с Мирным.

ПИСЬМА К Б. Д. ГРИНЧЕНКО

Гринченко Борис Дмитриевич (1863—1910) — украинский писатель либерально-народнического, буржуазно-националистического направления, этнограф, лингвист, составитель и редактор четырехтомного «Словаря украинского языка».

В 90-е годы, когда Коцюбинский познакомился с Гринченко, представители младшего поколения украинских демократических писателей вступают в борьбу с либеральным народничеством, нашедшим свое наиболее яркое выражение в произведениях Гринченко

Гринченко пытается привлечь на свою сторону талантливую молодежь, в том числе и Коцюбинского. Хотя последний и печатается в изданиях Гринченко, но между писателями ведется скрытая идейная борьба, и Гринченко начинает относиться к Коцюбинскому враждебно. В истории взаимоотношений Коцюбинского с Гринченко отразился процесс расслоения украинской интеллигенции, завершившийся в период подготовки первой русской революции.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 143)

Дайте в цензуру.— В августе 1894 г. Петербургский цензурный комитет разрешил к печати книгу Коцюбинского для детей, в которую вошли рассказы «Харитя», «Елочка», «Маленький грешник». Книга была издана Гринченко в Чернигове в 1895 г.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 144)

Василий Трофимович — Андриевский, черниговец. Работал вместе с Коцюбинским на филлоксере в Бессарабии.

ПИСЬМО № 3

(Стр. 145)

Посылка — книги, о которых говорится в письме от 21/VIII 1894 г.

«Шляхта» — см. примечание к письму № 5 Комарову.

«Пятизлотник».— Гринченко издал этот рассказ Коцюбинского в Чернигове в 1895 г. за № 5 в серии своих изданий для народа.

ПИСЬМО № 5

(Стр. 148)

«Живі струни» — песенник, изданный Гринченко в Чернигове (1895, № 4).

«Солнечный луч» — повесть Б. Гринченко.

Боровик Виталий Гаврилович — работал помощником эксперта в филлоксерной комиссии. Один из основателей либерально-народнического общества «Братство тарасівців», с которым был некоторое время связан Коцюбинский, впоследствии решительно порвавший с «Братством».

Две мои книжки — «Пятизлотник», рассказ (Чернигов, 1895), «Харитя» и другие рассказы (Чернигов, 1895).

ПИСЬМО № 6

(Стр. 150)

Думы. — Вероятно, речь идет о книге «Думи кобзарські», (издание Гринченко № 20).

Рассказ из жизни молдаван — «Пе-коптьор».

Конкурс — объявлен редакцией ж-ла «Зоря».

«Для общего блага». — Рассказ вышел отдельной книгой во Львове в 1896 г.

Панькивский — один из редакторов ж-ла «Зоря».

Сивеньский — украинский поэт В. Самийленко (1864—1925).

ПИСЬМО № 8

(Стр. 152)

Спасибо... за книгу. — Коцюбинский благодарил Гринченко, повидимому, за его повесть «Під тихими вербами».

ПИСЬМА В. М. ГНАТЮКУ

Гнатюк Владимир Михайлович (1871—1926) — украинский ученый, секретарь Научного общества им. Шевченко во Львове, секретарь издательства «Українсько-руська видавнича спілка»; впоследствии был избран действительным членом Академии наук Украинской ССР.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 154)

Оба Ваши письма получили. — В первом письме от 30/X 1897 г. В. Гнатюк обращается к М. Коцюбинскому от имени юбилейного комитета с просьбой прислать произведение для альманаха, который будет издан к 25-летию юбилею И. Франко. Во втором письме, от 31/XII 1898 г., В. Гнатюк просит Коцюбинского прислать произведения, которые могли бы составить том до 10 печатных листов, для издания их в только что созданном издательском товариществе «Українсько-руська видавнича спілка» во Львове. В письме от 20/IV 1899 г., отвечая на письмо Коцюбинского, В. Гнатюк подробно информирует от имени издательства «Видавнича спілка» об условиях издания.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 155)

«*Refusé*» — отказано. Такую надпись делала цензура на книгах, которые прибывали из-за границы, отсылая их назад.

Киев. Ун... (стр. 195) — Киевский университет.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 157)

Заглавие «В сетях шайтана» («В путях шайтана»). — В. Гнатюк предложил назвать сборник по первому рассказу «В сетях шайтана», а кроме этого рассказа поместить еще «На веру» и «Пятизлотник», если же количество листов будет недостаточным, то и «Цеповяз» (письмо от 16/XI 1899 г.). Сборник вышел в 1899 г.

«Гамлет» Шекспира и «Народность» Каутского. — В письме от 16/XI 1899 г. В. Гнатюк просил сообщить, нужно ли высылать издания «Спілки» «Общественные промышленники» («Громадські промисловці») Ковалева, «Гамлет» Шекспира (в переводе Кулиша), первый выпуск новой серии «Народность и ее начала» Каутского.

Ковалев Степан (1848—1920) — галицко-украинский писатель, автор «Галицкой Калифорнии», рассказов из жизни рабочих на нефтяных промыслах в Бориславе.

ПИСЬМО № 5

(Стр. 158)

Авторские экземпляры «В сетях шайтана».— Книги высылались вместо гонорара.

ПИСЬМО № 7

(Стр. 159)

Другая повесть того же автора.— Отвечая 1/V 1900 г. на письмо М. Коцюбинского, В. Гнатюк пишет, что ему хотелось бы, чтобы «Видавнича спілка» издала все произведения Панаса Мирного, в том числе и «Пропащая сила». В. Гнатюк считал нужным также открыть псевдоним, напечатать фотографию и биографию писателя и просил Коцюбинского посоветоваться об этом с Мирным.

ПИСЬМО № 10

(Стр. 161)

Беднарский К. — директор типографии «Научного общества им. Шевченко».

ПИСЬМО № 12

(Стр. 163)

«Превосходительные».— В царской России почту имели право получать из-за границы без просмотра цензуры лица в генеральских чинах. В письме от 18/VIII 1900 г., отвечая на просьбу Коцюбинского выслать сборник «В сетях шайтана», В. Гнатюк писал, что если есть в Чернигове какое-нибудь «превосходительство», то книгу можно выслать на его адрес.

Популярные брошюры.— В письме от 18/VIII 1900 г. В. Гнатюк просит М. Коцюбинского принять участие в начатом издательством «Видавнича спілка» издании научно-популярных брошюр и брошюр для молодежи.

Предисловие.— Речь идет об обещании И. Франко написать предисловие к сборнику рассказов М. Коцюбинского.

ПИСЬМО № 13

(Стр. 165)

«По-человечески» («По-людському»). — В письме от 14/XI 1900 г. В. Гнатюк сообщил, что высылает Коцюбинскому три печатных листа этого сборника, а остальные обещает выслать в дальнейших посылках.

Биография Гарибальди.— В письме от 6/X 1900 г. В. Гнатюк ответил: «Джуз. Гарібальді — присылайте». Коцюбинский биографию Гарибальди не написал.

Есть ли надежда скоро получить предисловие.— В письме В. Коцюбинской от 17/I 1901 г. В. Гнатюк писал, что Франко не сможет скоро написать предисловие.

ПИСЬМО № 15

(Стр. 167)

Должен был приготовить новеллу. — Коцюбинский писал рассказ «Куколка».

Не имеет возможности читать даже «Вісник». — «Літературно-науковий вісник» доходил в Россию с различными препятствиями, а потом совсем был запрещен и не попадал в Россию до конца 1906 г.

ПИСЬМО № 16

(Стр. 168)

Мне хотелось, чтобы «Спілка» издала последние два томика.— В письме от 12/VI 1902 г. В. Гнатюк извещает, что «Спілка» постановила печатать III том произведений М. Коцюбинского, и хотя издательство сейчас находится в тяжелом положении, он приложит все усилия для того, чтобы сборник осенью был напечатан.

Заметка о моем творчестве.— В. Гнатюк ответил, что рецензии на произведения Коцюбинского в ж-ле «Літературно-науковий вісник» не было, а было упоминание в статье Франко «Из последних десятилетий XIX в.» («Из останніх десятиліть XIX в.») (письмо от 12/VI 1902 г.).

ПИСЬМО № 17

(Стр. 169)

Письма пропадают. — В. Гнатюк писал, что в России письма распечатываются или вовсе не вручаются адресатам.

Дам в «Вісник» один из новых рассказов. — В. Гнатюк запросил Коцюбинского, согласился ли бы он выслать для ж-ла «Літературно-науковий вісник» новый рассказ. Коцюбинский послал акварель «На камне», которая была напечатана в ЛНВ, кн. XI.

ПИСЬМО № 19

(Стр. 171)

Ставропигия. — Ставропигийское братство во Львове — культурно-просветительное братство, существовавшее с XVI века, имело свою школу, типографию, больницу и т. п.

Рыльский Ф. (1840—1902) — активный участник либерально-народнического движения на Украине, этнограф, отец советского поэта М. Ф. Рыльского.

ПИСЬМО № 20

(Стр. 172)

Почему перестали высылать мне корректуру? — В. Гнатюк объясняет, что задержка с изданием книги произошла из-за его болезни и отъезда для лечения на остров Корфу.

ПИСЬМО № 21

(Стр. 172)

Доманицкий Василий (1877—1910) — украинский историк, автор статей по истории украинской литературы, редактор первого полного издания «Кобзаря» Шевченко. В. Доманицкий жил тогда на острове Корфу в одном доме с Гнатюком.

ПИСЬМО № 22

(Стр. 173)

Юбилейный номер «Свободы». — В. Гнатюк писал Коцюбинскому, что украинская газета в Америке «Свобода» готовится отметить свой юбилей, и просил Коцюбинского прислать что-нибудь для

юбилейного номера, а также обратиться с аналогичными просьбами к Мирному и Коваленко. Коцюбинский послал «Облака», Мирный — стихотворение «Нет, не года нам так страшны». Оба произведения были напечатаны в юбилейном номере газеты.

Мой альманах. — Речь идет об альманахе «З потоку життя», изданном М. Коцюбинским и М. Чернявским в 1905 г.

«*Fata morgana*», часть I, была напечатана в «Киевской старине» (1904, кн. III).

Левицкий (один и другой). — Очевидно, имеются в виду украинские писатели Иван Нечуй-Левицкий и Модест Левицкий.

Не приехали в Полтаву — на открытие памятника Котляревскому.

I том рассказов. — Киев, изд. «Вік», 1903, 431 стр.

ПИСЬМО № 26

(Стр. 178)

«*На камне*». — Рассказ был напечатан в третьем сборнике произведений М. Коцюбинского, который вышел во Львове в 1903 г. под названием «Поединок». Рассказ «В грешный мир» был напечатан в альманахе «За красою», изданном в честь Ольги Кобылянской (Черновцы, 1905 г.).

ПИСЬМО № 27

(Стр. 180)

Луцкий Остап — галицко-украинский поэт-декадент, один из организаторов декадентского кружка «Молодая муза».

Альманах выйде... в первых числах декабря. — Альманах вышел не в декабре 1904 г., а в 1905 г.

ПИСЬМО № 28

(Стр. 181)

«*В грешный мир*» — вышел во Львове, в издательстве «Видавнича спілка» в 1905 г. В сборнике помещен портрет автора.

ПИСЬМО № 30

(Стр. 183)

Печальное известие.— У В. Гнатюка умер ребенок.

ПИСЬМО № 31

(Стр. 183)

Как моя книга — о IV томе своих рассказов, вышедшем в издательстве «Видавнича спілка».

Horoschowski — Горошовский Вильгельм, переводчик Коцюбинского на немецкий язык. В 1909 г. в Вене вышел сборник произведений Коцюбинского в переводе Горошовского «*Pro bono publico Novellen*» («Новеллы для избранных»).

Наша фотография.— Во Львове Коцюбинский сфотографировался с В. Гнатюком и И. Франко.

ПИСЬМО № 32

(Стр. 184)

Представляю себе Вас в Криворивне — село в Карпатах, где часто отдыхали Коцюбинский, Франко, Гнатюк и др.

Коломийка — западноукраинская народная песня.

Под дулами казачьих ружей.— В Чернигове в 1905 г. в городском театре во время спектакля среди публики появились революционные прокламации. Казаки, вызванные полицеймейстером, выпускали публику из театра только после обыска и проверки документов (Из устных воспоминаний А. И. Аплаксиной. Сборник III. «М. Коцюбинський і Західна Україна», 1943).

После вулкана.— Осматривая Везувий во время извержения, Коцюбинский едва не погиб, провалившись в горячий пепел около кратера.

Шухевич Владимир (1859—1915) — украинский этнограф, автор многотомной работы «Гуцульщина». Заметка, о которой вспоми-

нает Коцюбинский, — это полемический ответ Шухевича критику. Против непринципиального тона этого ответа резко выступил И. Франко (ст. «Кое-что о нашей прессе», ЛНВ, 1905, кн. 8).

ПИСЬМО № 33

(Стр. 187)

Должен платить в банк — проценты по займу под залог дома. *Комиссия Кобеко*. — Возглавляемая сенатором Кобеко комиссия рассматривала дело об отмене указа 1876 г. о запрещении печатания книг на украинском языке.

Левицкий Орест — украинский историк и беллетрист, писал преимущественно на исторические темы, которые освещал в буржуазно-националистическом духе.

ПИСЬМО № 34

(Стр. 188)

Д. Ц. — дозволено цензурою.

«Хлібороб». — Пять номеров газеты сохранилось в библиотеке М. Коцюбинского.

Мочульский М. М. — галицко-украинский писатель, литературовед, работал над монографией о Коцюбинском.

О. Борачек — священник с. Яйковцы.

ПИСЬМО № 35

(Стр. 190)

«Рідний край» и *«Шершень»*. — В библиотеке М. Коцюбинского сохранились шесть номеров буржуазно-националистического журнала «Рідний край», издававшегося в Полтаве Оленой Пчилкой, и шесть — сатирического журнала «Шершень», выходившего в Киеве в годы первой русской революции.

ПИСЬМО № 36

(Стр. 192)

№№ 97 и 121, 122. — Речь идет об отдельных изданиях Гринченко.

ПИСЬМО № 37

(Стр. 193)

С Вами в горы.— В письме от 23/III 1906 г. В. Гнатюк приглашал М. Коцюбинского с семьей в Криворивню.

Огромное удовольствие доставила мне редакция «Л.-Н. В.»— В. Гнатюк сообщил, что редакция постановила платить Коцюбинскому гонорар, что раньше не практиковалось (письмо от 23/III 1906 г.).

Обращение в № 55 «Гром. думки».— В редакционной статье газеты «Громадська думка» указывалось, что язык галицких писателей-публицистов непонятен крестьянству и интеллигенции Надднепрянской Украины и поэтому читатель не читает газету. После такого выступления галичане отказались от сотрудничества в газете. Об этом и известил В. Гнатюк М. Коцюбинского в письме от 23/III 1906 г.

ПИСЬМО № 38

(Стр. 194)

Хоткевич Г.— украинский писатель-декадент. Летом 1906 г. жил в Криворивне.

Ездил на Волинь.— Коцюбинский гостил у своего брата в г. Остроге на Волини и посетил с ним Острожский, Изъяславский и Кременецкий уезды.

Получите новеллку.— Коцюбинский имеет в виду рассказ «Он идет».

ПИСЬМО № 39

(Стр. 196)

Жук — см. примечания к письмам Жуку.

ПИСЬМО № 40

(Стр. 196)

Опечалили сообщением о делах.— В письме от 9/X 1907 г. В. Гнатюк писал, что придется, видимо, ликвидировать издательство «Видавнича спілка», а может быть «Літературно-науковий вісник» ввиду плохой подписки на них и малого распространения.

Мой набросок — «Он идет», был напечатан в 1906 г. ЛНВ, кн. XI, стр. 170—178.

ПИСЬМО № 41

(Стр. 197)

Гол, как сокол.— В письме от 8/І н. ст. 1907 г. В. Гнатюк сообщил, что Коцюбинскому причитается определенная сумма гонорара за рассказ «Он идет», и спрашивал, что делать с деньгами.

Статья — статья Л. Старицкой-Черняховской, буржуазно-националистической писательницы, «М. М. Коцюбинский», была напечатана в «Киевской старине», 1906, кн. IX, X. Гнатюк нашел статью скучной, длинной и ошибочной в ряде определений и оценок.

Автор «Шляхты».— В Письме от 8/І н. ст. 1907 г. В. Гнатюк спрашивал, кто автор «Шляхты». Пьеса Еремеева «Шляхта» была напечатана отдельной книгой в Чернигове.

ПИСЬМО № 42

(Стр. 199)

II книга.— В письме от 7/II 1907 г. В. Гнатюк просил М. Коцюбинского прислать что-нибудь новое для II книги ЛНВ.

Пишу рассказ для сборника.— В литературном сборнике «З неволі» (Вологда — Петербург, 1908) помещен рассказ М. Коцюбинского «Persona grata».

Снесся с Лепким.— В письме от 7/II 1907 г. В. Гнатюк писал М. Коцюбинскому, что Лепкий перевел рассказы Коцюбинского на польский язык и что можно обратиться к нему с просьбой выслать экземпляр книги.

ПИСЬМО № 43

(Стр. 199)

История с обращением.— В письме от 22/III 1907 г., написанном в санатории в Алланде, В. Гнатюк рассказывает, что четыре обращения черниговского общества «Просвіты», адресованных ему, Франко, Научному обществу им. Шевченко и издательству «Видавничя спілка», получил директор типографии Беднарский. Обращения не были соответственно оплачены. Увидев, что они одного содержания, Беднарский оставил одно, а остальные возвратил и уведомил об этом адресатов.

ПИСЬМО № 44

(Стр. 201)

Славута.— Летом 1907 г. М. Коцюбинский гостил у брата Фомы Михайловича в Славуте. Письмо, написанное оттуда, до Гнатюка не дошло.

ПИСЬМО № 45

(Стр. 202)

Ваше сообщение.— В письме от 25/IV 1908 г. Гнатюк сообщил Коцюбинскому о тяжелом заболевании И. Франко. Той же датой помечено подписанное В. Козловским и В. Гнатюком обращение, в котором они от имени Научного общества им. Шевченко просят Коцюбинского заняться сбором денег для Франко и его семьи.

ПИСЬМО № 46

(Стр. 204)

Чикаленко — см. примечание к письму № 9 Комарову. М. Коцюбинский принял приглашение гостить в его имении в с. Кононовке, Драбовского района, только тогда, когда узнал, что Чикаленко выезжает на Херсонщину.

Большая неприятность.— Речь идет об исключении М. Коцюбинского из «Просвіты».

ПИСЬМО № 47

(Стр. 204)

Начинаю думать о Криворивне.— В письме от 1/IX-13/IX н. ст. 1908 г. Гнатюк приглашал М. Коцюбинского в Криворивню, уверяя его, что это будет полезно и для его здоровья и для творчества.

Полухулиганский съезд— XIV археологический съезд, посвященный 1000-летию Чернигова, состоялся в Чернигове 5 августа 1908 г. Съезд, использованный черносотенцами в своих политических целях, приветствовала черниговская «Просвіта». М. Коцюбинский публично выступил против этого погромнического съезда.

Губернатор незаконно исключил меня.— Выступление М. Коцюбинского вызвало возмущение черниговского губернатора и националистов из черниговской «Просвіты». 17 сентября 1908 г. совет «Просвіты» известил Коцюбинского, что по указанию губернатора, Коцюбинский и его жена исключены из членов общества.

ПИСЬМО № 49

(Стр. 207)

«Дебют».— Рассказ был напечатан в 1909 г. в VIII книге ЛНВ.
«Молода муза».— Издательство это напечатало сборник рассказов Коцюбинского «З глубини» (Львов, 1909 г.).

ПИСЬМО № 50

(Стр. 208)

Пишу Луцкому, чтобы выслал сюда мою книгу — «Из глубины».

ПИСЬМО № 51

(Стр. 209)

Добрые пожелания.— Гнатюк пожелал Коцюбинскому собрать материал для будущего произведения.

Горький... благодарил за книги.— В письме от 21/VI 1909 г. В. Гнатюк писал, что выслал М. Горькому 11 томов «Этнографічного збірника» и две книги М. Горького, выпущенные издательством «Видавнича спілка»,— «На дні життя» [«На дне»] и «Мальва та інші оповідання».

История с Винниченко.— Украинский писатель, националист, В. Винниченко напечатал в газете «Рада» открытое письмо Горькому. В этом письме он осуждал действия издательства «Знання», которое подготовило к печати сборник его рассказов в русском переводе, заплатило гонорар, но не напечатало рассказ. Письмо Винниченко очень взволновало Горького, однако решения не печатать произведений Винниченко в редактированных им сборниках он не изменил, а свое отношение в целом к писателю сформулировал так: «...мне, пожалуйста, отныне не присылайте писаний Винниченко, я знаю литературу этого направления, и она меня не интересует»

(письмо к В. С. Миролубову — М. Горький, «Литературный архив», том I, стр. 340).

Роздольский Осип — этнограф, член Научного общества имени Шевченко.

ПИСЬМО № 52

(Стр. 210)

«Музисты» — члены львовской литературной декадентской группировки «Молода муза».

Iensen — см. примечание к письму № 1 переписки с Горьким.

Михайло Михайлович — Мочульский.

ПИСЬМО № 53

(Стр. 211)

Оба сборника. — В письме от 18/XII 1909 г. В. Гнатюк обещал выслать «Гаївки» (песни в весенних хороводных играх) и сообщил, что выслал Коцюбинскому XXV том «Этнографического сборника».

Сборник, изданный в Лейпциге. — Речь идет об изданной Гнатюком книге о правах украинского крестьянства.

Материалы для своей работы. — В. Гнатюк уговаривал Коцюбинского написать о гуцулах (письмо от 18/XII 1909 г.).

ПИСЬМО № 54

(Стр. 214)

Для русского издания. — М. Коцюбинский редактировал I том своих произведений, вышедших на русском языке в Петербурге в 1911 г. в издательстве «Знание».

4 тома «Гуцульщины». — Работа Шухевича, которая вышла в «Материалах до українсько-руської етнології», издания этнографической комиссии, тт. II-V.

Федькович Юрий (1834—1888) — известный украинский писатель, певец Буковины.

ПИСЬМО № 57

(Стр. 217)

Пишу рассказ... о Карпатах — «Тели забытых предков». Напечатан в I и II кн. ЛНВ за 1912 г.

ПИСЬМО № 59

(Стр. 220)

Послал в Радугу. — Речь идет о рассказе «Письмо».

Большой ежемесичник — журнал «Заветы».

Этнографическая программа — книга Джона Гама «Фольклор в этнологии».

ПИСЬМО № 63

(Стр. 225)

«Синяя книжечка» — книга рассказов В. Стефаника (синяя книжечка — паспорт).

Другая пропала — «Этнографический сборник», том XXX.

ПИСЬМО № 64

(Стр. 225)

Сел я на «юнгера» — на извозчика.

Крипякевич И. (род. 1886 г.) — украинский историк.

Для сборника, посвященного Франко. — Коцюбинский ничего не успел написать.

ПИСЬМО № 65

(Стр. 227)

Не обращайтесь внимание на всякое свинство — ответ на письмо от 30/IX 1912 г., в котором В. Гнатюк высказывает свое возмущение отношением к нему М. Грушевского.

Обещанная книга — очередной том «Этнографического сборника».

Вовк еще ничего мне не прислал. — Вовк должен был передать М. Коцюбинскому посланную Гнатюком книгу о нравах украинского крестьянства.

ПИСЬМА В. С. СТЕФАНИКУ

(Стр. 229)

Стефаник Василь Семенович (1871—1936) — известный украинский писатель демократического направления, автор рассказов из крестьянской жизни.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 229)

Письмо от 13/VI с. г.— В упомянутом письме В. Стефаник пишет, что не мог ничего прислать для альманаха из-за своей болезни, а Мартович — вследствие чрезмерной работы в адвокатской канцелярии.

Мартович Лесь (Алексей) Семенович (1871—1916) — украинский писатель демократического направления. Известен своими сатирическими и юмористическими рассказами.

«*Синяя книжечка*» — новеллы В. Стефаника, изданные в Черновцах в 1899 г.

Интересуют меня также произведения Мартовича.— В библиотеке Коцюбинского хранятся сборники Л. Мартовича: «Не-читальник», где и помещена «Мужицька смерть» (Львов, 1900 г.), «Стрибожий дарунок» («Подарок Стрибога») (Львов, 1905 г.) и рассказ «Війт» («Староста»), изданный отдельной брошюрой.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 230)

Желание подарить мне Ваши новеллы — ответ на письмо, в котором В. Стефаник пишет, что хотел бы послать Коцюбинскому еще два сборника своих новелл — «Камінний хрест» и «Дорога» (эти сборники есть в библиотеке М. Коцюбинского), но не знает, как это сделать. В этом же письме Стефаник пишет: «Ваши произведения читаю с удовольствием, и они мне наиболее нравятся из всех нынешних наших».

ПИСЬМО № 3

(Стр. 230)

Наша встреча в Полтаве.— Со Стефаником М. Коцюбинский виделся в Полтаве на открытии памятника Котляревскому (1903 г.).

ПИСЬМО № 4

(Стр. 231)

Альтенберг Петер (1859—1919) — австрийский писатель-декадент.

Подумываю захватить в Вену.— В Вене М. Коцюбинский виделся с В. Стефаником.

Бачинский Лев (1872—1930) — адвокат, один из руководителей мелкобуржуазной радикальной партии в Галиции, близкий знакомый В. Стефаника.

ПИСЬМА О. Ю. КОБЫЛЯНСКОЙ

Кобылянская Ольга Юлиановна (1863—1942) — известная украинская писательница демократического направления, особенно известна ее повесть «Земля» из жизни буковинского села.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 233)

Не разрешите ли Вы заменить кое-что. — В письме от 29/X 1902 г. О. Ю. Кобылянская дает разрешение Коцюбинскому исправлять язык рассказа «Битва».

«Здесь должны розы стоять».— «Тут повинні рожі стояти» оставьте у себя»,— отвечала О. Кобылянская 29/X 1902 г. Рукопись осталась у Коцюбинского и хранится в архиве Черниговского музея М. М. Коцюбинского.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 234)

Позволю себе еще раз побеспокоить Вас.— Речь идет, видимо, об известном обращении к украинским писателям с просьбой принять участие в альманахе «3 потоку життя» (см. письмо № 4 к Ив. Франко).

В письме 9/VII 1903 г. О. Кобылянская предложила М. Коцюбинскому для альманаха свои уже напечатанные произведения — очерки «Через море» или «На полях», но, получив ответ, в котором Коцюбинский просил выслать новые произведения, послала неопубликованный очерк.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 235)

Очень хотел заехать в Черновцы. — Коцюбинский сообщил О. Кобылянской, что собирается в Черновцы. Эта открытка, на которую отвечает О. Кобылянская 16/V 1905 г., не сохранилась.

ПИСЬМА И. С. НЕЧУЮ-ЛЕВИЦКОМУ

Нечуй-Левицкий Иван Семенович (1838—1918) — известный украинский писатель-реалист буржуазно-либерального направления.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 237)

Ad patres (лат.) — к праотцам.

ПИСЬМО № 7

(Стр. 240)

Кривое зеркало — «Криве дзеркало української мови» (языка) (Киев, 1912 г.) — брошюра Нечуя-Левицкого, в которой автор выступает против введения в украинский литературный язык галицких форм и правописания. Как на пример такой «порчи украинского языка» Н.-Левицкий ссылается на альманах «Дубове листя».

ПИСЬМА М. Ф. ЧЕРНЯВСКОМУ

Чернявский Микола Федорович (род. 1868—?) — украинский писатель, близкий к националистическому и декадентскому лагерю.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 242)

Наш альманах — альманах «3 потоку життя», который М. Коцюбинский издавал вместе с М. Чернявским.

Вичане — сотрудники издательства «Вік».

«*Vae Victis*» — рассказ М. Чернявского, напечатанный в ж-ле «Киевская старина», 1905, апрель.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 244)

Мы теперь бастуем. — Статистическое бюро бастовало в знак протеста против увольнения с работы сотрудника, принимавшего участие в революции 1905 г.

ПИСЬМО № 3

(Стр. 244)

Чер-вич — очевидно, Черлючакевич — земский статистик, участник революционного движения в Чернигове.

ПИСЬМА А. А. ДУЛЯКУ

Дуляк Андрей Андреевич — крестьянин с. Лопатинцы, Ямпольского уезда, с которым М. Коцюбинский познакомился во время пребывания в этом селе (с сентября 1891 г. по осень 1892 г.). М. Коцюбинский учил Дуляка собирать фольклорные материалы. Свыше 100 записанных Дуляком народных песен Коцюбинский передал Б. Гринченко, который напечатал их в своих сборниках народного творчества.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 247)

Ездил около трех месяцев. — На самом деле Коцюбинский путешествовал полтора месяца.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 248)

Вы прибавили мне лишних 15 лет. — В письме от 27.XII 1910 г. Дуляк поздравлял Коцюбинского с шестидесятилетием. В одном из календарей того времени дата рождения Коцюбинского была помечена 1846 г.

Напечатал летом в киевском журнале — ЛНВ, 1910, кн. VI и VII.

Понравилась ли (Фата моргана)? — В письме от 26.III 1912 г. Дуляк написал, что «Fata morgana» ему очень понравилась.

Через Рахны. — Коцюбинский проезжал во время поездки на о. Капри в мае 1910 г. ст. Рахны около Жмеринки.

ПИСЬМА М. И. ЖУКУ

Жук Михайло Иванович (род. 1883 г.) — писатель и художник, черниговский приятель Коцюбинского. Известны два портрета Коцюбинского работы М. И. Жука. Сейчас живет и работает в Одессе.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 250)

Dolce far niente (итал.) — сладостное отдохновение.

Афронт Леонтовича. — Леонтович — украинский националист, отрицательно оценил рисунки М. Жука, отказался помочь художнику продать их и написал, что оставляет за собою один рисунок, из цены которого заплатит долг Жука за краски, так как он поручился за этот долг.

Как там октябрист? — Очевидно, речь идет о сыне М. Жука.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 252)

«Тени забытых предков» — сборник рассказов Коцюбинского «Тіні забутих предків», вышел в 1913 г. в издании «Видавничка спілка» (Киев — Львов)

ПИСЬМА М. М. МОГИЛЯНСКОМУ

Могилянский Михайло Михайлович (1873—1944) — переводчик произведений М. Коцюбинского, публицист, критик. Переписка Коцюбинского с Могилянским представляет большой литературный интерес. Написав в молодости несколько брошюр в духе легального марксизма, Могилянский в 1906 году примкнул к кадетской партии и работал в кадетской газете «Речь». В. И. Ленин неоднократно резко выступал против реакционной позиции Могилянского по украинскому вопросу (см. работы В. И. Ленина «Кадеты об украинском вопросе», «Кадеты и „право народов на самоопределение”» и др.).

ПИСЬМО № 1

(Стр. 253)

«Смех» и «В дороге» — рассказы Коцюбинского в переводе М. Могилянского, были напечатаны в ж-ле «Жизнь для всех», 1910, кн. V.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 254)

Что касается темы... — М. Могилянский предлагал Коцюбинскому тему: человек тоскует по далекой родине, и эту тоску не могут развеять ни впечатления от окружающей природы, ни счастливая любовь.

ПИСЬМО № 3

(Стр. 255)

Готовые переводы. — В «Русском богатстве» были напечатаны рассказы Коцюбинского «На камне» (1904, кн. III), «Яблони цветут» (1904, кн. VII), «Он идет» (1907, кн. I); в «Русской мысли» — «В цепях шайтана» (1906, кн. XI); в «Жизни» — «Для общего блага» (1899, кн. XII); в «Южных записках» — «Посол черного царя» (1904, № 46).

ПИСЬМО № 5

(Стр. 258)

Злополучная овчарка.— В «Intermezzo» Коцюбинский назвал злую овчарку Треповым — фамилией петербургского генерал-губернатора, сыгравшего большую роль в подавлении первой русской революции. Боясь, что цензура задержит книгу, Могилянский советовал дать овчарке другое имя.

ПИСЬМО № 6

(Стр. 258)

Листы книги.— Речь идет о первом томе «Рассказов» М. Коцюбинского, который вышел в 1911 г. в издательстве «Знание».

ПИСЬМО № 7

(Стр. 260)

«На веру».— Могилянский советовал вместо рассказа «Дорогой ценой» дать рассказ «На веру».

Содержание второго тома.— Могилянский уверял Коцюбинского, что цензура не пропустит рассказ «Persona grata». Видимо, поэтому Коцюбинский исключил его из второго списка.

Боголюбов С. П. — заведующий конторой «Знания».

«Вестник народных университетов» — номер, посвященный Л. Толстому в связи с его смертью.

ПИСЬМО № 8

(Стр. 261)

Дата.— Могилянский просил разрешение поставить даты написания произведений, чтобы можно было судить о росте таланта писателя.

Оставим, «сударь мой»... и т. д. — Коцюбинский отвечает на замечания Могилянского к исправлениям, сделанным Коцюбинским в переводе «Fata morgana».

«В сетях шайтана».— Рассказ напечатан в «Русской мысли», 1906, кн. XI («В путях шайтана»).

«Звезда».— В № 1 за 1911 г. большевистской газеты «Звезда» была напечатана такая заметка: «В книгоиздательстве «Знание»

только что вышел первый том рассказов М. Коцюбинского, обращающий на себя внимание своей свежестью и несомненным дарованием автора.

ПИСЬМО № 10

(Стр. 264)

Пусть идет «На веру».— Могилянский настаивал на помещении повести «На веру».

«Речь».— Имеется в виду номер газеты, в котором помещена рецензия на I том.

ПИСЬМО № 11

(Стр. 265)

В издании (петербургском) моих рассказов.— Коцюбинский имеет в виду книгу рассказов «Дебют», в которую вошел рассказ «Неизвестный» (Спб. — Львов, «Видавнича спілка», 1911).

ПИСЬМО № 12

(Стр. 266)

Не пришлось... по вкусу русскому читателю.— Коцюбинский еще не знал о громадном успехе I тома у русского читателя. 900 экземпляров книги были быстро распроданы, вскоре появились положительные рецензии.

ПИСЬМО № 13

(Стр. 267)

Свой последний рассказ — «Что записано в книгу жизни».

ПИСЬМО № 15

(Стр. 269)

Рецензия на II том моих рассказов — напечатана в ж-ле «Современник», 1912, № 1.

ПИСЬМА П. Г. ТЫЧИНЕ

П. Тычина познакомился с Коцюбинским в 1910 г. в Чернигове. Молодой поэт посещал литературные «субботы» Коцюбинского. Стихотворение Тычины «Вы знаете, как липа шелестит» Коцюбинский передал в «ЛНВ», где оно и было напечатано (1912, № 1). О встречах с Коцюбинским Тычина написал стихи: «Первое знакомство» и «На субботах М. Коцюбинского».

ПИСЬМА ЖЕНЕ

С Верой Иустиновной Дейша М. Коцюбинский познакомился в декабре 1894 г. или в январе 1895 г. в Чернигове. 24 января 1896 г. они поженились и жили в Виннице. В 1897 г. переехали в Чернигов. Частые отъезды Коцюбинского вызвали оживленную переписку. Мы даем крымские, житомирские письма Коцюбинского жене, письмо из Кононовки и письма из-за границы.

Письма жене в количестве 309 хранятся в Черниговском музее М. Коцюбинского.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 272)

Вернулся от Кузьмы-Демьяна. — Монастырь около Алушты.
Путеводитель. — Речь идет о «Путеводителе по Крыму» Москвича. Книга хранится в библиотеке Коцюбинского.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 274)

Лиза — Елизавета Максимовна Новоселова, приятельница Веры Иустиновны, фельдшерница.

Гостиник — послушник, прислуживающий в монастырской гостинице.

ПИСЬМО № 3

(Стр. 277)

Бонза. — Бонзой Коцюбинский называл сотрудника филлоксерного комитета А. Сиземского.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 279)

Виталий — Боровик Виталий Гаврилович, работал помощником эксперта в филлоксерной комиссии, где и познакомился с Коцюбинским.

Пани Олена — жена В. Г. Боровика.

ПИСЬМО № 5

(Стр. 284)

Барвинчуки. — Барвинский Александр (1847—1927), редактор ж-ла «Правда», газеты «Діло», стоял во главе буржуазно-националистического течения «народовцев» в Галиции. Барвинчуки — партия Барвинского.

Романчук Юлиан (1842—1932) — учитель гимназии, один из организаторов общества «Просвіта», «народовец», сторонник так называемой «новой эры» — соглашательской политики украинских буржуазных партий в Галиции с польскими правящими кругами.

Вахнянин Анатолий (1841—1908) — писатель, общественный деятель, один из активных участников буржуазно-националистической партии А. Барвинского.

«*Не тот стал*» («Не той став») — повесть И. С. Нечуя-Левицкого.

«*Бобо*» — повесть Мирона Кордубы. Печаталась в ж-ле «Зоря» за 1896 г.

Руданский Степан Васильевич (1833—1873) — украинский поэт.

Кравченко Ульяна — малоизвестная украинская поэтесса.

ПИСЬМО № 6

(Стр. 289)

Коген — издатель газеты «Волянь».

ПИСЬМО № 7

(Стр. 291)

Фидлер — редактор той же газеты. Коцюбинский часто называет его в письмах «Эф».

Дал для завтрашнего номера статью. — 11.XII 1897 г. в газете «Волянь» была напечатана статья М. Коцюбинского о необходи-

мости развлечений для народа и т. д. (см. первую статью из газеты «Волянь»).

Кравченко В. Г. — малонизвестный украинский писатель, этнограф.

ПИСЬМО № 8

(Стр. 292)

«Генерал». — Генералом Коцюбинский называет Б. Гринченко. *Я снова дал статью*. — 12.XII 1897 г. в № 230 газеты «Волянь» была напечатана статья (II) М. Коцюбинского про случай из практики адвоката Плевако.

ПИСЬМО № 9

(Стр. 293)

«Свет и тени» вышли у меня «инородческие». — 17.XII 1897 г. в № 234 газеты «Волянь» была напечатана статья (III) М. Коцюбинского об отношении к народам разных национальностей в царской России.

Леня и Фома — братья М. Коцюбинского.

ПИСЬМО № 10

(Стр. 294)

В тихім повітрячкѣ чистого лескоті — см. перевод этого стихотворения в Приложении к I тому нашего издания.

ПИСЬМО № 11

(Стр. 296)

Мачет — жил в это время в Житомире.

ПИСЬМО № 14

(Стр. 299)

О штунде и сектанстве — см. VII статью из газеты «Волянь».

Львович Игнат — товарищ Коцюбинского по Шаргородской бурсе, изредка переписывался с Коцюбинским.

Лидя — Лидия Михайловна, сестра Коцюбинского, которая вела хозяйство в доме Коцюбинского.

ПИСЬМО № 15

(Стр. 300)

Мордовец — Мордовцев Д. Л. (1830—1905), русско-украинский писатель-беллетрист, публицист, историк либерального направления. Речь идет о статье «Русский язык в Галиции».

ПИСЬМО № 18

(Стр. 304)

Ездил в Лубенский уезд на ярмарку.— Поездка эта описана в рассказе «Поездка в Криницу».

ПИСЬМО № 19

(Стр. 305)

Persona grata (лат.) — уважаемая особа.

ПИСЬМО № 26

(Стр. 313)

Новая Мессина — см. рассказ Коцюбинского «Хвала жизни».

ПИСЬМО № 27

(Стр. 316)

Веселый водевиль — очевидно, пьеса Горького «Чудаки».

ПИСЬМО № 28

(Стр. 317)

Серошевский В. Л. (1880—?) — русский писатель, писал повести из жизни якутов, переводил с польского языка.

ПИСЬМО № 30

(Стр. 319)

Ганейзер Евгений — московский журналист, критик.
Добровольский Е. П. — статистик черниговского статбюро.

ПИСЬМО № 31

(Стр. 321)

«Первая ласточка» («Перша ластівка») — херсонский альманах молодых украинских писателей.

ПИСЬМО № 32

(Стр. 322)

«Пасха» — «Кровь». Так сперва назывался рассказ «Письмо» (закончен 16.XII 1911 г.).

ПИСЬМО № 34

(Стр. 326)

Тема рассказа простая. — Имеется в виду рассказ Коцюбинского «Подарок на именины».

ПИСЬМО № 37

(Стр. 330)

Третий рассказ — написанный на острове Капри «Лошади не виноваты».

ПИСЬМО Г. А. МАЧТЕТУ

(Стр. 332)

Мачтет Григорий Александрович (1852—1901) — русский писатель народнического направления. Был в ссылке в Сибири. С Коцюбинским познакомился в 1898 г. в Житомире, куда приехал после ссылки. Писал рассказы из украинской жизни.

Увидеться... на съезде — на археологическом съезде, состоявшемся в Киеве в 1899 г.

Самойленко (Самийленко) В. И. (1864—1925) — украинский поэт либерального направления.

900 руб. жалования. — Имеется в виду годовой оклад.

ПИСЬМО М. П. СТАРИЦКОМУ

(Стр. 333)

Старицкий Михаил Петрович (1840—1904) — украинский поэт, драматург, переводчик с русского, писатель, примыкавший к демократическому направлению украинской литературы.

Нам нужен для сборника.— Старицкий обещал дать для альманаха («З потоку життя») историческую повесть, но обещания не выполнил из-за тяжелой болезни.

«Нова рада».— Старицкий задумал издавать ежегодно альманах и обратился с просьбой ко многим украинским писателям принять участие в альманахе.

На очереди работа для двух альманахов.— М. Коцюбинский занимался составлением альманаха «З потоку життя» и обязался послать что-нибудь в одесский альманах «З над хмар і долин», который вышел в 1903 г. В альманах «З над хмар і долин» («От туч и долин») Коцюбинский дал новеллу «На камне».

ПИСЬМО Л. С. МАРТОВИЧУ

(Стр. 334)

См. примечания к письмам В. С. Стефануку.

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «КИЕВСКОЙ ГАЗЕТЫ»

(Стр. 334)

М. Коцюбинский неоднократно поднимал вопрос о распространении на Надднепрянской Украине западноукраинских изданий, популяризировал их в своих статьях.

ПИСЬМО ПОЛТАВСКОЙ ДУМЕ

(Стр. 335)

Общественность г. Чернигова в 1903 г. послала Коцюбинского в Полтаву на празднование столетнего юбилея новой украинской литературы и открытие памятника И. Котляревскому.

Коцюбинский от имени Черниговского музыкально-драматического общества написал это приветствие Полтавской думе и зачитал его на празднике.

После Коцюбинского выступил городской голова и заявил, что не разрешается читать приветствия на украинском языке. Заявление городского головы вызвало возмущение присутствующих.

ПИСЬМО М. В. ЛЫСЕНКО

(Стр. 336)

Лысенко Микола Витальевич (1842—1912) — выдающийся украинский композитор.

Других писем Коцюбинского к М. В. Лысенко не найдено, но по сохранившимся письмам Лысенко к Коцюбинскому можно заключить, что Коцюбинский систематически переписывался с Лысенко и был с ним в близких дружеских отношениях.

ПИСЬМО М. К. ЗАНЬКОВЕЦКОЙ

(Стр. 337)

Заньковецкая Мария Константиновна (1860—1934) — выдающаяся украинская артистка.

Черниговское общество «Просвіта» приветствовало М. Заньковецкую в связи с 25-летним юбилеем ее сценической деятельности.

Приветствие составлено, повидимому, Коцюбинским.

ПИСЬМО И. Я. ГИНЦБУРГУ

(Стр. 337)

Гинцбург Илья Яковлевич (1850—1940) — известный русский скульптор, академик скульптуры.

Статуэтка А. М. Горького, о которой идет речь, подарена И. Я. Гинцбургом Черниговскому музею М. Коцюбинского.

Надеюсь, наша встреча на Капри не была последней. — Больше встретиться им не пришлось. И. Я. Гинцбург впоследствии создал скульптурный бюст писателя, который установлен у входа в Черниговский музей в 1939 г.

ПИСЬМО В КОМИТЕТ ПО СООРУЖЕНИЮ ПАМЯТНИКА Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(Стр. 338)

Коцюбинский был на первых двух заседаниях Комитета (первое в 1910 г., второе в 1911 г.). На третьем заседании, состояв-

шемся в декабре 1912 г., Коцюбинский уже не смог присутствовать по болезни.

ПИСЬМО К М. К. ИОРДАНСКОЙ

(Стр. 338)

Иорданская Мария Карловна и ее муж М. И. Иорданский (1870—1939) редактировали либеральный литературный журнал «Современный мир».

Константин Петрович — Пятницкий.

Фотографическая карточка. — Горький прислал свое фото с автографом: «Михаилу Михайловичу Коцюбинскому с крепким чувством любви и уважения».

ПЕРЕПИСКА С А. М. ГОРЬКИМ

Переписка Коцюбинского с Алексеем Максимовичем Горьким свидетельствует о тесной дружбе, единстве общественно-политических и литературно-эстетических взглядов великого русского пролетарского и великого украинского революционно-демократического писателей.

О Горьком и Капри см. письма к жене (июнь 1909 г., июнь 1910 г., ноябрь — декабрь 1911 г. и июнь 1912 г.).

Первое письмо Коцюбинского к Горькому хранится в архиве А. М. Горького, остальные — в Черниговском музее М. М. Коцюбинского.

ПИСЬМО № 1

(Стр. 341)

Мария Федоровна Андреева — вторая жена А. М. Горького.

Евгения Федоровна — сестра Марии Федоровны.

Иенсен Альфред — шведский ученый, славист, познакомился с М. Коцюбинским в 1909 г. в Чернигове. Иенсен перевел на шведский язык рассказы М. Коцюбинского «На веру» и «Дорогой ценою» и издал их со своим предисловием в Стокгольме в 1909 г.

ПИСЬМО № 2

(Стр. 342)

Не собрался ответить. — До сих пор известно только одно письмо М. Коцюбинского, написанное до 28/IX 1909 г.

Пятницкий Константин Петрович (1864—1938) — писатель, один

из организаторов и руководителей издательского товарищества «Знание».

«Знание» — издательское товарищество, основано в 1898 г. Товарищество объединяло демократических писателей России. С 1900 г. во главе издательства стоял А. М. Горький. По инициативе А. М. Горького «Знание» издало два тома произведений М. М. Коцюбинского в переводах на русский язык.

Влад. Галак. — Владимир Галактионович Короленко. М. Коцюбинский приехал на Капри к А. М. Горькому с рекомендательным письмом от В. Г. Короленко.

ПИСЬМО № 3

(Стр. 343)

«Лето» — повесть А. М. Горького.

«Уездный город». — Имеется в виду повесть А. М. Горького «Жизнь Матвея Кожемякина».

Клоустон В. — «Народні казки та вигадки, як вони блукають та перевертаються, з додатками й увагами переложив з англійської мови А. Кримський», «Літ.-наукова бібліотека», кн. 6, Львов, 1896.

ПИСЬМО № 4

(Стр. 344)

Оксана — дочь М. Коцюбинского.

Константин Петрович — Пятницкий.

ПИСЬМО № 5

(Стр. 346)

Прилагаемое письмо. — Речь идет о письме Васина, который просил издательство «Знание» поручить ему перевод на русский язык произведений М. М. Коцюбинского.

ПИСЬМО № 6

(Стр. 346)

Могиланский — см. примечания к письмам Могиланскому М. Коцюбинского.

Юрий Андреевич Желябужский — сын М. Ф. Андреевой.

ПИСЬМО № 7

(Стр. 347)

Зина — Зиновий Алексеевич Пешков, приемный сын А. М. Горького.

ПИСЬМО № 8

(Стр. 348)

«*Чудаки*» — пьеса А. М. Горького.

«*Городок*» — повесть А. М. Горького «Городок Окуров».

Сургучев И. Д. и *Шмелев* И. С. — писатели, печатавшиеся в сборниках «Знание»

Чириков Е. (1864—1932) — один из писателей, группированных вокруг товарищества «Знание»

ПИСЬМО № 9

(Стр. 349)

«*Васса Железнова*» — пьеса М. Горького.

ПИСЬМО № 10

(Стр. 350)

Книжку вашу прочитал. — Речь идет о книге М. Коцюбинского «*Рассказы*», т. I, перевод с украинского, изд-во «Знание», СПБ, 1911.

ПИСЬМО № 12

(Стр. 352)

Подвел «Знание». — М. Коцюбинский лишь через некоторое время узнал, что 900 экземпляров книги быстро разошлось. Появились и благоприятные отзывы в прессе.

ПИСЬМО № 13

(Стр. 353).

83 статья. — В годы реакции 83-я статья давала широкие права администрации (запрещение собраний, административная высылка из местностей, объявленных на военном положении или на положении исключительном).

Bene, bene! (лат.) — Хорошо, хорошо!

ПИСЬМО № 14

(Стр. 354)

«Современник» — журнал либерального направления.

ПИСЬМО № 16

(Стр. 356)

Собираю материал — для повести «Тени забытых предков».
Гнатюк — см. примечания к письмам В. М. Гнатюку.

ПИСЬМО № 17

(Стр. 357)

А мы печатать... — А. М. Горький заранее условливался печатать повесть «Тени забытых предков» в ж-ле «Заветы».

ПИСЬМО № 18

(Стр. 358)

«*Гуцулы*». — Эта повесть называется «Тени забытых предков».

ПИСЬМО № 20

(Стр. 360)

«*Заветы*» — журнал эсеровского направления, выходивший с 1912 по 1914 г. А. М. Горький принимал участие в организации журнала, но скоро убедился, что ему не по дороге с эсеровскими редакторами журнала, и еще до выхода первого номера в свет порвал отношения с «Заветами».

«*Три дня*». — В библиотеке М. Коцюбинского сохраняется экземпляр повести М. Горького «Три дня» в издании Ладыжникова (Берлин, 1912) с автографом писателя: «Михаил Михайлович, очень рад я, что встретил Вас и полюбил славную Вашу душу».

ПИСЬМО № 22

(Стр. 362)

Сборник в честь Франко — «Привіт Іванові Франкові в сорокалітє його письменської праці. — 1874—1914» (книга вышла в 1916 г.). В сборнике напечатан рассказ М. Горького «Лука Чекин».

ПИСЬМО № 23

(Стр. 363)

Алексеич — Золотарев Алексей Алексеевич, малоизвестный русский писатель.

ПИСЬМО № 25

(Стр. 365)

Прекрасное место Вашего письма по поводу смерти Лысенко.— М. Коцюбинский послал письмо в редакцию ж-ла «Украинская жизнь». В январском номере журнала (1913 г.) в отделе «На Украине и вне ее» была напечатана заметка:

«М. Горький о Н. В. Лысенко. Украинский писатель М. М. Коцюбинский получил с Капри от М. Горького письмо по поводу похорон Н. В. Лысенко. «Смерть Лысенка,— пишет М. Горький,— понимаю как огромную потерю, но, читая описание его похорон,— извините меня за странное, м. г., слово — ощущаю какую-то дрожь радости в сердце: как любит народ своего человека! Как глубоко поучительна эта печальная, но такая могучая, прекрасная церемония проводов отслужившего своему делу человека и как ясно чувствуешь, что народ понял величие его труда! Прекрасна и смерть, когда она влечет за собою такое возбуждение жизни, такой пламенный расцвет чувства любви и почтение к ушедшему».

ПИСЬМО № 26

(Стр. 366)

Оба издания — «Московского книгоиздательства писателей» и берлинское — Ладыжникова, 1912 г. Второе хранится в библиотеке М. М. Коцюбинского с автографом М. Горького: «С уважением и любовью сердечной...»

Vie majeure (франц.). — веселая жизнь.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Автобиографические письма. <i>Перевод И. Дорбы</i>	7
--	---

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Иван Франко (Заметка) ¹	19
Лирика Филянского. <i>Перевод И. Дорбы</i>	30
Иван Франко (Реферат). <i>Перевод А. Дейча</i>	33

РАЗНЫЕ СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

К биографии Тараса Шевченко. <i>Перевод И. Дорбы</i>	55
Могила Шевченко.	58
Статьи из газеты «Волянь»	62

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Письма к В. Г. Короленко	111
Письма Ивану Франко. <i>Перевод И. Дорбы</i>	115
Письма М. Ф. Комарову. »	123
Письма Панасу Мирному. »	133
Письма к Б. Д. Гринченко. »	143
Письма В. М. Гнатюку. »	154
Письма В. С. Стефануку. »	229
Письма О. Ю. Кобылянской. »	233
Письма И. С. Нечую-Левицкому. <i>Перевод Т. Белогорской</i>	236
Письма М. Ф. Чернявскому. »	242
Письма А. А. Дуляку. <i>Перевод И. Дорбы</i>	247

¹ Все произведения, где не указан переводчик, написаны М. Коцюбинским по-русски.

Письма М. И. Жуку. Перевод Т. Белогорской	250
Письма М. М. Могилянскому. Перевод Е. Егоровой	253
Письма П. Г. Тычине. Перевод И. Дорбы	270
Письма жене. Перевод Р. Скоморовского	272
Письма разным лицам	
Письмо Г. А. Мачтету	332
Письмо М. П. Старицкому. Перевод Т. Белогорской	333
Письмо Л. Мартовичу. Перевод И. Дорбы	334
Письмо редактору «Киевской газеты»	334
Письмо Полтавской думе. Перевод Т. Белогорской	335
Письмо М. В. Лысенко. »	336
Письмо М. К. Заньковецкой. »	337
Письмо И. Я. Гинцбургу	337
Письмо в Комитет по сооружению памятника Т. Г. Шев- ченко. Перевод Е. Егоровой	338
Письмо к М. К. Иорданской	338

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переписка с А. М. Горьким	341
М. Горький. М. М. Кюцюбинский (статья)	367
Примечания	374

Переплет и титул художника
И. Костылева

*

Редактор *Е. Цинговатова*.
Худож. редактор *Н. Мухин*.
Технический редактор *М. Позднякова*.
Корректор *Л. Петрова*.

*

Сдано в набор 10/II 1951 г.
Подписано к печати 15/V 1951 г.
А00292. Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32}$ = 6,75 бум. л.
22,14 печ. л. 19,8. уч.-изд. л.
Тираж 30 000. Цена 10 р. Зак. 105.

*

20-я типография
„Союзполиграфпрома“
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Москва, Ново-Алексеевская, 52

22

